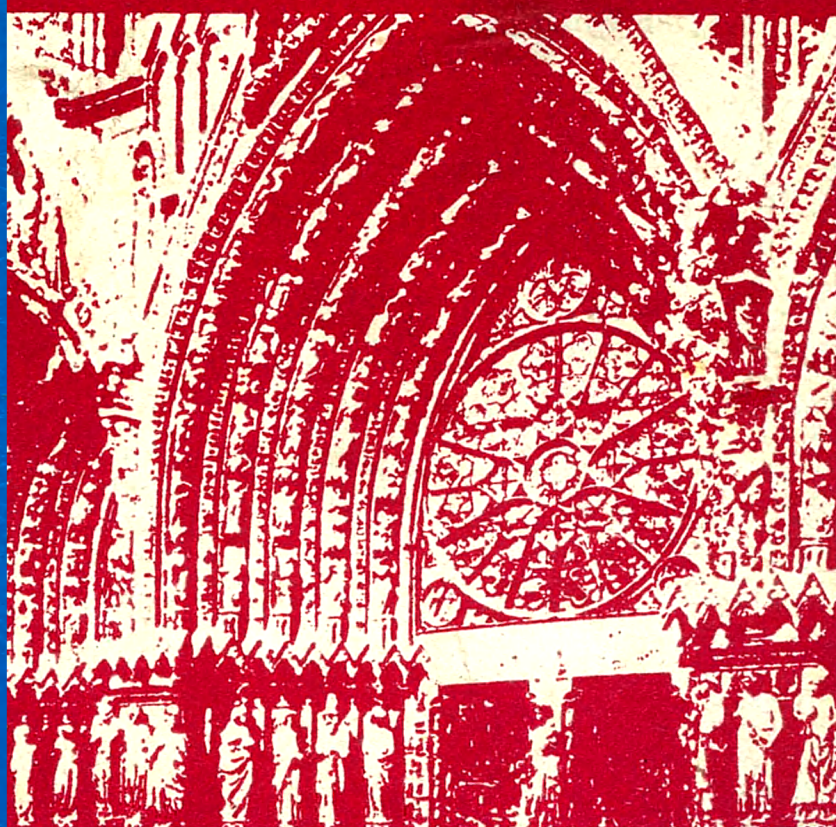

И.А.ДВОРЕЦКАЯ

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА V-IX ВЕКОВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР
ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. И. ЛЕНИНА

И. А. Дворецкая

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА V—IX ВЕКОВ.
РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Учебное пособие

Научный редактор д-р ист. наук А. Г. Кузьмин

Москва
Издательство «Прометей» МПГУ
им. В. И. Ленина
1990

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Московского педагогического государственного университета имени В. И. Ленина.

И. А. Дворецкая. Западная Европа V—IX веков. Раннее средневековье: Учебное пособие. — М.: Изд-во «Прометей» МПГУ имени В. И. Ленина, 1990, 323 с.

Учебное пособие по первой части общего курса истории средних веков содержит последовательное хронологическое изложение истории народов Западной Европы в период образования раннефеодальных государств. Показаны направления передвижения племен, расселение на завоеванной территории Римской империи, взаимоотношения с римским населением. Даны описания наиболее важных событий, исторические портреты предводителей-вождей, королей и князей. Приведены данные археологии о развитии материальной культуры, об особенностях агрикультуры, о роли скотоводства, о технике ремесленного производства. Большой конкретно-исторический материал относится к характеристике образа жизни, религиозных представлений, обычаев и нравов периода, известного в науке как наиболее «темного». В учебное пособие включен раздел о культуре раннего средневековья, раскрывается влияние античных традиций на культуру и образование, показано развитие общественно-политической мысли. Поставлены и разработаны теоретические вопросы об особенностях раннефеодального государства, о становлении новых социальных отношений. Раскрываются роль римской церкви в процессе феодализации и сложный характер нараставших социально-политических конфликтов.

Учебное пособие рассчитано на студентов вечернего отделения исторических факультетов и учителей средних школ.

Рецензенты:

Н. Ф. Колесницкий, доктор исторических наук
(МОПИ имени Н. К. Крупской);

Ю. И. Писарев, кандидат исторических наук
(МГПИ имени В. И. Ленина).

Учебное пособие подготовлено на кафедре истории древнего мира и средних веков.

Заказное издание

© Московский педагогический государственный университет
имени В. И. Ленина (МПГУ имени В. И. Ленина), 1990.

ВВЕДЕНИЕ

Переход от античности к средневековью совершался в ходе социальной революции. Ф. Энгельс, изучая последствия кризиса в Римской империи, писал: «...рабство сделалось экономически невозможным, труд свободных морально презирался. Первое уже не могло, второй еще не мог сделаться основной формой общественного производства. Вывести из этого положения могла только коренная революция»¹. Эта социальная революция привела к уничтожению античной экономической структуры, основанной на рабстве и господстве города над деревней, к разложению первобытнообщинного способа производства у народов варварской периферии и к перерождению их родовой общины в поземельную, соседскую с мелким самостоятельным крестьянским хозяйством. Дальнейшее развитие производительных сил и общественных отношений завершилось формированием крупной земельной собственности и возникновением класса зависимых крестьян.

Развитие производительных сил было обеспечено непосредственным трудом и хозяйственной инициативой свободного общинника, наделенного землей и заинтересованного в результатах своего труда. Но одновременно с укреплением мелкого крестьянского хозяйства складывалось крупное землевладение, втягивавшее в сферу производства различные слои зависимого и свободного населения как римского, так и германского происхождения. С. Д. Сказкин отмечал, что в пестром хаосе промежуточных форм возникала экономическая природа феодального строя — феодальная собственность и индивидуальный характер процесса производства². Со временем индивидуальный характер производства вступал в противоречие с феодальной собственностью, порождая противоречия между зависимыми и крепостными крестьянами, с одной стороны, и феодалами — с другой.

В большинстве областей Западной Европы эта социальная революция происходила в период так называемых варварских завоеваний. Элементы феодального уклада, возникавшие по мере разложения рабовладельческого способа производства, не могли свободно развиваться, пока надстройка в виде рабовладельческого государства и права старалась обеспечить устойчивость старого базиса. Ф. Энгельс особо выделял тот факт, что древний мир не знал уничтожения рабства победоносным восстанием³, поэтому разрешение основного противоречия античного общества совершается в большинстве случаев путем насильственного завоевания гибнущего общества

другими, более сильными. Однако определяющим был не сам факт завоевания, а дальнейшее развитие народов в их сложном взаимодействии: «Феодализм вовсе не был перенесен в готовом виде из Германии; его происхождение коренится в организации военного дела у варваров во время самого завоевания, и эта организация лишь после завоевания, — благодаря воздействию производительных сил, найденных в завоеванных странах, — развилась в настоящий феодализм»⁴.

В течение четырех столетий, с IV по VII вв., различные народы Европы, мигрируя из одной области в другую, ведя постоянные войны друг с другом и Римом, расселились на огромной территории Римской империи и за ее пределами, образуя новые этнические и политические объединения. Эти передвижения и завоевания разрушили не только фундамент Римской империи, но и саму основу родо-племенной организации варварских народов. Расслоение свободных, формирование военно-аристократической верхушки, землевладельческой знати, превращение свободных мелких землевладельцев в зависимых держателей, усиление судебной-административной власти германских военачальников — таковы результаты варварских завоеваний, обусловившие возникновение нового феодального общества и государства.

Оценка значения и последствий германских завоеваний стала предметом научных споров и острой политической полемики еще в XVIII в. А. Буленвилье выдвинул концепцию, согласно которой феодализм явился прямым результатом завоевания. Ему возражали Н. Фрерэ и Ж. Дюбо, считавшие Франкскую империю непосредственным продолжением Римской империи. Наиболее последовательно романистическая концепция представлена в трудах английского историка Ф. Сибоба и французского — Фюстель де Куланжа. Последний отрицал сам факт завоевания, а равно и значение германских элементов в общественном строе средневековой Европы. Германисты, наоборот, на первый план выдвигали германское влияние на становление феодальной системы. Английские историки Д. Фримен, Ф. Стэббс, Мэн создали теорию о свободной общине, привнесенной англосаксами. Представители немецкой исторической школы права (К. Ф. Эйхгорн, Г. Вайц, Ф. Дан, Г. Бруннер) объясняли образование феодального государства и права влиянием особого духа германских народов. В трудах А. Доппа и других историков-позитивистов XX в. предпринята попытка примирить диаметрально противоположные представления о роли римских и германских начал в формировании средневековой Европы. В древнегерманском общественном строе находили признаки развитого классового общества: частную собственность, господство аристократии, монархическую власть, воплощавшую идеи фюрерства. В то же время под влиянием марксизма усиливался ин-

интерес к социально-экономическим проблемам, к истории общины и свободного крестьянства. Однако феодализм рассматривался исключительно как политическая система вассально-ленных отношений, развившаяся в Каролингской империи и распространившаяся оттуда по всей Европе⁵. Ф. Ло, отрицая позитивное значение германских раннесредневековых государств, усматривал в них «отвратительный спектакль унии пороков империи с дикостью варварского мира»⁶.

Современная зарубежная историография противопоставляет диалектико-материалистической концепции смены общественно-экономических формаций теорию столкновения цивилизаций. В такого рода освещении средневековые предстает как начало и развитие христианской цивилизации. История раннесредневековых государств рассматривается вне связи с проблемой генезиса феодализма⁷. Суть социальных процессов видят главным образом в столкновении варварского мира с римской цивилизацией, а последствия вторжения на римскую территорию — в постепенном, почти незаметном вращении варваров в романизм⁸. Некоторые ученые считают, что споры германистов и романистов бесплодны, поэтому нет нужды даже ставить вопрос о происхождении феодализма⁹.

В ожесточенной полемике о роли германских и римских начал допускали произвольное толкование источников, тенденциозный подбор аргументов, преднамеренное искажение картины социального быта. Как правило, преобладал формально-юридический метод анализа документов.

Выделяется новое направление в историографии, соединяющее элементы концепции романизма и германизма. П. Рише усматривал продолжение римских порядков в агрикультуре и аграрных отношениях, а германские черты — в государственной структуре, называя эпоху варварских завоеваний «романо-варварской»¹⁰.

В XX в. усиливается научный интерес к социально-экономическим проблемам раннего средневековья. Такие «гиганты экономической истории», как Д. Луццатто и А. Пиренн, подчеркивали преемственность римских аграрных порядков, сохранение товарного производства вплоть до арабского (А. Пиренн) или лангобардского (Д. Луццатто) завоевания. Р. Лятуш считает «величайшей иллюзией» представлять средневековую экономику натуральной, ибо ее базисом являлось денежное хозяйство¹¹. П. Джонс считал концом раннего средневековья в Италии и началом экономического прогресса (с развитием торговли, военной колонизации, демографическим подъемом) — VII в.¹² Континуитет социальной системы он видел в «подворной системе», основанной на использовании труда рабов, колонов, свободных и вольноотпущенников. Дж. Вольпе проводил параллель между античной латифундией и средневековым поместьем, перенося правовой и социаль-

ный статус римских колонов на средневековых крестьян¹³. П. Джонс выделяет такие характерные социальные явления, как углубление имущественных и социальных различий в среде держателей, и в то же время сравнительно благоприятное положение низов сельского населения. Исследователь вскрывает феодальную сущность «подворной системы»: независимость крупных землевладельцев постепенно закреплялась новой формой связи, верностью. Таким образом, в концепции П. Джонса экономика и политическая система образуют единое целое — феодализм.

Широко обсуждается в немецкой и итальянской историографии проблема происхождения сеньориальной власти. Источники ее находят либо в функциях публичной власти, либо в праве верховной собственности на землю¹⁴. Рассматривая крупное земельное владение как инструмент осуществления власти, Д. Табакко ставит вопрос о необходимости изучения экономических и политических основ королевской власти, земельных патримоний короля, их административной структуры, материальной и религиозной жизни местного населения, политической деятельности королевского двора. Особое значение он придает проблеме использования фискального имущества, особенно лесов, исключительные права на лесные угодья гарантировали политическое преобладание в данной местности. Важную социально-политическую роль в решении проблемы отводят организации крупных монастырей (Д. Табакко, Г. Пенко, К. Фойгт, Г. Россетти, О. Бертолини) и развитию сеньориальной власти епископов, их административному влиянию в городах. Д. Фазоли считает актуальной задачей изучение автономии городов, значения аграрно-патримониальных и аграрно-административных институтов¹⁵. На основании данных топонимики она отвергает тезис об обезлюдении деревни и отстаивает континуитет античных центров со значительной плотностью населения. Обращает внимание на психологическое приспособление варваров к новым условиям жизни. Выравнивание положения римлян и варваров-завоевателей происходило, по ее мнению, через континуитет гражданской жизни, через усвоение латинского языка, римской культуры, ее традиций. Исследователей интересует человек раннего средневековья и условия его жизни, создаваемые окружающей средой. В. Фумагалли положил в основу объяснения социальных явлений раннего средневековья природные факторы¹⁶. Он детально изучает вопросы продуктивности земли, производительности труда, соотношения различных культур, освоения заболоченных мест и расчистки лесов.

Итак, под влиянием концепции континуитета эпоха поздней античности и раннего средневековья стала рассматриваться в едином эволюционном развитии экономики, завершившемся прогрессом агрикультуры.

Согласно «теории королевских свободных» отброшена традиционная схема социальной стратификации и сделан вывод о мобильности социального статуса в ходе поселения на королевских землях. Устанавливается прямая зависимость социального достоинства от условий выполнения личной службы. Эта концепция перемещает акцент с проблемы возникновения раннефеодальных классов и антагонистических противоречий на «политический динамизм», «социальное сосуществование», стимулирующее развитие социального организма.

«Теория королевских свободных» опровергается в исследованиях историков ГДР. Э. Мюллер-Мертенс показал социальное расслоение в среде свободных, дал новую интерпретацию понятия «свобода», которое отождествлялось с представлением о политическом равенстве перед королем всех, кто не был рабом. Происхождение феодальной зависимости он связывает с предоставлением земли военным колонистам на условии несения военной службы¹⁷. Э. Эпперлейн обратил внимание на появление социальных конфликтов в среде свободных колонистов, их зависимость от знатных. По-новому поставил проблему вольноотпущенничества, указав на тесную связь ее с проблемой возникновения феодализма¹⁸.

В центре изучения стоит история военной колонизации в варварскую эпоху (Д. П. Бонетти подчеркивал в политической организации германского войска непосредственное влияние романо-византийской модели благодаря тесным военно-политическим контактам федератов с Византией). О. Бертолини сосредоточил внимание на изучении социального аспекта военного устройства, в отличие от Д. П. Бонетти большее значение придает германским традициям военной организации (военная иерархия, организация подвижных военных отрядов)¹⁹. Итальянские историки В. Фумагалли и Д. Фазоли показали эволюцию крепостей как центров размещения военных гарнизонов, имея в виду не только военно-политическое значение крепостей, но и их социальную роль²⁰.

Концепцию аграрного континуитета отвергает П. Тубер, он выдвинул две особенности крупной земельной собственности в период раннего средневековья: дробность, разбросанность владений и обособленность господской части от земельных держаний. Этим он объяснял преобладающее использование труда рабов на господских дворах²¹. «Новым колонатом» он назвал переход рабов в разряд свободных держателей, отменяв при этом начало тяжелой крестьянской эксплуатации.

Большой интерес представляет фундаментальное исследование Ш. Ферлиндена о рабстве в средневековой Европе²², в котором показана эволюция рабства в средневековый серваж при переходе от рабовладельческого хозяйства к феодально-домениальному. Наблюдения историка о роли рабов и их месте в производстве важны для изучения влияния рабства

дельческого уклада, однако в целом проблема рабства не исчерпывает всей сложности вопроса о формировании новой зависимости. Эволюция рабства — только одна сторона процесса втягивания различных слоев свободного и зависимого населения в систему вотчинной эксплуатации.

Большой круг вопросов затрагивает проблема раннесредневекового города: преемственность римских традиций в сфере экономики, городской автономии, духовной и культурной жизни. По мнению К. Мора, демопсихологический феномен представляет слияние варваров с римлянами²³. Близость публично-правовой сущности древнегерманской организации и римского публичного права является обоснованием единства романского и внероманского мира в трудах М. Чиравенни и К. Мора. Идея всеобъемлющего влияния римской цивилизации на западноевропейскую настолько глубоко проникла в историко-философское осмысление эпохи средневековья, что некоторые историки говорят о «романизме» как исторической формации.

На фоне действия материальных и духовных факторов, формировавших новое общество, особое значение приобретает процесс этногенеза в Западной Европе. Многие историки вслед за Э. Сестаном считают этническим фундаментом романский элемент, который сам был продуктом политической, языковой и культурной унификации²⁴. Сохранение ряда сторон римской гражданской жизни, римских обычаев, политических институтов, латинского языка, влияние римского права, роль церкви в воздействии римского влияния — наиболее актуальные темы, разрабатываемые на Западе. Представители неороманистского направления считают одним из главных факторов исторического прогресса позитивное духовное влияние христианской церкви, благодаря которому осуществлялась романизация и преодолевалась примитивная сущность древнегерманского устройства. Сторонники неогерманизма отводят решающую роль в социально-политической структуре германских королевств аристократии и королевской власти, в них видится основа надклассовой сущности древнегерманской монархии.

Историки ГДР подвергли обоснованной критике внеклассовый подход к объяснению особенностей раннесредневековых государств. Выделив тенденцию к усилению королевской власти, находят корни ее в экономических интересах феодализирующихся слоев общества. Э. Мюллер-Мертенс, Й. Херрманн, В. Эггерт считают главной внутренней функцией королевской власти поддержание порядка, гарантирующего продолжение феодализации, а внешней — приобретение новых территорий для расширения экономической сферы влияния знати. Й. Херрман связывает возникновение антагонистических противоречий и классовой борьбы с процессом превращения ал-

лода в частную собственность по римскому образцу. Суть этой борьбы заключалась в том, что крестьяне защищали аллод как гарантию своего общественного положения, а феодализирующаяся верхушка стремилась превратить его в феодальную земельную собственность²⁵.

В последние десятилетия значительно увеличился удельный вес частных исследований по проблемам экономической, социально-политической и культурной истории раннего средневековья. Детально изучаются отдельные вопросы агрикультуры, ремесленной техники, эволюция функций должностных лиц, источники содержания королевского двора, маршруты движения королевской свиты, управление доменами, состав королевского имущества. Много локальных исследований по истории городских округов и отдельных городов, патримоний церкви, монастырей, по средневековой топографии, топонимике; воссоздаются картины интеллектуальной жизни. Накоплен большой фактический материал о состоянии экономики, торговли и монетного дела, о положении римлян и характере римского влияния, об эволюции политических институтов, об организации вотчинного хозяйства, о социально-правовом статусе зависимых слоев сельского населения. Тем не менее некоторые зарубежные историки в активном отрицании закономерности перехода от античности к средневековью смягчают или тщательно затушевывают социально-политические противоречия, признают равнозначность или преобладание духовных факторов над материальными, в модернизации исторических явлений переносят в раннее средневековье категории капиталистической экономики.

Проблема перехода от рабовладельческого общества к феодальному — одна из центральных в русской и советской средневековедении. В конце XIX — начале XX в. П. Г. Виноградов, М. М. Ковалевский, Д. М. Петрушевский развивали эволюционную концепцию феодализации общества, признавали прогрессивность и закономерность исторического движения к феодализму как римского, так и варварского мира. Проблему генезиса феодализма они решали с позиции синтеза римских и германских начал. П. Г. Виноградов считал, что в социальном плане феодализм развивался на римской основе колоната, а в политическом — на германском партикуляризме. Он правильно видел связь феодализма с условиями военного держания, подчеркивал специфику синтеза в регионах с различной степенью римского влияния. Однако, развивая эволюционный взгляд на исторический процесс, русские историки позитивистского направления признавали исключительно медленное перерождение римского общества и государства в феодальное путем постепенного восприятия варварских политических начал. П. Г. Виноградов, подвергнув резкой критике идеалистические концепции, указал на значение изучения со-

циально-экономических перемен в жизни общества²⁶. Но и здесь он стоял на признании эволюционного пути и «тождественности» многих явлений. Идеализируя обычное право, он старался доказать, что феодальное государство было надклассовым институтом и органом «примирения и порядка».

М. М. Ковалевский, близко подошедший к материалистическому пониманию истории, трактовал генезис феодализма как процесс медленных, внутренних, экономических перемен. Определяющей причиной исторического развития он считал частную собственность во всех ее проявлениях, хотя в конкретном исследовании проблемы показал значение общинной организации свободных производителей. М. М. Ковалевский написал ряд ценных работ по истории общины²⁷, делая акцент на процессе разложения общинного землевладения и индивидуализации земельной собственности, ее феодализации. Он высоко ценил К. Маурера за внимание к экономическому фактору истории и называл его «учителем подрастающих поколений экономистов-историков»²⁸.

Д. М. Петрушевский, как и П. Г. Виноградов, видел в генезисе феодализма закономерную стадию исторического развития, считая, что и римское, и германское общество пришли самостоятельно к одним и тем же результатам в силу процессов, происходивших внутри каждого из них. Д. М. Петрушевский оценивал эти процессы как медленную эволюцию, создававшую тождественную систему экономических и социальных отношений. По его мнению, перерождение римского общества и государства заключалось в постепенном восприятии варварских элементов. Согласно степени этого восприятия он выделил три варианта развития раннесредневекового общества и государства: романский (Италия), классический (Франция) и германский (Британия)²⁹. Отвергая революционный путь развития общества, Д. М. Петрушевский в 20-е гг. XX в. перешел на позиции допшианства и отказался от прежних взглядов на эволюцию древнегерманского общества. Он доказывал изначальное существование у германцев частной собственности и государства.

В целом русская школа медиевистики второй половины XIX — начала XX в. дала глубокую и всестороннюю критику идеалистических концепций, сторонники которых находили объяснение истоков феодализма в развитии политических, правовых и религиозных идей. Русские историки показали первостепенное значение изучения аграрной истории раннего средневековья, эволюции общинного землевладения³⁰. В разработке социально-экономических проблем они отстаивали теорию прогресса и закономерности исторического развития феодального общества. Но некоторые ученые придавали теории эволюции антимарксистскую направленность, что препятствовало определению общих закономерностей и специфиче-

ских особенностей раннефеодального общества и государства. Не были решены вопросы классовообразования, возникновения и классовой сущности государства, новой формы феодальной эксплуатации.

Советские историки при изучении переходного периода от античности к средневековью стремятся к познанию сущности коренных изменений во всех сферах жизни раннесредневекового общества. В общих теоретических трудах и конкретных частных исследованиях они опираются на марксистско-ленинскую теорию общественно-экономических формаций, учение о классах и государстве, о сущности переходного периода. Благодаря исследованиям А. Д. Удальцова, Н. П. Грацианского, С. Д. Сказкина, А. И. Неусыхина, З. В. Удальцовой, Г. Л. Курбатова, А. Р. Корсунского, А. Я. Гуревича, Н. Ф. Колесниченко разработана и аргументирована концепция социальной революции, завершившейся образованием раннефеодального общества и государства. Падение Римской империи открыло широкие возможности для внедрения новых институтов в общественно-политическую структуру народов Европы. В 50-е гг. на страницах журнала «Вестник древней истории» была развернута дискуссия по проблеме кризиса рабовладельческого строя в поздней Римской империи. Е. М. Штаерман, Е. Э. Липшиц делали акцент на процессе феодализации, А. Р. Корсунский отстаивал тезис о значительной роли рабства в производстве вплоть до VI в.³¹ В трудах Е. М. Штаерман, Е. С. Голубцовой, Ю. К. Колосовской, В. И. Кузищина показаны особенности кризиса рабовладельческой экономики, характер социальных изменений в позднеантичном обществе, роль политической надстройки, рабовладельческого государства и права, последствия варваризации римского общества. Особое значение в изучении переходного периода имеет вывод о длительном сохранении рабовладельческого уклада и его влиянии на формирование зависимого крестьянства. Вывод рабов на пекулий и развитие колонатных отношений не означали перехода к феодальным формам землевладения. Тем не менее изменения в социальном и правовом положении свободных и рабов способствовали возникновению новых производственных отношений, открывали путь к широкому использованию труда свободных и зависимых держателей. Феодализация римского общества — процесс длительный, сложный и многосторонний. Он затронул все сферы экономической, политической и культурной жизни римского общества. В политической организации Римской империи уже с III в. растет значение военной знати, сосредоточившей в своих руках функции гражданской и военной власти. Как убедительно показал А. М. Ременников, все изменения римской политической системы в IV в. были прямым следствием усиления военной активности варварских народов на дунайской границе империи³². В рим-

ской армии все большее влияние получают феодатские войска, при дворе императора складывается варварская партия, претендующая на проведение активной внутренней и внешней политики в собственных интересах. Процесс феодализации затронул и римское право, которое заимствует некоторые формы обычного права, римского и неримского, провинциального, эллинистического и восточного.

Миграции и завоевания народов Европы не только усиливали процесс разложения родо-племенных институтов, но и способствовали перерождению общественных отношений в феодальные. Изучение советскими историками экономических, социальных и политических последствий расселения германских, славянских, дунайских и других народов на завоеванной территории показало особенности возникновения феодализма в различных регионах (труды А. И. Неусыхина, З. В. Удальцовой, Г. Л. Курбатова, А. Р. Корсунского). Значение романизации и римского влияния в период раннего средневековья отчетливо проявляется в истории городов. В исследованиях Л. А. Котельниковой и А. А. Сванидзе поставлены вопросы специфики раннесредневекового города, его роли в раннефеодальной экономике и развитии государственности, что весьма важно для решения проблемы генезиса феодализма³³. Процесс формирования зависимого крестьянства в VI—VIII вв. глубоко и всесторонне показан в трудах С. Д. Сказкина, А. И. Неусыхина и других советских историков. Закрепощение свободного крестьянства на землях светской вотчины в германских областях изучала Л. Т. Мильская. А. Р. Корсунский на примере истории Вестготского королевства показал значение рабовладельческого уклада в развитии раннесредневековой экономики, роль рабов и колонов в обеспечении раннефеодальной вотчины рабочей силой. С. Д. Сказкин раскрыл механизм вотчинного права и его влияние на положение различных категорий крестьянства. З. В. Удальцова фундаментальными трудами по истории Остготской Италии разработала концепцию переходного периода в регионах с преобладающим действием романизации.

Эволюция раннефеодального государства — одна из главных проблем генезиса феодализма. Советские историки связывают ее решение с изучением особенностей и характера изменений строя военной демократии, уровня социального развития и социально-политических противоречий, влияния римской политической системы (А. Р. Корсунский, К. Ф. Савело, С. Д. Ковалевский). Н. Ф. Колесницкий выделил три последовательных этапа развития раннефеодального государства: 1) становление, 2) досеньориальный период раннефеодальной монархии, 3) период оформления сеньориально-сословных отношений³⁴. Тем самым он опроверг определение ранних варварских королевств V—VI вв. как догосударственных форм политической организации.

Марксистско-ленинская концепция генезиса феодализма в Западной Европе разрабатывается советскими историками в творческом содружестве с историками-марксистами ГДР и других социалистических стран. Итогом подобной координационной работы является издание коллективных трудов³⁵, организация симпозиумов, публикация дискуссионных материалов в периодической печати.

РАЗДЕЛ I

НАРОДЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В III—V ВЕКАХ

Начало средневековья отмечено крупными событиями, которые привели к образованию новых государств и к коренному изменению экономической, социально-политической и культурной жизни в Европе. В V в. окончательно пала власть императора Западной Римской империи. В ее центр, Италию, и в провинции двинулись новые волны переселенцев из числа варварских народов. Их предводители, военачальники, короли считали себя преемниками римских императоров и претендовали на политическую тегемонию, ведя непрерывные войны из-за территории и военной добычи.

В 476 г. был свергнут последний римский император и все знаки императорского величия, пышное одеяние были отосланы из Рима в Константинополь. Этот акт явился символическим началом нового этапа истории, который завершился образованием европейских государств.

Народы, населявшие Европу, отличались большим этническим разнообразием. Германцы, кельты, славяне, дунайские племена, романское население Италии и ее провинций равным образом участвовали в создании и дальнейшем развитии основ европейской цивилизации. В период между IV—VII вв. в Европе сложились большие историко-культурные и этноязыковые зоны (германоязычная, романоязычная и славяноязычная). Этнические и языковые традиции играли большую роль в формировании духовной культуры феодального общества¹. Кроме того, на севере и северо-востоке Европы главенствующее место занимали балты и финно-угры, в средней Европе с IX в. — венгры, народы не индоевропейской языковой группы. Гунны, авары, булгары (народы тюркского происхождения) довольно быстро были ассимилированы. В славяно-германском регионе от Днестра до среднего Одера, в отдельных областях сидели племена венето-иллирийского, кельтского, дакийского и балтийского происхождения. На верхнем Одере и в восточных Карпатах осели племена кельтского корня. Между Одером и Рейном с I в. жили германцы, соседями которых там стали кельты и западные славяне. К III в. здесь сложился синтез эльбо-германских культур. Римские писатели именем «германцы» т. е. истинные, подлинные (подразумевалось галаты), часто называли и кельтов, и славян, и германцев живших по соседству в этом регионе. В северо-западной Европе преобладало кельтское население.

Миграции и военная активность этих народов в период разложения первобытнообщинного строя резко изменили этническую карту Западной Европы во II—V вв. н. э.

ГЛАВА 1

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ПЕРЕМЕНЫ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ УСТРОЙСТВЕ

Греческие и римские писатели объединяли европейские племена и народности в три основные этнические группы. Это были кельты, германцы и славяне, расселившиеся по лесам и большим рекам Западной и Центральной Европы. В результате частых перемещений и войн усложнялись этнические процессы, следствием которых были интеграция, или ассимиляция, или, наоборот, разобщение, поэтому лишь условно можно говорить об определенных местах расселения отдельных этнических групп.

К кельтской группе племен относятся аквитаны (отсюда и название юго-западной области Франции—Аквитания), белги (в северо-западных областях, они дали название стране—Бельгия), иберы (Иберия—древнее название Испании), иры (дали название острову—Ирландия), скотты (населяли Шотландию), бритты (Британию; после переселения части племен на материк в V в. последние жили в области, получившей название от их этнонима—Бретань). Часть кельтов расселилась в Центральной Европе (бои, их область получила название Богемия). Греки называли эти народы кельтами, а римляне—галлами. Гельветы—тоже принадлежали к кельтскому корню, они населяли территорию вокруг Боденского озера. Все зарейские области Запада занимали галлы.

Германцы населяли преимущественно северные области Европы (Скандинавию, Ютландию) и бассейн Рейна. На рубеже нашей эры они жили на Рейне и Майне (приток Рейна) и на пижнем Одере. На Шельде и побережье Германского (Северного) моря—фризы (Фрисландия), к востоку от них англосаксы. После переселения англосаксов в Британию в V в. фризы продвинулись к востоку и заняли земли между Рейном и Везером (в VII—VIII вв. их подчинили франки). В III в. нижнерейнские области заняли франки, ближе к морю продвигаются салические франки, а на среднем Рейне осели рипуарские франки (район Кельна, Трира, Майнца). До появления франков в этих местах известны многочисленные мелкие племена (хамавы, хаттуары, бруктеры, тенктеры, амзивариш, тубанты, узииши, хазуарии). Этническая интеграция, вероятно, привела к сближению и частичному поглощению, даже ассимиляции, некоторых в рамках военно-политического союза, что нашло свое отраже-

ний в новом этнониме. Франк — свободный, отважный (в тот период слова-синонимы), то и другое считалось характерным признаком полноправного члена организации коллектива, представленного войском, народным ополчением. Новый этноним подчеркивает принцип политического равноправия всех объединившихся племен. В IV в. салические франки двинулись на земли Галлии. Эльба делила племена свевской группы на западных и восточных (гото-вандалские). Из свевов в III в. выделялись алеманны, осевшие в верховьях Рейна и Майна. Саксы появились в устье Эльбы в I в. н. э. Они подчинили, а затем ассимилировали некоторые другие германские племена, жившие на Везере (хавков, ангривариев, энпров) и стали продвигаться к побережью Германского моря. Оттуда вместе с англами совершали набеги на Британию. Другая часть саксов осталась в бассейне Эльбы, их соседями были лангобарды. Последние выделялись из виннилов и получили новый этноним, указывающий на характерный этнический признак (длиннобородые, или по иному объяснению лексического значения — вооруженные длинными копьями). Древнегерманская сага связывает получение нового этнонима с решением бога Водана дать победу в сражении с вандалами народу, которому покровительствовала сама богиня Фрейя. Она научила лангобардов выйти на поле сражения с рассветом, чтобы Водан увидел их первыми и им присудил победу. Лангобардские женщины встали на заре, распустили свои длинные волосы вокруг лица наподобие мужской прически и встали напротив восхода солнца. Когда Водан увидел их, спросил: «Кто эти длиннобородые?» Фрейя на это ответила: «Кому дал имя, тому даруй и победу!» Позже лангобарды двинулись на юго-восток, достигли бассейна Моравы, а затем заняли сначала область ругов (Rugiland), а потом Паннонию.

Руги жили на Одере, а к III в. ушли в долину Тиссы. Скиры с нижней Вислы дошли до Галиции в III в. Вандалы на Эльбе были соседями лангобардов. В III в. одна ветвь вандалов (силлинги) осела в Богемском лесу, откуда позднее ушла на запад, к Майну; другая (асдинги) поселилась в южной Паннонии по соседству с свевами, квадами, маркоманнами.

На Дунае жили квады и маркоманны, после маркоманских войн они заняли территорию Декуматских полей. С конца IV в. известны тюринги. Объединившись с остатками англов и варнами, они заняли обширные области между Рейном и верхним Везером, а к V в. расширили свои границы до Дуная. Этнические процессы в среде маркоманнов, свевов, квадов, оказавшихся в IV в. в верхнедунайских областях, привели к появлению нового этноса: бавары занимали часть территории Словакии, позже Паннонии, Норика. Со временем они заняли места к югу от Дуная. Алеманны, теснимые тюрингами и баварами, перешли на левый берег Рейна (в районе Эльзаса).

В северных областях Европы жили даны, англты, варны, юты (в Голштинии, на полуострове Ютландия и близлежащих островах), норвеги, шведы, гауты (в Скандинавии).

Западные славяне расселились на большом пространстве Центральной Европы от Эльбы до Вислы, включая побережье Балтийского моря. Много славянских поселений было в бассейне Дуная (на моравской равнине, в Паннонии и Норике). Словацко-паннонская область некогда была занята бойями (кельтское племя), но после разгрома их дакийским царем часть бойев ушла в Норик, на запад. Эта римская провинция в IV в. называлась страной ругов. Некоторые ученые отождествляют ругов с русами. Существует гипотеза о том, что страна ругов (часть Норика и Паннонии) была прародиной западных славян. Легенда о происхождении ругов (русов) от франкского рода не имеет исторической основы, как и легенда о франкском происхождении славянского князя Само.

Дунай был не только границей римского и варварского мира, он стал главной дорогой переселения, сближения и столкновения народов различного этнического происхождения. В бассейне Дуная и его притоков жили германцы, славяне, кельты, дунайские племена нориков, паннонцев, даков, сарматов. Сарматы считались племенами, близкими к квадам (герм.) и жителям Паннонии. Сходство их обычаев, вооружения, возникновение политических союзов в результате сближения отдельных племен отмечали уже в IV в.² Сарматы переходили к оседлому образу жизни, вели пастбищное скотоводство, занимаясь разведением коз и свиней. Сарматское войско, кроме кавалерии, имело и пехоту, сформированную из оседлого земледельческого населения. Сарматы занимались ремеслами, у них появились металлургия, кузнечное и оружейное дело, гончарное и ткацкое производство. Выделялась военная знать, которая богатела за счет военной добычи, использования рабов. Во главе сарматских политических объединений стояли цари, избираемые в народном собрании.

В IV в. по Дунаю прошли гунны со своими союзниками и авары. Среди гуннов были аланы, обитавшие некогда в степях Предкавказья. Аланы подчинили и ассимилировали соседние племена, распространили на них свой этноним³, а затем разделились под натиском гуннов. Часть ушла в горы Кавказа, остальные вместе с гуннами пришли на Дунай. Гунны, аланы и готы считались наиболее опасными врагами Римской империи (в 378 г. при Адрианополе гунны и аланы выступили на стороне готов). Аланы рассеялись по Фракии и Греции, дошли до Паннонии и даже Галлии. Далее, двигаясь на запад, в Испанию и Африку, аланы соединились с вандалами. Аланы были кочевниками, жили в кибитках, покрытых согнутыми в свод кусками древесной коры. Дойдя до богатого пастбища, они ставили кибитки вокруг и оставались на месте до полного истребле-

ния травы своим скотом, потом снова отправлялись в путь⁴. Аланские дружины сражались в тяжелом вооружении.

В дунайских областях в IV—V вв. в большом количестве расселились славяне (склавы или славы) и германцы (готы, лангобарды, гепиды, герулы).

Огромные территории Европы в те времена были покрыты густыми лесами: от Дуная до Везера и от Шварцвальда до Карпат тянулся Герцинский лес, лесами были заняты и северо-западные области. На берегах рек росли вековые могучие дубы. Холодный и суровый климат заставлял людей заботиться о жилище и сохранении припасов, заниматься охотой и рыбной ловлей. В озерах и реках было много дичи и рыбы. В средней Германии по реке Заале (Сала — левый приток Эльбы) тянулась большая долина, свободная от леса.

Разноплеменные народы германского, славянского и кельтского корня издавна находились в тесных этнокультурных контактах между собой и романским населением Римской империи. Это способствовало овладению более совершенной агрикультурой, развитию ремесленной деятельности, разведению новых, улучшенных пород скота.

Кельтская материальная и духовная культура считается древнейшей в Западной Европе⁵. С этой культурой связано появление земледелия: «кельтские поля», датируемые V в. до н. э. — I в. н. э., представляют собой пашни площадью от 2 до 100 га (даже 500 га), широкой межей в 3—8 м они разделены на участки. Пахотное земледелие в тот период было сосредоточено в северо-восточной части Нидерландов, в нижней Саксонии, Дании. Кельты отмечали межу и территориальные границы предметами своего культа. Согласно этой традиции в средние века (даже в XV в.) на границе ставили каменный крест. Германцы заимствовали римские межевые знаки: столбы, надписи, рвы и т. п. Кельты — народы индогерманского происхождения. В Западную Европу они пришли с низовьев Волги и из Причерноморья как носители курганный культуры. Передвижение совершалось несколькими потоками: через Польшу и Германию в Британию, через дунайские земли в Центральную Европу, через Кавказ в Малую Азию и через Средиземноморье на Пиренейский полуостров, еще одна волна шла от Дуная на Балканы⁶. Римские писатели называли кельтов таллами, Полибий — галатами (одна из областей Малой Азии — Галатия). Широкое распространение могильников кельтского типа свидетельствует о большой численности этого населения в Европе. Кельты жили в четырехугольных деревянных домах длиной 5—7 м; вначале дома были углублены в землю до 0,5 м, позже их ставили на каменном фундаменте. Кельты занимались земледелием, в дубовых рощах пасли свиней, разводили овец и различные породы лошадей, прославивших талльскую военную конницу. В лесах охотились на диких вепрей, кабанов и оленей.

В ремеслах использовали сложные технические приемы: искусство литья и чеканки металлов, художественнойковки, инкрустации из эмали⁷. Разнообразные украшения для оружия, конской сбруи, ларцов, одежды (металлические пряжки-фибулы) являются уникальными произведениями тонкого ювелирного искусства.

Сложные виды ремесленной деятельности: художественная обработка металлов, кожи, судостроение, ткачество, гончарное дело, изготовление четырехколесных повозок бытового и культового назначения⁸ обеспечили активное участие галлов в торговле с римлянами и другими народами в бассейнах Рейна, Дуная, в Италии. Кельты продавали золото, рабов, продукты сельского хозяйства, скот, кожи, ткани. Единицей стоимости долгое время служили продолговатые, заостренные куски необработанного железа. Их сменили серебряные и золотые слитки весом в 8,4 г, для мелкой торговли пользовались третями, восьмушками и даже 1/24 слитка. Множество типов денежных знаков и значительные колебания в их весе затрудняли обмен, поэтому эквивалентом долгое время служил скот. Например, в Ирландии стоимость рабыни составляла 6 телок или 3 дойных коровы.

Центрами религиозной, торговой и политической жизни были городища (опидумы), в которых жили знатные галлы со своими дружинами. Городища имели типичную форму вулкана, каменные бурги были укреплены валами из базальтовых глыб высотой до 4 м. Укрепление расширялось, и три кольца стен протяженностью до 11 км защищали поселение. Внутри городища находились обособленные дворы-усадебьы с деревянным забором, поселения ремесленников, место для торгов. Поля лежали вокруг городища, находки железных частей плуга, серпов, кос, вил указывают на земледелие с использованием тяговой силы. Известны три вида пшеницы, ячмень, просо, горох, чечевица, лен, которые выращивали кельты⁹. На самом высоком месте в центре находилось святилище с культовыми жертвенниками. В некоторых городищах стены возводили из глиняных кирпичей, на определенном расстоянии ставили выступающие бастiónы. Мощные валы укрепляли трехметровыми поперечными балками, концы которых выходили на внешнюю сторону. С внутренней стороны этот вал имел широкую наклонную насыпь, по которой в случае необходимости, при осаде городища, могла подняться даже конница.

Возвышение галльской знати, из которой выходили жрецы и военачальники, положило начало классообразованию. Понятие знатности вначале было обусловлено представлениями, вытекающими из признания нерушимости кровнородственных связей. Знатными становились и признавались таковыми не главы отдельных семей, а весь род, прославленный или военными заслугами, или исполнением полномочий публичной власти. Из таких древних, знатных родов избирали военачальников, жре-

цов, вождей-предводителей. Представители знатных родов захватывали лучшую и большую часть военной добычи, землю, рабов. Свое особое общественное положение они подчеркивали деталями одежды. Знатные галлы носили плащи с золотой каймой, на шее золотой торквес (шейная прива, сплетенная из нескольких золотых прядей), на обоих концах торквеса заканчивался изображениями человеческих или львиных голов, па голову надевали золотую диадему, некоторые достигали веса 500 г. Золотые нагрудные украшения и богатая конская сбруя напоминали о ратных подвигах и бранной славе знатных родов. Погребальные камеры знати богаты утварью, сверху деревянный потолок покрывали земляной насыпью. В ранних погребениях отсутствуют роскошные украшения и драгоценные привозные изделия. С середины I тыс. до н. э. заметны резкие различия в погребальном инвентаре: в простых погребениях преобладают местная керамика и бронзовые украшения, а в погребальных камерах знати много художественно обработанного золота, дорогих предметов утвари аттической, родосско-милетской и этрусской работы. В домах знати находят золотые ложечки и ситечки, бронзовые столовые наборы, богато украшенное оружие. Знатные воины имели особое военное снаряжение: они сражались на боевом коне, надевали шлемы и защитную броню, ставили на военные штандарты символы мощи (изображение кабана), имели бронзовые ножны, инкрустированные янтарем, богатую сбрую.

С развитием социальной дифференциации складывались традиции героической глорификации — прославления древних родов и их представителей, которых возвышала военная доблесть и богатая военная добыча. На пирах и в военных походах слагали героические песни, славили отвагу и победы удачливых военачальников, боевую мощь их военных дружин, щедрость наград и роскошь пиров, соответствовавших богатству захваченной военной добычи.

Свободные галлы попадали в зависимость от знатных военачальников, и Цезарь называл их клиентами. Однако сходство с римской клиентелой весьма условно. Галльские дружинники, обязанные военной службой или исполнением иных поручений, получали за это покровительство и материальную поддержку, не теряя при этом положения полноправного свободного¹⁰. Знать обогащалась в войнах, которые в условиях зарождения классового общества становились постоянным промыслом. Войны возникали из-за межплеменных конфликтов, из-за вражды вождей, на почве кровной мести и как результат специально организуемых военных экспедиций. В военные действия вовлекались то отдельные дружины, то целые народы.

Кельтские воины отличались большой стойкостью и обладали высоким военным искусством, особенно при осаде городищ. Мощные укрепления брали с помощью деревянных лестниц,

камнеметов, подкопов. Во время штурма осаждавшие прикрывались крышей, составленной из щитов, внутри крепостей разжигали пожар кипящей смолой и кусками сала.

Кельтские племена находились на разных ступенях общественного развития, среди них были шароды, выпедшие за пределы родоплеменной обособленности, с явными признаками разложения первобытнообщинного строя, например галлы. Другие еще сохраняли характерные черты родового устройства (в Ирландии и Британии). Эти племена историк Иордан считал более дикими, рассказывая, что они жили в легких хижинах, под одной кровлей со стойлом для овец, а некоторые устраивали себе жилища прямо в лесах. Иордан говорит о привычке некоторых жителей Британии наносить железом татуировку на тело¹¹. Но и у таких отсталых племен тоже стала выделяться военная знать. Стремление к накоплению богатств и борьба за гегемонию приводили к постоянным междоусобицам.

Древние языческие представления кельтов сохраняли влияние военного быта. Культ отрезанных голов возник как культ воинов-победителей, для которых головы поверженных врагов были реальным доказательством победы и символом военной доблести. Военачальники привозили с полей сражений отрезанные головы на шее своего коня, показывали как военный трофей, а затем украшали ими стену дома. Из черепа знатного врага выделяли пиришествленную чашу, из которой пили на особо торжественных пирах. Следы культа отрезанных голов видны и у германцев. В саге о смерти лангобардского короля Альбоина рассказывается, как он, одержав победу над гепидами, велел сделать из головы их короля кубок и подносил гостям вино; заставил выпить из такого кубка и жену, дочь убитого им короля, за что она и отомстила ему. Альбоин поплатился жизнью, но кубок, как священная реликвия, в течение двух столетий хранился при дворе лангобардских королей¹². Культа отрезанных голов объясняются находки в кельтских могильниках скелетов без черепов, а также изображения на кельтских монетах воина, держащего в руке отрубленную человеческую голову¹³.

В ходе римского завоевания многие кельтские народы (галлы, иберы) подверглись сильной романизации. Они усвоили латинский язык, римскую структуру муниципальной жизни. Урбанизация Галлии и Испании способствовала формированию галло-римской аристократии, влиянию рабовладельческой экономики, латинизации местной городской интеллигенции. Земледельческие общины сохранились в некоторых областях и после римского завоевания. Императорское правительство поддерживало общинные порядки в Испании и Галлии (так же как во Фракии и Иллирии) в целях подчинения общины римской фискальной системе. Труд постепенно закабаляемых крестьян-об-

цинников становился условием возникновения нового типа эксплуатации.

Кельтская культура в Европе сыграла значительную роль в сближении с античной цивилизацией, в сохранении ее традиций и достижений. Высокая материальная и духовная культура кельтов оказала существенное влияние на развитие средневековой Европы.

Германцы с древнейших времен находились в тесных культурных контактах с кельтами, римлянами и славянами¹⁴. На рубеже нашей эры с берегов Рейна началось продвижение германских племен к Одеру, на восток и к югу, на Дунай. Все племена, жившие в этом регионе, римляне называли *гегмані*¹⁵. Истинными галатами считали и германцев, и славян, и другие прибалтийские народы¹⁶. Керамический и бронзовый инвентарь культуры погребения урн в юго-западном регионе Германии (т. е. в Рейнской области) свидетельствует о единстве материальной культуры народов, обитавших в Западной и Центральной Европе¹⁷. Й. Херрманн употребляет термин «эльбогерманская культура», полагая, что она не была этнически замкнутой и представляла собой синтез идентичных форм развития. Историко-культурные связи романских, германских, славянских и прибалтийских народов находили свое проявление в общности материальной культуры¹⁸. На территории между Одером и Вислой жили и славяне, и германцы. Когда в V—VI вв. германцы ушли отсюда, вновь возобладал местный славянский элемент¹⁹. В северо-восточной Европе также имели место тесные хозяйственно-культурные контакты финских, германских и славянских этносов. Археологические находки подтверждают сходство предметов ювелирного производства (дугообразных пряжек Рязанских и Пермских областей с готскими и финскими, подковообразных муромских, московских, ярославских с прибалтийскими). Этот факт был отмечен еще в к. XIX в. Н. М. Аспелиным, который интерпретировал его в духе подтверждения готского влияния²⁰. Противником концепции готского стиля в ювелирном производстве был Э. Р. Штерн²¹. Между Днепром и Карпатами с III до конца IV в. германские племена готов жили в непосредственном соседстве с племенами славянского и иранского происхождения. Кроме того, здесь были сильны традиции скифской и сарматской культур. Весь археологический район Черняховской культуры не имел этнического единства. Германцы оказались в зоне интенсивных историко-культурных контактов, под влиянием этого взаимодействия находились готы в Восточной Европе со II по IV столетие. Й. Херрманн считает, что этот фактор определил изменения в общественно-политической структуре готского народа в Причерноморье²².

К III—IV вв. германцы достигли более высокого уровня земледельческой культуры, металлообработки, кораблестроения

и других ремесел по сравнению с предшествующим периодом (I—II вв. н. э.). Поля обрабатывали тяжелым германским плугом, используя быков в качестве основной тягловой силы, об этом свидетельствуют находки деревянного ярма. Среди разнообразных зерновых культур (пшеница, рожь, полба ячмень, овес) заметно постепенное увеличение доли ржи и пшеницы (нескольких видов), хотя главной зерновой культурой оставался ячмень. В ряде поселений ячмень и просо в равных долях, в других ячмень составлял 75%, а рожь 25%, в некоторых зернохранилищах доля ржи возрастает до 56%, овес составляет 42%, ячмень — 0,8%, полба — 1,2%. Выращивали бобы, горох, чечевицу, различные сорта льна, коноплию. По-прежнему (как и в эпоху неолита и бронзы) сажали огородные культуры: капусту, свеклу, морковь, салат, петрушку, пастернак. От римлян заимствовали и усвоили приемы выращивания сельдерея, кориандра, укропа, чеснока. Под влиянием римской агрикультуры на Рейне распространяется вишноразведение, расширяются посадки плодовых деревьев (вишни, абрикоса, персика).

Византийские писатели отмечали, что готы были достаточно искусны в земледелии, которым занимались «собственными руками»²³. Данные археологии и свидетельства письменных источников опровергают мнение некоторых ученых о том, что германские завоеватели считали для себя унижительным заниматься земледелием и проводили праздную жизнь господина и воина²⁴.

Скотоводство получает дальнейшее развитие в связи с массовыми переселениями, расширением культивируемых земель, совершенствованием военного дела. К разведению улучшенных пород крупного рогатого скота побуждала необходимость обеспечения хозяйства тягловой силой. Коневодство стимулировалось частыми передвижениями и использованием конницы в военных действиях. Свиноводство доставляло быстрый прирост продукта питания, разведение свиней облегчалось обилием корма в дубовых лесах. Развитие скотоводства было связано с совершенствованием агрикультуры и образованием индивидуального хозяйства свободных землевладельцев. В III—IV вв. крупный рогатый скот составлял 40—50%. Скот забивали в возрасте более 4 лет, что свидетельствует об использовании его и как тягловой силы, и для обеспечения основными продуктами питания — мясом и молоком. Соотношение между земледелием и скотоводством у различных племен менялось, это имеет отношение даже к отдельным деревенским общинам внутри одной племенной организации.

В безлесых районах занимались разведением крупного рогатого скота, на лесных площадях преобладало свиноводство. На побережье Северного моря овцеводство занимало второе место, а свиноводство — четвертое. Значение коневодства уве-

личивается начиная с III—IV вв. У алеманнов кони ценились вдвое выше быков²⁵. Римский историк Аммиан Марцеллин писал о высоком качестве германской конницы²⁶. Зимой скот содержали в хлевах, для стойлового содержания скота отводили часть дома (длинные дома в германских поселениях 25—29 м длиной имели хлев длиной в 16 м). Летом скот пасли на открытых пастбищах, в лесах устраивали загоны. До VI в. включительно практиковали беспастушеский выпас скота, но свиноводство и овцеводство было пастушеским. Пастухи пользовались дрессированными собаками и услугами подпасков, животных собирали звуком рожка. Стада крупного рогатого скота насчитывали 12 и более голов, свиней — до 40 голов, овец — до 80 голов. Развитие стойлового содержания скота выразилось в практике строительства специальных помещений, в усадьбе появляются коровники, овчарни, свинарники. Скот считался ценным имуществом. Обычное право защищало интересы собственников: за кражу и увечье скота были введены высокие штрафы.

В местах постоянных поселений разводили домашнюю птицу (кур, уток, гусей), что существенно пополняло рацион питания. Обязательной принадлежностью двора стала собака (германские собаки были вдвое выше римских, их высота доходила до 60—68 см). Дрессировкой достигали выведения пород специального назначения. Сторожевые собаки охраняли дом и усадьбу, некоторые были приучены бросаться на человека. Появились особые породы охотничьих собак: 1-я и 2-я ищейки; приученные для охоты на кабанов, медведей, бобровые собаки умели охотиться под землей. Различались пастушеские собаки, которые кусали волка, выхватывая из пасти скот, и те, которые бежали на крик к одной, второй и третьей деревне.

Одной из важнейших отраслей хозяйства германцев оставалась охота. В лесах водилось много зубров, медведей, оленей, лосей, косуль, енотов, зайцев, в озерах и болотах — дичи, на реках — бобров. Среди потребного инвентаря находят охотничьи оружие, самоловные устройства (доля костей диких животных колеблется от 1 до 10%). К охоте за дичью приручали соколов: упоминаются сокол-гусехват, сокол-утятник, сокол-перепелятник²⁷, прирученный охотничий ястреб. Известны попытки приручить лесных оленей. О значении охоты в жизни германцев свидетельствует так называемый звериный стиль в произведениях прикладного искусства. Пряжки-фибулы имели форму кабана, зайца, оленя, они украшены геометрическим и стилизованным животным орнаментом, некоторые сделаны в форме птицы с клювом.

Не менее важное значение в хозяйстве Европы имело рыболовство, применялись гарпуны, остроги, плетеные сети и верши.

Переход к стойловому содержанию скота, улучшение пород, одомашнивание новых видов, использование римских приемов агрикультуры, расширение посевов высококачественных сортов и видов зерновых, огородных растений — все это обеспечило улучшение питания и рост населения. К началу VI в. численность населения Европы достигла 4 млн., а плотность составляла 10 чел. на 1 кв. км (некоторые ученые называют максимальную цифру — 8 млн.). Более качественный рацион питания сказался на физических данных европейца: средний рост мужчины достиг 170 см (макс. 183 см), женщины — 158 см (макс. 169 см).

III—IV вв. были временем большого скачка в развитии ремесел. На первое место выходит металлургия. Стали более широко использовать богатые залежи руды в областях Рура, Варты, верхней Эльбы, на землях Шлезвиг-Гольштейн, в Богемии, Силезии, Моравии. Железо выплавляли из красного и коричневого железняка в общинных печах. Немецкие ученые дали подробное описание процесса выдувания железа, в ходе которого руда и древесный уголь посредством дутья превращались в шлак и железную болванку, оседавшую на оставшемся внизу перегоревшем угле²⁸. За одну плавку небольшая печь давала 3 кг кричного железа, а более мощная — до 15 кг. В погребениях кузнецов найдены их орудия: молоты, паковальни, щипцы, а также изделия производства: лемехи, оружие, гвозди, заклепки, скобы, ножницы, звенья цепей. В III в. главным оружием германцев был лук и стрелы с железными и костяными наконечниками. Производство железного наступательного и оборонительного оружия связано с развитием металлургии и кузнечного дела. Среди археологических находок IV в. много мечей, железных наконечников копий, железных шлемов. Оружейное производство становится одним из основных видов ремесленной деятельности.

Кораблестроение получает дальнейшее развитие благодаря использованию разнообразных металлических орудий, специально созданных для обработки дерева. Некоторые суда обладали грузоподъемностью в 5 т. Форма германских кораблей соответствовала режиму плавания как по рекам, так и по морю: киль судна был высоко поднят, а остов корабля, сделанный из согнутых дубовых планок, снаружи обшивали шкурами. Позднее зазоры между планками стали заделывать шерстью и смолой. Форштевень корабля украшали затейливой резьбой, ставили предметы магического значения в виде солнечного диска с рисунком стилизованных фигур животных или человеческих голов. Речное судоходство у готов, например, было развито еще в III в.²⁹

Орудия обработки дерева, хотя и многочисленны, но первоначально еще не имели специального назначения. Различные топоры, стамески, скобели, долота, буравы, пилы равно

могли применяться и для изготовления деревянной посуды, и для производства щитов, луков, а также в судостроении.

В IV в. увеличивается и усложняется производство мечей, они становятся длиннее (75—90 см) и вытесняют прежние, более короткие, длиной от 60 до 65 см. Копья делают с широкими и длинными металлическими наконечниками (длиной до 40 см). Известны и женские ткацкие мечи, которыми пользовались как челноком, продевая уток через основу. К концу IV в. широкое распространение находят боевые узколезвийные топоры. Более разнообразным становится защитное оружие: изготавливают кольчуги, одна из обнаруженных археологами состояла из 20 тысяч колец.

Керамика по форме и орнаменту часто напоминала римские образцы. Применялся гончарный круг, вращаемый ногами. Обжиг изделий производился в ямах-котловинах, возводимые куполообразные печи позволили довести температуру обжига до 900°.

О развитии ткацкого мастерства свидетельствует употребление ручного ткацкого станка с вертикальным расположением основы. Для окраски тканей применяли естественные красители (вайду и желтую резеду).

Искусная обработка кости, рога, кожи представлена кожаными изделиями для одежды (обувь и пояса), для сбруи, для защитного вооружения. Большие, закрывавшие все тело деревянные щиты, сверху обтягивали кожей.

Ювелирное производство удовлетворяло возросшие запросы военной знати. Ремесленники обладали такими совершенными техническими приемами, как инкрустация драгоценными камнями, вставка эмали, филигрань, золочение. Вестготские мастера делали затейливые янтарные подвески, змеевидные браслеты, металлические фибулы с птичьими головами. Пояса, фибулы, шейные обручи украшали звериным орнаментом. В стиле художественного ремесла ярко заметны следы скифо-сарматского и преко-римского влияния.

Рост ремесленного производства и усложнение технических приемов, развитие металлургии, кузнечного дела, металлообработки и судостроения, появление разнообразных орудий ремесла, увеличение продуктов сельского хозяйства стали условиями обособления профессионального ремесла внутри общинной организации. Развивается товарообмен. Оживленная торговля с Римской империей шла на рейнской и дунайской границах, возникали торговые эмпории. Вестготы, например, ввозили соль, вино, оливковое масло, одежду, украшения, а сами поставляли скот, кожи, рабов. Через готскую территорию проходили торговые пути на восток и на север, по Висле до Балтики. В местах вестготских поселений в Восточной Европе и на Дунае найдено много римских монет III—IV вв.³⁰. Вестготские

короли заключали соглашения с римским правительством по поводу льготных условий торговли (Атанарих в 369 г. с императором Валентом)³¹.

Развитие производительных сил явилось главной причиной перехода германцев к индивидуальному производству продуктов. Предпосылкой этого следует считать изменения в социально-политической жизни I—II вв., когда началось разложение первобытнообщинного строя и переход от родовой общины с коллективной собственностью и коллективным производством к земледельческой общине с индивидуальной обработкой пахотных угодий и индивидуальным землепользованием больших семей. Ф. Энгельс писал, что германцы сделали «значительный шаг вперед по пути цивилизации» ко II в. н. э., а за период III—IV столетий «они сделали еще гораздо большие успехи»³².

Переход к плужному земледелию в корне менял всю структуру общественной организации. Колесный плуг с железным лемехом и отвалом не только делал борозду, но и вспахивал пласты. Еще Тацит говорил о плодородии германских земель³³, хотя климат и почвы там менее благоприятны для земледелия, чем в Галлии. Тяжелый германский плуг имел железные вертикальные резак, которые разрезали землю перед сошником. Древнегерманский сошник по форме был близок древнеславянскому, он применялся на тяжелых почвах с камнями и корнями. Тяжелый колесный плуг за 8—9 ч. вспахивал 1 га, он совершенно изменил пахотное поле, сделал его вытянутым в длину, поскольку поворот был затруднен. На более легких песчаных почвах и небольших участках в IV—V вв. по-прежнему пользовались сохой. Железными стали серпы, серповидные косы с короткой рукояткой. От римлян германцы переняли молотило и ручные жернова, которые за день мололи 8 кг зерна вместо 2—2,5 на зернотерке. Распространение римских агротехнических приемов садоводства и огородничества было возможно только благодаря индивидуальному производству.

Отдельные домохозяйства больших и малых семей объединялись единым хозяйственным распорядком в пределах территории, на которую распространялось общее право на все земельные угодья. Крестьянские усадьбы-дворы располагались у германцев поодаль друг от друга и образовывали соседскую общину с определенными границами освоенной и неводеланной земли. Эта территориальная община у германцев называлась маркой (понятие «марка» имело значение всякой границы). Первоначально узлы кровного родства связывали многие семьи, в дальнейшем они ослабевают и уступают по значению соседским. По мнению С. Д. Сказкина, соседская поземельная община длительное время оставалась формой первобытнообщинного уклада. По мере разложения первобытнообщинного строя в рамках этой общинной организации возникало мелкое самостоятельное крестьянское хозяйство.

Германские дома-усадыбы большой семьи имели площадь в 100—120 кв. м, малой — от 10 до 30 кв. м (преобладали дома 5×3 , 7×5 , реже — 15×5 , 12×7 м). Алеманны даже в IV в. жили в плетеных хижинах³⁴. Под одной крышей ставили жилую часть с очагом, помещения для содержания скота, навес для ремесленных работ. Каждый дом вместе с хозяйственными постройками огораживали изгородью. В некоторых областях внутри двора строили особые помещения для скота, хранения припасов и хозяйственных дел. Археологи дают своеобразную схему усадьбы, в которой главный дом окружен множеством малых полужемлянок, в такой схеме четко виден процесс распада больших семей.

Главными предпосылками возникновения индивидуальной собственности на землю и возникновения самостоятельного хозяйства свободного землевладельца были развитие производительных сил и переселения. К. Маркс связывал этот процесс с разложением племенной формы собственности: «...перемещение с места на место ломает характер племени, сложившийся чисто естественным путем; чем более племя удаляется от своего первоначального местопребывания и захватывает чужие земли, следовательно, попадает в существенно новые условия труда, и энергия каждого отдельного человека получает большее развитие, тем больше имеет условий для того, чтобы отдельный человек стал частным собственником земли, особой парцеллы, обособленная обработка которой предоставляется ему и его семье»³⁵.

Прирост населения Европы в III—IV вв., увеличение его плотности, т. е. перенаселение, стало толчком к массовым миграциям и к усилению военной активности германцев против Рима. Ф. Энгельс выделил этот период как начало общего военного наступления германцев по всей линии Рейна, римского пограничного вала и Дуная, от Северного до Черного морей, видя в событиях «прямое доказательство все-большого роста населения, которое стремилось к расширению своих владений»³⁶. К. Маркс в работе «Вынужденная эмиграция» показал неизбежные последствия давления избытка населения на производительные силы, экономические причины массовых переселений в Европе. Рост численности населения при низком уровне производства приводил к сокращению территории, необходимой для производства. «Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные опасностей великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы»³⁷.

У германцев существовал обычай бросать жребий, какой части племени суждено искать для поселения новые земли³⁸. Память об ушедших чтили соплеменники, потомки ставили на символических могилах шесты (пертики) с изображением птицы, повернутой в ту сторону, куда ушли или с целью завоева-

ний или на новое местожительство. С середины III в. наступательная война германцев против Рима шла по всей границе от устья Дуная до Рейнской дельты³⁹.

Переселения разрушали кровнородственные отношения, укрепляли индивидуальное хозяйство свободного общинника, соседскую общину и стимулировали возникновение частной собственности. Основную массу германцев составляли свободные общинники, объединенные, как воины, в войско. Войско имело значение общественной организации полноправных свободных, публичную власть осуществляло собрание всего войска. В таком народном собрании решались важнейшие дела: избирали королей-предводителей, утверждали нормы обычного права, принимали послов, заключали договоры и союзы, объявляли войну. Войско было организовано по сотням, которые набирались из общин в пределах одного территориального округа. Кровнородственные связи, сохранявшиеся в общинах, соответственно имели значение и в войске. Древнегерманская община называлась генеалогией, фарой, что указывает на ее происхождение от группы близких патриархальных семей. По мере возникновения сотенно-территориального деления и укрепления соседских связей в ходе переселений община становилась маркой. Поселение внутри марки составляли несколько дворов. Земля под усадьбу внутри селения определялась следующим образом: владелец дома бросал топор на юг, восток и запад и таким образом отмерял себе место для изгороди, с северной стороны изгородь можно было ставить не дальше, чем падала тень⁴⁰.

В границах общины-марки каждый двор-усадьба имели право пользоваться лесом, лугами, речными угодьями, водоемами, проселочными дорогами. Эти земли находились в общинной собственности. Она распространялась и на пахотные угодья отдельных семей. Наделы, лежащие в общих полях, не отчуждались, они принадлежали членам общины на правах наследственного владения и назывались аллодом. Аллодиальные владения можно было огораживать, но сначала ставили временные изгороди, чтобы после жатвы все поле становилось общим выгоном для скота. Постепенно права частного владения на аллод расширяются, изгороди делают постоянными, а наделы разрешалось передавать по наследству не только сыновьям, но и дочерям. Общинные угодья долго оставались в общественном пользовании, запрещалось делать запруды на реке, строить мельницу, если возражали другие общинники, она немедленно сносилась, как и в том случае, если кому-либо причиняла вред⁴¹. Лесами пользовались сообща, но ставили метки на деревьях, они были действительны только в течение ограниченного срока (например, 1 год).

Понятия «чужое поле», «чужая земля» не считались равнозначными понятию неограниченной собственности. Поэтому в

законах мотивом правонарушения признаётся непредумышленное захоронение на чужой земле, жатва на чужом поле, запашка чужого поля; злонамеренные действия противопоставлены случайным нарушениям, совершенным без злого умысла⁴². Обособление усадьбы и отдельных ее владений показывала изгородь, разрушение ее — одно из наиболее распространенных правонарушений, караемых по обычному праву. В Эдикте Ротари имеется подробная регламентация ущерба с указанием на отдельные составные части изгороди, обозначаемые словами лангобардского диалекта⁴³.

В Аламаннской правде сохранилось описание порядка разрешения споров из-за границы между двумя общинами-генеалогиями. Представитель каждой должен был вначале произнести сакраментальную формулу «это — наша граница», потом положить знак на той меже, которую считают правильной, после этого сходились на середине спорной полосы и в присутствии графа брали кусок дерна с того места; воткнув в него ветку, передавали графу. Граф, завернув кусок дерна в сукно и поставив печать, передавал дерн в руки поручителя до конца спора. Решение он выносил согласно результату судебного поединка. Участники такого состязания должны были коснуться мечами земли на середине спорной полосы, а потом сразиться. Победившая в бою сторона вытравывала тяжбу, а проигравшая платила штраф за незаконное притязание⁴⁴.

Рост производительных сил привел к накоплению движимого имущества, возникновению неравенства между общинниками. Характерным свидетельством формирования частной собственности на движимое имущество является обычай устного завещания (аффатомия). Обычное право защищало частную собственность на личные вещи от действия старых норм, особенно при совершении религиозных обрядов. Под угрозой штрафа запрещалось бросать в могилу чужое имущество, разрывать могилы с целью грабежа⁴⁵. Устанавливались высокие штрафы за присвоение чужого имущества без законных оснований, за кражу. Убийство вора с поличным в ночное время признавалось ненаказуемым, например, у баваров до VIII в.⁴⁶ Особую ценность имел скот. Этот объект частной собственности обеспечивал жизнедеятельность крестьянского хозяйства и содержание военных дружин. Конница стала главной частью германского войска. В погребениях знати находят большое количество шпор и других частей конной сбруи.

Развитие частной собственности сказывается в обособлении имущества, приобретенного на службе у частного лица. Это имущество исключалось из общесемейного, и сын распоряжался им помимо воли отца и матери⁴⁷. Имущественная дифференциация в среде основной массы свободных производителей проявлялась в неравном количестве скота, в разных размерах

дома, зерновых амбаров, в возможностях использования зависимых людей, плативших хозяину-господину долю урожая. О появлении такого рода повинностей свидетельствует наличие в районе общинных поселений погребений без инвентаря.

Выделяется узкий слой знати, отошедшей от производительной деятельности; это — военачальники со своими дружинами, жившие за счет рабительских военных походов. Но основная масса свободных занималась земледельческим трудом. Римский историк Аммиан Марцеллин рассказывает, что во время походов римские солдаты собирали с полей варваров хлеб⁴⁸. В условиях мирных договоров включались условия доставки варварами продовольствия для римской армии⁴⁹. Благодаря римскому влиянию элементы социальной дифференциации сильнее сказывались в рейнско-везерском регионе, в северо-восточной Галлии (с середины IV в.) и на средней Эльбе, в среде федератов (так называли варваров, заключавших договор с римским правительством о военной службе за вознаграждение). Верхушка федератов (военачальники и командиры) быстро романизируется, что видно по захоронениям с богатым оружием, дорогими украшениями, с золотой и серебряной утварью, стеклянной посудой; многочисленные находки металлических частей ларей, суежиков, замков, ключей показывают нарастающий процесс обогащения военной добычей. Наступление на римскую территорию усилило влияние военной знати, которая усваивала римские порядки и римский образ жизни. Это углубляло контрасты в положении свободных германцев. В погребениях Хаслебенской группы (бассейн Заале, притока Эльбы), т. е. вблизи римской границы (конец III — начало IV в.), найдено большое количество золотых украшений; серебряной и стеклянной посуды, римских монет, серебряных шпор и т. п. Инвентарь погребений воинов дружин, участвовавших в прорыве римского лимеса, свидетельствует об особом образе жизни военачальников, объединявших сотрапезничеством верных и надежнейших воинов-дружинников. Разнообразные костные остатки (свиных копченостей, шейного шпика, молочных поросят, птицы, рыбы) красноречиво говорят об изобилии торжественных трапез, которыми отмечали победоносные сражения и захват богатой военной добычи. Серебряные шпоры и стрелы с серебряными наконечниками считались символами высокого социального статуса.

Ранней формой отчуждения имущества было дарение. Архаические черты в процедуре передачи вещи и имущественных прав долгое время сохранялись у лангобардов и вестготов. Лангобарды сопровождали дарение передачей ответного вознаграждения (лаунегильда), вестготские законы начала VI в. запрещали дарителям требовать вознаграждение, поскольку древняя форма отчуждения применялась к новым мотивам дарений. Торжественная процедура передачи права на владение имуще-

ством происходила путем вручений символических предметов: кусок дерна был символом поля, ветка — леса, двери — дома.

Развитие производительных сил в III—IV вв., выразившееся в увеличении производства продукции земледелия, скотоводства, ремесел, создавало предпосылки для глубоких изменений в общественно-политическом устройстве германцев. Ф. Энгельс выделил этот этап как важнейший в процессе разложения первобытнообщинного строя, как начало социальной революции⁵⁰. Новейшие археологические исследования доказали, что плужное земледелие с развитым животноводством становится высокопродуктивной отраслью хозяйства, основным видом хозяйственной деятельности свободных германцев. Некоторые исследователи отмечают последующий упадок агрикультуры в V—VIII вв., когда завоевательные войны на римской территории, кровавые межплеменные распри, междоусобицы оказывали разрушительное действие на экономику⁵¹. Однако эти политические факторы имели временное значение, действовали локально и не остановили начавшийся в III в. прогресс, основанный на решающей роли труда мелкого свободного производителя.

Второй этап разложения первобытнообщинного строя у германцев (IV—V вв.) характеризуется как строй военной демократии, завершающийся классовобразованием и возникновением государственности. Основную массу свободных составляли полноправные землевладельцы-воины, которые составляли войско — народное ополчение, участвовали в народных собраниях. Их отличительным внешним признаком были длинные волосы, поэтому германцев часто называли длинноволосыми. Обряды, связанные с вступлением в совершеннолетие, или с усыновлением, заключались в символических действиях с волосами (отец в знак полноправия подстригал волосы сыну или отрезал прядь волос). У фризов и баваров давали клятву волосами. У лангобардов дочери в отцовском доме носили распущенные волосы, в доме мужа связывали их в косы. Взрослые мужчины (лангобарды) укладывали длинные волосы вокруг лица (до линии рта), разделив их пробором по середине⁵². В русских летописях также говорится о пострижении княжеских детей на 3—5-м году жизни, когда одновременно сажали на коня. У германцев возраст совершеннолетия определялся по-разному: у англосаксов, лангобардов и салических франков — 10 и позже — 12 лет, у рипуарских франков и бургундов — 15 лет, у лангобардов в VIII в. уже в 18 лет, а у вестготов — в 20 лет.

С изменением характера войн служба в войске приобретает особое значение. Войны преследуют главной целью захват добычи и новой территории, поэтому участие в войске рассматривается и как обязанность, и как право. Войско, объединявшее всех свободных, полноправных мужчин, становится общественной организацией. Каждый свободный имел право участвовать в военных походах, в дележе военной добычи, в решении поли-

тических вопросов, обсуждаемых на собраниях всего войска. Племенные вожди исполняют главную функцию военного предводительства и, представляя войско, постепенно присваивают полномочия публичной власти. Феодалный титул «герцога» происходит от соединения двух германских слов: Неег — войско и ziehen — вести. Принятие законов, судопроизводство, избрание королей-предводителей, герцогов, совершение имущественных сделок происходило в войске. Символом гражданского положения свободного, его полноправия было обязательное ношение оружия. В народном собрании войска совершался обряд торжественного опоясывания юношей с вручением меча. Меч был атрибутом мужской власти, обязательным при совершении брачного обряда. У фризоров впереди брачного шествия шел мальчик с обнаженным мечом. «Брачный меч» считался орудием казни жены за совершенное ею преступление. Отец передавал его зятю вместе с правом опеки, власти и защиты (женщина находилась под «рукой» мужа, под его мундиумом, как прежде была под мундиумом отца (munt — рука). Муж обязан был наказывать жену за неверность, а отец — дочь за связь с рабом. Кто не решался на это, становился посмешищем и должен был носить рога (у скандинавских германцев). Обычное право некоторых народов предусматривало особое наказание за отказ от расправы с виновной в прелюбодеянии.

Защита личности полноправного свободного составляет основное содержание обычного права, формировавшегося в ходе разложения родовой организации, когда род уже не мог выполнять функции защиты своих членов. Оскорбление свободного, покушение на его свободу, права, имущество, жизнь, здоровье квалифицировались как тягчайшие преступления. Среди них — физическое членовредительство, преграждение пути, оскорбление словом, действием, осквернение могил, злоумышленное уничтожение имущества, покушение на жизнь и другие виды насилия, ущемляющие достоинство личности. Подобного рода правонарушения, с одной стороны, являются результатом социальных изменений в обществе, проявлением конфликтов, возникавших на почве имущественного и социального неравенства. С другой стороны, демократические традиции общественной организации действовали в защиту личности свободного и знать вынуждена была считаться с настроениями основной массы народа — войска.

Усиление военной активности обеспечило рост политического влияния военной знати, опиравшейся на свои дружины, особые отряды личной охраны. С их помощью осуществлялись военные грабительские экспедиции, заключались федератские соглашения, захват новых земель и взимание дани с побежденных. Дружина и военная добыча стали главными источниками укрепления королевской власти. Основанием для избрания королей считалась знатность рода. Знатными были древнейшие

роды, прославившиеся отвагой, военной удачей; представители этих родов претендовали на особое положение предводителей и подкрепляли свои притязания военной поддержкой верных людей, которых содержали при себе на средства, добытые войной. Так, порядок избрания королей в войске превращался в торжественную процедуру аккламирования короля и королев: в знак одобрения войны ударяли щитами о наконечники, в знак протеста следовал удар копья в щит⁵³. Существовал обычай поднятия короля в войске на щите.

Возрастает численность дружин, некоторые насчитывали несколько тысяч. Дружинники считались членами «дома» своего предводителя, получая от него оружие, коня, часть военной добычи. Их называли верными, послушными исполнителями воли вождя, т. е. *fideles* и *satellites*⁵⁴. Вместе со своим предводителем они составляли высший слой служилой знати. Во время сражений вперед обычно устремлялся отряд знатнейших, в котором были король и его вернейшие дружинники, простые воины их сопровождали⁵⁵. В целях увеличения войска или личной свиты побежденным и зависимым, политически вначале не равноправным иноплеменникам предоставляли иногда полное право с последующим включением в войско. Производили публичное освобождение храбрейших, совершая процедуру, главным актом которой было вручение оружия. Процедура напоминала усыновление или вступление в совершеннолетие и означала включение в племенную организацию⁵⁶. Может быть, с таким обрядом связано и возвышение, и имя лангобардского короля Лета (*Lethu*), который не был связан ни с родом Агелмунда, ни с родом Ламиссио⁵⁷.

Клятва верности скрепляла силу дружинных связей: верная, постоянная служба и беспрекословное подчинение приказу обеспечивали покровительство военачальника. Аммиан Марцелин рассказывает, что квады чтили мечи как богов и давали на них клятву верности⁵⁸. Женщины имели свои дружины. Дочь лангобардского короля Татона Руметруда с помощью своих дружинников коварно убила брата герульского короля, которому отомстила лично без ведома отца⁵⁹.

Археологические раскопки последних десятилетий дали интересный материал о политическом, общественном и культурном значении бургов, укрепленных поселений, в которых центр представлял собой резиденцию военной аристократии со своими дружинами. В таких бургах в случае опасности могли укрыться жители окрестных сельских поселений вместе с имуществом, скотом. Внутри некоторых бургов были расположены рынок, поселение ремесленников, стояли святилища⁶⁰.

В общественной организации германцев длительное время сохранялись традиции родового строя, сила кровнородственных связей и пережитки матриархата. У различных народов они проявлялись в неодинаковой степени, что зависело от темпов

социального развития. Тенденция к ослаблению и распаду кровнородственных объединений ранее и в большей степени проявилась у тех племен, которые входили в контакт с Римской империей (например, у готов и франков).

Следы материнского права, высокого общественного положения женщины отражают языческие культы, народные предания, легенды и обычное право. У алеманнов, баваров, лангобардов личность женщины защищалась повышенными вергельдом и штрафами. Интересен мотив установления такого порядка баварами: женщина не может сражаться и защищать себя оружием, но если она это в состоянии сделать, то композиция понижалась до обычной⁶¹. Культы Фригги, жены Одина, Фрейи, их дочери, занимают центральное место в религии всех племен, имена женщин прародительниц и прорицательниц Ауринии, Веледы, Гамбары были известны средневековым писателям до IX в. Германские женские имена отражают исключительные качества, которыми наделяли германцы своих прародительниц (Берта — блестящая, Свинцда — быстрая и т. п.).

Уважение к родичам по матери являлось обязательной нормой морали. Выходя замуж, женщина не порывала связи со своим родом; так, у англосаксов за преступления женщину наказывал не муж, а ее род (муж карал только за измену и покушение на его жизнь). Вергельд женщины определялся по вергельду отца или брата, т. е. по достоинству ее рода (у лангобардов такой порядок сохранился до VIII в.). По исландским и норвежским законам муж делил вергельд не только со своими взрослыми сыновьями, но и с сородичами жены. Англосаксонское право, лангобардские законы подтвердили право родственников жены на охрану ее имущества, они следили за тем, чтобы муж не отчуждал ее собственность и не принуждал жену к продаже своего имущества.

В древнескандинавских сагах союз сестры с братом считался более священным и тесным, чем союз жены с мужем. Героиня «Эдды» Гудрун убивает собственного мужа в отместку за смерть братьев.

По германскому обычному праву женщина могла наследовать движимое имущество, выступать в суде, давать свидетельские показания, приносить присягу⁶². Часть штрафов за преступления, совершенные против женщины, принадлежали самой потерпевшей. После вступления в брак часть имущества, в том числе и брачный дар жениха, считались собственностью жены. Внебрачные связи девушки не считались позорными (за исключением связей с рабом). В древних легендах немало примеров тому, как знатная девушка по своей инициативе могла делать выбор или отмечать своим вниманием кого-либо из знатных в посольской свите.

Семья не была строго моногамной, но семейно-брачные отношения определялись согласно патриархальному праву главы

семьи, т. е. отца и мужа. В составе большой патриархальной семьи совместно вели хозяйство родственники по отцу в пределах нескольких поколений (чаще трех: отец — сыновья — внуки). У германцев (так же как у кельтов и славян) мужчина, кроме законной жены, мог держать в доме наложницу, дети которой имели свою долю в наследстве, хотя и меньшую по сравнению с законными. Лангобарды называли таких незаконнорожденных детей «внебрачными» (*naturales*). У кельтов силу закона имел акт отцовского признания ребенка в присутствии сородичей, при этом правая рука ребенка поочередно вкладывалась в ладонь каждого из сородичей отца. Наложница через семь лет приобретала права законной жены. Обряд усыновления всегда производился в присутствии сородичей, знаком признания родства воспринималась процедура целования с каждым.

Нарушение супружеской верности со стороны женщины считалось у германцев величайшим позором и преступным деянием. С женщиной, виновной в измене, расправлялся сам муж, имея полную власть подвергнуть ее мучительной казни (у англосаксов отрезали нос и уши).

По германскому обычному праву брак совершался путем передачи жениху права опеки и защиты женщины за вознаграждение (цена мундиума). Термин объясняют двояким образом, производя его от *munt* — рука, значит мундиум — право собственной рукой осуществлять власть, или от слова *mund* — рот, следовательно, носитель права говорил за членов семьи, может быть прежде их, что тоже означало верховное право над теми, кто находился под мундиумом. Муж приобретал над женой полную власть, с преодолением пережитков матриархата он получал полное право распоряжаться жизнью и имуществом жены. В капитулярии Пипина от 757 г. муж был назван «головой женщины» (*caput mulieris*). Лангобардский Эдикт Ротари (VII в.), составленный в значительной части из обычных правовых норм, предписывал мужу убивать жену за прелюбодеяние (§ 213), за покушение на его жизнь (§ 203). С развитием государственности судебные права мужа были несколько ограничены, по закону Лиутпранда (VIII в.) запрещалось лишь убивать и уродовать жену. Однако в практике семейных отношений феодальной эпохи наказания за измену оставались традиционными, особенно в среде феодальной знати, осуществлявшей право частной власти в судопроизводстве. В IX в. французский граф Рихвин приказал отсечь голову своей жене, уличенной в прелюбодеянии.

Развод был односторонним актом и разрешался только по инициативе мужа. Бургундская правда не разрешала жене оставлять мужа⁶³. По салическим законам жена, оставившая мужа, подвергалась смертной каре. Муж, расторгавший узы брака, обязан был представить причины развода, считавшиеся

уважительными по закону, иначе женщина сохраняла право собственности на имущество, полученное от мужа по брачному договору (моргенгабе). Англосаксонские законы давали женщине право развода, сохраняя за ней половину имущества, если дети оставались с матерью; если они шли за отцом, то определялась доля каждого сына из имущества матери. Разводы допускались у алеманнов, у франков только согласно постановлению Пипипа от 753 г. женщина получила право развода, но вторичное замужество запрещалось.

Древние германские законы предписывали каждой женщине находиться под мундиумом мужчины (отца, мужа, родственников, короля). В лангобардском эдикте Ротари говорится, что женщина не может быть «под властью собственного решения». Вестготские и бургундские законы допускали такой статус, признав относительную имущественную правоспособность женщины⁶⁴. За мужем и женой признавали раздельные права на имущество, штрафы за причиненный ущерб не оплачивались другой стороной. Однако всякое отчуждение имущества производилось с согласия мужа. Такого рода изменения в правовом положении женщины не означали повышения ее общественно-го статуса или ослабления патриархальной власти главы семьи. Развитие частной собственности и интересы разбогатевшей верхушки отражают законы, по-новому регулирующие имущественные отношения в семье. Права жены на имущество у состоятельных слоев определялись договором, который составлялся на случай смерти мужа. Вдова в течение года после смерти мужа не имела права вступать во второй брак под страхом утраты доли имущества умершего мужа. Родственники по отцу имели право на получение имущества (включая и утренний дар) женщины, умершей и не оставившей детей.

Отцовская власть над детьми выражалась тоже мундиумом и проявлялась в праве женить и выдавать замуж детей, наказывать и распределять наследство. Лишь позднее вестготское законодательство разрешало совершеннолетним жениться помимо воли отца, но вначале преодолевалось вмешательство родственников⁶⁵, которые участвовали в заключении брачных договоров будучи сонаследниками. Отец наказывал детей за провинности, имея над ними судебную власть, карал дочь смертной казнью за прелюбодеяние, мог лишить наследства за тяжкие проступки в отношении отца: побои, удары, ложный оговор. У вестготов такое право имел не только отец, но и дед, мать, бабка⁶⁶.

Итак, по мере разложения родовых отношений право защиты, осуществляемое прежде кровнородственным коллективом, переходит к главам патриархальных родов и семей. Кровная месть заменяется выкупом, на который имеют право сначала все сородичи, а затем ближайшие родственники. Но эта замена вражды и отмщения штрафами внедрялась с большим трудом,

традиции были сильнее предписаний закона. В старинных сказаниях, в эпической поэзии право мщения определяет поступки и действия, не подлежащие осуждению общественного мнения. Можно найти много примеров женской мести, только в поздних законах (VI—VII вв.) встречается суждение о том, что женщина не может выступать с оружием и наравне с мужчинами защищать себя вооруженной рукой. С укреплением патриархальной власти мужчины женщина отстранялась от права мстить, а следовательно, не имела права на получение вергельда, т. е. возмещения за право мстить, угрожая жизни (вергельд считался ценой личности свободного). Но в древних законах скандинавских германцев вергельд, заменивший кровную месть за убийство, делили родственники по мечу и родственники по веретену, следовательно, женщины еще не были отстранены от права мстить. Месть считалась героическим подвигом; у славян, например, очень распространенными стали имена Мстислав, Войнислав.

Право мщения регулировалось обычным правом. Месть должна была быть явной, публичной, о ней делалось объявление на суде и устанавливалось состояние примирения, так предотвращались последующие конфликты. Акт отмщения совершался на открытом месте в присутствии свидетелей, как публично-правовой акт наказания, убийство в доме расценивалось как преднамеренное преступление против личности. По англосаксонским законам, если убивший вора оставил это убийство в тайне, не сделал публичного объявления, то родственники убитого могли присягой освободить от обвинения его и тогда, пользуясь правом мести, на законном основании преследовать убийцу вора.

При записи обычного права состояние кровной мести обозначалось словом *файда*, т. е. вражда, вергельд или штраф (композиция) устраняли действие вражды и фиксировали состояние примирения. В законах надолго сохранились суровые меры, предупреждавшие кровную месть. Так, в Алеманнской правде вергельдом каралось преследование убийцы и убийство его в своем доме.

С распадом кровнородственных связей функции целого коллектива сородичей по охране социального порядка переходят к носителям публичной власти в патриархальной семье и в войске — народном ополчении. Правовые нормы, складывавшиеся на основе обычаев, регулировали охрану личности свободного, право защиты, которое прежде принадлежало коллективу сородичей. Этот коллектив раньше защищал себя от чужих посредством кровной мести, а от внутренних конфликтов изгнанием тех, кто нарушал обычаи и утвердившиеся нормы поведения. Изгнание, т. е. лишение мира, означало наказание, равносильное смерти, так как изгнанник лишался защиты коллектива, человека ставили вне законов, оберегавших жизнь.

В обычном праве «лишение мира», «преступления против мира» надолго сохранили свое значение, но в новых социальных условиях эти понятия рассматривались как преступные деяния против носителей публичной власти, против институтов государственности (имелись в виду преступления против церковного или королевского мира).

Пережитки кровнородственных связей длительное время оказывали влияние на правовые отношения в переходный период. Общинники — родичи и соседи были связаны обычаями взаимопомощи и общей ответственности за преступления. Они обязаны были преследовать и карать правонарушителей, действовавших на территории общины. Родственники принимали участие в заключении браков, выступали охранителями чести женщины, опекали несовершеннолетних. Община IV в. была земледельческой, основанной на узах кровного родства и территориальных соседских связях. Она состояла из больших патриархальных семей (кровнородственных союзов) и отдельных индивидуальных хозяйств малых семей, выделявшихся с разделом имущества между взрослыми сыновьями. Узы кровного родства не только признавали, но и чтили. Англосаксонские законы Этельстана говорят о выкупе родичами даже вора. У фризоров родичи оказывали помощь при платеже одним из них штрафа за насилие над девушкой. У алеманнов даже в VII—VIII вв. убийство родственника считалось одним из самых тяжких преступлений и каралось полной конфискацией имущества⁶⁷. Значение этой правовой нормы усиливается предписанием христианской морали: «господь бог обязывает охранять родство».

Порядок наследования имущества складывался на основе признания взаимных прав членов парентеллы, группы родственников-сонаследников; постепенно преимущественные права в наследовании получали ближайшие родственники, а затем и прямые наследники: сыновья и позже дочери. Сонаследование означало право на получение части вергельда или композиции. С развитием государственности короли, присваивая главную функцию рода — защиту своих членов, претендуют на взыскание в пользу королевской власти части судебных штрафов. Основанием служило право короля на защиту свободных (мундиум, туицио короля); на узурпации этой функции основана идея предоставления королем высшего правосудия и защиты всех подданных.

При записи обычного права получили признание взаимные обязательства и права ближайших родственников при уплате и взыскании вергельда. У англосаксов в случае бегства убийцы родственники платили половину вергельда (Правда Этельберта, 23). Парентелла имела тенденцию к сужению состава родственников, решавших вопросы браков, опекуинства, охраны чести, получения штрафов. Если по Алеманской правде родст-

венники, имевшие право на получение вергельда, не обозначены точно по степеням родства, то Салическая правда указала, что они входят в систему трех степеней родства, а лангобардские законы определяют права только ближайших родственников, вергельд могли получать лишь братья (Эдикт Ротари, 162).

Преимущественные права прямых наследников утверждались путем устранения притязаний родственников, ссылавшихся на обычное право, и путем ограничения свободы завещания, распространявшейся под влиянием римского права и развития понятия о частной собственности. Согласно вестготским законам женщина могла свободно распоряжаться $\frac{1}{5}$ своего имущества, если у нее были дети; церкви и другим лицам разрешалось давать не более $\frac{1}{5}$. Законы запрещали родителям лишать наследства своих детей, произвольно увеличивать долю одного за счет другого. В исключительных случаях, по мотивам, указанным в законах, можно было выделить одного из сыновей и дать ему больше, но в пределах сначала $\frac{1}{10}$, позже $\frac{1}{3}$ всего имущества.

Пережитки кровнородственных взаимных обязательств признавались в судопроизводстве. Родственники были обязаны преследовать и выдавать преступников. Обычное право подчеркивало публичный характер задержания преступника и передачи его в руки правосудия, что должно было означать освобождение от действия кровной мести со стороны родственников потерпевшего. Преследование виновного должно было быть открытым, публичным действием, оно производилось целой группой родственников и соприсяжников потерпевшего под звуки рога и крики ватаги преследователей.

Судопроизводство тоже было публичным. Инициатива возбуждения дела принадлежала потерпевшей стороне: в случае добровольного признания вины или иска суд немедленно выносил решение. Если обвиняемый не признавал своей вины, то применялись две формы процесса: 1) потерпевший со свидетелями приносил очистительную присягу в том, что виновный пойман с поличным на месте преступления, после чего суд выносил обвинительный приговор; 2) суд возлагал тяжесть доказательства невиновности на обвиняемого, который отрицал вину, он сам и его соприсяжники приносили в том очистительную присягу, тогда судебное решение выносили по результатам сакральных испытаний (ордалий).

В качестве судебных доказательств признавали присягу с соприсяжниками, судебный поединок, ордалии (испытания), с помощью которых как бы узнавали волю божества, указывающую на истину. Испытания огнем, водой, поединком тяжущихся, так называемый божий суд, были строго регламентированы обычаем и представляли собой процедуру, которую надо было совершить в соответствии со сложившимися правилами.

Присяга произносилась по сакральной формуле, малейшее отступление вело к проигрышу дела, так как ошибка считалась доказательством вины. Судебный поединок проводился по точно установленному порядку и долгое время применялся в феодальном судопроизводстве. В судебном поединке вначале участвовали и женщины, такой порядок держался у баваров до VIII в. Судебные поединки решали исход судебного спора, участники обязаны были сражаться до конца, оставлять своих сотоварищей считалось преступлением, по алеманнским законам наказывалось половиной вергельда, по лангобардским ценой жизни⁶⁸. В спорах о границах земельных владений запрещались поединки с участием наемных бойцов⁶⁹, и здесь также привлекались соприсяжники, соучастники судебного процесса.

Средневековые сборники ритуалов ордалий дают представление о некоторых видах испытаний железом, «котлом» и холодной водой. В присутствии соприсяжников-свидетелей нагревали железо на раскаленных углях и клали его на специальные столбы. Обвиняемый, окропив руку водой, должен был взять железо и пронести его на расстоянии 9 шагов, причем весь этот путь был поделен на три части. На первый знак у столба испытываемый должен был встать своей правой ногой, на второй — левой, после этого поставить правую ногу на третий знак и бросить железо. Рука закрывалась (запечатывалась), а на третий день подвергалась обследованию: если под печатью заживление шло нормально, то это считалось знаком невинности, загноение показывало вину испытываемого. Испытание «котлом» означало суд кипящей водой. Вода нагревалась до кипения в железном, медном, свинцовом или глиняном котле, на дне лежал камень, который должен был вынуть испытываемый, в простом обвинении рука опускалась до запястья, в тройном, более тяжком, — до локтя. После этой процедуры рука тоже запечатывалась, чтобы позже определить, чиста ли она или отмечена виновностью. По англосаксонским законам Этельстана известна ордалия холодной водой. Испытуемого в позе присевшего на корточки человека обвязывали веревкой, протянув ее у подколенных впадин и воруя боков, затем погружали в холодную воду на 1 и 1/2 локтя. Если тело держалось на поверхности, то испытываемого признавали виновным (считалось, что вода как чистая стихия отталкивает от себя обремененного преступлением). Погружение в воду воспринималось как признак очищения от обвинения.

Соприсяжничество являлось характерной особенностью судебного разбирательства, соприсяжники уславляли обвинение или оправдание в непричастности к правонарушению, подтверждали силу иска или возражения ответчика, выступали в роли поручителей долговых обязательств. Соприсяжники выставляли в качестве залога свое имущество, давая поручительство за правильность ведения дела, за достоверность показаний. Суд

решал, какая из сторон должна представить доказательства, и наблюдал за выполнением правил предоставления доказательств.

Соприсяжничество было проявлением права и обязанности рода по защите своего члена. Эта особенность кровнородственных связей сохранилась в видоизмененной форме, в числе соприсяжников выступали не только родственники, члены парентеллы, но и соседи, наиболее авторитетные, добросовестные, отвечавшие своим имуществом за правдивость показаний. У каждого свободного был свой круг соприсяжников, если умирал один из них, то на его место назначался другой, ближайший родственник.

Укрепление соседско-территориальных связей и развитие индивидуальных хозяйств в общине приводило к распаду парентелл. Последовало правовое признание возможности выхода из состава родственных объединений, в чем были заинтересованы прежде всего состоятельные землевладельцы. Салические франки и бургунды ранее других признали право отказа от участия в уплате и получении вергельда⁷⁰, отказ от родства, т. е. от взаимных обязательств и прав (сонаследования, соприсяжничества), укреплял самостоятельность разбогатевших семей, их имущественную независимость и в то же время увеличивал риск разорения для остальных. В лангобардских законах встречается упоминание о добровольных объединениях (*zava*), которые оказывали сопротивление своему судье при вынесении судебного решения. В составе таких объединений действовали не родственники, а, как говорится в законе, злоумышленные лица (4—5 человек и более)⁷¹. Появление такого рода союзов свидетельствует о попытках свободных противопоставить королевской юрисдикции организацию, которая основана на старых традициях активного влияния коллектива на ход судебного процесса. Подобного рода союзы могли заключать с целью коллективной ответственности за уплату штрафов и вергельда, поскольку их высокие суммы, соответствовавшие прежде числу всех родственников парентеллы, уже не в состоянии были платить отдельные малые семьи.

Обычное право, охранявшее многие пережитки старого родового устройства, традиции сонаследования, соприсяжничества, замены кровной мести высокими штрафами, способствовало углублению имущественного неравенства. Одновременно возникали новые нормы права, регулировавшие имущественные отношения и способствовавшие утверждению частной собственности на движимое имущество и развитию индивидуального владения землей.

Купля-продажа вещи, обмен, заем совершались путем предоставления залога в обеспечение уплаты цены или долга. Предметом залога могло быть имущество или личность должника, в случае нарушения договора об уплате предусматри-

валось исполнение повинностей в пользу кредитора или продавца вещи. Имущественные отношения основывались на понятии «совесть». Выполнение принятых обязательств гарантировалось материальным положением соприсяжников-поручителей и словом честного человека. Такое соглашение сопровождалось передачей кредитору прута или перчатки. Процедура такого обряда подтверждала обязательство. Письменное документальное подтверждение вошло в практику много позже с возникновением государственности и под влиянием канонического права.

Необходимость регулирования имущественных отношений диктовали условия ограничения кровной мести. Вначале выкуп в форме штрафов и вергельда применялся наряду с действиями кровной мести (файда), затем вводилась обязательность замены. Сложилась целая система возмещения ущерба, причиненного личности и имуществу свободного, основанная на указании каждого конкретного судебного казуса; в дальнейшем проявления кровной мести карались многократными взысканиями обычных вергельдов и штрафов. Последнее применялось как средство защиты особого общественного положения короля, церкви и духовных лиц, а также служилой знати.

Обычное право предусматривало различные виды преступлений против собственности: кражи, похищения ночью со взломом, разбой, захват чужого имущества посредством вооруженного нападения с помощью нескольких соучастников. Вводились суровые наказания вплоть до смертной казни или замены ее вергельдом⁷². Кражи классифицировались по величине ущерба, по числу участников: ворами называли правонарушителей, действовавших числом до 7, шайкой — до 35, войском (бандой) — свыше⁷³. За поимку вора следовало поощрение. Родичи словом короля клялись не мстить пойманному вору⁷⁴. За повторную кражу англосаксы наказывали отсечением руки или ноги и позорным прозвищем. Судебные казусы предусмотрительно указывали не смешивать случайные поступки со злоумышленным намерением в отношении чужого имущества. Чужак, шедший по лесу или подошедший к усадьбе, вступивший на чужой двор, должен был призывно кричать или трубить в рог⁷⁵, т. е. заявить публично о своем присутствии, чтобы его не признали за вора. Со временем и непредумышленные действия, имевшие следствием материальный ущерб, тоже стали наказывать штрафом. Мотивировкой служило сравнение с кражей. Так, в англосаксонских законах поджигатель квалифицируется как вор, и тот, кто сжег дерево в лесу, присуждался к полному штрафу (Правда Инэ, 43). В то же время порубка чужих деревьев подлежала оплате только в пределах трех штук, поскольку звук топора достаточно явно говорил о содеянном, чтобы пре-

дотратить последующий ущерб или отобрать порубленное. Как сказано в законе, топор являлся доносителем, а не вором.

Право частного владения недвижимой собственностью складывалось постепенно, вначале на дом и усадьбу, крестьянский двор, затем на пахотное поле и позже — на луга и другие общинные угодья.

Социально-экономическое развитие германцев в период III—V вв. характеризуется возникновением соседской общины, индивидуального права владения участками культивируемой земли, возникновением аллода (земельного владения с правом передачи по наследству). Таким образом, развитие частной собственности на движимое имущество и появление аллода стало главной предпосылкой имущественной и социальной дифференциации в общине. На протяжении всего периода сохранялись значительные пережитки кровнородственных связей, они влияли на правовые и имущественные отношения в общине, на организацию войска.

Западные славяне. Согласно Плинию и Тациту, на землях, лежащих к востоку от германцев, жили племена венеков. Первоначально это название относилось к итало-кельтской группе, затем распространилось на другие народы, среди которых были и протославяне. В I в. н. э. в область венеков проникли руги, готы и гепиды. Территория по Лабе, Одеру и Висле от Балтийского моря до Дуная имела густую сеть речных водных путей. Как и германцы, народы этого бассейна имели развитое судостроение. Ругов, которых отождествляли с русами, называли «дромитами», т. е. странствующими по рекам на судах-дромонах. На севере этой области, на побережье Балтики, жили поморяне. Со II в. протославянские племена и ославяненные венеки составляют единый историко-культурный регион. С III в. н. э. с возникновением территориальных племенных союзов обособились три этнические языковые группы: поморско-полабская (Прибалтийское побережье и бассейн нижней Эльбы), польская (бассейн Вислы и Одера) и чешско-моравская (бассейн верхней Эльбы, Влтавы, верхнего Одера и северного притока Дуная Моравы). Это была обширная территория Центральной Европы от Одера до Вислы и от южного морского побережья Балтики до Балкан. Готский историк VI в. Иордан в своем сочинении дает описание славяно-готских или вендо-готских контактов и взаимопроникновений во II—IV вв. на территории Восточной Европы. Из этой зоны с конца IV в. выделились руги и гепиды и поселились на среднем Дунае. В VI в. славянские племена двинулись на запад и во второй половине VI в. достигли Эльбы⁷⁶. Византийские писатели называют многочисленные племена склавинов (славов) в дунайских областях.

На указанной территории славянские и германские народы жили по соседству, в тесных контактах. Это явление современные ученые трактуют как сосуществование различных этнических групп, употребляя термин «Kohabitation», а всю область между Днепром и средним Одером считают славяно-германским регионом⁷⁷.

Славянские территориальные союзы имели свои политические и религиозные центры, укрепленные городища. На землях вильцев, между нижней Эльбой и Одером, археологи обнаружили остатки славянского бурга, расположенного на острове посреди озера. Этот островной бург с мощным валом (Tetegow) является образцом высокой строительной техники. Гипотезу о деревянном мосте, соединявшем бург с поселениями на берегу озера, подтвердили археологические находки. Самый западный, союз вагров имел своим центром Старград, расположенный на Балтийском побережье, у ободритов сильнейшим бургом был Велеград, у полабов — Ратибор, у лютичей — Радигощ, в нем находилось святилище, посвященное языческому богу Радигость. Город со святилищем и золотым изображением божества со всех сторон был окружен глубоким озером, к святилищу вел бревенчатый мост, через который направлялись торжественные процессии для совершения жертвоприношений и вопрошения оракулов.

Славянские бурги ободритов, вильцев, лужичан, лужицких сербов дают представление о широком экспорте керамики, изготовленной на гончарном круге. Раннеславянские поселения в Дессау и Мессене (на верхней Эльбе) различны по расположению домов: в одних — жилища (их 10) образуют круг, дома находятся на небольшом отдалении, в других — дома стоят рядом по одну и другую стороны. Дома были рубленые, дым выходил из-под крыши через оконное отверстие в треугольнике перекрытия. Некоторые бурги были окружены тыном и деревянной крепостной стеной с навесом. Славянские храмы строили из дерева, культовое здание окружали палисадом. В славянских храмах находят: каменный рельеф с изображением славянского бога Свантевита, бога-воителя с мечом в руке, деревянные фигуры славянских двубоженных богов. Славянский бург Аркона тоже был расположен на острове. Бург венчала башня, а высокий естественный вал делал его недоступным. На территории бурга найдено погребение: в углублениях лежат скелеты, среди погребального инвентаря найдены кольца, золотые украшения, деревянная голова дракона⁷⁸.

Славяне, как и германцы, занимались плужным земледелием, скотоводством, охотой, бортничеством и ремеслами. Развивалось огородничество и садоводство, большое значение имел рыбный промысел. Славяне обладали сложными техническими приемами обработки металла, занимались корабле-

строением, оружейным производством, ткачеством и гончарным делом⁷⁹. Они обладали высоким военным искусством и техникой осады и взятия крепостей. Склавины, жившие во Фриульской области и в Истрии, занимали выгодные позиции в труднодоступных местах, на горе или на холме и успешно защищались даже от натиска конницы, больше сражаясь камнями и топорами, чем оружием⁸⁰. Славяне были вооружены мечами и копьями.

В III—IV вв. славяне жили земледельческими общинами, у славян, расселившихся в дунайских областях, большесемейная община с тесными кровнородственными связями сохранялась длительное время (у сербов она называлась — за-друга).

В силу тех же исторических причин, которые толкали германцев к переселению, в IV в. усиливается военная активность славян. Часть славянских племен вместе с германцами участвовала в набегах на Паннонию и Дакию, другие, продвигаясь на запад и юг, побуждали германцев к новым миграциям. В эпоху великого переселения народов славяне далеко продвинулись в глубь бассейна Эльбы и на Балканы. К VI в. славянские племена густо расселились в бассейне Дуная, много их было на территории Паннонии и Моравии. Вероятно, они пришли сюда с севера, из прибалтийских областей и с равнин Восточной Европы. В этой области в VI в. образовался Аварский каганат (авары, народ тюркского происхождения, пришли с Востока), и с 60-х гг. славяне (паннонские дулебы) оказались под властью аварского кагана. Поселения славянских земледельцев кормили аваров, славяне-воины служили в войске кагана. Как писал В. Д. Королук, труд и кровь славян-земледельцев и славян-воинов обеспечивали силу и мощь Аварского каганата⁸¹.

В дальнейшем в Подунавье развернулась ожесточенная борьба между аварами и славянами. Образовались большие племенные союзы славян, они известны здесь с VI в.⁸² К этому времени относится первая волна славянских миграций на Балканы. Особенно активны были славянские дружины в северо-западной части полуострова, в Далмации и Иллирии, а также на границе с Италией, в Истрии. Около 600 г. лангобарды, славяне и авары совершили военный поход в Истрию, он завершился грабежами и разгромами городов и селений⁸³. В 611—612 гг. склавы организовали новый поход в Истрию. Они одержали победу и снова разграбили эту провинцию, началось заселение Истрии славянами. Отсюда князья совершали военные походы по суше в Северную Италию, а морем на кораблях достигали берегов Италии по всей линии Адриатического моря. В 645 г. морской поход склавов в Южную Италию завершился высадкой войска в Сипонто. Об этом подробно рассказал лангобардский историк Па-

вел Диакон (IV, 40; 43). Славяне селились во Фриульской области, на территории византийских владений Равеннского экзархата, лангобардского герцогства Беневент в Южной Италии.

Славянские военачальники совершали разбойничьи набеги в Северную Италию и Апулию, вступали в военно-политический союз с лангобардскими королями и герцогами, которые воевали против византийцев. В 603 г. склавы в составе лангобардского войска короля Агилульфа осадили и взяли Кремону. Тогда Агилульф получил в подкрепление славянские отряды по соглашению с аварским каганом. В качестве союзников славяне привлекали на свою сторону соседей: авар и протоболгар, с которыми у них был тесный этнический контакт.

Славяне густо заселили области дунайских притоков — Дравы (область Карнунт или Карантания) и Савы (Крайна). По свидетельству Павла Диакона, склавы, жившие в пограничных с Фриулом областях, платили дань лангобардскому герцогу (IV, 38). Они постоянно теснили лангобардов Фриуля, а фриульская знать во время междоусобиц часто обращалась за помощью или к аварскому кагану, или к славянским вождям, инспирируя их вторжения. Около 663 г. лангобардский король Гримоальд искал поддержки у аварского кагана в борьбе с герцогом Фриуля, поднявшим мятеж. Сын последнего Арнефрид пытался с помощью славян захватить власть, он призвал славянское войско из Карнунта (Карантана) во Фриуль, но был убит своими дружинниками (Павел Диакон V, 22). Тогда ставленник лангобардского войска Вектарит выступил против славянского военачальника, который с пяти тысячным отрядом стоял в Броксах, вблизи самой столицы Фриульского герцогства — Чивидалья⁸⁴. Трагический эпизод поражения лангобардов в войне со славянами произошел в 701 г., во время нового вторжения склавов во Фриуль. Лангобардский герцог Фердульф, желая лично прославиться победой над славянами, вступил в спор с другим военачальником, скульдахием Аргайтом, обвиняя его в бездеятельности по отношению к врагам, опустошавшим провинцию. С насмешкой герцог сказал, что тот своим попустительством оправдывает имя (у лангобардов прозвище «арга» было самым обидным и оскорбительным, так как означало неспособность человека к активным действиям и решительным поступкам). Аргайт в запальчивости предложил решить спор в сражении: тот и другой поодиночке предприняли попытку захватить лагерь славянского войска, расположенный на высоком холме. Оба отряда были разбиты и уничтожены порознь во время конной атаки со стороны самого крутого склона⁸⁵.

Массовое вторжение славян повторилось в период 716—720 гг. Три раза воевал с ними герцог Пеммо, а после того как был смещен лангобардским королем Лиутпрандом, намеревался искать убежище у славянских князей.

Фриульские герцоги воевали со славянскими князьями в течение всего VIII в., в свою очередь совершая походы на славянские земли в Карниоле (верхняя Драва)⁸⁶. В 738 г. фриульский герцог Ратхис предпринял поход на родину склавов, которая, по мнению лангобардского историка, была в Карниоле (VI, 52). Военная экспансия с той и другой стороны причиняла большой урон местному населению, войска уводили скот, пленных, наносили ущерб хозяйству земледельцев.

Расселение славян на захваченной территории вело к этническому сближению с дунайскими народами, что отразилось на этногенезе верхнедунайского региона, насыщенного германским, местным паннонским и славянским элементами. Контакты паннонских славян с другими племенами были очень тесными, языковые барьеры легко преодолевались. Во время переговоров беневентский герцог обратился к славянскому военачальнику на его родном языке. Прадед лангобардского историка Павла Диакона, возвращаясь из аварского плена в Италию, останавливался в славянском селении. Там он нашел приют у славянки, которая говорила с ним на своем языке, и лангобард понял ее объяснение, каким путем добраться до родных мест⁸⁷.

В Истрии получил широкое распространение славянский культ Перуна, «Перунова» топонимика свидетельствует о плотности и длительности славянских поселений в этой области. Когда часть славянских племен вошла в состав Аварского каганата, из Паннонии начались миграции. Часть славянских воинов служила в византийской армии. Первая волна аваро-славянской миграции относится к концу VI — середине VII в. Вторая, и более мощная, в VII—VIII вв. привела к массовому расселению славян в северо-восточной части Италии, на верхнем Дунае и в Истрии⁸⁸.

Центр славянских владений на Дунае сложился к VI в. в области, лежавшей к югу от баваров, на территории между верхним Дунаем и северным побережьем Адриатического моря. Современники называли ее Карнунт, Карниола и считали «провинцией склавов». С севера на склавы надвигались бавары, германцы, дружественные лангобардам в Италии. Баварские короли и герцоги постоянно организовывали военные походы на славянские поселения, грабили, уводили жителей. Часто терпели поражение и сами становились объектом завоеваний славянских вождей. В 595 г. склавы одержали победу над баварами сразу после их вторжения⁸⁹. Много грабительских набегов совершили славянские дружины в об-

ласть баваров в начале VII в.⁹⁰. Экспансия славян была направлена на запад и достигала южногалльских областей (Прованса). Во французских рыцарских жестах и поэмах, восходящих своим содержанием к событиям VIII—IX вв., нижняя часть долины Роны с городами Ним и Оранж представлена провинцией, испытывавшей на себе всю тяжесть вторжений не только арабов, но и славян: «тот край — славян и сарацин удел» (Нимская телега, XXII).

Миграции славянских народов, завоевания, расселение на территории, общей с германскими, дунайскими, прибалтийскими племенами, обусловили разложение первобытнообщинного строя, сходство основных тенденций социально-политического развития, этнических процессов, уровня материально-го производства.

Итак, период III—V вв. является значительным и важным этапом в истории европейских народов. Основой хозяйства становится плужное земледелие, основанное на домашнем содержании скота. Переход пахотных земель в индивидуальное, наследственное владение отдельных больших и впоследствии малых патриархальных семей явилось главным условием формирования мелкого крестьянского хозяйства. В период разложения родового строя при сохранении значительных пережитков кровнородственных связей и общинно-племенной организации общинные формы существования свободных производителей обеспечили дальнейшее развитие производительных сил. Соседская община, в которой общинная собственность на землю регулировала и определяла индивидуальное производство отдельных ее членов, создавала экономические предпосылки для хозяйственного освоения новых земель, для развития скотоводства, использования общинных угодий для охоты, рыболовства, для развития ремесел. Община защищала индивидуальное, частное право каждого члена на семейное владение, передаваемое по наследству (аллод), обеспечивая таким образом развитие хозяйственной инициативы свободных землевладельцев. Развитие производительных сил положило начало социальной революции, которая выразилась в усилении темпов социальной дифференциации, вызванной развитием частной собственности на движимое имущество, частного наследственного владения усадьбой и пахотным наделом.

ГЛАВА 2

ОБРАЗОВАНИЕ РАННЕКЛАССОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Миграции, переселения, завоевания, которые были следствием социально-экономических перемен, усиливали разло-

жение племенной организации, военную активность, позицию военной знати и привели к возникновению ранних форм государственности. Этногенетические процессы явились и результатом, и в то же время одним из факторов развития новой политической организации народов.

Миграции европейских народов приняли массовый характер, начиная со II в. Древнегерманская традиция сообщает о скандинавском происхождении многих германских племен. Готский историк Иордан называл Скандинавию «как бы мастерской племен» (*officina gentium*) и прародиной народов (*vagina nationum*)⁹¹. В обычном праве скандинавских и континентальных германцев обнаруживается сходство в названиях некоторых институтов общественного устройства, в правовых терминах. Знатный род Гаутов, о котором рассказывается в англосаксонской поэме «Беовульф», встречается в древней традиции лангобардов. Со Скандинавией связана этногенетическая традиция готов, одного из самых многочисленных германских народов. По данным древнего эпоса (в изложении готского историка Иордана), готы отправились из Скандинавии на трех кораблях (один занимали гепиды), и затем в течение пяти поколений они жили на побережье Балтийского моря и в бассейне нижней Вислы⁹². Если следовать рассказу Иордана, можно сделать вывод о том, что миграция готов с самого начала происходила как массовое переселение народа, в ходе которого готы сталкивались и отчасти соединялись с другими племенами. Решение о переселении принимало народное собрание, оно выносило постановление, чтобы войско, объединявшее всех полноправных свободных, двинулось в поход вместе с семьями.

Поселившись на берегах Океана (Балтики), готы начали войну с островными ругами (ульмеругами) и вытеснили тех, как говорит Иордан, «со своих мест», после этого подчинили других своих соседей — вандалов. Под натиском славян готы двинулись на юго-восток в поисках более удобных мест для расселения. По другой версии, готы в составе гутонов (к ним относились вандалы, бургунды, лангобарды, герулы, гепиды, скиры, руги) входили в маркоманский союз Маробода и жили между верховьями Одера и Вислы (Богемия)⁹³. После выхода из маркоманской федерации племен готы переселились в низовья Вислы. На основании этой версии еще в XIX в. возникла гипотеза о миграции готов с юга на север⁹⁴.

В ходе переселений образовался союз готских племен, в который вошла часть вандалов и ругов. Во второй половине II в. славяне стали теснить готов и заставили их перейти на другой берег реки Припять. Численно разросшийся союз готов разделился на две части: восточные готы (остготы, или грейтунги, степные — *grīut* — по-готски степь, песок) двинулись по Днепру, а западные (вестготы, или тервинги, жите-

ли лесов) по Днестру. Этнический процесс слияния, интеграции переходит в фазу вычленения новых этносов с этнонимами, производными от специфики мест расселения. Этноним восточных готов тождественен имени первого предводителя, короля Остроготы, который встал во главе союза племен, объединившихся вокруг остготов⁹⁵. Во II в. н. э. остготы занимали земли в Приднепровье, а вестготский союз племен занял области по Днестру и далее, к западу. В середине III в. часть готов оказалась уже в Дакии, на ее лесных массивах, туда же в IV в. ушли некоторые племена готов под натиском гуннов. Во второй половине III в. готы двинулись на понтийские владения Римской империи. Они расселились в Крыму, часть достигла Херсонеса.

В IV в. Днестр стал рубежом двух конфедераций, во главе Остготской стояли короли из рода Амалов, Вестготской правили короли из рода Балтов⁹⁶.

Готы в Причерноморье жили оседлыми поселениями, занимались плужным земледелием, разводили различные породы домашнего скота. Готы были искусными мастерами в художественной обработке металлов; ютарные подвески, змеевидные браслеты, бляшки, фибулы — пряжки с птичьими головами являются произведениями тонкого ювелирного искусства. Судостроение, керамика, ткачество наряду с сельским хозяйством создавали предпосылки для оживленного товарообмена. Предметами вывоза были скот, рабы, кожи, готы покупали и ввозили вино, оливковое масло, оружие, на готской территории находят большое количество римских монет.

Возникает частная собственность и начинается процесс классового разложения. В этом убеждают находки бронзовых замков и ключей. Это также подтверждают законы, карающие посягательство на чужое имущество. Готская знать возвышается над остальными свободными благодаря своему имущественному положению и политическому влиянию. Появляются такие черты общественного быта, как передача имущества под залог, долговые обязательства, что свидетельствует о задолженности некоторых общинников. Обедневшие свободные и население завоеванных областей попадают в зависимость, их труд эксплуатировали более состоятельные, принуждая к отработкам за долги или к уплате части урожая.

Политическая организация готов имела ранние признаки государственности. Короли с дружинами совершали грабительские походы (с III в. в Мезию, в IV в. на нижний Дунай и на Балканы, на земли восточных славян, в Крым). Они становились федератами Римской империи и обогащались за счет военной добычи и федератского жалованья⁹⁷.

Остготская конфедерация племен сложилась на полиэтнической основе. Король Германарих подчинил своей гегемонии

готских вождей и часть других народов, переселившихся с готами из прибалтийских земель и северо-восточных областей (эстов, вenedов, герулов, меренс, морденс). Иордан называет Германариха повелителем над всеми племенами Скифии и Германии⁹⁸, наследником власти другого короля — Гебериха. Движение остготов в Восточной Европе происходило в обстановке острых военных конфликтов со славянами, много воевал с ними и Германарих⁹⁹. Аммиан Марцеллин тоже рассказывает о частых войнах германцев с соседними племенами¹⁰⁰. В 375 г. король Винитар совершил поход на земли антов и в сражении с королем Божем одержал победу. Последовала жестокая расправа, погиб князь Бож, его сыновья и 70 старейшин¹⁰¹. Племя росомонов отстаивало свою независимость в долгой и упорной борьбе с Германарихом, подчинение было эпизодическим, поэтому Иордан характеризует народ росомонов как племя неверное и способное на измену. Убийство вождя и его жены стало причиной новой войны, поднялись братья, чтобы отомстить и защитить свою землю от грабительских набегов остготов¹⁰².

На востоке остготы граничили и с аланами, которые сидели на Дону и назывались танаитами. Аммиан Марцеллин рассказывает, что аланы путем войн объединили многие соседние племена; будучи ослабленными они соединились под родовым именем аланов¹⁰³. Объединение различных племен кочевников под одним этнонимом могло быть следствием асимилиации, в результате которой нравы, обычаи, вооружение, образ жизни становятся единообразными¹⁰⁴. Археологически доказано, что к востоку от низовьев Дона и Азовского моря в IV—V вв. были и оседлые аланские поселения. Дальнейшие переселения аланов вместе с германцами и близость их к земледельческим народам Европы обусловили переход к оседлости. В общественном строе аланских племенных объединений проявлялись характерные черты политического устройства периода военной демократии. Аланы объясняли свое равенство благородством происхождения «от одного семени», своих вождей избирали по длительности военных заслуг (чем и определялась знатность рода), рабства они не знали. С аланами остготы воевали; вероятно, часть вошла в племенную конфедерацию и в дальнейшем вместе с германцами и гуннами переселялась на запад.

Аланы-кочевники не имели жилищ и не занимались обработкой земли. Они жили и передвигались в кибитках из согнутых в свод кусков древесной коры, переходили с места пастбы скота после истощения пастбища. В таких кибитках аланы прошли через всю Европу, они входили в остготский, вестготский и вандальский союзы, а в 429 г. вместе с вандалами переправились в северную Африку.

Остготская конфедерация в Причерноморье сложилась путем слияния многих племен с готским политически господствующим этносом. Разнородные элементы были включены в конфедерацию на условии признания готского обычного права и отказа от собственного. Иордан сообщает, что многие племена Германарих «принудил повиноваться своим законам»¹⁰⁵. В подобного рода политические объединения включали остатки разбитых врагов, таким образом увеличивалась численность войска политически главенствующего племени. Именно так поступил король Германарих с герулами, разбитыми в кровопролитном сражении, потому что, как заметил Иордан, не было тогда ни одного племени, которое бы не подбирало из герулов отряды легковооруженных воинов¹⁰⁶.

Остготская военно-политическая конфедерация IV в. в Причерноморье была непрочным объединением и начала распадаться под ударом гуннов к концу жизни короля Германариха. Гуннский вождь Баламбер повел свое войско против остготов, дважды он терпел поражение, но в третьем сражении одержал победу; остготский король Винитар, происходивший из рода Амалов, был убит¹⁰⁷. Остготы сохранили право иметь своего короля, назначавшегося с согласия гуннского предводителя. После Винитара королем был избран сын Германариха Гунимунд, а далее в течение 40 лет у остготов не было единого короля. Иордан объясняет этот факт тем, что остготы хранили память о былом короле и не хотели избирать другого¹⁰⁸. Очевидно, конфедерация распалась, часть остготов двинулась на Запад в составе гуннского племенного союза, другая осталась на прежней территории (возле Меотидского озера). Остготы вновь сплотились лишь в ходе дальнейшего переселения. Предводителем они избрали племянника Германариха Вандалара, который был двоюродным братом короля Гунимунда. В это время остготы входили в гуннский союз и двигались вместе с гуннами на запад, по Дунаю.

Три сына Вандалара короли Баламир, Тиудимир и Видимир правили одновременно, поделив занимаемую остготами в Паннонии территорию. Верховным военачальником, предводителем считался сначала старший Баламир, а затем Тиудимир. Между королями поддерживался тесный военный союз, но иногда они выступали против гуннов разрозненно. Король Видимир потерпел поражение и был убит в сражении.

Паннонская федерация остготов стала расти по мере ослабления гуннов, к ней присоединялись другие германские и дунайские народы, сидевшие в тех местах или пришедшие туда вместе с гуннами. Особенно она окрепла и увеличилась после распада гуннского союза во второй половине V в.

Вестготский союз племен в западной области Причерноморья сложился тоже как полиэтническое объединение. В пе-

реговорах с римским правительством вестготы выступали вместе со своими союзниками и сотоварищами, по выражению Иордана¹⁰⁹. Уже в начале IV в. готская знать стремилась к завоеваниям на Балканах. В 332 г. готские дружины столкнулись с римским войском, произошло крупное сражение, в котором пал король Видигоя. Готские военачальники в качестве федератов взяли на себя охрану римской границы на Дунае. В первой половине IV в. готские вожди стали принимать христианство в форме арианства. Около 340 г. епископ Вульфила изобрел готский алфавит, он переводил на готский язык Библию и другие христианские книги. Вестготская федерация не имела внутренней прочности и единства. Среди готских королей-предводителей шла междоусобная борьба за первенство, она осложнялась религиозными противоречиями, так как основная масса народа придерживалась языческих верований.

В 60-е гг. усилился натиск готских племен на Дунае, а в 367 г. началось вторжение во Фракию. Между тем гунны теснили остготов, некоторые их предводители переходили за Днестр и шли дальше вместе с вестготскими вождями. Остготские военачальники Алатей и Сафрак ушли за Дунай и разбили лагерь рядом с вестготским вождем Фритигерном. Затем они поселились во Фракии и участвовали в восстании вестготов и осаде Адрианополя в 378 г.¹¹⁰ Вестготы тоже рассеялись, одни продолжали действовать на Балканах, другие устремились в Паннонию и верхнюю Мезию¹¹¹.

Римское правительство использовало в своих интересах борьбу за гегемонию между готскими вождями. Император Валент оказывал военную поддержку готам-арианам во главе с Фритигерном. Король Атанарих объединял готов-язычников. Так, во Фракии образовалось заново два больших военно-политических союза вестготов, один возглавил Фритигерн, другой — Атанарих. Военные дружины из союза Фритигерна были военной опорой Восточной Римской империи в отражении варварских вторжений на Балканы.

В Западной Европе в III в. сложилось несколько военно-политических союзов. На нижнем Рейне и в Ютландии — англосаксонский (в него входили саксы англо-фризской ветви). Переселение англосаксов в Британию продолжалось в течение III—V вв., в ходе этого движения образовалась англосаксонская народность. Завоевание Британии происходило в упорной борьбе с местными кельтскими племенами. В начале V в. в римских легионах, размещенных на территории провинции Британия, начались мятежи. Солдаты провозглашали и тут же свергали императоров-узурпаторов. Очередной претендент старался вывести войска из страны, чтобы перенести военные действия в Испанию, Галлию, Германию. Римские чиновники были изгнаны из городов страны. Усилива-

лось соперничество и вражда в среде вождей местных племен. Все это облегчало завоевание Британии англосаксонскими королями, но сопротивление бриттов было длительным и упорным, особенно острой была борьба во второй половине V—VI вв. Прототипом образа короля Артура в средневековых легендах являлся король бриттов, народный герой, который храбро сражался с врагами, одержал победу в одиннадцати сражениях и подчинил своей власти других королей Британии. В Уэлльской хронике рассказывается, как король Артур три дня и три ночи нес на плечах крест господя, и бритты одержали победу при Бадоне в 518 г. Короли бриттов, объединившись, уничтожили в том сражении около 960 врагов. Ненний (уэлльский монах IX в.) в «Истории бриттов» пишет о кельтских военачальниках — вождях Артуре и Медроуте как о реальных лицах, они были убиты в 538—539 гг.

Англосаксы после переселения в Британию долгое время сохраняли свои древнегерманские законы, обычаи и нравы. В общественном сознании надолго отпечаталась память о этнической близости с теми родственными германскими племенами, с которыми они жили по соседству на континенте (с саксами и лангобардами). Неслучайно лангобардский король в Италии Пректарит, свергнутый Гримоальдом в VII в., хотел бежать в Британию. Согласно рассказу Павла Диакона, он сел на корабль, но вернулся с пути, получив благоприятный знак о возможности возвращения. Его сын Куиникперт радушно принимал англосаксонского короля на пути следования в Рим¹¹².

В середине III в. нижне- и среднерейнские германцы образовали политическое объединение и назвали себя франками, т. е. отважными или свободными. Новый этноним весьма характерно передавал основной принцип социально-политической жизни народа, и в то же время политический союз отражал этническое сближение, ассимиляцию некогда обособленных, но близких по территории племен (сикамбров, хамавов, батавов, узипетов и др.). По мере роста населения и в ходе расселения на более обширной площади франки разделились на два союза: салический и рипуарский. Первый этноним образовался от названия места расселения (по-кельтски *sale* означает море), салические франки — приморские, те, что оказались на нижнем Рейне и побережье. Некоторые ученые вслед за Ш. Монтескье склонны видеть иной смысл этнонима, производя его от *sala* — названия дома с хозяйственным двором свободного германца¹¹³. Этноним рипуарского союза указывал на область расселения по берегам среднего Рейна (*гипа* — берег реки).

В начале III в. к востоку от среднего течения Рейна, в бассейне Майна возник свевский союз, а немного позже на

землях верхнего Рейна — алеманнский. Алеманны жили в плетеных хижинах и занимались пахотным земледелием. Несколько селений объединялось в общины — «генеалогии». Земли отдельных генеалогий отделяла межа, споры о меже решались по обычному праву, судебным поединком. В генеалогиях и в войске сохраняли значение кровнородственные связи. В гористой местности алеманны занимались скотоводством. У них рано развивается пастушеская форма пастбы с помощью подпасков и собак. Раньше, чем у франков, применялась лошадь как вьючное животное, а крупный рогатый скот был дешевле. В IV в. алеманнская конфедерация была сильной и многочисленной. Ее этноним весьма показателен для данного периода. Это древнегерманское название подчеркивает, что главной фигурой политической организации был свободный воин, перед этой отличительной особенностью отступают другие этнические различия, вероятно, сохранившиеся между отдельными частями общего войска. В конце IV в. войско насчитывало 35 тыс. воинов, среди военачальников 5 королей и 10 представителей королевских родов, которые командовали и возглавляли каждый свой народ¹¹⁴. На рубеже IV в. в римском лексиконе появляются территориальные названия племенных конфедераций: *Alamannia*, *Francia*.

Началось строительство военных укреплений, которые были резиденциями германских королей и становились административными центрами военачальников и их дружин. В них возникали поселения ремесленников, и число жителей достигало 500—700 человек. Таких оппидумов у алеманнов было 11, а после прорыва верхнедунайского лимеса на Декуматских полях появилось еще 5.

Бургунды и вандалы на рубеже IV—V вв. оставили места своих поселений в области севернее Карпат и начали движение на Запад, образовав в прирейнских областях мощные федерации племен. В вандалский союз вошли часть свевов и часть аланов.

На нижнем Везере и Эльбе интеграция племен привела к образованию союза саксов путем слияния хавков, марсов, ангривариев и др.

На Эльбе возникает лангобардский союз. По одной версии, этнонимом народа стало название формы копы, по другой — способа укладки длинных волос, что было главным признаком свободы у германцев. На среднем Дунае грозной политической и военной силой становится квадо-сарматский союз.

С созданием военно-политических объединений римская граница на Рейне, в Альпах и на Дунае оказалась под угрозой варварских вторжений. В 259—260 гг. верхнегерманский

лимес между истоками Рейна и Дуная был прорван (протяженность линии — 368 км). Но в начале IV в. римское правительство укрепило систему лимесов зоной военных поселений, римская армия была усилена созданием полевой мобильной армии и пополнена отрядами федератов. Некоторое время не только удавалось сдерживать наступление варваров, но и наносить ответные удары. В 341—342 гг. в низовьях Рейна римские войска разгромили франков. Детальный анализ военной обстановки на Дунае позволил А. М. Ременникову сделать обоснованный вывод о снижении военной активности германцев в этом регионе в первой половине IV в.¹¹⁵

Натиск варварских племен усилился в середине IV в. Варваризация Римской империи углубила противоречия в среде господствующих кругов, усилила сепаратистские движения. Это в значительной степени подготовило распад империи. Отделение Запада было предопределено социальными, политическими и культурными различиями, а также настоятельной задачей укрепления местных границ, отодвигавшей на второй план общегосударственные интересы.

Особенно напряженной стала обстановка в 350—370-е гг. Римская армия терпела поражение за поражением, она была подавлена превосходящей силой неприятеля, не хватало продовольствия¹¹⁶. Вспомогательные отряды, дружины военачальников-федератов, не получая жалованья, отказывались исполнять приказы. Попытки императора Юлиана восстановить укрепления на Мозеле, Валента — во Фракии на Дунае, Феодосия — в Британии не дали результатов. По словам Аммиана Марцеллина все римские провинции, включая Италию, были наводнены варварами¹¹⁷. Британия оказалась в руках скоттов, пиктов и англосаксов. В Галлии варвары уже не встречали серьезного отпора со стороны римской армии¹¹⁸. Из-за Рейна наступали франки и алеманны, небезопасными стали даже большие дороги. Свевы осели в Рэции, квады и сарматы в Мезии и Паннонии¹¹⁹. Началось массовое наступление алеманнов. Одни устремились за Рейн (на левый берег), вторглись в Галлию и заняли территорию Эльзаса и верхней Лотарингии. Алеманнский король Хонодомарий дерзкими набегами исходил почти всю Галлию, обращая в бегство римскую армию, превосходившую его войско и числом, и силой¹²⁰. Историк Аммиану Марцеллину, который был современником этих событий, казалось, что галльские провинции уже на краю гибели. Другая часть алеманнов наступала на Рэцию, продвигаясь на юг и юго-восток в Альпийское предгорье, алеманны заняли территорию будущей Швейцарии. Алеманны начали осаждать большие римские города; вооруженные мечами, они расхаживали поблизости от римских укреплений и выкрикивали угрозы римским солдатам¹²¹. В это время алеманны основали много поселений в Северной

Италии, по свидетельству римских писателей, это был воинственный и беспокойный народ.

Постоянные войны и переселение алеманнов ускорили развитие их политической организации и этническое сближение племен (корнутов, брахриатов, ютунгов, лентингов). В результате франкского завоевания с конца V в. Алеманния была поставлена в зависимость от франкского герцога, племенная знать подчинилась его влиянию, герцог признал гегемонию Меровингов, но правил вполне самостоятельно. Алеманнская правда, состоящая из собрания древних обычных норм (*Pactus Alamannorum* — VI в.) и герцогских законов меровингской эпохи (*Lex Alamannorum* — VII в.), отражает развитие общества в период становления классов и государственной политической организации. Окончательно законы были отредактированы при герцоге Лантфриде около 717—719 гг., в составлении новой редакции свода законов принимало участие высшее духовенство (33 епископа), что свидетельствует о роли церкви в развитии раннефеодальной государственности. Алеманнское герцогство просуществовало до XI в., затем часть земель вошла в состав германского княжества Швабии.

Фракия была областью вторжения готов, дунайские провинции находились под ударами различных германских и сарматских племен. Император Валентиниан I старался укрепить границы на берегах Рейна и Дуная, по его распоряжению надстраивали стены крепостей и укреплений, ставили новые сторожевые башни. Однако эти меры не предотвратили нового наступления сарматов. Сарматы-лимигенты, оставив свои селения в горах, двинулись на римский лагерь, наступление стало массовым переселением на римскую территорию, войско сопровождали семьи со всем обозом, домашней утварью, скотом и имуществом¹²².

Переговоры римлян с квадами и сарматами о перемирии проходили очень трудно. Сарматские военачальники вели себя дерзко и независимо, часто вызывая. Был случай, когда сарматский воин бросил сапогом в трибунал (возвышение для римского полководца) и тут же раздался боевой сигнал к наступлению. Воины со своим знаменем бросились на императора, с помощью телохранителей ему удалось бежать, но императорский трибунал с золотой подушкой был захвачен варварами¹²³. Во время приема послов квадов Валентинианом I императора постиг смертельный удар. Волнение, гнев, страх действовали роковым образом, прервалось дыхание, из горла хлынула кровь.

По словам современников, оледеневший Дунай выносил на себе страшные битвы. Как говорил Либаний, для римлян единственное спасение было в том, чтобы Истр (Дунай) не покрывался слишком крепким льдом¹²⁴. Варвары вели на-

ступление на Рим через Альпы, Дунай и Иллирию: «это был общий заговор на гибель Риму»¹²⁵. Прав был в своем предчувствии историк Аммиан Марцеллин — «будущее грозило стать еще более печальным»¹²⁶.

Новая волна переселений, называемая «великим переселением народов», началась в 375 г., когда кочевые племена гуннов заняли места расселения остготов в Причерноморье и двинулись далее на запад, увлекая в едином переселенческом потоке и готов. Движение варваров становится мощным, непрерывным и принимает характер массового переселения. Историк Иордан подробно описал, как «страшным и неудержимым потоком бесчисленного множества варваров» двинулись вестготы на Римскую империю. Оставив свои селения на Днестре, всем народом зимой 374—375 гг. они ринулись за Дунай, а весной их не остановила и полноводная преграда. Три дня и три ночи продолжалась переправа: на кораблях и лодках люди устремились на противоположный правый берег великой реки, служившей границей римского и варварского мира. В тот год воды реки далеко вышли из берегов, корабли были переполнены, много людей тонуло, спасали имущество, домашнюю утварь, скот.

Римское правительство вынуждено было примириться с расселением вестготов во Фракии и обязало их платить налог с земли. Сборщики налогов действовали с обычной жестокой твердостью, отнимая почти весь урожай, в случае неуплаты конфисковывали имущество, принуждали к продаже в рабство детей¹²⁷. Голод и долговая кабала, к которой принуждали свободных, заставили вестготов взяться за оружие. К восставшим присоединилось местное фракийское население, также истощенное нуждой и угнетением. Восстание началось в Марцианополе, где римский военачальник пытался убить коварно приглашенных готских вождей Фритигерна и Алавиу. Однако те сумели вырваться, готские воины перебили римских воинов, ушли из города и подняли восстание. Одновременно восстали и готы в окрестностях Адрианополя. Вскоре они объединились и нашли поддержку среди местных жителей. Последние стали проводниками по незнакомым дорогам, показывали скрытые зернохранилища, выдавали богачей и тайники их имущества. В восстании принимали участие готы, проданные в рабство, фракийские рабы, работники золотых приисков, колонны¹²⁸.

Движение охватило всю Фракию. В 378 г. произошло крупное сражение при Адрианополе. Вестготы окружили город, не допуская подвоза продовольствия. В летнюю жаркую пору они разложили вокруг города костры, так что защитники города сильнее страдали от жажды, чем от голода. Римские войска подошли к осажденному городу, но внезапно с крутых гор ринулась готская конница, в стремительной ата-

ке она смяла противника, а многочисленные отряды варваров вступили в рукопашный бой. Мечи пробивали шлемы и панцири, сцепившиеся в схватке валялись на землю, равнина покрылась распростертыми на земле телами убитых и стонущих раненых. Римские солдаты, истощенные голодом и жаждой, обремененные тяжелым оружием, не имели сил сопротивляться внутри города. Боевая линия расстроилась, и римские войска бежали с поля боя вместе со своим военачальником, императором Валентом. Раненый, он нашел убежище в хижине, где и был сожжен преследовавшими его варварами. Битва при Адрианополе завершилась полным разгромом римской армии, погибли 35 трибунов и 2 военачальника. Аммиан Марцеллин дал драматическое описание этого знаменательного события¹²⁹ и нарисовал трагический образ сражающегося за свою свободу повстанца: «можно было видеть, как варвар в своей озлобленной свирепости, с искаженным лицом, с подрезанными подколенными жилами, отрубленной правой рукой или разорванным боком, грозно вращал своими свирепыми глазами уже на самом пороге смерти».

Обострение социальных противоречий между вестготской знатью и свободными, борьба за гегемонию среди вождей ослабляли их политическое единство. Одни искали поддержки у римского императора, другие в войске, опираясь на старые традиции. Атанарих заключил федератский договор с римским императором Феодосием, это осложнило его положение, он бежал в Константинополь, где «роковым образом скончался». Другой готский предводитель, — Гайна, получивший от императора на основании федератского договора с Римом звание магистра армии, был схвачен готским вождем Фравитой, который хотел выдать его императору Аркадию. Гайна с дружиной ушел за Дунай; там гуннский предводитель Ульдин схватил Гайну, отрубил ему голову и в засоленном виде отправил в подарок императору.

Готские вожди Алатей и Сафрак ушли в Паннонию¹³⁰. Фритигерн, объединив своих вестготов, привлек к союзу часть гуннов и аланов. В 80—90-е гг. Фритигерн с войском совершал грабительские походы в Фессалию, Эпир, Ахайю, а затем занял Иллирию. Вестготские вожди правили как короли¹³¹, в борьбе за первенство выдвинулся Аларих, привлекавший варваров на свою сторону активной антиримской политикой. Вестготы под предводительством Алариха нарушили федератский договор, перешли Дунай и двинулись на Константинополь. Однако восточноримское правительство сумело склонить Алариха к походу в Грецию. Вестготы сожгли Афины, Коринф, разорили и разграбили Пелопоннес. Император пожаловал Алариху титул магистра Иллирии и стал побуждать вестготского короля к захвату Италии, рассчитывая с помощью варварского войска подчинить ее Константи-

пополно. Иллирия, отданная вестготам для поселения, имела особое стратегическое значение на пути в Италию: ее горы крутыми склонами были обращены к Фракии, лишь узкая расщелина открывала путь на северо-запад. С 401 по 410 г. Аларих организовал оттуда 4 похода в Италию.

В Западной Римской империи при императоре Гонории большой властью и политическим влиянием обладал Стилихон, отец его был вандалом, а мать римлянкой. Феодосий женил Стилихона на своей племяннице, назначил магистром обеих армий и опекуном сына, Гонория. Стилихон дал Гонорию в жены свою дочь, а после ее смерти женил на другой дочери. С возвышением Стилихона в Риме усилилась варварская партия, и это вызывало резкое недовольство римской аристократии.

Стилихон вел гибкую политику, умело оберегал Италию от вторжений Алариха. Он дорогой ценой платил за мир, его контрибуцию в размере 4 тысяч фунтов золотом историки расценивали как сделку не о мире, а о рабстве¹³². Одним из условий договора с Аларихом была уступка Алариху римского титула магистра армий в Иллирике.

Между тем против Стилихона выступил глава антиварварской партии Олимпий¹³³. Стилихона обвиняли в том, что по его наущению варвары вторгались в западные провинции Рима, что с их помощью он хотел посадить на императорский трон своего сына, что он поддерживал связь с Аларихом, чтобы в нужный момент «истоптать и повергнуть в ужас империю». Вместе с сыном Стилихон был казнен в 408 г., после этого договор с Аларихом расторгли, а вестготского короля лишили звания магистра армий.

В 408—410 гг. Аларих проводит политику, направленную на объединение вестготов, он привлекает к союзу брата своей жены — Атаульфа, который правил среди вестготов, расселившихся в верхней Паннонии. Во главе большого союза племен Аларих двинулся в Северную Италию, на этот раз на его пути даже не встречались римские войска. Вестготы прошли через Верону, город в то время называли воротами варваров. В средние века из пяти крепостных ворот сохранились те, через которые проходили некогда варвары. О них упоминал Андреа Минуцци, описавший в XVI в. путешествие из Венеции в Париж. В начале V в. императорская резиденция была переведена сначала в Милан, затем в Равенну, только сенат по-прежнему оставался в Риме.

Аларих с войском занял все дороги на подступах к Риму и перерезал пути доставки продовольствия по Тибру. 6-тысячный отряд, прибывший на помощь Риму из Далмации, был разбит Аларихом. Во время осады Рима к вестготам бежало 40 тысяч рабов, главным образом германского происхождения, они были вооружены и приняты в войско¹³⁴. Рассказыва-

ют, что, когда Алариха предупредили о многочисленности населения города и трудностях осады, вестготский король будто бы ответил: «Чем гуще трава, тем легче ее косить».

14 августа 410 г. Аларих вступил в Рим, сенат капитулировал. Согласно легенде, ворота города открыли вестготам рабы римлянки Пробы по ее личному приказу. Благочестивая христианка надеялась на милость победителя по отношению к своим согражданам, страдавшим от голода и чумы¹³⁵. Город напоминал могилу, свирепствовала эпидемия, в горячем воздухе стояло зловоние, люди в отчаянии дошли до людоедства.

Аларих произнес в сенате горделивую речь, обещая завоевать для римлян весь мир, и потребовал выдать ему все золото, серебро и рабов-варваров. На вопрос: что же останется? — ответил: души! После трехдневного грабежа города вестготское войско ушло в Кампанию и Луканию. Вестготы остановились в Бруттии (южная Италия) с намерением переправиться в Сицилию и затем в Африку. Однако их корабли затонули при переправе во время бури, многие погибли, остальные решили двинуться в обратном направлении. Внезапно умирает Аларих. Для его похорон было отведено русло реки Бузент и на том месте вырыта могила для погребения короля. В нее опустили тело Алариха со множеством награбленного имущества, затем вернули воды реки в прежнее русло, а всех пленных землекопов уничтожили, чтобы никто никогда не мог разграбить сокровища их вождя¹³⁶. Смерть Алариха в Италии послужила поводом к созданию христианской легенды о возмездии за разрушение центра христианского мира и церкви — Рима. Легенда страшила варваров. Может быть, поэтому несколько десятилетий спустя другой завоеватель, гуннский вождь Аттила, не решился идти на Рим и добивался переговоров с папой, а остготский король Теодорих сделал своей резиденцией не Рим, а Равенну.

Новый предводитель вестготов, король Атаульф, вернулся в Рим. По словам Иордана, варвары «наподобие саранчи уничтожили и разграбили все, что еще уцелело»¹³⁷. Плененная вестготским королем сестра римского императора Гонория, дочь Феодосия I, Плацидия стала его женой.

После разгрома Рима вестготами Западная Римская империя фактически распалась. Провинции ускользали из-под власти римского императора. Римское правительство обращалось за помощью к варварским предводителям, ведя борьбу против узурпаторов, но это еще более ослабляло римское влияние в западных провинциях. По просьбе Гонория, вестготский король Атаульф расправился с его врагами в нижней Германии. Узурпаторы были казнены, а их головы выставлены на крепостных стенах Равенны. Но император вынужден был примириться с захватом вестготами Галлии и Испа-

нии. В середине V в. были потеряны Африка, Британия, Паннония. В Италии тоже хозяйничали варварские вожди, предводители отрядов федератов.

Вестготские переселения и завоевания нанесли серьезный удар Западной Римской империи. Но более разрушительные последствия имело гуннское нашествие в Западную Европу. Как «снеговой ураган в горах», прошли гунны по степям Восточной Европы и вдоль Дуная. Низкорослые, сухопарые и широкоплечие, с детства приученные переносить холод, голод и жажду, они способны были дни и ночи проводить на коне. Вооруженные короткими мечами, луком и арканами, гунны наводили ужас на местных жителей своей жестокостью. Христианская легенда объясняла свирепость завоевателей происхождением их от ведьм и злых духов, блуждавших по бескрайним степям Востока. Аттилу называли «разоритель» и «осиротитель Европы». На вид это был невзрачный человек, с темной кожей неприятного цвета, низкого роста, с широкой грудью и большой головой. Маленькие глазки, приплюснутый нос и редкая борода, чуть тронутая сединой, делали его лицо невыразительным, но вся осанка, необычайно горделивая поступь, взгляд и телодвижения подчеркивали его могущество и высокую власть. Иордан говорит о его баснословной славе среди варваров¹³⁸. Историк отметил и такую особенность поведения Аттилы, как здравомыслие и доступность, близость к соплеменникам и милость к союзникам, т. е. черты, характерные для предводителя войска, организованного на принципах военно-политического союза.

Гунны подчинили своей гегемонии многие германские и дунайские племена, быстро продвигаясь на запад по Дунаю, они усилились настолько, что их предводитель Аттила (435—453) стал грозой для всех соперников. В то же время именно опасность гуннского завоевания ускорила образование антигуннской коалиции и укрепила военно-политические объединения других племен, боровшихся с гуннами.

На Дунае находилась ставка гуннского вождя, предположительно между Тиссой и Дунаем. Резиденция была расположена в селении, обнесённом деревянными стенами из точно подогнанных крепких отполированных блестящих бревен. Двор-усадьбу Аттилы окружала высокая ограда. Деревянные дома украшала резьба. Дворец возвышался над остальными постройками, он стоял на холме, увенчаный деревянными башнями. Доски были соединены так крепко, что едва был заметен стык. Величина и крепость ограды свидетельствовала о неприступности центра гуннского союза племен¹³⁹.

Аттила принудил вступить в свой союз остготов, аланов, гепидов, маркоманнов, свевов, квадов, герулов, часть ругов. Гепидский король Ардарих из северной Дакии стал ближайшим советником гуннского вождя¹⁴⁰. Укрепив таким образом

свое войско, Атила предпринял поход в Галлию. Он умело использовал военную технику врагов, применяя осадные приспособления и метательные орудия¹⁴¹. Восточная Римская империя откупалась от Атилы золотом, которое он использовал для оснащения своего войска осадными машинами. Атила прошел через Северную Италию и в 451 г. взял Орлеан в Галлии. Антигуннскую коалицию образовали бургунды, вестготы, сарматы, саксы, франки, часть аланов и гепидов, бритты и другие германские и кельтские племена¹⁴². Возглавил ее римский полководец Аэций, родом из мезийской знати, отец его был магистром конницы на дунайской границе. Ранее Аэций в качестве заложника жил у Алариха и у Атилы, поэтому он был хорошо осведомлен в их военном деле. Аэций обладал незаурядным военным и политическим талантом, умело пользовался наемными отрядами варваров в войнах против них. Как сказал Аполлинарий Сидоний, «он не раз был обучен в скифской войне». В должности магистра обеих армий, имея звание патриция и консула, Аэций удачно вел военные действия против франков, бургундов, вестготов. С помощью объединенных сил варварских королей на Западе он решил нанести удар по войску Атилы.

Антигуннская коалиция оказалась кратковременным и очень непрочным союзом. Еще до начала сражения с гуннами франки и гепиды в ночной схватке перекололи друг друга. Большие подозрения вызывали и вестготы, поэтому Аэций нашел удобный повод, чтобы удалить из войска вестготского короля. Ему наемкнули на широкую врагов, намеревавшихся якобы отстранить его от власти после смерти отца, и вестготский король готов был покинуть место сражения. Аланы были уличены в тайном сговоре с Атилой, поэтому их поставили в центре между вспомогательными войсками вестготов и римской армией¹⁴³.

Сражение с гуннами, которое вошло в историю как «битва народов», произошло на обширной равнине (100 лье в длину и 70 в ширину), на Каталаунских полях в 451 г. Правое крыло римской коалиции составляли вестготы во главе со своими королями Теодоридом и Торисмундом, левое — римская армия под командованием Аэция, в центре стоял аланский король Сангибан. Центр гуннского войска занимали отборные отряды Атилы, а на флангах были поставлены остготские войска королей-братьев Валамира, Теодемира и Видемира, а также гепидские воины короля Ардариха, признавшего гегемонию Атилы. В день сражения Атила вел себя нерешительно. Он начал битву поздно, уже к вечеру, тем самым рассчитывая в случае неудачи ускользнуть от врагов под покровом ночи.

На отлогом склоне холма схватились врукопашную, вскоре римляне и вестготы овладели вершиной холма. От проли-

той крови небольшой ручей на равнине превратился в стремительный поток, несущий трупы убитых¹⁴⁴. Воины утоляли жажду водой, смешанной с кровью. Пал в бою вестготский король Теодорид, он был убит с коня во время объезда своего войска для ободрения и растоптан ногами своих же. Его сын, король Торисмунд, раненный в голову, был сброшен с коня, но, освобожденный своими дружинниками, отказался от намерения сражаться дальше. По словам Иордана, то была битва «лютая, переменная, зверская и упорная», а историк Павел Диакон считал эту упорную и жестокую битву едва ли не единственной во всей истории. По свидетельству Иордана, в ней пало 165 тысяч, по данным Павла Диакона — 180 тысяч. Гунны, теснимые вестготами, скрылись в своем лагере, окруженном телегами-повозками и валом. Король Торисмунд в темноте наткнулся на них, храбро отбивался; будучи раненым, в страхе за свою жизнь и власть покинул место сражения и ушел со своей дружиной. На рассвете следующего дня гунны, не выходя из лагеря и укрытий, устрашающе бряцали оружием, трубили и грозили врагам, не решаясь снова вступить в сражение. Иордан сравнивает Аттилу со львом, прижатым охотничьими копытами к пещере и мечущимся у входа в нее: «не смея подняться на задние лапы, он все-таки не перестает ужасать окрестности своим ревом»¹⁴⁵. Павел Диакон рассказывает, что Аттила, окруженный со всех сторон, в отчаянии уже соорудил из конных седел огромный костер, грозя сжечь себя. Но согласованных и решительных действий союзники не проявили, и Аттила сумел ускользнуть.

Каталаунская битва остановила продвижение Аттилы, на обратном пути гунны разграбили города Северной Италии (Медиолан, Тицин, Аквилею и другие венетские города). От похода на Рим Аттила воздержался и вернулся в свою резиденцию на Дунае, где вскоре умер. Территорию, захваченную гуннами, сыновья Аттилы хотели разделить по жребию на равные доли, подобным же образом и те народы, которые во главе со своими королями входили в состав гуннского союза¹⁴⁶. Но при дележе начались распри, несогласием гуннских вождей воспользовались их недавние союзники, и гуннский союз распался. Гуннские места поселения на Дунае заняли гепиды, а затем лангобарды.

В долине Тиссы в V в. образовался военно-политический союз гепидов. Эти германские племена, близкие остготам, находились в федератских отношениях с Римской империей. Они пришли сюда с нижней Вислы, проделав долгий путь вместе с готами. Свои переселения они связывали с именем короля Фастиды¹⁴⁷. В дунайских провинциях они жили рядом с аварами и лангобардами, с последними постоянно враждовали в VI в. Войско гепидов — обычный для эпохи переселения народов обоз с семьями, утварью и имуще-

вом — часто переходил из одной области в другую. Из долины Тиссы (Дакция) они продвинулись в Паннонию¹⁴⁸, жили военной добычей и грабежом соседних народов, занимались земледелием. Знать и дружинники разбогатели, простые свободные терпели нужду в продовольствии и одежде. В середине VI в. гепидский союз распался, часть была подчинена аварами, другая вошла в Лангобардскую военно-политическую конфедерацию, сложившуюся в то время в Паннонии.

Вторым важным событием, подготовившим политическое уничтожение Римской империи, было продвижение вандалов, аланов и бургундов на запад, за Рейн. 31 декабря 406 г. массы варваров двинулись по льду на левый берег Рейна. Переход был осуществлен в нескольких местах на линии Майнц-Вормс. Вандальский военно-политический союз в составе вандалов, аланов и свевов прошел через всю Галлию и осенью 409 г. перешел через Пиренеи в Испанию.

Итак, в к. IV — нач. V в. все народы Западной Европы пришли в движение. В Галлию устремились и франки. По словам современников, варвары «неистовствовали» в этой богатой провинции, и вся Галлия «дымилась одним костром» (поэт Ориенций).

В эпоху великого переселения народов образуются политически мощные и многочисленные военно-политические объединения, территориальные королевства, более устойчивые, чем племенные союзы II—III в. Принципы объединения были различны: одни союзы основаны на федеративных началах (вестготы во Фракии, остготы в Паннонии, их короли добровольно признавали гегемонию главного короля-предводителя), другие союзы образовались в ходе признания безусловного подчинения власти и закону господствующего этноса (франкский, алеманнский, лангобардский).

В ходе войн и переселений усложнялись этнические процессы, интеграция и ассимиляция сближали этнически разнородные племенные группы и, наоборот, исторические события вели к разъединению народа одного племени (саксы, гепиды, готы). Межэтнические контакты становились глубже и прочнее с образованием территориальной общности. Племенные различия, родовые традиции, названия отступают на второй план по мере развития классовых отношений. Возникают территориальные общности, земледельческие поселения, основанные на соседских связях. Политическая консолидация, признание единого закона и власти короля-гегемона ослабляли этническую конфронтацию. Племенной этнос утрачивал многие свои специфические черты, то, что составляло его традицию: племенное имя, язык, ограниченное рамками племени самосознание, обычаи, нравы. Однако этот процесс был длительным, противоречивым и сопровождался острыми социальными и политическими конфликтами.

Создание военно-политических союзов и конфедераций вело к объединению отдельных племен, иногда временному, иногда более длительному и тесному. Некоторые племенные группы сохраняли свое этническое своеобразие, например, в войске вандалского короля Гейзериха. Хотя на всю конфедерацию распространялся этноним вандалов, войско состояло из отрядов, организованных по родо-племенному признаку. Аланы, наоборот, по свидетельству Аммиана Марцеллина, не только объединились под одним именем, но имели одинаковые обычаи, образ жизни, одно вооружение¹⁴⁹. Квады, жившие на Дунае рядом с сарматами в IV в., имели сходные обычаи и вооружение¹⁵⁰.

Народы и племена, объединенные Атилой в гуннский племенной союз на Дунае, не только сохраняли свои этнические особенности, но и политическую обособленность. У каждого народа было свое войско с со своим командованием, вооружением и организацией. Готы сражались преимущественно копьями, гепиды мечами, руги ломали дротики в ране врага, свевы шли в бой с дубинками, гунны с луком и стрелами, аланы с тяжелым оружием, герулы с легким. У всех оставались собственные этнонимы, свои короли-военачальники, свои знамена и знаки племенного достоинства. В источниках есть упоминание об инсигниях племен, покоренных Атилой. Гепидский король Ардарих считался доверенным лицом в ставке гуннского вождя. Иордан говорит, что он был самой значительной фигурой среди других предводителей¹⁵¹. На стороне гуннов он вступил в Каталаунское сражение, но затем первый поднял оружие против сыновей Атилы и перешел в антигуннский союз племен. После битвы при Недао в 453 г. эти племена вышли из состава гуннского союза, недолго продержалась созданная ими коалиция и впоследствии они действовали самостоятельно.

Племенные союзы III—V вв. представляли собой военно-политические федерации и конфедерации, в которых главенствующую роль играли короли-военачальники, предводители дружин, имевшие свои резиденции в укрепленных городищах-оппидумах. Некоторые ученые трактуют эти союзы как конгломераты многочисленных дружин¹⁵², однако, характер переселений и организации войска свидетельствует о том, что такого рода политические объединения становились связующим звеном в интеграции племен и образовании народностей.

Военно-политические союзы и конфедерации эпохи великого переселения народов имели много общих признаков: 1) непрочность объединений. Долговечнее оказались более многочисленные и сплоченные конфедерации, в которых выделился господствующий этнос (остготская, лангобардская, алеманнская, вестготская, франкская); 2) обострение меж-

племенных противоречий стимулировалось характером объединений, создаваемых на основе военного подчинения, и политикой римского правительства, направленной на разжигание вражды; 3) проримская позиция части военной аристократии делала борьбу за гегемонию особенно жестокой. Убийства варварских королей путем подкупа личных слуг и телохранителей, вероломная расправа во время переговоров, на пирах — все эти методы помогали на время сдерживать агрессию варварских дружин. Император Валентиниан ловко пользовался враждой алеманнских и бургундских королей из-за границ и соляных варниц. Он подкупал бургундского короля, обещая потеснить алеманнов. Политика натравливания одних варваров на других стала излюбленным приемом римской дипломатии. Известно, что после убийства алеманнского короля в 367—368 гг. на время прекратились вторжения алеманнов. Римское правительство вмешивалось в борьбу претендентов на королевское звание, ужесточая и без того острое и кровавое соперничество. Аммиан Марцеллин так сформулировал один из приемов римской дипломатии IV в.: «мы придаем больше значения тому, чтобы избрать царя для варваров, чем тому, чтобы устранить такового»¹⁵³.

В ходе переселений и завоеваний происходило разрушение родовых связей, новая политическая организация углубляла этот естественный процесс. Территориальная общность и политические институты, укреплявшие власть военной аристократии, разрушали основы племенного демократического устройства. Складывался обычай освобождения зависимых людей (из числа военнопленных) в народном собрании с последующим включением рабов (у лангобардов), литов (у алеманнов) в племенную организацию, а следовательно, и в войско господствующего этноса¹⁵⁴. Военачальники опирались на свои дружины, сформированные по политическому, а не племенному принципу, создавали советы вернейших единомышленников, в которых обсуждали все дела и только в случае необходимости выносили свои решения для одобрения в собрание войска.

Институт сотрапезничества, основанный на личных, дружбинных связях, заменял союз кровнородственной защиты и покровительства. Из числа сотрапезников и дружинников формировался королевский совет-конвивиум (тождественен комитату). Членам конвивиума поручали исполнение отдельных поручений в делах управления. Служившая военная знать вначале выделялась верностью исполнению военной службы, затем появился имущественный критерий в определении знатности и все вместе стало составлять основу высокого общественного положения. Некоторые члены королевского совета, свиты, конвивиума, т. е. сотрапезники короля, были иноплеменниками. Сын лангобардского короля, будущий ко-

роль Альбоин, являлся в молодости сотрапезником гепидского короля¹⁵⁵, в вестготский король Теодерид включил в свою свиту некоего Беремуда, который даже скрывал свое происхождение¹⁵⁶, хотя был благородного рода.

Служилое сословие еще не оформилось, особого титула эти люди не имели, их называли по-разному: вернейшие (*fidelissimi*), соратники-сотоварищи (*satellites, famuli conscii*), верные друзья (*familiares*)¹⁵⁷. На них опирались короли в осуществлении своих тайных замыслов, в организации политических интриг, заговоров, убийств.

Родо-племенные связи и демократические принципы организации публичной власти уступали место политическим, основанным на личной службе военным предводителям. Получил распространение обычай усыновления на оружии сыновей королей и военачальников из других племен в знак заключения военно-политического союза. У германцев вступление в совершеннолетие подтверждалось вручением оружия, подобно этому производили усыновление. Теодорих, король остготов, писал королю герулов: «доброе дело у нас усыновлять оружием, ибо мужественные люди одни достойны быть детьми нашими. Итак, по обычаю народному и потому что ты — муж, я усыновляю тебя посылаемыми при этом щитом, мечом, копьем и конем»¹⁵⁸. Лангобардский король таким же образом усыновил Пипина, сына франкского правителя Карла Мартелла. Кроме вручения оружия, согласно обряду, Липутранд в знак усыновления отрезал у Пипина прядь волос, и тот принял перевязь для меча (*capulum*)¹⁵⁹. Король, назначая преемником сына или другого родственника, совершал обряд усыновления и вручал свое копье со словами: «я вручил тебе копье в знак того, что отдал тебе мое королевство»¹⁶⁰.

Политический фактор преобладал в определении привилегий новой военно-служилой знати. Близость к предводителю, военачальнику, герцогу или королю создавала высокое общественное положение человека независимо от его происхождения. Выдвигается особая категория *bagones, ministeriales*, правовой статус которых закон определяет по их личным заслугам. Даже происхождение из рабов не мешало оценивать выше свободного тех, кто исполнял поручение короля.

Личная служба давала материальные блага; вознаграждение землей, оружием, военным снаряжением, конем и добычей становится обязательной нормой политической связи между военачальником и дружиной. Экономическая политика королей и других военных предводителей состояла в обеспечении землей своей дружины. Привилегии, высокое общественное положение в тот период были основаны не столько на имущественных различиях, сколько на личной службе и близости к носителям публичной власти. Более того, с разви-

тием классообразования обнаруживается тенденция к затупевыванию особых материальных возможностей. Чтобы не вызывать явного и решительного протеста со стороны основной массы свободных воинов, принимались законы, препятствовавшие внешнему выражению имущественных различий, их проявлению в общественной жизни. Например, лангобардские законы ограничивали величину меты, установив определенную шкалу для различных категорий свободных.

Понятие знатности по-прежнему оставалось тождественным понятию древности рода, а следовательно, по понятиям того времени, благородству рода или племени-народа. У Иордана встречается выражение «знатность готской крови»¹⁶¹. Среди готов он называет род пиллеатов, тарабостезей, из этих благородных избирались и короли, и жрецы¹⁶². Гетыдаки своих самых доблестных воителей, самых знатных, благодаря которым одержали победу в войне, провозгласили полубогами-Ансами¹⁶³. Один из Амалов (остготский род) претендовал на власть в силу двух обстоятельств: во-первых, он обладал доблестью и благородством своего рода, во-вторых, являлся наследником многих королей, так как Амалы считались королевским родом¹⁶⁴. Близость к королю достигалась личными качествами, обязательными для воина: отвагой, твердостью духа, смелостью, решительностью, — все эти качества входили в понятие благородства. В сражениях впереди шли отряды знатнейших и среди них короли; простые воины старались сравняться с ними славою, охваченные боевым воодушевлением, они сопровождали своих предводителей. Личная доблесть короля имела решающее значение. Остготский король Валамир, сражаясь в Паннонии, чтобы ободрить своих, скакал перед войском верхом на коне. Агривульф, союзник вестготского короля Теодерида, происходил из рода варнов, он был назначен военачальником над теми свевами, которые должны были подчиниться воле вестготского короля после поражения. Агривульф выдвинулся благодаря своей военной доблести, и Иордан отмечает это как главное основание для назначения, подчеркивая, что он не отличался благородством готской крови¹⁶⁵.

Короли, герцоги, все военные предводители избирались из наиболее влиятельных, знатных родов. Знатность означала принадлежность к славному своим героическим прошлым роду. Рассказывают, что родоначальник Балтов (вестготский королевский род) отличался доблестью, был наделен качествами смелого, отважного, и этот эпитет стал его личным именем (Baltha — по-готски отважный)¹⁶⁶. У баваров было 5 знатных родов, по обычному праву для них устанавливалась двойная композиция (Хози, Драоцца, Фагана, Хахилинга, Анниона), герцогский род Агилофингов имел четвертную, все считались первейшими — *príncipes*.

Остготы также избирали своих королей не только из знатнейшего королевского рода Амалов. Книва, Ариарик, Аорик, Геберих, Витимир, правившие после Остроготы, не были Амалами¹⁶⁷. У лангобардов род Гаутов известен со времени пребывания народа в бассейне нижней Эльбы. Название рода является общим с англосаксонским этнонимом в поэме «Беовульф». Герой поэмы — «гаутский воитель»¹⁶⁸, а сами гауты — германские племена южной Скандинавии. Древнейшим, следовательно наиболее знатным, лангобарды считали род Гунгингов, его родоначальницей была Гамбара. Герои Ибор и Айон, происходившие из этого рода, представлены традицией как первые герцоги-предводители¹⁶⁹. Знатный род Лигитингов дал 8 королей¹⁷⁰, из рода Ародов вышел лангобардский король Ротари¹⁷¹. Однако один из королей героической эпохи Ламисис имел звание короля не будучи связан ни с одним из знатных родов: младенцем он был спасен королем, который вытащил его из озера с помощью своего копья. Прикосновение к королевскому копью, согласно преданию, дало право на королевское звание¹⁷². У вандалов тоже было несколько знатных родов, из них самый воинственный род Аздингов¹⁷³, у франков выделился род Меровингов. У славян князей тоже избирали из наиболее почитаемого рода (род Мала у древлян, род Кия у полян).

Королевская власть не была наследственной, монархической, она сохраняла все признаки военного предводительства. Иордан употребляет характерный для того времени эпитет — воинственные короли (*bellicosi reges*)¹⁷⁴. Самые воинственные роды становятся королевскими. Король Геберих, например, согласно характеристике историка, отличался личной доблестью и в то же время знатной славой рода, блеск своих деяний он приравнивал к славе своего рода¹⁷⁵. К. Маркс отмечал, что племенной строй сам по себе ведет к делению на высшие и низшие роды, — различие еще сильнее развивавшееся от смешения победителей с покоренными народами¹⁷⁶.

Переселения, завоевания и создание крупных военно-политических союзов способствовали расширению полномочий военных предводителей. Кроме военной, они присваивают судебно-карательные и религиозные функции, отесняя на второй план родовую аристократию и жречество. Эволюция королевской власти объясняет заимствование титулов и званий из позднеримской бюрократической системы. Военные предводители, племенные вожди и короли именовались и как цари — *reges*, и как *principes* — старейшины, и как *duces*. По нормам римского государственного права термин *dux* означал территориального правителя с полномочиями гражданской и военной власти. Король считался первым среди равных ему по знатности рода военачальников, герцогов (древнегерманское обозначение предводителя войска). На территории Гер-

мании в период раннего средневековья на базе старых племенных объединений началось образование территориальных княжеств, их правители, герцоги, присваивая функции публичной власти, освобождались от королевской юрисдикции. Так возникли, например, Бавария, Саксония. В северо-восточной Италии, в Венеции герцог (*dux*) стал главой правительства (*дож*), вначале он назначался из Византии, а с 726 г. стал избираться знатью, которая и ограничивала его права в управлении.

Постепенно менялись представления о личных качествах предводителей, военачальников. Если в более раннюю эпоху неизменными признаками высокого достоинства были физические свойства личности (высокий рост, красота, осанка, крепкое телосложение), свидетельствующие о силе, т. е. те качества, которые были необходимы для проявления военной доблести, то впоследствии главные достоинства личности правителя видели в мудрости, справедливости, правосудии, благочестии. Вместе с тем король и герцоги по-прежнему должны были быть и мужественными людьми, способными выполнять свою главную функцию военного предводительства. Физическая сила и ловкость, способность держаться на коне и владеть оружием в труднейших ситуациях считались главными качествами. Родоначальник готского королевского рода Балтов — Балта выделялся среди своих доблестью, и эпитет «смелый», «отважный» стал его личным и родовым именем¹⁷⁷. Из уст в уста, от поколения к поколению передавались саги о ловкости и нечеловеческой силе в руках короля, о магическом значении королевского оружия, копья, шлема, о подвигах на полях сражений. В Алеманнской правде герцогское достоинство и право на власть поставлены в прямую зависимость от этих качеств. Противозаконными признаны притязания сына герцога на титул и корону, пока отец способен садиться на коня и управлять войском. У алеманнов и баваров в большей степени сохранились представления и обычаи, свойственные периоду военной демократии. Поэтому их законы, хотя и более позднего происхождения, чем Салическая правда, свидетельствуют о своеобразном, характерном для переходной эпохи понимании прав на королевскую и герцогскую корону. Для предотвращения мятежей, имевших целью узурпацию власти, закон считает противоправным отстранение отца, если он еще может командовать войском, участвовать в судебном поединке, председательствовать в суде, если он крепок как мужчина, сам садится на коня, искусно владеет оружием, если он не глух и не слеп¹⁷⁸.

Власть германских военачальников приобретала характер территориальной власти. На завоеванной земле они выполняли функции правителей, присваивая юрисдикцию, приобретая высшее право распоряжаться земельной собственностью

как частью военной добычи. Позднее они получили бурговую, монетную, пошлинную регалии, т. е. высшее право на строительство городов и крепостей, на чеканку монеты и сбор пошлин.

Военные предводители, короли и герцоги земельными дарениями расширяли свою социальную опору и тем самым усиливали политическое влияние. Источниками создания материальной базы, т. е. королевской казны и герцогского имущества, были лучшая и большая доля военной добычи, федератское жалование, доходы с господских дворов, судебные штрафы. Самым надежным и главным средством обогащения военной знати становится земля, обрабатываемая трудом зависимых земледельцев. Алчные взоры германских военачальников все чаще останавливаются на поместьях римских землевладельцев. Один из родственников Теодориха Остготского Сидамунд служил в войске, имел дружину, разбогател, женился на эллинке и в приданое приобрел поместья в Эпире. Там он и осел со своей дружиной. Его владения были так велики, что стали говорить о королевстве Сидамунда. Во всей округе Эпидамна он пользовался большим влиянием.

Герцоги усиливали свою власть путем получения крупных дарений от короля, а также благодаря заключению династических браков. Иногда они становились богаче и сильнее короля. Развитие государственности и возникновение территориальной власти германских вождей обостряло противоречия в их среде, борьба за гегемонию часто заканчивалась уничтожением целых родов. Бургундские и алеманнские короли враждовали из-за соляных варниц и границ. Вестготские короли, получив для поселения Фракию, не прекращали кровавых межплеменных распрей. Фритигерн, Алатей, Сверид, Коллий, Атанарих и другие обращались за поддержкой к римскому правительству, воюя против своих, хотя такого рода политика грозила роковым исходом.

Идеологической опорой власти германских королей и герцогов была религия. Отправлением жреческих функций военачальники сплачивали вокруг себя народ-войско, интеграция племен в военных федерациях и конфедерациях ослабила политическое влияние жречества, связанного с родовой аристократией. Этим предположением объясняется факт исчезновения жречества среди германских народов в III—IV вв., отмеченный Фюстелем де Куланжем¹⁷⁹. Принятие христианства германскими вождями и их дружинами сыграло большую роль в усилении государственных начал политической организации. Христианская церковь и христианская мораль способствовала утверждению авторитета территориальных правителей, утверждению новых отношений, основанных на подчинении властям и уважении принципов частной собственности.

С принятием христианства усиливается политическое влия-

яние епископов. В народных собраниях они становятся верховными судьями, а при королевском дворе влиятельными политическими деятелями. В свою очередь королевская власть принимает церковь под особую защиту закона. Нарушение церковного мира, кража церковного имущества, убийство духовных лиц караются повышенными штрафами. Королевские постановления разрешают делать завещания по мотивам благочестия и таким образом санкционируют безусловные дарения в пользу церкви. Лангобардские законы VIII в. признали полную свободу составления таких завещаний по случаю болезни даже для несовершеннолетних¹⁸⁰. Об усилении влияния церкви в широких народных массах свидетельствуют распространение обряда крещения, церковные законы, запрещающие браки между крестными отцами и матерями, между ними и крестными детьми¹⁸¹.

Короли и герцоги поддерживали свое политическое влияние реальной военной силой многочисленной дружины. Общественное положение в дружине определяли не родовой принцип происхождения, а верность и личная военная служба. По мере расширения полномочий публичной власти, сосредоточенной в руках военачальника, возникает высший слой дружинников, на которых опирается король или герцог в делах управления. Личная служба и присвоение военной добычи, обогащение становятся главными факторами дифференциации внутри дружины. Военачальник-вождь содержал, награждал, устанавливал иерархию своих дружин. Дружинники получали от своего вождя оружие, коня, продовольственное содержание, землю, все, что имели по праву войны.

Ш. Монтескье, подчеркивая феодальную основу дружинных отношений и своеобразие их ранней формы, писал, что лены состояли из строевых лошадей, оружия, пиров¹⁸². Клятву верности давали на мечах, которые чтили как богов¹⁸³. В героических песнях воспевались не только военная слава и личная храбрость, но и королевское оружие¹⁸⁴.

Формировали обособленные от войска отряды, которые составляли из верных людей, связанных присягой (*fideles*, *satellites*). Свободные сохраняли свой статус, но становились полностью послушными воле вождя.

Дружина королей могла увеличиваться по мере надобности. Остготский король Теодорих, будучи еще в Паннонии, привлек в свою дружину дружинников отца, набрал всего около 6 тысяч. Это было уже целое войско, с ним он одержал победу над сарматским королем Бабаем¹⁸⁵. Из самой большой дружины всегда выделялась малая: телохранители, товарищи, единомышленники (*conscii*), близкие соратники, сподвижники. Наиболее проверенные, преданные своему вождю, они составляли свиту и совет военачальника, короля, герцога. В это ближайшее окружение (*конвивиум*, *обсеквиум*)

на правах верных союзников входили вожди покоренных или добровольно объединившихся племен. Не только во время военных действий, но и в мирной обстановке они демонстрировали тесный политический союз. Покровительство и щедрость, с одной стороны, преданная служба и безусловное выполнение любого приказа — с другой, превращали эти отношения в прочное единство, в систему постоянных социальных и политических связей. Общие интересы и источники обогащения, военная сила как средство защиты своих привилегий и обеспечения экономических преимуществ придавали союзу значение социально-политической организации.

Быт военной дружины и в мирное время был подчинен главной цели: сплочению воинов вокруг предводителя. Непременным элементом дружинного быта были торжественные пиршества, которыми отмечали либо начало военных экспедиций, либо окончание удачных походов. На пирах принимали послов, заключали дружественные военно-политические союзы, производили ритуальные действия, славили героическими песнями богов и королей, решали политические вопросы, давали клятвы, а зачастую коварно расправлялись с политическими врагами и соперниками. Размещение за столом соответствовало общественному положению и политическому влиянию каждого сотрапезника. Кельты, например, во время проведения торжественных пиров садились прямо на землю или на раскинутые вокруг низкого стола шкуры. Самый знатный имел место в центре, вначале предлагали еду чужеземцам и послам, затем заводили речь о делах. Прямо к столу придвигалась жаровня. Во время пиршества устраивали состязания борцов, и победитель в награду получал лучший кусок мяса. Сказители-барды под аккомпанемент инструмента, похожего на лиру, пели древние сказания о военных подвигах богов, королей, дружинников.

Обычаи сотрапезничества прочно вошли в общественную жизнь в период разложения родового строя и усиления военной знати. Торжественные пиршества стали самой выразительной формой общения людей, объединенных основным занятием — военным грабежом. Они служили действенным способом закрепления дружинных связей, своеобразной формой установления тесных личных отношений между вождем — военачальником и его верными воинами-сотоварищами. Подобные трапезы, длительные и обильные пиры составляли непременный элемент быта германских и славянских дружин.

Постепенно институт сотрапезничества приобретал черты политического органа. Аммиан Марцеллин рассказывает, как во время болезни императора Валентиниана I галльские военачальники на своей пирушке выдвинули нового претендента. Сарматский предводитель Зизапс прибывает на переговоры с римлянами в сопровождении знатных людей, сарматских вож-

дей, которые выступали в качестве его верных сотоварищей. Согласно заключенному договору с Римом, они дали в заложники своих сыновей и римских военнопленных из тех областей, где были правителями¹⁸⁶.

Высший слой дружинников претендовал на особое привилегированное положение в обществе, складывалась новая военно-служилая знать, считавшая себя благородной по крови, рождению не менее, чем родовая и военная аристократия, поэтому к тем, и другим применялось традиционное понятие — старшие по рождению (*majores natu* — Pauli Hist Lang. IV 21).

Народные собрания (войска народного ополчения) оставались формой выражения полноправия всех свободных воинов. Как орган публичной власти, народное собрание (*communis placitus*) встречается у Иордана и в варварских правдах¹⁸⁷. Собрание войска, т. е. всех отправлявшихся в военный поход, сохраняло свои функции в III—V вв., но выполняло их под влиянием, а часто и под давлением военной верхушки. Избрание королей (у германцев поднятием на щит)¹⁸⁸ становилось церемонией утверждения, оглашения в войске (аккламирование). Военачальники, предводители готовили решения об объявлении войны и начале похода, о заключении мира в ходе обсуждения с ближайшими дружинниками, сотрапезниками, своими *fideles* и только объявляли их в войске, получая формальное согласие. Они вершили суд в войсковых собраниях, выносили и исполняли судебные решения и приговоры, свидетельствовали имущественно-правовые акты, придавая им законную силу. Источником власти не только в военное, но и в мирное время служил королевский приказ.

К. Маркс и Ф. Энгельс в работе «Немецкая идеология» подчеркивали, что происхождение феодализма коренится в организации военного дела у варваров во время самого завоевания, и эта организация после завоевания благодаря воздействию производительных сил, найденных в завоеванных странах, развилась в настоящий феодализм¹⁸⁸. Вознаграждение земель за личную службу давало возможность жить за счет эксплуатации индивидуального хозяйства побежденных, за счет внеэкономического принуждения непосредственных производителей из числа соплеменников, тех, кто вел самостоятельное крестьянское хозяйство, своим свободным трудом создавая индивидуальное производство.

Королевская власть, укрепившаяся и возвысившаяся в период завоеваний, была далека от монархического единовластия. Функции публичной власти король делил с другими военачальниками-предводителями (герцогами, королями), добровольно признавшими гегемонию одного из своей среды, но не поступаясь собственными политическими правами и материальными преимуществами. Материальной опорой их влия-

дний было землевладение, дружина и войско свободных землевладельцев. К. Маркс, определяя политическую форму зарождавшегося феодализма, говорил о военно-аристократической федерации¹⁸⁹. Характерно, что при оформлении феодальной иерархии одним из высших титулов феодальной знати стало звание пэра. К. Маркс и Ф. Энгельс расценивали монархические претензии Карла Великого (т. е. три столетия спустя после рассматриваемого периода), принявшего титул императора, как неудачную попытку, основанную на староримских пережитках¹⁹⁰.

Военная верхушка противостояла основной массе свободных, которые обладали одинаковыми правами и обязанностями, сложившимися в условиях военной демократии. Общими были: право на земельное владение, право на участие в народных собраниях, общевойсковых и сотенных, право ношения оружия и службы в войске, право участия в судебном процессе в качестве соприсяжников. Однако постепенно в среде свободных происходит имущественная и социальная дифференциация.

Вергельд, цена личности полноправного свободного, определялся по этническому принципу. Но внутри одного этноса вергельд различался по степени благородства рода, к которому принадлежал свободный. При записи обычного права закон закреплял деление на высших или первых, средних и ничтожных, самых худородных. Например, в Алеманнской правде вергельд первого алеманна (*primus alamannus*) — 240 солидов, среднего (*medianus alamannus*) — 200 солидов, а низшего (*minores personae*) — 160 солидов¹⁹¹. Категория низших занимала особое положение и у баваров: в противовес *nobilis persona*¹⁹² *primi* или *principes* — первые, обычно выступают как старшие — *maiores*, это — военная аристократия, которая вела свое происхождение от древних, прославленных, а следовательно, и знатных родов. Средние слои — основная масса свободных, полноправных общинников и воинов; из их среды назначались свидетели, соприсяжники. Низшие свободные, как правило, малоимущие, или даже разорвавшиеся, искавшие покровительства сильных. Они постепенно сближались с зависимыми людьми и по роду занятий и по своему социальному положению. Многие становились доверенными слугами знатных военачальников, королей, герцогов, находясь у них на службе, защищались уже повышенным вергельдом (у франков, алеманнов — тройным). Степень дифференциации у разных народов была различной. Так, у салических франков различие вергельда было обусловлено только королевской службой. Остальная масса свободных франков имела общий вергельд. Установление единого вергельда можно объяснить особенностями политической организации, в которой этническое единство проявилось на ран-

ней стадии развития, при записи норм обычного права сохранилась этноплеменная обособленность всех франков. Социальная дифференциация развивалась позже записи законов, когда в процессе завоеваний и углубления имущественного неравенства дружинные отношения определяли социальное расслоение общества, в итоге выделился господствующий слой антрустионов.

Миграции, войны, установление политической гегемонии создавали условия для появления ранних форм эксплуатации и зависимости. Еще Тацит отмечал, что у германцев есть зависимые люди, земледельцы, которые обязаны отдавать своим господам часть урожая. Римский историк, хотя и назвал их рабами, но подчеркнул, что германцы пользуются ими совсем не так, как римляне. Впоследствии варварские законы вводят германское обозначение такой своеобразной формы зависимости: литы у франков, леты у алеманнов и англосаксов, альдии у лангобардов. Подобной зависимостью могла быть клиентела у кельтских народов, замеченная римскими писателями. Вероятно, особый правовой статус этих категорий явился следствием первоначального «данничества», так называемого «племенного рабства», которое было проявлением зависимости одной этнической группы от другой. Иордан, рассказывая о короле Германарихе, поясняет, что он был славен своими победами, подчинением многих племен, при этом употребляет понятие, выражавшее исполнение рабских повинностей, — «servitio» («и славен был рабством столь многих») ¹⁹³. Эта форма зависимости состояла в регулярном отчуждении прибавочного продукта победителями у побежденных, что было следствием политического превосходства победителей, не разрушавших экономическую и социально-потестарную структуру побежденных ¹⁹⁴. Подобные отношения складывались среди сарматов на Дунае в III—IV вв. Сарматы-лимиганты считались рабами, т. е. данниками других сарматов. В начале IV в. сарматы-рабы восстали против сарматов-господ и изгнали последних из своих областей ¹⁹⁵. Римское правительство дало им земли подальше от римских границ, но они вернулись на земли отцов и стали угрожать переселением на римскую территорию ¹⁹⁶. Условие, поставленное императором (уплата римских налогов), встретило такой яростный протест, что нападению подверглась ставка императора ¹⁹⁷. Надо думать, что отношения данничества не были столь тягостным бременем, как римская система налогового обложения, и сарматы освобождались от того и другого с помощью собственной военной организации. С развитием государственности и включением в политическую систему всех побежденных особый статус зависимости этнических групп складывается по мере подчинения их действию общего права, т. е. права победителей. Леты имели свой вергельд, который был значитель-

но (обычно вдвое) ниже вергельда полноправного свободного. За увечье установлены штрафы выше, чем за раба у алеманнов. Женщины летов защищались двойным вергельдом, как и свободные. Отпуск на волю означал включение в число полноправных воинов и поэтому производился в собрании войска (у лангобардов, алеманнов).

Период III—V вв. был переломным в истории европейских народов: разложение первобытнообщинного строя, ускоренное завоеваниями на римской территории, привело к начальному этапу классообразования. Одновременно возникали новые формы политической организации, характерные для раннеклассовой государственности. Военно-политические союзы, федерации и конфедерации различались по степени развития государственности, этнической структурой, по уровню социальной дифференциации общества. Они имели следующие характерные особенности.

1. Непрочность этих объединений, обусловленная значительными пережитками племенного устройства и полиэтнической основой. Межплеменные конфликты ослабляли политические союзы, хотя они случались реже во время единого натиска на Рим. Аммиан Марцеллин писал, что варварские племена, часто прекращая раздоры, объединялись в борьбе с Римом¹⁹⁸.

2. Непоследовательность позиции варварской военной знати, отчасти связанной с римской военно-политической системой. Проримские настроения варварских военачальников, королей умело использовало римское правительство.

3. Сохранение военно-демократических принципов в управлении. Верховенство короля-гегемона было основано на уважении к старшинству. Среди братьев старший считался главой, гегемоном, на других он влиял авторитетом, а не приказом. Военные действия короли-родственники не согласовывали, воевали самостоятельно на свой страх и риск. Объединение войск достигалось особой договоренностью в каждом отдельном случае.

4. Тенденция политического развития вела к превращению военно-политических союзов в территориальные политические конфедерации (королевства).

5. Усиление королевской власти и соединение функций военного предводительства с функциями публичной власти.

6. Возникновение институтов государственности на основе усиления дружинных связей и территориальной власти военных предводителей.

7. Влияние римской политической системы на развитие раннеклассовой государственности (возвышение вождей федератских дружин, использование римской титулатуры, римского права для регулирования правоотношений в войске, соединение полномочий гражданской и военной власти).

Фронтальное наступление варварских народов на территорию Римской империи в IV — первой половине V в. имело важные социально-политические последствия.

Во-первых, на всей территории Римской империи появились в большом количестве поселения кельтских, германских, славянских народов и их союзников. Началось этнокультурное сближение с римлянами. Как реакция в 370—373 гг. появился закон о запрещении браков между римлянами и варварами, но действительность оказалась сильнее ограничений императорского законодательства. Появление на римской территории варварских земледельцев заставляло считаться с особенностями варварского социального строя, устанавливать более мягкие по сравнению с существовавшими в Римской империи формы зависимости. Варварские поселения способствовали сохранению общинной организации и развитию мелкого индивидуального хозяйства.

Во-вторых, усилилась варваризация римской политической системы. Военную службу в пограничных зонах несли варвары, которым были даны земли для поселения и обработки. В середине IV в. на условиях поставки вспомогательных федератских отрядов в Дакнии были поселены герулы, квады — на Дунае, готы — во Фракии, до них здесь разместили 100 тысяч бастарнов гепидов, гревтунгов, вандалов, в долине По — алеманны, готы после восстания — во Фракии. Франки и алеманны наводнили Галлию, вандалы, аланы, готы — Паннонию¹⁹⁹. Римская армия преимущественно состояла из федератских отрядов. Германских военачальников нанимали на римскую службу по договору и платили за это ежегодное жалованье, а также выдавали продовольствие. Федераты брали на себя обязательство оборонять римские границы. Федератские войска стали самостоятельной частью римской армии. Они не сливались с ее ядром, имели своих командиров, этнически представляли собой замкнутую организацию, сохраняли свои обычаи и образ жизни.

На римской службе было много готских, алеманнских, квадских, кельтских, герульских, батавских дружин. В римской армии действовали особые кавалерийские части, в которых служили только свободнорожденные варвары, эти отряды обладали хорошим вооружением и боевой силой²⁰⁰. Постепенно главной военной опорой Римской империи стали вспомогательные войска федератов, которые в принципе оставались враждебными Риму. Варваризированная римская армия выходила из подчинения приказу римских императоров. Варварские военачальники предпринимали военные действия, не считаясь с обстановкой и по своему усмотрению, обогащаясь в грабежах и разбоях на римской территории. Варвары-воины часто не повиновались

командирам, воевали самостоятельно и в разрез с интересами римского государства. Оборона от варваров была организована силами самих варваров и, как писал Аммиан Марцеллин, угроза солдатских бунтов нависла над империей. Рассказывая о походах римской армии в IV в., историк неоднократно упоминает о ненадежности федератов, их мятежных настроениях и открытых бунтах, о нежелании следовать по маршруту, указанному римским командованием²⁰¹. Аммиан Марцеллин говорит, что эти отряды были более пригодны для грабительских набегов, чем для правильной битвы. Все усилия сводились к тому, чтобы расположить варваров выдачей жалованья, продовольствия и подарков. Византийский историк Прокопий характеризовал политический статус федератов, исходя из признания их полной независимости: федераты не были покоренными варварами, они примкнули к империи на равных началах. Прямым поводом к разрыву союзных отношений мог служить отказ в выдаче им федератского жалованья, что случалось нередко по причине финансовых затруднений римского правительства.

Прямым следствием варваризации Римской империи и расширения системы федератской службы являлось подавляющее влияние варварских элементов в политической организации позднего Рима. Среди командного состава армии и чиновников императорского двора было много лиц варварского происхождения. Готы, галлы, сарматы, алеманны, военачальники различных варварских народов назначались на командные посты в римскую армию и становились правителями провинций, викариями, префектами, магистрами армии (алеманн Вадомар — дукс Финикии, в Британии алеманнским полком командовал Фраомарий в звании трибуна, сармат Виктор, магистр конницы вел римские войска в сражение при Адрианополе). Гот Гайна, вандал Стилихон, варвар Рикимер, Ардавур, Аспар (гото-аланского происхождения) в течение длительного времени оказывали давление на политическую жизнь в Риме и Константинополе. Их политическая деятельность в Римской империи обостряла внутренние противоречия, вызвала протест римской сенаторской аристократии. Борьба двух группировок варварской и римской знати осложняла и без того неустойчивое положение римского правительства. Политические и военные деятели из варварской среды заседали в римском сенате, занимали видное место в высшем сословии крупных землевладельцев (*illustres*). Римские императоры Гонорий на Западе и Аркадий на Востоке находились под сильным влиянием варварской придворной партии. Некоторые ее представители стали вдохновителями судебных процессов против римской сенаторской знати (галл Дорифориан, паннонец Симплиций при Валентиниане I). Часто варварская партия выдвигала своих кандидатов на императорский трон.

Например, в 411 г. в нижней Германии был провозглашен императором галл Иовин, опиравшийся на военную помощь аланского и бургундского вождей. Впоследствии Иовин был схвачен и казнен вместе со своими братьями как узурпатор. Их головы выставили на крепостных стенах Равенны для публичного поругания.

Вопрос о верности Риму со стороны варварских представителей в придворных кругах был обусловлен обстоятельствами борьбы с римской знатью за власть и привилегии, а также соперничеством в среде самих варварских военачальников. В Британии по доносу был сожжен один из предводителей алеманнского отряда федератов, его обвиняли в изменнической связи с варварской знатью²⁰², командовал этими федератами алеманн Фраомарий в чине трибуна.

Выходцы из варварской среды получали на римской службе высокие титулы и звания: консулов и патрициев. Они носили римские одежды, затканые золотом и драгоценными камнями (консульские трабеи). Многие римские императоры тоже были варварского происхождения. Отец Максимиана — гот, мать была аланкой. Диоклетиан, Зенон, Юстин, Юстиниан вышли из низов провинциального населения. Некоторые с трудом говорили по-латыни, имели низкое образование, но хорошую подготовку в крестьянском хозяйстве и военном деле.

Варвары, оказавшись в самом центре римской политической жизни, продолжали сохранять верность традициям своего народа, внешним видом подчеркивали свою независимость и варварское происхождение. Они носили длинные волосы, тугие, облегающие одежды из меха, всегда были при оружии. Римская молодежь усваивала варварскую моду и тоже облачалась в гуннский или готский костюм.

Не меньшее значение имели контакты с Римом и для самих варварских народов, они оказывали прямое воздействие на их социально-политическое развитие. На федератской службе обогащалась варварская знать, которая усваивала римские формы политической организации, нормы поведения и законы, охранявшие их собственность на приобретенное имущество. Варварские предводители (короли, герцоги, дружинники) получали новые источники обогащения и старались закрепить свое господствующее положение среди соплеменников, заимствуя римский принцип соединения гражданской и военной власти. Это усиливало социальную дифференциацию, ускоряло процесс классообразования и развития государственности. Узурпация публичной власти и образование мощных конфедераций вели к обострению борьбы за этническую гегемонию. Соперничество варварских королей подогревалось римской дипломатией, делавшей ставку на разжигание межплеменных конфликтов. Обострение политических

противоречий в варварской среде зачастую было причиной военных неудач в борьбе с Римом. В середине IV в. война племен, расселившихся на среднем Дунае, с сарматами-лимигантами и с Римом окончилась тяжелым поражением варваров.

Военно-политическая обстановка IV—V вв. требовала политического сплочения, укрепления единоначалия и подчинения органов публичной власти воле военных предводителей. Так, институты сотенно-территориального управления постепенно стали превращаться в административные инстанции, действовавшие по воле и приказу военачальников — правителей завоеванных областей (королей и герцогов). Однако главной формой политической организации в период раннеклассовой государственности продолжало оставаться войско как объединение полноправных свободных.

Характер этого войска, представлявшего народное ополчение, обеспечил военное превосходство варваров в борьбе с Римом. Они использовали военные приемы, доступные только народному войску, и ставили тем самым регулярную римскую армию в невыгодное положение. Конные отряды квадов и сарматов совершали глубокие, стремительные рейды в глубь римской территории за оборонительную линию, наносили сокрушительный удар и с добычей возвращались на прежние места поселений. Варварские войска избегали больших сражений, прятались в лесах и болотах, отсиживались в пещерах и труднодоступных местах, делали вылазки в наиболее удобное время. Хорошо пользовались этим приемом алеманны, рассеиваясь по разным местам по мере приближения неприятеля²⁰³. Дунайские народы успешно применяли партизанскую тактику ведения войны. Они рассредотачивали свои силы, создавая летучие отряды. Римским солдатам трудно было их преследовать, так как варвары, хорошо знакомые с особенностями местности, неожиданно нападали из-за естественных преград и мгновенно исчезали.

Варварское войско отличалось многочисленностью и сплоченностью. Численное превосходство позволяло применять такую тактику, которая была невозможна для регулярной армии. Римская пехота находила на своем пути засеки и завалы из дубов, ясеней, елей²⁰⁴. В горной местности варвары возводили укрытия на крутых холмах, в неприступных горах, заранее занимали горные высоты, обрывающиеся неприступными крутыми склонами²⁰⁵. Реки и озера они легко переходили вброд, зная наиболее удобные места для переправы, использовали легкие суда, выдолбленные из стволов деревьев, что могли сделать быстро и в любом месте. Устраивали засады на речных мелях и островах по Рейну и другим рекам²⁰⁶. Германцы не были достаточно искусны в штурме городов, поэтому действовали тактикой сплошного окружения, длительной осадой, голодом и болезнями принуждая неприятеля к добро-

вольной сдаче. Например, при осаде Адрианополя готы разожгли вокруг города множество костров, чтобы вызвать у осажденных пестерпимую жажду, которая действует страшнее, чем голод. Варварские войска превосходили числом воинов, казалось, надвигается шескончаемое множество народа, это вызывало панический ужас и заставляло римских военачальников растягивать линию фронта, ослабляя тем самым ее. На психику римских солдат действовал деморализующе даже облик сражавшегося воина-варвара. Перед сражением пение героических песен сливало все голоса в громкий рев, казавшийся зловещим предвестием поражения врага. Алеманны с мечами в руках расхаживали вблизи римских укреплений, выкрикивая угрозы²⁰⁷. Грозен был вид варвара в рукопашном бою; поверженный, он не бросал оружия, так как перспектива рабства казалась ему хуже смерти.

Натиск варваров представлял не только политическую, но и социальную угрозу, вызывая обострение классовой борьбы. Варварские вторжения зачастую встречали сочувствие низов местного населения, к варварам бежали в надежде освободиться от социального и фискального гнета. Провинциальная знать видела в варварах средство освобождения от политической зависимости Риму, используя вторжения как повод к сепаратистским движениям. Христианский поэт Коммодян выразил надежду всех угнетенных с помощью варваров сокрушить Рим сенаторов, чтобы приблизить золотой век и победу праведных. Усиливалось брожение в римской армии. В 375—378 гг. на сторону вестготов во Фракии перешло около 300 римских пехотинцев. В 374 г. во время квадо-сарматского вторжения в Иллирию многие римские солдаты выступили как союзники варваров.

Итак, наступление народов Европы на Римскую империю в конце IV — начале V в., движение варваров по всей линии римских границ и в провинциях приблизили падение империи и образование варварской государственности. Разделом империи в 395 г. политическая обстановка не только не улучшилась, но еще более осложнилась. Непосредственная угроза римскому государству со стороны варваров и притязания восточных императоров на западную часть империи толкали к поискам дипломатических путей урегулирования отношений с германскими королями. Для восточноримского правительства казалось удобнее прельщать варварских предводителей перспективой выгодных завоеваний на отдаленной территории, отвлекая их таким образом от Константинополя. Направляя на Запад, для завоевания Италии, сначала вестготских королей, а затем остготских, Константинополь преследовал двойную цель: во-первых, обезопасить себя от прямого разгрома и, во-вторых, силою варваров достичь объединения с Западной империей.

ГЛАВА 3

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, ОБЫЧАИ И ПРАВЫ В ЭПОХУ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ»

Языческие представления европейских народов долгое время сохранялись в общественном сознании, культуре, традициях даже после распространения христианства.

Древнейшие верования были основаны на почитании священной силы деревьев. Обширные лесные массивы Европы были той средой, в которой люди ощущали полное единство с природой и находили объяснение своему прошлому и будущему. Таинственный сумрак лесов рождал противоречивые чувства; он и отпугивал, и манил, обещая защиту. В лесах можно было найти естественное укрытие, необходимую пищу для себя и корм для скота. Крона дуба, ясени служила готовыми стропилами для легкой хижины. Из стволов могучих деревьев строили суда, которым доверяли судьбу народа во время переселений. С древесными прообразами люди связывали свое происхождение.

Кельты считали даром небес все, растущее на дубах, а действия, производимые листьями и ветвями, — указаниями богов. Ствол дуба служил предметом поклонения римскому Юпитеру. В священную силу дуба верили и славяне²⁰⁸. Дуб являлся предметом почитания и поклонения у балтийских славян, в Киевской Руси. В Прибалтике богу Прове посвящали дубовую рощу на той равнине, где жили его почитатели²⁰⁹. Русы сделали своей святыней дуб на острове Хортица (св. Георгия)²¹⁰. С дубом было связано почитание кабана. Его изображением кельты украшали военные штандарты, а кабаньими клыками — священные дубы. У прибалтийских народов (литовцев, латвийцев) вошло в обычай обрядовое поедание свинины. Кельты поручали священные дубовые рощи друидам-жрецам (дуб по-кельтски «дрис»). Там друиды совершали обряды, предсказывали будущее, по шелесту листьев давали толкования указаниям богов и тем самым оказывали влияние на политику знати. Неблагоприятными предсказаниями отвергали одни намерения, а благоприятными определяли время для осуществления других.

У германцев шелест листьев также имел магическое значение, поэтому особые знаки, которыми они пользовались при совершении обрядов, назывались руническими (гаупен — шептать). Надписи делали на дереве, кости, камнях, впоследствии на металле. Поскольку горизонтальные линии этих знаков были незаметны на дереве, их переводили в округлости и косые штрихи. Памятники рунического письма находят в северной Германии, в Скандинавии. Рунические надписи магического значения встречаются на оружии. В IV в. руническое

письмо наряду с греческим алфавитом использовал вестготский епископ Ульфилас для перевода Библии на язык готов.

Библия Ульфиласы является древнейшим литературным памятником готского языка. Готические знаки серебряного и золотого цвета впервые были перенесены на пурпурный пергамент. Рукопись (так называемый «Серебряный кодекс» — Codex argenteus) хранится в Упсальской библиотеке (Швеция).

Свое происхождение древние германцы связывали с деревянными прообразами, ольха считалась символом женского начала, ясень — мужского. Вся система мироздания была построена на представлении об изначальной сущности мирового дерева. Священной магической силой наделяли оружие, воплощая в его деревянные части волю древесного духа. В саге о Беовульфе упоминаются копьа из ясеня²¹¹. Алеманны хоронили трупы в деревянных гробах с деревянной пристройкой, углы которой украшали символическими изображениями дракона.

Поклонялись духам бука и других деревьев, во всем кельто-славяно-германском регионе чтили духов рек, озер, гор. Многие языческие боги имеют функциональное сходство и общую тенденцию эволюции пантеона, в ходе которой главным объектом почитания становился верховный бог войны. Усиление королевской власти и возникновение государственности отражается в религиозной идеологии. Центральным божеством становится бог войны, покровитель военных дружин и защитник всего этноса. Германский Один (Водан), славянский Перун возвышаются над прочими более древними племенными божествами. Языческие обряды соответствовали интересам возвышавшейся военной знати и суровым нравам эпохи военной демократии. Часть добычи, оружие, ценные украшения, золото оставляли в священных местах под охраной жрецов, и никто не смел дотронуться до этих сокровищ. Со скалистых утесов сбрасывали в воду оружие, цепи пленников или самих побежденных, которых приносили в жертву как вознаграждение божеству за дарованную победу.

Человеческие жертвоприношения имели место как у кельтов, так и у германцев. Об этом свидетельствует кельтский культ отрезанных голов, находки деревянных культовых фигурок с намеченными контурами тела и с непропорционально вытянутыми туловищами без рук, сообщение Иордана о человеческих жертвоприношениях, которые готы делали в честь бога войны Вотана²¹². Обряд посвящения жертвы богу состоял в том, что человеку связывали руки и ноги, подбрасывали его кверху и при падении ловили на три копьа. В 1947 г. при разработке торфяников в Тюрингии была найдена жертва с перевязанной полотнищем верхней частью туловища²¹³, вероятно, готовая к исполнению обряда. Со временем такого рода обрядность была заменена символическими жертвоприноше-

ниями, которые совершались путем ранения себя оружием или окроплением кровью предметов культа — священных деревьев, жертвенников.

В обряд почитания божества входило изготовление для него специального напитка (обычно пива) в ритуальном, культовом котелке. Приготовление священного напитка сопровождалось соблюдением сложной символики. Культовый котелок считался символом изобилия, благополучия, бессмертия и божественной справедливости. Последнее магическое значение обряда было использовано в судопроизводстве по обычному праву. Божий суд через испытание котелком сохранился при решении судебных споров в раннефеодальном судебном процессе, он применялся в ряде случаев вплоть до XII—XIII вв.

В языческом культе кельтов и германцев существенную роль играла ритуальная маска. Кельтские маски являлись символами и представляли сильно стилизованное изображение человеческого лица. Глазные впадины заполнялись стеклом, эмалью или самоцветами. Волосы уложены спиралеобразно, усы и борода в виде завитков. Маски воплощали магическую покровительственную силу кельтских героев-предков, в III—II вв. до н. э. маски отливали из бронзы и надевали на деревянные столбы. У германцев в более позднее время встречается лишь отголосок подобного культа. Традиционное восприятие обрядности обнаруживается в трактовке противоправных действий, совершаемых с применением маски. Например, лангобардские законы предусматривают особое наказание за насилие над свободным человеком с использованием средств, делавших лицо и фигуру неузнаваемыми²¹⁴.

Особое место в политической и общественной жизни занимало жречество. Кельтские жрецы-друиды ведали не только культом. Присвоив привилегию, монополию на знание воли богов, они вершили суд, занимались воспитанием и обучением аристократической молодежи, руководили процедурой избрания королей. Друиды делали предсказания, высказывали решение или выносили приговор в состоянии особого транса, наступавшего после жертвенного поедания мяса убитого ими в ходе обряда жертвоприношения белого быка («бычий сон» друида). У германцев в древности жрецы тоже пользовались большим политическим влиянием. Они наблюдали за порядком в народном собрании, наказывали провинившихся, что исполняли как бы по вдохновению божества. Примерно с III в. падает значение жречества, это связано, вероятно, с особыми путями становления государственности.

Германские короли-кунинги первоначально были племенными или родовыми вождями (kuni по-готски — род), они выступали в роли военачальников и предводителей. Эта функ-

ция подчеркивается тождеством обозначения конунгов как королей (*reges*) и дуков (*duces*). Эти понятия как синонимы употребляют историки раннего средневековья²¹⁵. Даже остготского короля Теодориха равенский хронист назвал дуком, синонимом обозначения королевского достоинства стало понятие *primates*, прилагаемое к обозначению первейших, т. е. старейшин²¹⁶. Отправление культа как военной обрядности лежало на предводителях. С возникновением крупных территориальных объединений племен усиливалась власть военачальников, королей и герцогов, которых избирали для установления единоначалия и подчинения завоеванных племен власти своего вождя. Отличительными свойствами личности короля считали доблесть и ум. Последнее воспринималось как опыт в делах управления, благоразумие в принятии решений, достигнутое знанием указаний богов.

Этнические процессы, сближавшие народы в ходе развития государственности, сопровождалась изменениями в религиозных представлениях и порядке отправления культа. Почитание богов утрачивало локальную ограниченность, боги приобретали более общие функции, пантеон становился единым для целой народности. В новой социально-политической обстановке языческое обожествление сил природы приобретает новый смысл. Распад кровнородственных связей, обеспечивавших некогда защиту и равноправие, имущественное и социальное неравенство, замена принципов взаимопомощи и коллективизма, демократических основ общественной жизни властью и принуждением военной верхушки — все в совокупности порождало представление о разрушении привычных устоев сверхъестественной силой, творимое ею зло воспринималось как предвестие неотвратимого конца мира. В религиозных представлениях о гибели мироздания отразилось крушение первобытнообщинного порядка. Так, древнегерманская религия принимает эсхатологический характер. Мифологическая система германцев основана на убеждении в том, что мир имел начало, он был создан сверхъестественными силами и затем должен быть разрушен борьбой богов, в самом конце этой борьбы утверждается новый порядок бытия богов и героев.

Согласно германской языческой традиции, боги вступают в борьбу со злом и впереди всех — главный, верховный правитель Один (Водан), одна из функций которого творческая, созидательная. Один в германской мифологии имеет множество функций. В нем воплотился культ героя и божества насилия, зловредный демон и законодатель порядка в хаосе первозданной природы. Он и повелитель, и цивилизатор, высший разум и воплощение сил природы. Соответственно этапам развития общества культ Одина раскрывается в трех аспектах: демоническом, политеистическом и монотеистическом. Традиция

называет 169 имен Одина, позволяющих столь разнообразно интерпретировать его функции²¹⁷.

Культ Одина связан с культом военной дружины, видевшей в короле, военачальнике и предводителе, и главного судью, и дарителя материальных благ; приказ его служил основанием для безоговорочного повиновения. Самая древняя религиозная традиция восходит ко времени борьбы двух кланов богов: ванов и асов. Ваны символизировали идею плодородия земли и мирного труда, асы-воители стали носителями идеи завоевания и победы. Асы подчинили ванов, их правитель Один из гения зла, олицетворения ветра и бури превращается в творца мирового порядка. В период нарастания военной активности германцев Один-Вотан становится главным богом, от которого германские короли вели свою генеалогию. Вотан, древнее Одина, поклонение ему сложилось у истевонов, живших в бассейне Рейна, затем его культ распространился у кимбров, лангобардов и саксов. Вотана чтили как завоевателя, победителя, который сверг своего отца Тира, более древнее германское божество. Тир, Тиу (сканд. Тюр) олицетворял собой духовную мощь, имел государственно-правовую функцию, считался покровителем народных собраний, обеспечивал справедливость в судебном процессе. Вотан отнесил на второй план и Донара (Тор), бога грома и небесной стихии. Первоначально Тор имел военную функцию, впоследствии воспринимался как олицетворение физической мощи и почитался как защитник людей от чудовищ.

Вотан стал главным среди других языческих богов, правителем асов и покровителем военных дружин. Олицетворением враждебного начала был род Локи. Асы связали веревками и таким образом обезвредили волка Фенриса, коварное порождение самого Локи. За имену и зло Локи был прикован асами к скале. Будущее связывали с освобождением Локи, тогда наступят сумерки богов, предзнаменования их ужасны. Представления о всеобщей гибели мира были навеяны обстановкой крушения общинного устройства: приходит время ветра, время волков, когда сражаются и убивают друг друга братья, рушится родовой союз, наступает век топора, век меча. Мир, созданный богами, гибнет, волк Фенрис пожирает Вотана, он проглотит солнце и луну, звезды посыплются с неба, и наступит смерть, за которой последует возрождение богов, земли и жизни. Видар наступит ногой на нижнюю челюсть волка, рукой схватит за верхнюю и разорвет пасть пополам, тут и придет конец волку. Символом жизненной силы возрождения считали дуб, он был посвящен Донару.

Мифологические представления о конце мира и крушении жизни вошли в германскую эпическую поэзию, описания этого трагического исхода встречаются в «Младшей Эдде» и в

саксонских поэмах IX в. Рассказ построен на драматическом перечислении тех бедствий, которые несут с собой войны и вражда: «народы затрепещут, и нигде не будет мира, оружие и война во всем свете яростно подымутся. С войском нападет один клан на другой, начнется борьба королей, огромные переходы войск, многие погибнут в крови, в открытом бою»²¹⁸.

Из древних сказаний складывались героические родословные. Народные певцы и сказители хранили в своей памяти боевые песни, все героическое прошлое своего народа, отдельных племен и родов. Устная традиция создавала песенную историю народа, из которой предводители военных дружин отбирали то, что служило возвышению их рода. Так складывался обычай восхваления на пирах знатного покровителя, что в средние века стало делом придворных менестрелей.

Героическая поэзия отразила рост этнического самосознания в период образования новых народностей. Германцы слагали песни-саги на родном языке, они пели о богах, о событиях из истории своего племени, о войнах и сражениях, о подвигах, смелости и силе героев и королей, об их родословных. Устные предания делали первых королей племени легендарными героями, богатырями²¹⁹. Народная память в эпической поэзии сохранила имена королей, с которыми были связаны самые важные повороты в истории народа — переселения. Берит вывел готов из Скандинавии, Фелимер повел их в Причерноморье, Ибор и Айон возглавили поход лангобардов с нижней Эльбы, Альбоин привел их в Италию²²⁰.

Готский историк Иордан использовал песенные сказания в качестве главного исторического источника, по которому он восстанавливал раннюю историю своего народа²²¹. При этом он ссылался на то, что до него и другие писатели, в частности Аблавий, таким же образом находили в старинных песнях следы древнейших событий²²². Лангобардский историк Павел Диакон тоже включил в «Историю лангобардов» рассказы и предания, услышанные им от старцев²²³.

Сказители-певцы находили в песенном творчестве народа обильный материал для тенденциозного отбора и переносили славу предков на своих щедрых покровителей. Песенная поэзия была важным идеологическим и эмоциональным средством воздействия в период военной демократии, когда военная аристократия и новая служилая знать утверждали авторитет власти традиционными приемами, убеждая народ в превосходстве своих личных качеств.

Германцы начинали пение своих героических песен перед сражением, воодушевляя тем самым себя и устрашая врагов. Аммиан Марцеллин рассказывает, как воины в полном вооружении перед боем «затягивали дикий и зловеющий вой», прославляя деяния предков. Пением героических песен они провожали своих соплеменников в последний путь с поля сра-

жений: «с песнопениями неблагозвучными, нестройными голосами вынесли вестготы труп своего короля с поля Каталаунской битвы»²²⁴.

В мирное время героические песни-сказания знакомили молодых юношей с историей народа и внушали патриотические чувства, так как это были песни о могуществе германского войска, о славе королей, о магической силе королевского оружия. Эти песни уже не знали племенных барьеров, они были известны и саксам, и баварам, и лангобардам, и другим народам этого языка, как говорит Павел Диакон²²⁵. Римлянин Аполлинарий Сидоний, один из последних знатоков и тонких ценителей классического искусства, с нескрываемым презрением говорит о варварской манере общения. Будучи постоянно окруженным толпой косматых варваров, он был вынужден, по его словам, выносить звуки германской речи и расхваливать с угрюмым видом песню, которую поет объевшийся бургунд, мажущий прогорклым маслом свои волосы. Далее он продолжает: «Моя муза отвергает шестистопный стих с тех пор, как видит семифутовых покровителей и слышит их варварское пение». Музыкальному сопровождению германские певцы-сказители, вероятно, научились у римлян. Друг Аполлинария Сидония Сиагрий не только знакомил бургундскую знать с римскими законами и правовыми сентенциями, но и обучал их игре на музыкальных инструментах. Аполлинарий Сидоний называл Сиагрия Амфионом по части игры на трехструнной кифаре и заметил, что это было еще одним поводом к тому, чтобы бургунды искали его помощи.

Галло-римская интеллигенция сыграла большую роль в романизации варварской знати. Проводниками римской культуры в Галлии были Аполлинарий Сидоний, Сиагрий, поэт Павлин из Бордо, ритор Лампридий и многие другие, в Италии — Боэций и Кассиодор. Остготские, вестготские и бургундские короли привлекали на службу римскую интеллигенцию и с ее помощью приобретали знания в области права и системы управления. Аполлинарий Сидоний высоко ценил деятельность Сиагрия в этом направлении: «И хотя они (имелись в виду бургунды) грубы и суровы телом и смыслом, они учатся у тебя говорить на их собственном языке и носить римское сердце».

Главным средством общения германцев с римским населением был латинский язык. Германцы V в. имели различные разговорные диалекты своего языка, существенно отличавшиеся от более обработанного языка устного поэтического творчества и делового языка судопроизводства. Римляне, вступающие в политические контакты с правящей варварской верхушкой, усваивали германский язык, а варварские судьи и должностные лица — латинский. Известно, что Сиагрий, помогавший бургундским судьям в толковании законов, владел

более чистым германским языком, поэтому в его присутствии те боялись нечаянно допустить варваризмы в своей речи. Образованные римляне, привлекавшиеся на политическую службу к варварским вождям, в значительной степени способствовали формированию германского литературного языка, а также распространению и усвоению латинского.

Физический тип населения кельто-германо-славянского региона не имел существенных различий, это было замечено еще римскими писателями. Высокий рост и крепкое телосложение, светлая кожа и волосы (русые, рыжие и более светлых оттенков), голубые глаза — отличительные признаки кельтов, германцев и славян. По словам Страбона, германцы обладали более жестким и суровым нравом, имели острый, дикий взгляд, были сдержанны в общении²²⁶. Кельты отличались веселым приветливым и общительным нравом. Общими чертами, отражающими не столько этническую особенность, сколько определенный этап социального развития, являлись воинственность, ратная отвага и выносливость.

Стойкость сражающегося варвара поражала римлян. Аммиан Марцеллин крупным планом показал высокий психологический настрой свободного воина, отчаянную храбрость варвара, защищавшего в рукопашном бою свою свободу и образ жизни. Страшен был гот-варвар, он бросался на врага, преисполненный яростью, с пронзительным воплем, который судорогами сводил лицо²²⁷.

Независимость и личное достоинство защищали оружием, не признавая ни моральных, ни правовых ограничений. Насмешка над внешним видом, физической неполноценностью, этническими особенностями в одежде, причёске и т. п. могли служить поводом к вероломному убийству или началу кровопролитной войны.

Этноплеменная обособленность проявлялась в деталях одежды, в способе укладки волос. В первые столетия нашей эры эти различия более заметны, чем в эпоху великого переселения народов. Древние кельты красили волосы, зачесывая их назад, а чтобы лучше держалась причёска, волосы смазывали известковым раствором, некоторые носили бороду, знатные брились, оставляя длинные усы, почти закрывавшие рот. Германцы предпочитали носить длинные волосы, распущенные вокруг лица, бургунды мазали их маслом, лангобарды укладывали наподобие бороды. Согласно преданию, Вотан, у которого они просили помощи в войне с виннилами, назвал их длиннородыми, т. е. лангобардами²²⁸. У франков, бургундов и вестготов длинные волосы служили особым знаком королевского достоинства вместо диадемы²²⁹.

Кельты предпочитали пестрые ткани, в клетку или в полоску, любили украшать платье бахромой, а германцы широкими оборками разных цветов. Верхняя часть одежды кель-

тов — цветная блуза, перехваченная кожаным поясом, и плащ, скрепляемый на плечах пряжкой (фибулой). Позже мужчины надевали железные поясные цепи. Германцы носили просторную, главным образом льняную одежду. В отличие от германцев у галлов более широкие и длинные, до самых колен штаны. Короткие штаны германского типа удлиннялись шерстяными чулками, если зима стояла холодной. На голенях их перевязывали обмотками из шерстяных или полотняных полос. Лангобардский историк Павел Диакон рассказывает, как между гепидами и лангобардами произошла ссора, вызванная насмешкой над лангобардскими послами: они были обуты в башмаки с белыми обмотками вокруг голеней, гепиды смеялись, что это делает их похожими на коней²³⁰. Знатные женщины носили бронзовые поясные цепи из литых пластинообразных звеньев, соединенных кольцами, с инкрустацией красной и белой эмалью. Обувь разнообразна: деревянные, полотняные или кожаные башмаки на подошве. Открытые кожаные имели по краям ремни, которыми германцы перевязывали ногу поверх льняных полос, служивших обмотками.

На голове германцы носили шапку полушаровой формы или высокий, войлочный колпак. Женская одежда состояла из блузы покроя кимоно с полудлинными рукавами и вырезом вокруг шеи и длинной шерстяной юбки, сшитой из полосы в два объема. Талия была стянута ремнем, кисти которого виспадали от пояса, над узлом прикреплялась золотая или бронзовая круглая пряжка. В более позднее время женщины носили длинные (до ступни) безрукавые сорочки, которые застегивались на обоих плечах фибулами. Женщины, как и мужчины, пользовались верхними шерстяными плащами, скрепляемыми фибулой-пряжкой. Волосы у германских женщин свободно виспадали на плечи, на голове они делали прямой пробор и откидывали их назад. Украшениями служили шпильки, пряжки, ременные обручи, серьги, кольца, обувь не отличалась от мужской, платок покрывал голову.

Свои жилища германцы делали из бревен, а стены обмазывали глиной, крышу покрывали соломой или камышом. Стойла находились либо в передней части дома, либо в середине. Рядом с жилищем устраивали маленькие помещения для ткацких станков. Место под легким навесом предназначалось для ремесленных работ, изготовления горшков, одежды, упряжи, хозяйственной утвари, орудий труда. В одном из помещений находился очаг. На все поселение ставили один колодец, дорога к нему и место вокруг колодца было вымощено. Поселения состояли из нескольких домов, большие поселения встречаются крайне редко.

Образ жизни, занятия, быт народов Европы в ту пору не имели существенных различий. Суровый климат заставлял за-

ботиться о запасах мясной пищи. Кельты и германцы ввели в употребление свиное сало и коровье масло, они в большем количестве, чем жители средиземноморского региона, потребляли хлеб, вареное и жареное мясо, говядину, баранину, особенно соленую свинину, печеную соленую рыбу. Мужчины всегда носили на поясе рядом с мечом маленький железный нож, которым пользовались при еде, отделяя мясо от костей или разрезая большие куски. Германцы любили плотно поесть, употребляли острую приправу из чеснока и лука, что усиливало презрение к ним утонченно воспитанных римлян. Аполлинарий Сидоний, испытывая угнетенное чувство от общения с варварами, писал: «...счастливо твое обоняние, десяток бургундов не оскорбляет его с раннего утра запахом чеснока и лука...»

Семейные отношения у германцев, обычаи сватовства и порядок заключения браков существенно отличались от норм семейного обычного права славян. Германское обычное право под страхом сурового наказания запрещало похищение, «умыкание» невест²³¹. Похититель должен был выплатить композицию за похищение и оплатить мундиум. Вероятно, под влиянием межплеменных контактов обычаи похищения проникал и в германскую среду, поэтому законы последовательно защищали старые порядки. Капитулярий Карла Великого установил высокий штраф за похищение — 60 солидов. Причину распространения практики похищения невест следует видеть в расслоении свободных и в стремлении бедняков избежать покупки мундиума над женой. Похищение — одна из форм заключения брака согласно патриархальному праву. Следы ее обнаруживаются во Фризской правде. Похищенную приводили на судебную площадь, где у одного шеста стояли ее родственники, а у другого похититель. Похищенной предоставлялось право выбора: если она возвращалась к родственникам, то похититель оплачивал насилие, если она шла к похитителю, то брак приобретал законную силу.

Обычное право германцев предусматривало заключение брака путем брачного договора, в котором оговаривалась стоимость выкупа за невесту, т. е. цена мундиума (оплата права опеки над женой) и величина меты²³². Мета имела значение покупной цены невесты, имущество, входившее в мету, было приданым жениха, поступавшим в общесемейную собственность. Англосаксонские законы запрещали торговаться, жених обязан был давать добровольно, и этим следовало удовлетвориться. По договору устанавливалась величина утреннего дара мужа после первой брачной ночи — моргенгабе. Это имущество как раздельное принадлежало только жене наряду с приданым и служило ее материальным обеспечением. Жених дарил рогатый скот, коня, щит с мечом,

невеста в качестве приданого тоже приносила военное вооружение.

В состав имущества жены входило отцовское и супружеское приданое (моргенгабе), оно принадлежало жене после смерти мужа. За присвоение этого имущества муж присуждался к штрафу, у алеманнов в случае развода оно делилось поровну. Драгоценности оставались у мужа, если он под присягой заявлял, что это его вещи. Дети у алеманнов и лангобардов имели равные доли в наследовании родительского имущества. Имущество жены при отсутствии детей наследовали ее родители, но если ребенок умершей женщины жил хотя бы один час, т. е. открыл глаза и видел потолок и четыре стены, тогда все имущество женщины переходило к мужу²³³. Отец был ограничен в правах распоряжения своим имуществом, но ему разрешалось увеличивать долю одного сына в ущерб другим, если он того заслуживал сыновним почетом.

Высокие мета и моргенгабе были знаком особого достоинства, и варварские правды вводили максимум (у саксов — 300 солидов, у лангобардов — 400 солидов, у вестготов — 1000 солидов, 20 рабов и 20 лошадей). Такое дарение отличало знатных, остальные должны были дать не более 1/10 своего имущества. Покупка мундиума женихом делала брачные отношения узаконенными. Брак, заключенный без согласия отца и вручения мундиума супругу, объявлялся недействительным и подлежал расторжению. Если жена умирала до приобретения ее мундиума, муж платил за нее вергельд отцу (у алеманнов 400 солидов); если умирали дети, отец за них платил вергельд деду по их матери, как будто бы он сам был виновником их смерти. У франков полагался выкуп за вдову²³⁴.

Церемония сватовства, по рассказу Павла Диакона, чрезвычайно проста. Лангобардский король Автарих лично со своей свитой-дружиной отправился к отцу будущей невесты, баварскому королю. Во время приема посольства старший из послов обратился непосредственно к королю со словами приветствия, выразив просьбу взглянуть на его дочь. Явилась невеста, после смотрин глава посольства одобрил выбор своего короля и сказал отцу: «Ваша дочь заслуживает быть нашей королевой, согласны принять из ее рук чашу вина». Угощение вином из рук невесты считалось знаком ее благосклонности и согласия. По знаку отца невеста взяла чашу и подала ее сначала главе посольства, а затем жениху. Жених принял чашу, выпил вино, вернул чашу невесте, а потом своей рукой провел линию по ее лицу, со лба по носу до рта. Этот знак означал согласие жениха. Подтверждая законную силу сговора, сватовства, жених публично целовал руку невесты, сговор завершался поцелуем в уста. Брак короля должен

был быть аккламирован (оглашен и утверждён) в народном собрании, таким образом войско-народ выражало согласие признать невесту своей королевой.

За нарушение порядка заключения браков устанавливались высокие штрафы: за похищение чужой невесты, за отказ от обрученной невесты. При совершении брачного обряда жену вручали мужу по особой формуле, удостоверявшей твердость брака (Эдикт Ротари, 183). При этом жениху вручали меч — символ власти, верности, защиты. Таким образом, невеста переходила под мундиум мужа. У фризов впереди брачной процессии шел мальчик и нес обнаженный меч. «Брачный» меч считался орудием казни жены за совершенные ею преступления. Самым тяжким проступком у германцев по отношению к мужу была неверность жены. Основой новеллы Боккатчо о лангобардском короле Агилульфе послужила старогерманская легенда о муже, свято охраняющем честь жены. Существовало немало преданий о ложных обвинениях в неверности, о восстановлении чести женщины путем боевых поединков. Например, дочь короля Агилульфа и его жены Тевделинды Гундиперга была заподозрена мужем в прелюбодеянии и осуждена им, но раб по имени Карелл поединком очистил свою госпожу от клеветнического обвинения. Король, получив такое доказательство невинности жены, вернул ей королевское достоинство, которого прежде лишил. Впоследствии сам пал от руки мужа обещанной им лангобардки²³⁵. Фриульская легенда о Ромульде, жене герцога Гизульфа, безжалостно рисует трагический конец этой женщины, растерзанной врагами. Ромульда не только пошла на предательство во время осады города аварами, но и обещала аварскому кагану стать его женой. После взятия крепости, по приказу кагана, она была отдана на поругание 12 дружинникам, а затем посажена на кол. Традиция сохранила рассказ о Ромульде в назидание, представив жестокую расправу как заслуженное наказание за ее коварство и неверность.

Вручение мужу власти наказывать жену смертной карой составляло правовую сторону брачных отношений, поэтому вступление в брак называли «опоясыванием» жениха (жениха опоясывали перевязью для меча — *carulum*), а женатого — «опоясанным». С разложением кровнородственных отношений и усилением семейно-патриархальных связей «опоясывание» стало названием родства (*prociunctus*), среди соприсяжников выделяется группа родственников по мужу (*ex prociunctu*).

Многие обычаи родового строя действовали в эту переходную эпоху то в старой форме, то в измененной соответственно новым общественным отношениям и понятиям. Обычное

право заменило кровную месть выкупом, но в варварских правдах сохранилось множество запретов, свидетельствующих о нежелании довольствоваться штрафами, о преследовании с целью отмщения, о длительном состоянии вражды между сторонами. Самые тяжкие преступления против личности свободного (особенно короля) карались уплатой цены личности, которая называлась у германцев вергельдом. Любые другие проступки, кражи, увечья тоже возмещались материальным удовлетворением потерпевшего (композицией). Размер выкупа определялся тяжестью преступления, этническим происхождением потерпевшего, социально-политическим статусом, возрастом, полом. По германским обычаям вергельд женщины превышал вергельд мужчины, повышенные вергельды были установлены для королевских дружинников и всех, кто исполнял королевское поручение (у франков в три раза выше).

Все родственники-сонаследники участвовали в уплате и получении вергельда. По мере ограничения круга сонаследников и распада кровнородственных отношений законы разрешили отказываться от совместной уплаты вергельда. Постепенно осуществлялся переход к личной ответственности правонарушителя.

В системе наказаний долгое время применялось «лишение мира». Оно означало изгнание за нарушение обычных правовых норм, регулировавших отношения внутри кровнородственного коллектива, а затем соседской общины. Такому наказанию подвергались осквернители могил, убийцы, колдуны, на которых падало подозрение в злодейской порче людей, опасно больные (например, прокаженные). В народных песнях и сагах много примеров таинственной жизни таких изгнанников. Виновный и осужденный должен был бежать в лес или за море под крики и угрозы своих близких. Подобно дикому зверю, он мог быть безнаказанно убит (он лишался защиты и поддержки своих сородичей или общинников). В народной фантазии эти люди приобретали черты лесных бродяг, внешний облик которых мог преобразоваться в зависимости от обстоятельств встречи с человеком. Изгнанник становился оборотнем, человеком-волком, отверженный превращался в ярого врага своих недавних сородичей и соседей. В волчьем облике он появлялся вблизи человеческого жилища, бросался на людей, имел способность превращения в человека. Лишенным мира изгнанникам запрещалось подавать помощь. По норвежским законам жена только в течение пяти ночей после приговора имела право пускать мужа в дом, а затем обязана была объявить о его присутствии в доме соседям. Родственникам бегущего в лес дозволено только один раз подставить преследующим рукоять меча или ногу в знак

помощи, как бы в затруднение преследования. Жившие у моря отправляли в изгнание по воде, родственникам разрешалось кинуть весло или руль, но один из этих предметов. Обычай допускал символическую помощь близких родственников, такой порядок соответствовал структуре общества, в котором кровнородственные отношения уже ослабли, а узы семейного родства приобретали главное значение.

В период разложения родового строя появился новый обычай усыновления. Если прежде усыновление происходило в роде, в кругу близких и отдаленных родственников, то развитие дружинных отношений привело к порядку усыновления оружием, означавшим военную адаптацию. Реальное значение такого усыновления состояло в обрядовом освящении военного союза старшего с младшим. Обрядовая процедура давала уверенность, что «сын по оружию» не пойдет войной на своего «отца по оружию».

Обычай усыновления оружием служил делу усиления королевской власти. Публичное вручение королевского копья означало объявление усыновленного законным преемником правящего короля. Лангобардское предание о первом короле Агелмунде повествует о том, как Ламиссио, второй в ряду королей, стал преемником первого. Еще ребенком он был спасен из болота с помощью королевского копья. В саге особо выделяется момент прикосновения руки ребенка к королевскому копью, это произвольное движение не только спасло жизнь, но послужило как бы поводом и основанием, чтобы король публично возвестил о великом будущем, которое ждет спасенного мальчика²³⁶.

Усыновление с вручением оружия служило подтверждением союзного договора между королями. При заключении перемирия между лангобардами и гепидами сын лангобардского короля Авдоина юноша Альбоин получил оружие из рук гепидского короля Тюрисинда и стал его сотрапезником (по сути усыновление стало залогом мира). Остготский король Теодорих был усыновлен византийским императором Зеноном по варварскому обычаю с вручением оружия, а Пипин, сын франкского правителя Карла Мартелла, — лангобардским королем Лиутпрандом.

Обряд усыновления напоминал обряд посвящения юноши, кроме вручения оружия, у него отрезали прядь волос в знак ответного дара, как требовало обычное право при любом акте дарения. Символическое значение процедуры раскрывается в рассказе Павла Диакона о коварной расправе византийского патриция Григория со своим политическим врагом, фриульским герцогом. Хитрый византиец пообещал Тазо, сыну герцога, что, отрезав прядь волос, сделает его своим сыном, таким способом он намеревался заманить в ловушку всех сыновей фриульского герцога с их дружинами. Тазо доверчиво

отнёсся к предложению, явился в византийскую крепость, где и был схвачен, а затем убит. Григорий приказал отрубить ему голову; отрезал прядь волос и заявил об исполнении обещания²³⁷.

Обычаи, складывавшиеся в период классового формирования и возникновения государства, становились нормой общественного поведения. Обычай, укоренившийся в течение жизни многих поколений, считался неписанным законом, которым руководствовались в судопроизводстве. Так возникали нормы обычного права. Обычаем определялись имущественные отношения. Общинный принцип равенства требовал, чтобы всякое действие имело следствием ответное, подобное действие. Передача имущества совершалась в форме дарения и сопровождалась обязательным ответным даром. Ответный дар назывался лаунегильд, он представлял собой символический предмет, подтверждавший крепость совершенного акта передачи имущества. Символическое значение имели кольцо, кусок дерна, разломанные куски ветки, прядь волос и пр.

Всякое насилие над личностью свободного каралось наказанием, напоминающим совершенное преступление. Принцип талионного права постепенно заменили штрафом-композицией.

Эпоха непрерывных войн, межплеменных конфликтов, междоусобиц, жестокой борьбы за власть, гегемонию и политическое влияние порождала в людях особую враждебность, недоверие, подозрительность, суровость, вероломство. Кровавая физическая расправа с политическими противниками являлась вернейшим средством достижения власти. Посредством грабежей и захватом военной добычи обеспечивали свои дружины оружием и продовольствием. Римлянам, особенно представителям римской интеллигенции, варвары-завоеватели внушали страх и презрение. Таково было отношение Аполлинария Сидония к бургундам, но когда он узнал о вестготах, то бургунды по сравнению с ними показались ему самыми кроткими из варваров.

В то время ужасы кровавых войн целиком относили к проявлениям дикости и жестокости врагов Рима. Историк Аммиан Марцеллин не упускал случая, чтобы обвинить варваров в страшных бедствиях и разрушениях, от которых страдали жители римских провинций²³⁸. Однако войны своими трагическими последствиями одинаково пагубны были и для варварского населения в случае победы римского войска. У Аммиана Марцеллина встречаются полные драматизма сцены расправы римских солдат над жителями варварских селений: legionеры раскидывали легкие жилища, без пощады избивали женщин, детей и престарелых, топтали ногами живых, умирающих, гнали в рабство уцелевших, остальное предавали огню. Выбегавшие из убежищ падали под ударами рим-

ских мечей. Сжигали поля с хлебами, скот угоняли как добычу²³⁹.

Жестокие нравы проявлялись не только во время войн, но и в мирной обстановке. Распад кровнородственных уз не смягчил обычая кровной мести, наоборот, они стали средством расправы с соперниками. Чтобы избежать отмщения за вероломство или обиду, уничтожали весь род, включая младенцев. Обычай брать в жены дочерей или жен своих поверженных врагов приводил к новым конфликтам. Месть за отца или брата служила поводом для организации заговоров, заканчивавшихся трагическим исходом. Дочь гепидского короля Роземунда, взятая в жены Альбоином, была активной участницей убийства своего мужа, который сделал из головы ее отца пиршественную чашу. Ночью Роземунда спрятала оружие мужа, а его меч привязала накрепко к ложу, после этого открыла дверь заговорщикам.

В характеристике варваров периода великого переселения народов современники отмечали негативные черты, но вместе с тем обратили внимание на новые черты быта. Люди охотно занимались земледелием и искали более удобных мест для поселений, овладевали различными ремеслами, ставили себе прочные дома, много охотились, преодолевая пешком большие расстояния.

Наряду с земледельческими народами заметный след в истории Западной Европы оставили кочевники. Античные и византийские писатели рисуют яркий образ кочевника с его стадами и повозками на фоне бескрайних полей, в суровом климате, среди скованных льдом рек и озер. Не зная постоянных, даже легких жилищ, крытых тростником или соломой, они проводили всю жизнь на коне, в кибитках и повозках в поисках пастбищ и лугов. Кочевников-гуннов Иордан считал самыми страшными в своей дикости, называя это племя малорослым, сухопарым и отвратительным, пугающим своей чернотой²⁴⁰. Их свирепая внешность была отражением жестокости духа: мальчикам в младенческом возрасте рассекали острым железным лезвием щеки, чтобы еще до восприятия молока они попробовали испытание ранением. Гунны были ловкими, проворными воинами, ездили верхом с гордой осанкой, хорошо стреляли из лука, арканом ловили пленников²⁴¹. Близки к гуннам по образу жизни аланы, последние часто смешивались с германцами, дунайскими и истрийскими славянами.

Завоевания и переселения народов в IV—V вв. ускорили этнические процессы и образование новых народностей. Возникновение государственности, общность материальной и духовной культуры явились главными предпосылками межплеменной интеграции. Этногенез совершался в различных формах и был далек еще от своего завершения. Писатель VI в.

Иордан устанавливал знак тождества между понятиями племени *gens* и народ *populus*. Родовые союзы, небольшие кровнородственные группы, имевшие определенную локализацию, он объединял латинскими понятиями семья (*familia*), род (*genealogia genus*) и германским значением фара. Иногда понятие племени-народы (*gentes*) он соединял с понятием народности (*nationes*). Часто термином народы (*gentes*) он объединял весь мир, противостоящий Риму. Среди отдельных народностей возникала общность, которая со временем проявлялась в едином этнониме, в нравах, образе жизни и вооружении, возникнув, она укреплялась политическим и территориальным единством. Таким образом, например, вестготы превратились в этнос, народность (*natio, populus*). Малочисленные племена, при отделении сохранившие свою обособленность, могли остаться на уровне *gens* в значении племени. Например, скиры²⁴², свавы²⁴³.

Прочное этническое единство в условиях сильной и устойчивой политической организации могло обозначаться таким же понятием *gens*, но с добавлением этнонима, указывающего на определяющий, этнический признак. Например, *gens Gothica*²⁴⁴, *gentes Langobardorum*, в последнем случае этноним означал господствующий политический этнос, который главенствовал над другими близкими народами, и эта близость могла быть результатом этнической интеграции. При ассимиляции нескольких племен или народов (*nationes*) возникал единый этнос с общим этнонимом, например видиварии²⁴⁵; гунны наряду с различными этнонимами имели общий, прилагаемый ко всем, он обозначал гуннов как народ (*populus*)²⁴⁶.

Сложностью этнических процессов можно объяснить факт исчезновения в эпоху великого переселения народов многих названий племен, встречавшихся у античных писателей I—II вв., и появление новых этнонимов.

РАЗДЕЛ II

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОСУДАРСТВА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

ГЛАВА 1

ВАРВАРСКИЕ КОРОЛЕВСТВА И КНЯЖЕСТВА VI—IX ВЕКОВ

Варварские завоевания сопровождались массовыми передвижениями народов на новую территорию. Воины с семьями селились на завоеванных землях среди местного населения и продолжали осваивать и культивировать незанятые, необработанные угодья: заболоченные места, леса, поймы рек, луга. Внутренняя колонизация Западной Европы, начавшаяся с великого переселения народов, продолжалась в течение всего средневековья. Эта колонизация обеспечила подъем производительных сил и сама была следствием развития индивидуального крестьянского производства.

В результате падения Римской империи и поселения народов на римской территории образовались крупные политические объединения племен, во главе которых стояли короли. Эти так называемые варварские королевства, как и военно-политические конфедерации, были непрочными, временными, легко распадались и становились объектом нового завоевания.

Характер социально-политического развития ранних государственных образований зависел от многих факторов, особенно от степени римского влияния. Более романизованными областями Западной Европы были Италия, Испания, южная и Нарбоннская Галлия. Здесь римское влияние ускорило разложение первобытнообщинного уклада и формирование раннесредневекового общества и государства.

Переселение германских племен, преимущественно англосаксов, в Британию завершилось образованием в середине и второй половине V в. англосаксонских королевств. Местное кельтское население начало борьбу с римским господством еще в IV в. и действовало вначале заодно с саксами. Аммиан Марцеллин говорит, что в конце IV в. почти вся Британия была захвачена скоттами, пиктами и саксами¹. Впоследствии кельты долго и стойко боролись с германскими завоевателями, им удалось сохранить за собой северную и западную часть острова (Уэльс и Шотландию), а также Ирландию. Кельтские

традиции в этих областях оказались очень устойчивыми. В раннесредневековом искусстве VII—IX вв. получил распространение спиралевидный кельтский орнамент, им украшали металлические изделия и книги (евангелия), кресты (в Уэльсе до XI в.). В кельтский эпос вошли древние сказания о короле бриттов Артуре, который отважно сражался против англов и саксов. Кельтские легенды распространяли бродячие певцы во Франции и Германии, в переработанном виде они составили средневековый цикл песен о короле Артуре и рыцарях «круглого стола».

Семь англосаксонских королевств в Британии вели борьбу за гегемонию, в IX в. была сделана попытка их объединения, однако вторжения норманнов (датчан) помешали созданию феодальной англосаксонской монархии.

Переход через Рейн германцев в 406 г. положил начало образованию в V в. двух германских королевств: вандальско-го в Северной Африке и Бургундского в Нарбоннской Галлии. Это были самые ранние и кратковременные политические образования, память о которых сохранилась в названиях тех областей, где остановились бургунды и вандалы (Бургундия и Андалузия). Переправа через Рейн открыла вандалам путь в Галлию и Испанию. С 409 по 429 гг. вандалы жили в юго-западной части Испании (область стала называться Вандалу-сия).

Вандальский король Гейзерих (428—477) предпринял поход в Северную Африку. В то время в Африке держал власть узурпатор Бонифаций, один из высших военачальников империи, командовавший готским войском федератов. Кассиодор в Хронике под 427 г. сообщает, что Бонифаций «держал Африку неправильно». Прокопий Кесарийский тоже обвинял правителя в том, что он незаконно захватил власть и призвал на помощь вандалов из Испании. Вандальский король Гейзерих с большим войском в 50 тысяч стал готовиться к переправе через пролив в 429 г. Иордан сообщает, что в войске была масса подчинившихся Гейзериху племен, среди которых значительной частью были аланы, все приняли общее название — вандалы. Переселение было осуществлено обычным в те времена способом, т. е. объединились различные народы и племена, и полиэтнический союз принял этноним политически главенствующего племени, из которого вышел король-предводитель. Соперничество между Бонифацием и Гейзерихом привело к войне. В 432 г. Бонифаций потерпел поражение и вернулся в Рим, там он был убит Аэцием.

Гейзерих — вандал, невысокого роста, хромой после падения с лошади, немногословный и скрытный. Король был типичным правителем той варварской эпохи. Невзрачный на вид, презиравший роскошь, но жадный до богатств, он обладал сильным характером, диким нравом, но в то же время

дальновидностью и природной сметливостью настолько, чтобы хитростью удерживать власть. Гейзерих умел воспользоваться благоприятной политической обстановкой, укрепляя свое влияние; в нужный и удобный момент сеял семена раздора среди племен и их вождей². Он ловко натравливал вестготов на Западную империю, остготов на восточного императора, а сам тем временем спокойно правил в Африке.

Формально вандалский король считался на федератской службе у римского императора, это позволило ему воспользоваться убийством Валентиниана III как поводом для организации военного похода на Рим с целью мести. В мае 455 г. Гейзерих с войском разграбил Рим. Акция, проведенная вандалским королем, стала синонимом полного и бессмысленного уничтожения культурных и материальных ценностей (вандализм), хотя надо заметить, что вандалы не были исключением во враждебных действиях по отношению к Риму. Однако они были язычниками и арианами, и церковная традиция передала последующим поколениям резко осуждающую оценку поведения тех варваров, которые не входили в лоно римской церкви. Узурпатор Петроний Максим бежал из Рима и был убит. Гейзерих увез в Африку вдову и дочерей императора, старшую выдал замуж за своего сына — Гунериха.

Положение вандалского короля в Африке становилось все более сложным. Враждебное отношение местных мавританских племен, соперничество с германскими федератскими отрядами и их военачальниками, малочисленность войска, ослабленного походом в Италию, — все это заставляло преемников Гейзериха избегать поводов к внутренним конфликтам. Строго патриархальные законы подчинения старшему позволяли в течение нескольких десятилетий держаться в Африке. Этот порядок передачи королевского достоинства был отмечен Иорданом как исключение из общей ситуации борьбы за корону между родственниками: «сыновья Гейзериха правили один вслед за другим по старшинству, не запятнав себя, как обычно бывало у других варварских племен, междоусобной войной»³.

В начале VI в. вандалские короли поддерживали дружественные отношения с Остготским королевством в Италии, король Тразимунд в знак союза женился на сестре Теодориха Остготского. Вандалское королевство в Африке просуществовало около 100 лет. В 534 г. византийский военачальник Велизарий разбил вандалского короля Гелизмера и вновь подчинил Северную Африку как провинцию византийскому императору.

Бургундское королевство.

Центром бургундского племенного союза был Вормс на Рейне. Под натиском гуннов бургунды оставили рейнскую об-

ласть (древний эпос бургундов «Песнь о Нибелунгах» отразил их пребывание на Рейне и борьбу с гуннами). В 480 г. Вормс захватили алеманны.

В период 443—457 гг. бургунды заняли бассейн Роны, включая Прованс. Столицей Бургундского королевства стал город Лион. После смерти короля Гундиоха в 470 г. королевство было разделено между его сыновьями. Гундобад придерживался арианства и искал поддержки у вестготов. Историк Григорий Турский сообщает, что король имел желание тайно принять христианство по католическому обряду, но опасался противодействия со стороны своего народа и мятежа. Годигизел, наоборот, заключил союз с франкским королем Хлодвигом, уже принявшим христианство в католической форме. Вражда и соперничество между братьями, угроза франкского завоевания привели к распаду королевства. Франкский король Хлодвиг воспользовался междоусобицами, чтобы завоевать земли Прованса. Прованс имел важное стратегическое значение, он открывал путь в Северную Италию. В ходе военных действий франки продвинулись до Авиньона.

В бассейне Роны бургунды оказались на территории сильно романизованной римской провинции. Поселившись в этой плодородной долине, известной высокой агрикультурой, виноградарством, садоводством, бургунды произвели земельный раздел с местным римским населением. Сначала они взяли 1/2, а затем, позже, 2/3 пахотных угодий, половину остальных земель и одну треть рабов. Римские землевладельцы, уступив часть земель, освобождались от уплаты поземельного налога и таким образом интересы крупных землевладельцев не были сильно ущемлены завоевателями.

Бургундская военная знать приобрела земли с римскими рабами и колонатами и по своему социальному положению становилась близкой с римскими землевладельцами, вступала с ними в политический контакт. Многие римляне сохранили свои владения и жили по соседству с бургундами-землевладельцами. Некоторые, например семья Сиagriев, сблизились с правящей верхушкой. Представители римской провинциальной аристократии, усвоив германский язык, привлекались к делам управления как знатоки права и посредники при решении судебных споров. Аполлинарий Сидоний рассказывает, что Сиagriй хорошо разбирался в бургундских законах, давал правильное толкование правовым нормам, за что получил прозвище — Солон. Деятельность образованных римских юристов имела важные последствия в политической жизни варваров. Германцы усваивали основы римской юриспруденции, приобщались к правовым знаниям, использовали знатоков римских законов при записи обычного права. Римская интеллигенция на службе у германских королей была проводником римского влияния в области управления, политики.

С некоторой завистью Аполлинарий Сидоний пишет другу: «тебя любят, посещают, ищут, ты решаешь, тебя слушают...» Однако римская интеллигенция по-прежнему с величайшим презрением отзывалась о бургундах, «больших, прожорливых, простодушных и общительных варварах». Сам Аполлинарий Сидоний выразил полную нетерпимость к навязчивости своих заступников, приходивших к нему засвидетельствовать свое расположение. Он досадует: «толпа великанов, которую едва вместила бы кухня Алкиноя, не ломится к тебе на самом рассвете, как будто ты — их престарелый дедушка или муж их кормилицы».

Земельный раздел укрепил положение рядовых свободных, которые получили землю как основу для создания индивидуального хозяйства. Бургунды были освобождены от уплаты налогов со своих первоначальных наделов-sortes, но вновь приобретенные ими земли уже не освобождались от обложения. Появились галло-бургундские деревни со смешанным населением. Некоторые общины, связанные кровнородственными узами большой патриархальной семьи, селились обособленно. Эти общины фараманнов производили новые займки и расчистки, ведя освоение необработанной земли. Есть упоминания о том, что фараманны причиняли беспокойство и вред римским землевладельцам⁴. Кроме регулярных земельных разделов, имели место насильственные конфискации земель и раздача их дружинникам.

Под влиянием римских аграрных порядков и римского права у бургундов быстрыми темпами шло разложение общинно-родовых связей, завершившееся возникновением отчуждаемого аллода. Бургундский король Гундобад произвел запись обычных законов своего народа и добавил к ним королевские постановления. Так была составлена Бургундская правда, которая законодательным порядком закрепила изменения в общественном и политическом строе.

В Бургундской правде есть упоминание об имуществе, не разделенном с сыновьями (т. 75): надел передавался в наследство по мужской линии, и только при отсутствии сыновей все имущество наследовали дочери. Право наследования отцовского имущества по женской линии свидетельствует о возникновении у бургундов поздней формы аллода.

Земельные владения знати и наделы свободных подлежали отчуждению, дарению, продаже, передаче по наследству, по завещанию. Отчуждаемость аллода была закреплена бургундским законом, однако следы общинного регулирования права на аллод можно проследить в законе о запрещении продавать землю, если у бургунда не было надела в другом месте. Глава семьи не имел права отчуждать свой надел целиком, не разделив его предварительно с прямыми наследниками, т. е. сыновьями. Такого рода ограничения мотивируют-

ся увеличением числа малоземельных и безземельных свободных. В Бургундской правде сказано, что некоторые «расточали свои наделы с чрезмерной легкостью». Об углублении социальной дифференциации в среде свободных имеются прямые данные. Например, приглашение одним землевладельцем другого свободного в качестве приселенца-совладельца, мотивом служила нужда в материальной поддержке и хозяйственной помощи (т. 79, I). В 515 г. был установлен 15-летний срок давности зависимого положения свободного, вносившего оброк за обработку земли. Следы общинных аграрных порядков в распределении земли между свободными бургундами обнаруживаются в названиях их наделов — «sortes», т. е. доли по жребию. Титул 13 Бургундской правды указывает на порядок перехода от общинного пользования лесом к индивидуальному владению лесными заимками, т. 31 говорит об индивидуальном освоении неподеленных прежде земель под виноградники, о заимке в общем поле.

В начале VI в. ужесточаются законы об охране собственности бургунда на дом, владение за изгородью, сад, ниву, виноградник, луг, на рабов и скот. Чаше, чем в других варварских правдах, встречается наказание смертной казнью. За нарушение межевых знаков — отсечение руки (т. 55, § 5). В возмещение за поправу владельца земельного участка имел право частичного присвоения скота, причинившего ущерб (на винограднике — одна коза, один баран или одна свинья; после трехкратного предупреждения можно было взять даже одну корову). Кража сошника возмещалась двумя быками вместе с их снаряжением для пахоты (т. 27, § 9).

Имущественная и социальная дифференциация свободных бургундов привела к делению на три слоя: знать с вергельдом в 300 солидов, средние землевладельцы с вергельдом в 200 солидов, низшие свободные, а также левды-дружинники независимо от их происхождения и статуса с вергельдом в 150 солидов. Эта градация показывает выделение знати с особым социальным статусом по сравнению с основной массой свободных и приближение к статусу свободных — лиц, находившихся на службе у знати. Особенностью социального статуса низших, ничтожных (как они именовались среди прочих свободных) была их служба высшим. Левды могли иметь правовой статус несвободных людей, но общественное положение их отмечено вергельдом полноправного бургунда, таким образом нормы обычного права использовались для оформления новых отношений, основанных на личной службе.

Дифференциация вергельда по социальному признаку была основана на противопоставлении военно-служилой знати — основной массе свободных, в среде последних различие вергельда минимально — 50 солидов. Лица, находившиеся под покровительством знати, несвободные и полусвободные, полу-

чили свой вергельд. Дружинники из числа свободных имели более высокий вергельд, т. е. 200 солидов, среди них знатные оценивались по первому разряду — в 300 солидов. Итак, несвободные левды заняли низшую ступень в градации вергельда и более высокую по своему общественному положению, так как были приравнены к свободным. Характерно, что такой же вергельд (150 солидов) был установлен для королевских рабов и королевских акторов, управляющих королевскими усадьбами-дворами.

Рабы и вольноотпущенники довольно часто упоминаются в Бургундской правде. Соблюдалась резкая грань между свободой и несвободой. Брачный союз свободной с рабом карался смертью для обоих или обращением свободной в рабство. Тем не менее имелась особая категория рабов, которые допускались к участию в военных походах (т. 10, § 1). Вольноотпущенники оставались в зависимости от патрона и приобретали право полной свободы ухода за выкуп (12 солидов). К рабам применялись телесные наказания. Пахарь и свинопас из рабов оценивались в 30 солидов, ремесленник — выше, плотник — в 40 солидов, кузнец — в 50, ювелир — 100—150 солидов, дворовая челядь от 60 до 100 солидов. Высокой ценсой личности обладал управляющий поместьем (100 солидов), простые министерялы оценивались ниже — в 60 солидов.

На землях знати, кроме рабов, сидели колонны и зависимые держатели из числа вольноотпущенников. Разорявшиеся свободные привлекались в качестве свободных держателей на условии принятия оброчных обязательств.

Галло-римское население сохраняло прежний социальный статус. Крупные землевладельцы из провинциальной знати — нобили удерживали свои экономические позиции, некоторые вошли в состав королевского совета (конвивиума); остальные римляне поделили свои земли с бургундами, одни со временем слились в общую массу вотчинников, другие перешли в разряд держателей.

Укрепление материальной базы королевской власти выразилось в создании королевского землевладения. Королевские дворы-усадьбы и поместья управлялись акторами, которые фактически приобрели статус свободных. Они имели право свидетельствовать заключение имущественных сделок. Король раздавал земли своим дружинникам и вернейшим сотрапезникам, признавая за ними право наследственного владения пожалованиями при условии несения службы и сохранения верности (т. 1, § 3). Эти землевладельцы составили новую бургундскую знать, которая самым высоким вергельдом (300 солидов) была приравнена к военной аристократии.

В политической организации Бургундского королевства были заимствованы некоторые институты римской государст-

венности и римские правовые нормы. В целях поднятия авторитета короля и престижа королевской власти бургундские законы применяли римский закон об оскорблении величества, римские элементы судопроизводства (институт *iudices deputati*). Королевская власть делила свои функции с представителями служилой знати и военной аристократией. Король обнародовал бургундские законы с ведома и согласия оптиматов, нобилей, т. е. знатнейших бургундов. Судопроизводство находилось в руках короля и знатнейших, верных слуг короля, его графов, местные судьи избирались из бургундов и римлян. Вводилась должность судебных исполнителей (*wittiscalcī*), которые взыскивали и собирали судебные штрафы (термин свидетельствует о бургундском происхождении этой должности), вероятно, через них штрафы поступали в королевскую казну.

Территориальные округа Бургундского королевства совпадали с римскими городскими округами, они находились под управлением комитов, т. е. графов. В городах продолжали функционировать римские органы управления, в частности курия с дефензорами. Германские порядки определяли судопроизводство, основанное на институте соприсяжничества. В войске, а также при разделе военной добычи действовали обычные нормы. Позже в состав бургундского войска были включены галло-римляне, в результате романизации правоотношения приобретали римскую форму, был введен римский порядок передачи имущества в войске по завещанию (т. 45 § 3).

Особенности общественного и политического устройства Бургундского королевства дают представление о значительной романизации, которой подверглись бургунды в результате поселения в этой римской провинции. Ускоренный процесс классообразования на основе разложения общинного землевладения вызвал обострение социально-политических противоречий. Это явилось главной причиной ослабления королевской власти, в 534 г. Бургундское королевство было завоевано франками.

Вестготское королевство образовалось в начале V в. после разгрома Рима и смерти Алариха в результате завоевания вестготами сначала южной Галлии, а затем Испании. Король Атаульф (412—414) женился на дочери римского императора Феодосия I Плацидии, свое бракосочетание он совершил в Нарбонне, в доме знатного римлянина Ингенция, при этом сам облачился в римские одежды, подчеркивая проримскую позицию своего двора. Он поддерживал тесные связи с галло-римской знатью, которая благодаря дружественной политике Атаульфа частично сохранила свои владения. Тем не менее король не смог удержать своих военачальников от захвата римских поместий, имели место случаи насильственной экс-

присвоения земель. Среди пострадавших был ритор Бордо Лампридий (впоследствии он добился возвращения захваченных у него земель), поэт Павлин Пелльский, которому была выдана лишь небольшая компенсация за ущерб. Поэт и квестор при дворе императора Гонория Руций Намациан также потерял свои поместья в Галлии, поэтому в 416 г. он покидает Рим в надежде вернуть на родине конфискованное имущество.

По свидетельству Павла Орозия, Атаульф мечтал о создании Готской империи, равной по величию и подобной Римской. Вестготский король вступил в союз с галльским узурпатором Атталом, но союзник потерпел поражение. Императорский комит Констанций расправился с Атталом, он отрубил пленнику обе руки и, продолжая войну, вытеснил вестготов из Нарбонна.

Политика Атаульфа вызывала сначала недоверие, а затем и открытую вражду к нему со стороны антиримской группировки варварской знати. Атаульф попытался вернуть расположение вестготов осуществлением замысла Алариха — захватить Северную Африку. В 414 г. он повел войско через Пиренеи, но вскоре был убит заговорщиками из числа своих приближенных около Барцино (Барселона) в северо-восточной Испании. В заговоре участвовал будущий король Валлиа. Позже от руки заговорщиков пал и преемник Атаульфа Сегерих, которым были недовольны тоже из-за «склонности к миру с Римской империей». Вестготская военно-служилая знать требовала активных военных действий и бескомпромиссной политики в отношении римских землевладельцев.

Король Валлиа (416—418), пообещав римскому правительству помощь в борьбе с варварами, получил для поселения юго-западную Галлию и основал там Тулузское королевство. Валлиа проводил активную завоевательную политику в Испании, захватил в плен вандальского короля и оттеснил вандалов и аланов на юг Пиренейского полуострова. Походы против вандалов и аланов продолжал король Теодерид I (418—451). При нем снова улучшились отношения с галло-римской аристократией. Сенаторский род епископов Тура владел на вестготской территории обширными имениями. В войне вестготов с франками галльская аристократия держалась союза с вестготами⁵. Около 436 г., воспользовавшись вторжением в Галлию бургундов, Теодерид I захватил Нарбонн, а затем и Арль. Римский военачальник Литорий потерпел поражение и попал в плен к вестготам. К середине V в. готы утвердились в Нарбоннской Галлии и при Теодериде II (453—466) захватили Арморик.

Теодерид I попытался укрепиться в Испании, заключив союз со свевами, поселившимися в горах Галисии и на западном побережье Испании. Вестготский король признал свев-

ского короля как правителя в этой части страны⁶. Вандалы ушли из Испании в 429 г., а римские войска окончательно были вытеснены к 454 г. Испания была открыта для вестготов.

Вестготский король Теодерид I участвовал в битве народов против гуннов, он пал в Каталаунском сражении, а его сын Торисмунд покинул военный лагерь в страхе, что братья отстранят его от власти и захватят королевскую сокровищницу⁷.

Король Еврих (466—484) заключил военно-политический союз с вандальским королем, получил от него посольские дары и начал поход на Прованс (провинция южной Галлии), он захватил Арелат и Массилию, занял некоторые области бургундов⁸. Вел активную политику и по ту сторону Пиренеев. Свевы отступили в северо-западную Галисию. С конца V в. вестготов в Галлии стали теснить франки, и вестготы покинули свои галльские владения, в начале VI в. окончательно переселились в Испанию.

Последнее вестготское войско в Галлии было разбито франками при Пуатье в 507 г., король Аларих II (484—507) пал в сражении. Аларих II был женат на дочери остготского короля Теодориха, который сделал попытку подчинить Вестготское королевство своему влиянию. После гибели Алариха II он назначил опекуном его сына (своего внука Амалариха) гота Тевда (Тиудиса), оруженосца и знатного дружинника из королевской свиты. Однако вестготская знать отстранила от власти Амалариха, он был убит, а Тевд стал править независимо, пользуясь поддержкой вестготской знати. Он укрепил господство вестготов в Испании и остановил франков в их попытке перейти Пиренеи⁹.

На протяжении VI в. вестготы вели войны в Испании. Король Леовигильд (568—586) захватил земли свевов на северо-западе полуострова и византийские владения на юге.

Изменения, происходившие в социальном строе и политической организации вестготов в течение трех столетий с V по VIII вв., отражает Вестготская правда, которая состоит из 500 законов. Вестготская правда имеет в своем составе записи обычных норм, извлечения из римского права и королевские постановления. Самый ранний свод конца V в. не сохранился. Последующий бревиарий Алариха II назывался «Римский закон вестготов» (*Romana Visigothorum*) и предназначался для местного испано-романского населения. Кодекс Леовигильда (568—586) содержал право вестготов, а кодекс Реккесвинта (653—672) регулировал правоотношения и готов, и римлян.

Численность готов в Испании составляла всего 1—5% населения, т. е. около 300—400 тысяч. Вестготское королевство с центром в Толедо просуществовало до начала VIII в.

В течение этого длительного периода вестготы подверглись сильной романизации, которая проявилась во всех сферах жизни, в политической системе, праве, языке, культуре и религии. Вначале римляне и вестготы жили обособленно, каждый народ по своим законам. Вестготы были арианами, их войско сохраняло черты народного ополчения, оно было и политической организацией. Во главе войсковых отрядов (тысяч) стояли военачальники-тиуфады, тысячи делились на более мелкие отряды по 5 сотен, те — на сотни и десятки, возглавляемые соответственно пятисотниками, сотниками и деками.

Римляне отстранялись от военной службы и платили налоги, в то время как вестготские землевладельцы были освобождены от налогового обложения. С конца VI в. начинается этническое, правовое и духовное сближение. Разрешаются браки между вестготами и римлянами, вводятся единые правовые нормы, а в VII в. окончательно отпадают различия в гражданском положении. Военная служба и налоговая система приобретают общегосударственное значение.

В 589 г. католическая церковь получила официальное признание, к ней перешло имущество вестготской арианской церкви. Частные дарения стали массовым явлением, так что королевское постановление даже ограничивало дар церкви одной пятой всего имущества дарителя. В VII в. романо-испанская знать привлекается на королевскую службу и сливается с готской военно-служилой аристократией. В это время вестготская знать обособляется как высшее сословие. Знатных готов называли сенаторами, нобилями, «старшими», «могущественными». Они имели исключительное право избирать короля, наказывать за государственную измену. Знатные оценивались повышенным вергельдом (500 солидов против обычного 300 солидов), они имели привилегии в судебном процессе, при допросе к ним не применялись пытки. Благородство, знатность рассматривались как статус, передаваемый по наследству. По подсчетам Ф. Дана, ценность имущества знатного гота составляла в те времена 60—80 тысяч солидов¹⁰.

Знатные были самыми богатыми людьми, их утренний дар достигал тысячи солидов и, кроме того, включал до 20 рабов и 20 лошадей. Остальные свободные не имели права передавать жене более одной десятой стоимости своего имущества. Уже в VI в. простые свободные назывались «ничтожными» и как таковые противопоставлены в законах «старшим», «сильным» и «почтенным». Сословные различия сказываются в системе ответственности за преступления. Высшие карались более высокими штрафами, что было показателем их особого общественного положения.

Сила вестготской феодализирующейся знати основывалась на крупном землевладении, частной власти и институте воен-

ных дружин. Создается широкая прослойка служилых людей, приобретавших на службе имущество, которым распоряжались свободно и которое было обособлено от семейной собственности. Левды, фидели, комиты находились на королевской и дворцовой службе, занимали придворные должности, входили в дружину короля. Верхний слой королевских дружинников особенно влиятельные и богатые гардинги.

Дружинники частных лиц назывались букцелляриями и сайонами. Они жили в доме своего господина, получали от него коня, оружие, содержание и землю за службу. На войну они отправлялись под командованием своего покровителя. Пожалование отбиралось, если дружинник переходил к другому господину или совершал измену. Букцеллярый при этом терял половину, а сайон все имущество, приобретенное на службе. Таким образом, дружинные отношения перерастали в бенефициальные, создавалась иерархия служилых людей, вознаграждаемых за службу землей.

В результате произведенных земельных разделов вестготы заняли $\frac{2}{3}$ пахотных земель и $\frac{1}{2}$ лесов; некоторыми угодьями они владели сообща с римлянами и поровну делили сбор желудей на корм скоту. Есть основания предполагать, что готы дважды производили земельный раздел. Но в целом земельная собственность римского типа (поместья) уцелела здесь в больших размерах, чем в Галлии и Италии. Не исключено, что некоторые римские поместья были экспроприированы. Насильственный захват земель производили вандалы, аланы, свевы. В V и VI вв. некоторые епископы были сосланы, а их церковные владения конфискованы. Вестготские законы защищали интересы испано-римских магнатов, но возможно в ряде мест, где были компактные поселения вестготов, отбирали и более $\frac{2}{3}$ земли. Уже в начале VI в. вестготская знать обладала большими поместьями, один из военачальников смог набрать и вооружить в своих владениях целое войско из двух тысяч воинов.

После принятия христианства по католическому обряду королем Реккаредом (586—601) римская церковь в Испании даже умножила свои поместья дарениями вестготских королей. На церковных землях сидели рабы, вольноотпущенники, колонны, свободные держатели-прекаристы из числа разорившихся малоземельных и безземельных крестьян, которые вели самостоятельное хозяйство и несли повинности в пользу церкви. Сервы, сидевшие на церковных землях, были освобождены от некоторых повинностей государству.

Вместе с землей готы получили скот, инвентарь, часть рабов, жилых и хозяйственных построек. Порядок распределения земли между свободными поселенцами углублял социальное неравенство. Большую часть земель захватила вестготская знать, король, военачальники и их дружины. Вестготы

сохранили римскую налоговую систему и земельную собственность римского типа, т. е. свободно отчуждаемую.

Ведущую роль в экономике Испании играло земледелие. Готы занимались хлебопашеством, садоводством, огородничеством, виноградарством, оливководством. Применялись естественные удобрения (унавоживание, сжигание соломы на полях), искусственное орошение, двухполье. Землю обрабатывали плугом с железным лемехом и бороной. В готских деревнях строили водяные мельницы.

До VII в. следы германского маркового устройства видны в обычаях жителей сельских поселений. Они сообща решали многие дела: в случае потравы с общего согласия устанавливалась величина ущерба, соседи-совладельцы участвовали в воостановлении межи. Признавалось право проезда к своим участкам через чужие, право пастбы на пустошах (препятствующий присуждался к штрафу), в чужом лесу за десятину. Соседи сообща пользовались неогороженными пастбищами. Во всех этих порядках можно видеть проявления общинной собственности на землю, следы системы открытых полей, чересполосицы.

Под влиянием римских аграрных порядков происходило быстрое разложение соседской общины. Она была крепче в местах компактных поселений готов. Общинные традиции преодолевались с помощью законов, которые защищали стремление огородить свои участки, укрепить межу. Общинные сходки со временем теряли судебные функции, исчезли выборные должности. Вестготы получили свои наделы на правах частной собственности, они могли их отчуждать, обменивать, дарить, завещать. Свобода завещания ограничивалась только в пользу детей и внуков. Родители не имели права лишать детей наследства, дарить более $\frac{1}{5}$, увеличивать долю сына или внука более чем на $\frac{1}{10}$, позже сказывается тенденция к расширению свободы завещаний, доля одного из сыновей могла быть увеличена на $\frac{1}{3}$. С VI в. признана правовая самостоятельность женщины при сохранении древнегерманского института опеки мужчины. У вестготов с этого времени женщина имела равное право с мужчинами наследовать земельное владение.

Римское влияние ускорило эволюцию аллода в свободно отчуждаемую собственность. Однако нормы обычного права еще признавали возможность получения наследства незаконнорожденными детьми. Круг сонаследников становился более узким, но они имели отношение к вопросам брака и опекунов, сохраняли свое право на получение имущества вдовы, не имевшей детей и не оставившей завещания, а также имущества женщины, вступившей в связь с рабом.

С VII в. начинается второй этап классообразования, характеризующийся превращением массы свободных крестьян

в зависимых, слиянием их с сервами, колонами, вольноотпущенниками. Складывается раннефеодалная вотчина. Поселения свободных землевладельцев входят в вотчинные владения, увеличивается число бедняков, которые получают землю в держание на условии уплаты оброка или выполнения барщины и других отработок. Они попадают в зависимость от землевладельцев в силу коммendaции, прекарных и кабальных договоров. Свободные землевладельцы, вестготы, получившие надел при поселении, разоряются вследствие войн, высоких судебных штрафов, прямых насилий знати.

Управляющие поместьями (виллики, акторы, прокураторы) были признаны государственными должностными лицами и получили административные, судебные и финансовые полномочия над зависимым и свободным населением вотчин. Вестготская вотчина формировалась главным образом за счет изменений аграрных порядков в римском поместье; в меньшей степени сказывалось поглощение мелкой земельной собственности, так как варварское население было малочисленным.

Растут богатства крупных магнатов-землевладельцев, величина их утреннего дара достигает 60—80 тысяч солидов. Знатные богачи, влиятельные люди *potentes* противопоставлены в законах низшим свободным *inferiores*, для тех и других вводились различные наказания, ограничения в браках. Крупные вотчины использовали в большом количестве труд несвободных держателей-сервов, обязанных отработками (сервильными работами) и оброком (сервильным трибутом). Все шире становилась барщина.

Рабство в Вестготском королевстве играло существенную роль. Законы классифицировали рабов по роду занятий (сельские рабы и рабы-ремесленники), по возрасту, по религиозному признаку (христиане и нехристиане). Применялась формула продажи свободного в рабство, обращение в рабство являлось видом наказания, военнопленных объявляли рабами и раздавали воинам в качестве военной добычи даже в VIII в. Рабов сажали на землю. Будучи несвободными держателями, эти сервы сливались с колонами. Особенно много рабов-держателей было на церковных землях. Они имели свое хозяйство, семью; ремесленники платили десятину изделиями, сельские рабы давали оброк. Рабов использовали на низших церковных должностях, некоторые из них становились даже епископами. Королевские рабы владели земельными участками за оброк и государственные повинности, некоторые занимали дворцовые должности. Имущественная самостоятельность королевских держателей ограничивалась правом продажи имущества только в своей среде.

Вольноотпущенники стояли по правовому положению ближе к рабам, нежели к свободным. Они не могли свидетельствовать в суде против патрона, компенсация за их убийство

была в два раза ниже бергельда свободного, а за увечье — в три раза. Вольноотпущенники оставались в зависимости от патрона, не имели права покидать ни своего бывшего господина, ни его наследников. Большая часть вольноотпущенников становилась зависимыми держателями наряду с сервами и навечно прикреплялась к вотчине.

Законы предусматривали обращение в рабство за неуплату судебных штрафов, по долговым обязательствам, в наказание за ложный донос, за похищение женщины, кражу детей, за нарушение церковных законов. Римские колонаты тоже постепенно превращались в наследственных держателей, обязанных оброком и отработочными повинностями. Лишенные в VII в. права перехода, они сливались с сервами, вольноотпущенниками и низшими свободными. Труд всех этих категорий земледельцев назывался сервилльным. Все чаще встречаются кражи, совершенные в соучастии рабами и свободными.

Рост частной власти землевладельцев находит свое яркое проявление в судебных полномочиях магнатов над зависимым и свободным населением вотчин, хотя в это время не было еще практики выдачи особых (иммунитетных) грамот. Признавалась полная юрисдикция магнатов и в отношении их дружинников, если кто-нибудь из них умирал, во время наказания, господин не привлекался к судебной ответственности. Землевладельцы преследовали совершение языческих обрядов, колдовство, наказывали пособников беглых рабов. О насилиях знати и произволе, творимом их дружиной, свидетельствует закон, освобождавший дружинников от наказания за преступления, совершенные по приказу своего господина¹¹. Магнаты проявляли пренебрежение к законам и королевским должностным лицам, часто противодействовали судьям, уклонялись от уплаты налогов, от военной службы.

Вестготская военно-служилая знать, захватив римские поместья, получила материальные средства давления на своих соплеменников. Углубляется имущественная и социальная дифференциация свободных вестготов. Известны займы с взиманием процентов и конфискацией залогов, отчуждение имущества из-за нужды, рост задолженности крестьян, которые продавали детей в рабство, сами нанимались в частные дружины (отряды букцелляриев и сайонов). Мелкие землевладельцы теряли собственность на землю, оставляя за собой лишь право пожизненного пользования. Призывая защиту и покровительство сильных и богатых по акту коммендации, добровольно принимали обязательство исполнять повинности. Низшие свободные в VII в. считались людьми неполноправными, брак с ними стал бесчестьем, а свидетельские показания не признавались надежными. Низших разрешалось подвергать телесным наказаниям, особенно позорным (отсечение руки, порка плетью).

Крестьянские наделы сократились, из описания недвижимости выпадают виноградники, пахотные угодья. Появляется категория поденщиков, работающих за плату.

Если в VI в. сословная дифференциация не была закреплена правом и низшие имели одинаковый вергельд с остальными свободными, обладали полной правоспособностью (выступали в суде, служили в войске), то в VII в. происходит ограничение их гражданских прав. К этой прослойке свободных применяют понятие «бедняки» (*pauperes*), они лишены возможности нести военную службу, не могут привлекать к суду знатных, их свидетельские показания не имеют полной силы.

В V в. дружинники жили в доме господина, с VI в. дружина оседает на земле своего предводителя и вступает в отношения, характеризующиеся безоговорочным «послушанием» (*обсеквиум*), господин сам наказывал дружинников за проступки, под его командованием они отправлялись в поход. Эти вернейшие воины, получившие землю за службу, составляли свиту господина (*конвивиум*, *обсеквиум*). Сотрапезники короля и других знатных военачальников выполняли личные поручения и участвовали в делах управления (исполняли судебные полномочия, набирали войско, землевладельцы могли привлекать к походу 1/10 часть своих рабов, которых вооружали и снабжали всем необходимым).

Политическая организация Вестготского королевства подверглась сильной романизации, под влиянием социальных процессов происходило быстрое исчезновение институтов военной демократии. Вестготский король носил титул Флавия, высшие должностные титулы тоже были римскими. С VI в. наблюдается усиление королевской власти, король пользовался неограниченной властью в силу исключительного значения королевского приказа и права защиты свободных вестготов (по германскому праву). Римские атрибуты способствовали развитию этой тенденции. Королевский двор в Толедо был организован по римскому образцу, король в особом одеянии восседал на троне, он считался главным судьей по наиболее важным преступлениям, лично и произвольно карал за измену и изготовление фальшивой монеты. Король назначал епископов и королевских судей. Его дворец — *palatium* — становится центром управления. При короле формируется совет знати, состоявший из епископов, знатных дружинников, должностных лиц двора. Короли при непосредственном участии знати произвели сначала запись обычного права, а затем сделали извлечение из римского права, в середине VII в. был издан единый свод законов, в который вошли и новые королевские постановления.

В местном управлении административные, судебные и военные функции выполняли наместники, а в ранний период

представители военно-сотенной организации — тиуфады (тысячники) и сотники. Постепенно исчезают народные собрания, организация публичной власти приобретает римские черты. Основой административного деления оставался городской территориальный округ — *avitas*, в пределах которого размещались готские тысячи и сотни, имевшие ранее значение военно-территориальных единиц. Города сохранили куршальное устройство и прежние должности городского муниципального управления. Чиновники назначались и смещались королем. В течение VI—VII вв. институты военной демократии постепенно утрачивали свои функции, а представители сотенно-территориального управления превращались в мелких чиновников. Тиуфады оставались военачальниками и судьями для готов, им было поручено собирать налоги, но они находились под контролем графов. В VII в. тысячников и сотников причисляли к «низшим» и за проступки подвергали телесным наказаниям.

Короли назначали провинциальных правителей — герцогов и графов с функциями военной и гражданской власти. Преобразуется вестготское войско, оно утрачивает значение народного ополчения и приобретает феодальные черты. Короли дают землю при условии несения военной службы, а магнаты являются в войско со своими частными дружинами. За уклонение от военной службы грозила конфискация имущества.

Вестготские короли сохранили римскую налоговую систему, взимая поземельный налог в соответствии с количеством земли и рабов, а также аннону на содержание войска и административного аппарата, налог с торговых операций, государственные повинности (*angariae*). С VII в. поземельный налог распространяется и на готов. Со временем взимание налогов было передано крупным землевладельцам, что усилило их власть над крестьянским населением вотчин.

Большим политическим влиянием обладали толедские церковные соборы, в которых принимали участие епископы, аббаты, пресвитеры, представители высшей светской знати. Совет играл решающую роль в избрании королей и составлении законов. Соборы созывал король и он же утверждал решения, но действовал король под давлением знати. Соборы рассматривали дела о государственной измене, о судьбе королевских дарений церкви и светским магнатам, обсуждали законы, налоговую политику и церковные вопросы. Соборы были высшим судебным органом для епископов и высших светских должностных лиц. Таким образом, королевская власть находилась под прямым контролем со стороны этого политического органа феодализирующей знати.

Католическая церковь приобрела большую политическую силу в Вестготском королевстве. Она оказывала всесторон-

нюю поддержку правящей верхушке, имела обширные земельные владения и богатства, усиливала идеологическое воздействие насильственным проведением христианизации. Церковные соборы предписывали искоренять язычество. Недостаточно пылким защитникам веры, которые не выявляли и не выдавали властям язычников и ариан, угрожали конфискацией поместий. Местному духовенству и должностным лицам предписывали сурово наказывать язычников и еретиков, а языческие приношения передавать христианским, католическим церквям.

К концу VII — началу VIII в. рост частной власти земельных магнатов привел к преобладанию центробежных тенденций и упадку Вестготского королевства. Противоречивость развития раннефеодальной государственности заключалась в том, что королевская власть, усиливая централизацию, обеспечивала своей внутренней и внешней политикой укрепление позиций крупной землевладельческой знати в Испании и тем самым подрывала материальную и политическую основы собственной власти, сводила на нет все меры по укреплению центрального управления. Короля в его действиях существенно ограничивало собрание палатинов, дворцовых должностных лиц и епископов, которые стояли на страже частных интересов знати и препятствовали королю свободно распоряжаться имуществом фиска. Вступая на трон, король должен был принести присягу в том, что он будет защищать католическую веру, а значит права церкви, не будет смешивать государственное и королевское имущество, а следовательно, не будет ущемлять притязания знати на дарение земель из государственного фонда, король обещал быть справедливым к народу. Последнее давало знати повод устранять неудобного короля, заменяя его другим, более удобным.

Классообразование проходило в острой социальной и междоусобной борьбе, ситуация осложнилась наступлением на Испанию арабов. Жестокие репрессии вестготского короля Эрика (687—701) толкали знать на союз с завоевателями. Вестготское королевство пало в 711 г., и Испания стала объектом завоеваний арабского эмира.

Варварские королевства в Италии

После вторжения вестготов и разгрома Рима Аларихом в 410 г. и позже вандалским королем Гейзерихом в 455 г. Италия была наводнена варварами. Современники называли V в. временем жестокого владычества варваров. Федератские отряды и их вожди вели военные действия по своему усмотрению, не считаясь с приказами римского императора. Казна была пуста, и, не получая жалования, воины требовали земель для поселения.

После битвы на Каталаунских полях усилилась антиварварская партия при дворе западноримского императора. В 454 г. был убит Аэций, создатель варварского союза, коалиции против Атиллы. По одной версии, его пронзил мечом сам Валентиниан III, по другой — Аэция удушили по приказу императора. Но через год дружинник Аэция гот Опитил убил Валентиниана III, якобы в отмщение за гибель своего военачальника. В период 456—472 гг. главой варварской партии в Италии стал Рикимер. Сын свевского вождя и дочери вестготского короля Валлии, Рикимер получил звание патриция, консула и магистра, был женат на дочери римского императора Анфемия (467—472). Рикимер опирался на варварские отряды в римской армии и с их помощью смещал неугодных варварской партии императоров. В 456 г. был низложен Авит, в 461 г. Майориан, а в 472 г. по приказу Рикимера был убит его тесть, император Анфемий. После 5-месячной осады Рикимер взял Рим, там свирепствовала междоусобная война¹². Императором был поставлен Гликерий, но через год в 474 г. его низложил магистр армии Далмации Юлий Непот. Это был последний римский император на Западе, которого признали в Константинополе. Начальником федератского войска он поставил римлянина, патриция Ореста, долго служившего у Атиллы нотарием.

Партия римской аристократии ненадолго одержала верх, посадив на императорский трон сына Ореста Ромула Августа. Орест, отказавшийся выполнить требование федератов о наделении их землей в Италии, должен был уступить командование Одоакру. Прежде Одоакр вместе с Орестом служил у Атиллы, затем был телохранителем в гвардии римского императора¹³. Одоакр, будучи королем торквиллинов, объединил под своей властью скиров, герулов и другие отряды варваров, находившихся на федератской службе в Италии¹⁴. В августе 476 г. Одоакр убил Ореста, а через несколько дней сверж с престола последнего римского императора. Ромул Августул был отправлен в ссылку, в Кампанию.

Посольство римского сената заявило восточноримскому императору, что отныне в Италии будет править Одоакр, король достаточно опытный как в политике, так и в военном деле. Знаки императорского достоинства были переданы в Константинополь. Это отвечало политическим претензиям восточноримского императора, и он признал варварского военачальника с титулом «короля народов» (*rex gentium*) своим представителем на Западе.

Одоакр занял всю Италию и выполнил требование федератов о наделении их землей. Треть земель римских собственников в Италии была отдана варварам. Это упрочило влияние Одоакра, и он в течение 10 лет пользовался высшей властью правителя Италии. Одоакр объединил разноплемен-

ные федератские группы: скиров, герулов, свевов, гепидов, ругов и других варваров. В составе герулов были бренты, много позже, в VIII в., историк Павел Диакон упоминал Синдуальда, короля брентов, который сам происходил из рода герулов, приведенных в Италию Одоакром¹⁵. В VI в. Синдуальд принимал участие в готто-византийской войне и на стороне готов сражался с Нарзесом.

Одоакр был давним врагом короля ругов Фелетея (Февы) и его жены Гизы, которые правили ругами, жившими на границе Норика, у Дуная. Одоакр совершил военный поход в Ругию и присоединил к своему войску турингов, герулов и часть ругов (некоторых он еще ранее привел в Италию). Король Фелетея потерпел поражение, вместе с женой был взят в плен и убит. Разграбив области поселений ругов на Дунае, Одоакр с большим количеством пленных вернулся в Италию¹⁶.

Королевство Одоакра в Италии было завоевано остготами в начале 90-х гг. За 15 лет правления Одоакра мало что изменилось в политической организации, но политика наделения земель варваров за счет римских землевладельцев имела важные социальные последствия, которые ярко проявились в остготский период.

Остготское королевство в Италии представляет новый этап развития военно-политической федерации, сложившейся в V в. в Паннонии под предводительством остготских королей из рода Амалов, братьев Валамира, Теодемира и Видимира. Остготские дружины участвовали в битве на Каталаунских полях. Старший из королей Валамир возглавил восстание племен против сыновей Атиллы. В 458 г. император Маркиан заключил с ним федератский договор и признал Паннонию за остготами¹⁷. Сирмиенская Паннония была разделена между братьями, остготы заняли Норик, эти области были разделены между остготскими королями в делах управления и военной организации. Некоторые племена остготов ушли на Балканы, поселились во Фракии, Мезии, Эпире, Далмации, Македонии, на нижнем Истре. В 60-е гг. остготов стали теснить сарматы, руги, гепиды и другие народы, жившие на Дунае. В 469 г. остготы разбили сарматских королей на реке Болии. Иордан рассказывает, что бой был жестоким, равнина увлажнилась от крови павших, а вода в озере окрасилась в багровый цвет. Оружие и трупы наподобие могильных холмов покрыли поле брани¹⁸. Остготские военачальники совершили поход против свевов и алеманнов; захватив богатую добычу, вернулись в Паннонию. Против остготской федерации образовалась коалиция различных племен, живших в дунайских областях в середине V в. Свевов, ругов, гепидов, герулов поддерживал византийский император Лев I, он инспи-

рировал враждебные действия против остготов, которых считал сильным противником.

Паннонская федерация остготов приобрела хорошо выраженные черты государственности. Когда король Тиудимир умирал в Церрах, он собрал все войско и объявил своим наследником сына Теодориха. Историк Иордан подчеркивает, что король назначил сына наследником своей царской власти, передав ему царство в присутствии воинов, не ограничившись согласием только дружины и свиты¹⁹. Наследник, объявленный королем, на третий год после вступления в Италию уже сменил обычную одежду своих соплеменников на царское платье и объявил себя правителем как готов, так и римлян.

Король Теодорих стоял во главе полиэтнической конфедерации племен готов, алеманнов, фракийских остготов, ругов и двинулся в сторону Италии, ведя за собой 600—800 тысяч людей. По пути его войско нанесло поражение гепидам, остатки разбитых племен были включены в остготское войско подобно герулам²⁰.

Некоторые историки-германисты, неумеренно преувеличивая успехи остготского короля Теодориха, создали миф о вожде-фюрере, который осуществил якобы национальную идею создания германской средиземноморской системы²¹. С личностью Теодориха идеологи реваншизма связывали прошлое и будущее германской нации, мечтая пайти исторические прецеденты установления мирового господства. Культ национального героя имел определенное значение в идеологической подготовке и оправдании фашистской диктатуры. Миграции остготских племен были представлены как великие завоевания. Последовательное пребывание народа в бассейне Вислы, Днестра, Дунае рассматривалось как эпизоды победоносного завоевания Восточной и Южной Европы, покорения скифских, славянских, финских и других племен, основания всемирной монархии в Причерноморье. Старались не замечать ни слабости королевской власти при Германарихе, ни распада военно-политической федерации после его смерти, ни подчинения гуннскому вождю, ни кровавой борьбы с сарматами и гепидами за места поселения в Паннонии, ни кратковременного и противоречивого в своем значении господства остготских королей в Италии.

Против подобной фальсификации политической истории германских народов выступал русский ученый, византист Ф. И. Успенский. Он писал, что нет никаких оснований для выводов о монархическом характере политической организации остготов в причерноморский период²². Советский историк А. Д. Удальцов считал союз Германариха простым объединением военных отрядов различных племен, образованным ввиду гуннской опасности²³. Последовательную критику концеп-

ций зарубежной историографии о политике остготского короля Теодориха в Италии дала З. В. Удальцова²⁴. Исследователь показала историческое значение завоевания Италии, социальные и политические последствия расселения остготов в стране, характер происшедших изменений в остготском обществе, высокую степень романизации Остготского королевства. Эти исследования имеют важное теоретическое значение как для опровержения реванистски окрашенных реакционных апологетических идей, так и для критики противников германистов, которые впадали в другую крайность и говорили о полной романизации Остготского королевства. Одни объясняли ее отсутствием у Теодориха интеллектуальной культуры²⁵, другие тем, что перед остготским правителем стояла ясная политическая цель — включение остготов в римскую цивилизацию²⁶. Некоторые даже упрекали Теодориха в утрате национальной культуры²⁷. Высокая степень романизации в Остготском королевстве была обусловлена исторически, с одной стороны, расселением германцев в самом центре римского мира при подавляющем преобладании местного населения, с другой стороны, глубиной далеко зашедшего процесса разложения первобытнообщинного уклада у самих остготов. В то же время новая волна германских переселенцев в Италию оказала существенное влияние на социальную и политическую жизнь в стране.

Остготское королевство, начало которому было положено в Паннонии, стало полиэтническим территориальным объединением, и король Теодорих выдвинулся как главный военачальник среди многих других королей. Об этом говорилось в панегирике Эннодия, автор славил короля, считая признаком его славы то, что собрал для войны столько королей, сколько могло принять все войско²⁸.

Сравнительно небольшая Паннония не могла обеспечить потребности всего населения, она оказалась переполненной варварами, и, когда не хватало военной добычи, народ бедствовал²⁹. Увеличение численности населения, рост имущественного неравенства, натиск соседей, германских, славянских, дунайских народов толкали остготов к новому переселению. Походы паннонских королей Валамира, Тедемира в Италию, Иллирик, Македонию дали незначительный отток населения. Наиболее многочисленным стало массовое переселение народа под предводительством Теодориха. Не военный инстинкт и не честолюбивые замыслы создать империю по образу и подобию Восточной Римской империи толкали к новому завоеванию³⁰. Теодорих с титулом патриция и *magister militum*, полученным от византийского императора Зенона, долгое время находился на федератской службе, совершая военные походы во Фракию, Македонию, Малую Азию, в Грецию, отражал вторжение болгар в 486 г.³¹ Когда в 487 г. Теодорих

стал угрожать Константинополю, император в ходе переговоров ловко повернул остготского короля в сторону Италии, соблазнив богатствами этой страны³². Согласно другой версии, Теодорих сам предложил византийскому императору военную помощь в свержении Одоакра³³. Он обещал, что будет править от имени императора, в силу акта дарения. Таким образом, остготский король по-своему интерпретировал условия федератского договора, власть над завоеванной страной он рассматривал как обычное федератское вознаграждение, но в дальнейшем правил в Италии самостоятельно, не признавая протектората Византии. Византийское правительство рассчитывало с помощью одного варварского предводителя ослабить другого, чтобы облегчить себе завоевание Италии и превратить ее в византийскую провинцию, поселив там готов. Тем более, что натиск готских дружин на Константинополь угрожал войной и византийский император искал средства, чтобы обезопасить византийские области от новых вторжений варваров.

Военный поход Теодориха в Италию принял характер массового переселения остготов и их союзников на новую территорию. По свидетельству Эннодия³⁴, рассеянные народы были собраны в одно племя, значит, этноним главенствующего народа (остготов) был распространен на все покоренные и союзные племенные группы. Теодорих объединил часть фракийских готов, ругов из северного Норика, гепидов, герулов³⁵. Расселение ругов на территории Павии в северной Италии известно с 490 г. Общая численность войска Теодориха составляла около 100 тысяч. Войско двинулось в поход с семьями, запрягли быков в повозки, посадили на них женщин, детей, стариков, погрузили орудия сельскохозяйственного труда, мешки с зерном, утварь, и войско в сопровождении такого обоза отправилось в далекий путь зимой 488—489 гг.³⁶ «Орудия Цереры», взятые с собой, свидетельствовали о намерении занять удобные, плодородные земли Италии, чтобы вести собственное хозяйство.

В начале этого похода Теодорих разбил гепидского короля Фраустилу, который после ухода остготов из Паннонии перешел с левого на правый берег Дуная. Остготы пополнили свои запасы продовольствия военной добычей, в том числе и зерном из гепидских амбаров³⁷.

В окрестностях Сирмия был разбит лагерь, а с началом 489 г. войско направилось к Аквилее, по пути произошло еще одно сражение с сарматами³⁸. На границе Италии, у реки Изонцо, была сделана длительная остановка. Осенью 490 г. произошло первое сражение с отрядами Одоакра, который намеревался преградить путь остготам у переправы. Он построил укрепление около моста, но не смог удержать его и отступил к Вероне. После второго сражения, в котором обе

стороны понесли большие потери, Одоакр укрылся в крепости Равенны.

Во время похода на Медиолан Теодорих склонял на свою сторону военачальника Одоакра Туфу, однако тот вероломно предал своего нового господина. Теодорих поручил ему осаду Равенны и для этого дал в помощь несколько готских отрядов. Туфа захватил командиров, заковал их в цепи и выдал Одоакру. Одоакр вышел из Равенны и направился в поход против Теодориха, он снова овладел Медиоланом и отбросил Теодориха к Тицину (сентябрь 491 г.). Остготский король сумел привлечь на помощь вестготов и одержал победу при Адде. В сражении был убит командующий войсками Одоакра, остатки его войска снова нашли убежище в Равенне. Равенна — город и крепость, расположенные южнее устья По, имела важное стратегическое значение благодаря своему выгодному положению и естественной защите со стороны моря и болот прибрежной низины. Город был разделен на три части, и каждая имела свое название: городской центр — Равенна, порт — Класис, срединная часть — Цезарея.

Осада Равенны остготским королем Теодорихом продолжалась три года³⁹. За это время остготы прочно утвердились в Северной и Средней Италии, а Теодорих собрал флот из дромонов для осады Равенны с моря. Как говорили современники, Равенна была покорена скорее голодом, чем мечом. При посредничестве равеннского архиепископа Иоанна начались переговоры о мире и была достигнута договоренность о разделе власти между Теодорихом и Одоакром. Примирение подтверждалось выдачей Теодориху в заложники сына Одоакра. После этого остготский король устранил соправителя, учинив кровавую расправу над ним и его близкими дружинниками, приглашенными на дружескую пирушку⁴⁰.

К 500 г. в состав Остготского королевства была включена вся Италия и Сицилия. Теодорих направил в Константинополь посольство во главе с сенатором Фестом, чтобы добиться возвращения императорских инсигний. Между тем все германцы, объединенные остготским королем, провозгласили его королем Италии. Император Анастасий вернул все знаки императорского достоинства, украшавшие некогда дворец римского императора (*огнамента palatii*)⁴¹. Таким образом, власть Теодориха приобрела в Италии территориальное значение и получила косвенное признание восточного императора.

Теодорих наделил всех своих воинов, свободных германцев землей, конфисковав одну треть у местных жителей⁴². Он признал право на земельные владения за варварами, которые давно поселились в Италии и женились на римлянках⁴³. Главное направление социальной политики остготских

королей отражено в одном из постановлений Аталариха, в нем сказано, что варваров кормят собственные наделы и обогащают королевские дары⁴⁴. Все землевладельцы без исключения были обязаны платить налоги. Римские землевладельцы, избежавшие земельного раздела, должны были выплачивать дополнительный налог в размере одной трети дохода.

Для проведения регулярного земельного раздела была назначена специальная комиссия во главе с римлянином, патрицием, префектом претория Либерием. Она вела дело так, чтобы не возбуждать римскую аристократию против остготского короля. Энподий говорит, что раздел обогатил бесчисленное множество варваров (готов), а римляне едва заметили это⁴⁵.

Новые завоеватели расселились в Италии неравномерно, наибольшее количество их осело в Северной и Средней Италии, много готских поселений было в Коттианских Альпах, в Сирмиенской Паннонии, в Пицене, Тусции. Известны готские поселения в Самнии, Кумах, в северной Сицилии.

Либерий, стоявший во главе комиссии, ведал государственными налогами, в его руках находились все документы на недвижимость, определявшие налогообложение, поэтому он фактически осуществлял земельный раздел⁴⁶. Наделение остготов земельными участками, дарениями из императорского фиска производил, по-видимому, сам король. Теодорих писал сенату, что Либерий только помогал ему в деле распределения третей (терций)⁴⁷. Специальные чиновники (*delegatores*) выдавали особый документ, подтверждавший получение земельного надела в собственность на основании королевского пожалования⁴⁸.

Не обошлось и без насильственных захватов и конфискаций римских поместий. Были конфискованы земельные владения политических противников, сторонников Одоакра, например, кампанские поместья Туфы, магистра войск Одоакра⁴⁹. О конфискациях имущества за нарушение законов многократно упоминается в Эдикте Теодориха (статьи 22, 59, 83, 91, 104, 108, 111, 113, 155), в вариях Кассиодора⁵⁰. Лишились своих владений римские сенаторы Симмах и Боэций, патриций Агнелл. Имели место насильственные захваты земель остготской знатью⁵¹. Например, гот Танкан захватил земли двух римских землевладельцев, которые в связи с этим вынуждены были признать себя зависимыми держателями, чтобы по-прежнему вести хозяйство на этой земле⁵². Известно, что готка Теодагунда увеличивала свои владения, бесконечными тяжбами, несправедливыми исками присваивая собственность римлян⁵³. Гот Мазена захватил поместье римлянина Флориана, и последнему было отказано в иске⁵⁴. Теодат с вооруженным отрядом вступил во владение двумя поместьями Домиция⁵⁵, этот знатный гот, по словам Прокопия Кесарийского, считал несчастьем для себя иметь соседа⁵⁶. Эдикт

Теодориха установил суровое наказание за использование дружины и пособничество в деле захвата чужого дома, виллы, имения, предупреждение относилось и к знатым, почтенным, и к низшим, ничтожным⁵⁷. Под угрозой оказались церковные владения. Для охраны патримоний миланской церкви в Сицилии был назначен граф Адила⁵⁸.

В официальных документах говорится о тяжбах соседей-землевладельцев, готов и римлян, правительство призывало к взаимному уважению прав собственников⁵⁹, особенно римлян, которые являются для готов соседями во владениях. Королевское постановление запрещало производить захват римского поместья без соответствующей на то грамоты⁶⁰, обязывало варвара возвратить уже захваченное поместье римлянина, если право владения не подтверждено документом. Таким документом служила королевская грамота, которую выдавали и готу, и римлянину⁶¹.

Итак, произведенным земельным разделом остготский король пытался достичь согласия между землевладельцами римского и варварского происхождения, он дал единую правовую защиту имущественным интересам местного населения и завоевателей-поселенцев, тем самым старался уравнять политический статус римлян и варваров в Остготском королевстве. Теодорих такими словами выразил суть политики в Италии: «распределением терций мы связали души и владения готов и римлян... общность поместий является основой мира и согласия... за часть поля римлянин нашел себе защитника...»⁶².

Все свободные готы, землевладельцы были обязаны нести военную службу, за это они вознаграждались жалованием, донативой⁶³. С освобождением от военной обязанности по возрасту или по состоянию здоровья прекращалась выдача донативы⁶⁴. Согласно германскому обычаю, ежегодно свободные готы-воины обязаны были являться к королю когда производился смотр войска и выдача королевских даров (донативы)⁶⁵. При довольно сильной романизации остготской политической системы тем не менее сохранились некоторые пережитки военной сотенно-территориальной организации варваров. Гепиды, например, получали аннону, содержание по военно-родовым объединениям⁶⁶, а готы были организованы по тысячам и их командиры получали от короля донативу для распределения⁶⁷, следовательно, тысяча — организация, в которой объединялись готы в войске и при расселении, сохранила значение военно-административной единицы.

Готская община подверглась очень быстрому разложению под влиянием римских социальных порядков, основанных на охране частной собственности на землю. Однако в практике готских поселений имела тенденция к возрождению и соблюдению некоторых общинных порядков. Оплата долговых

обязательств производилась по принципу круговой поруки, законы запрещали привлекать соседей к уплате чужих долгов⁶⁸. Тем не менее отчуждение земельных наделов должны были свидетельствовать о соседях. Исчезновение общинных форм землевладения объясняется особенностями места расселения остготов. Италия имела большую плотность населения, все земельные угодья находились в собственности частных лиц, неосвоенных площадей фактически не было, поэтому в отличие от Галлии и Германии остготы не нашли здесь благоприятных условий для сохранения общины. Только в Северной Италии часть земель оказалась в общинном пользовании, и местным землевладельцам запрещалось производить захват этих земель в частное владение⁶⁹. Общинно-соседские связи и семейно-родовые общины в готских поселениях горных областей сохранялись дольше.

Раннее разложение общинных форм землевладения объясняется глубокой дифференциацией остготского общества, она стала еще более значительной под влиянием римской социальной практики.

Земельный раздел привел к увеличению числа мелких земельных собственников, обладавших полной хозяйственной самостоятельностью. Кроме новых поселенцев из числа варваров, в Италию было возвращено более 6 тысяч пленных, выкупленных Теодорихом у буртундов⁷⁰. Труд свободных производителей, поощряемый королевской политикой, обеспечил благоприятное и стабильное состояние экономики в Остготский период. Остготское правительство принимало меры для развития агрикультуры, для обеспечения земледельцев улучшенными породами тяглового скота (дунайская порода низкорослых быков была заменена алеманнской, тяжеловесной, более пригодной для плужного земледелия)⁷¹.

В остготский период Италия почти полностью обеспечивала себя зерновыми, цены на хлеб понизились. Продовольственные затруднения отмечены с перерывом почти в двадцать лет (впервые в 508—511 гг. и вторично с конца 20-х). Снабжение хлебом обеспечивали государственные зернохранилища в Северной Италии⁷². Большое количество пшеницы, вина, оливкового масла давала Истрия, которую называли Равеннской Кампанией, кладовой королевства⁷³. В Венеции занимались рыболовством и добычей соли, отсюда шли поставки деликатесных вин в королевский дворец⁷⁴. В особо урожайные годы и Венеция давала много зерна.

На альпийских лугах и пастбищах разводили крупный рогатый и мелкий скот, занимались коневодством, поставляя коней для войска и почтовой службы.

Богатыми хлебными провинциями считались Лигурия, Этрурия, Кампания, Апулия, Лукания и Сицилия⁷⁵. Иордан называл Сицилию житницей королевства, отсюда зерно круп-

ными партиями переправляли на север⁷⁶. В Лигурии разводили виноградники, ловили много рыбы⁷⁷.

Области южной Италии (Бруттий с мягким климатом и сочными травами, гористая Лукания) поставляли скот во все города Италии, Бруттий в основном крупный рогатый скот и коней, Лукания — свиней⁷⁸. Породы скота отличались высокой продуктивностью, жирность молока показывал его желтоватый оттенок, круглые сыры из этих мест славились на всю Италию. С лугов пчелы собирали душистый, прозрачный мед. Вино считалось лучшим по крепости и аромату, его готовили особым способом и поставляли только в королевские кладовые⁷⁹. Виноградники, фруктовые сады, оливковые рощи, обширные пастбища по-прежнему составляли сельский пейзаж южной Италии, урожай винограда и олив бывал изобильным⁸⁰. Близ Регия занимались отловом ценных лососевых пород рыбы⁸¹. Вместе с тем производство зерна в некоторых областях южной Италии все же сократилось. Бруттий был освобожден от государственных поставок пшеницы⁸², современники сетовали на то, что земледelec после жатвы не мог наполнить амбары, ссылая весь урожай в несколько амфор⁸³. Однако в целом Италия не только снабжала себя хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами, но в особо урожайные годы вывозила зерно в Галлию⁸⁴.

О прогрессе агрикультуры в Италии в V—VI вв. свидетельствуют такие факты, как снижение цен на зерно и мясо, распространение мельниц времен Витрувия, улучшение демографического положения (в конце V в. население даже немного возросло), заселение пустующих зон, культивирование заброшенных земель, улучшение методов упряжки тяглового скота⁸⁵.

Оживлению экономической жизни в Италии способствовала политика короля Теодориха, поощрявшего мелиорацию земель. Около Равенны, вдоль Аппиевой дороги, в Сполето проводилось осушение болот⁸⁶, из Африки был приглашен специалист по мелиорации, которому король назначил жалованье из королевской казны. Мелиорированные земли освобождались от налогового обложения⁸⁷, правительство контролировало завершение начатых работ⁸⁸. Мелиорированные земли на морском побережье Венеции были предоставлены для обработки алеманнам⁸⁹.

Оживлению ремесел способствовали восстановление старых горных разработок и организация новых⁹⁰. Вся добыча золота, железных, свинцовых руд и мрамора находилась в ведении фиска. Работали солеварни на островах Адриатического моря⁹¹, мастерские по изготовлению пурпура в Истрии (Адриатику называли тогда итальянским Тиром)⁹², оружейные мастерские в Конкордии, Кремоне, Вероне, Мантуе, Тицине, Лукке, Салоне, Сирмии. Оружейное производство было спе-

специализировано: в Конкордии делали стрелы, в Кремонне — щиты и копья, в Мантуе — панцири, в Тицине — луки, в Салоне — копья, в Лукке — длинные мечи⁹³. Кроме того, оружие закупали в прибалтийских областях, у варнов⁹⁴. Готское ремесленное производство представлено фибулами, выполненными в типично германском стиле. В правление Теодориха было построено около тысячи кораблей (дромонов)⁹⁵. В некоторых городах действовали римские коллегии ремесленников.

Остготский король поощрял торговлю, по его приказу, приводили в порядок римские порты⁹⁶, давали указания должностным лицам содействовать иноземным купцам⁹⁷. В 508—511 гг. был отменен налог с продажи хлеба, вина, масла⁹⁸. Вывоз сельскохозяйственной продукции из Италии был ограничен, до заполнения королевских хранилищ запрещалось продавать пшеницу и свиное сало⁹⁹. Италия вывозила корабельный и строительный лес, коней, фураж и продовольствие¹⁰⁰. Оживленная торговля шла с Испанией, эстами, поставлявшими янтарь, варнами, снабжавшими остготовов широкими изогнутыми, обоюдоострыми мечами¹⁰¹. Возобновились традиционные торговые связи с Востоком, антиохийские купцы вели дела в Неаполе, вся Бруттия, по словам византийского историка, изобиловала чужеземными товарами¹⁰². Особенно поощрялась внутренняя торговля. Купцы Апулии и Калабрии, скупавшие хлеб для королевских амбаров, были освобождены от налога с торгового оборота¹⁰³. Отдельные купцы получали монополии на торговлю, уплачивая за это особый налог¹⁰⁴. В Лукании часто устраивались ярмарки, на которые съезжались купцы из Бруттия, Апулии, Калабрии. В столицу товары шли отовсюду¹⁰⁵. Устанавливались льготы для продажи продовольствия в Северной Италии, лишь в период острых затруднений вводились максимальные цены¹⁰⁶.

В IV—VI вв. центр экономики постепенно перемещался в Северную Италию. Некоторые ученые полагают, что области, расположенные к востоку от Тичино, Венеция и Истрия избежали аграрного кризиса IV в.¹⁰⁷ Хлебные цены оставались на одном уровне до VII в., а цены на вино и свиное сало даже резко упали в V в. Отсюда вывозили зерно на продажу в Рим. Распространение в Северной Италии колесного плуга резко повысило производство зерна.

Пролеваются города: Милан, Верона, Павия, Комо, Тревиз, Болонья, Аквилея. Города-крепости имели важное стратегическое и политическое значение. Многие стали резиденциями позднеримских императоров и варварских правителей. В городах строили и восстанавливали дворцы, термы, акведуки, амфитеатры, зернохранилища, монетные дворы (в Павии монетный двор был основан между 275—325 гг.), оружейные мастерские. Североиталийские города продолжали оставаться центрами римской культуры и образованности, риторические

школы, скриптории с большими собраниями античных рукописей сыграли огромную роль в романизации варварского населения. Позднеримский поэт Авзоний отводил Медиолану 5-е место среди всех городов империи, Комо с IV в. был базой военного флота. Павия, Верона и Кремона стали крупными политическими и административными центрами.росло и экономическое значение этих городов. Расположенные на речных и альпийских торговых путях Северной Италии, они контролировали всю торговлю в бассейне По, связывая Восток с Западной и Центральной Европой.

Характерным признаком экономического подъема можно считать широкое строительство общественных сооружений. В Равенне, Риме, Вероне, Павии воздвигали дворцы с портиками, мраморными колоннами, мозаичными украшениями, восстанавливали театры, термы, возводили новые крепостные стены¹⁰⁸. Денежные субсидии на городское строительство получали Сполето, Рим¹⁰⁹. Были организованы работы по ремонту дорог¹¹⁰. В Равенне при Теодорихе построили красивый мавзолей с монолитной крышей (позже церковь св. Марии). Многие восстановительные работы производились по инициативе и на средства состоятельных праждан, для этих целей выделялись государственные рабы¹¹¹. Особое внимание было обращено на строительство и ремонт военных укреплений, водопроводов и клоак. Современники называли остготского короля «великим строителем, реставратором городов, почитателем искусств, который обновил Рим и всю Италию»¹¹². Широкая строительная деятельность преследовала не только стратегические, но и политические цели. Восстановлением римских городов остготский правитель демонстрировал тесный союз с римской аристократией, верность традициям старой империи.

Несмотря на оживление городов, ремесленной и торговой деятельности, в остготский период продолжала углубляться тенденция к натурализации экономики. Экономическая жизнь концентрируется вокруг сельских и загородных поместий. Королевский указ от 527 г. осуждает стремление поссессоров и куриалов Бруттия жить «вдали от шума городских улиц» и обязывает большую часть года находиться в городе¹¹³. Бегство римской аристократии в деревню становится массовым явлением, и король, пытаясь воспрепятствовать этому, требовал, чтобы должностные лица имели особое разрешение на отъезд из Рима¹¹⁴. Теодорих организовал в Риме специальное обучение детей римской знати, готовя их к государственной службе. Школы курировал римский сенатор, патриций Симмах. Ученики не должны были покидать город до окончания образования, родителям отказывали в их просьбах вернуть сыновей домой¹¹⁵. Продолжалось переселение и бегство ремесленников-коллегиатов в сельские имения¹¹⁶. Тщетны были

все увещевания правительства и напоминания об удовольствиях городской жизни, о возможности посещать форум, термы, званые обеды, цирковые зрелища.

Земельный налог часто взимался в натуральной форме, сборщикам было разрешено принимать в счет денежных платежей зерно, скот, вино, оливковое масло¹¹⁷. Закупку продовольствия и скота для войска производили принудительным порядком по установленным ценам, что практиковалось и византийским правительством в середине VI в.¹¹⁸

Тенденция к натурализации хозяйства отразилась на судопроизводстве: штрафы заменялись многократным возмещением ущерба.

Поощряя торговлю, остготское правительство тем не менее учитывало ее ограниченные возможности и настоятельно требовало, чтобы Италия сама обеспечивала себя всем необходимым, — «она должна изобиловать своим добром, ни в чем не терпеть недостатка»¹¹⁹. Расчет на собственные ресурсы заставлял руководствоваться принципом экономии запасов продовольствия: «остаток предыдущего года должен смягчать недостатки следующего»¹²⁰. В силу натурализации экономики и общей экономической неустойчивости вывоз продукции из страны часто запрещался¹²¹.

Узость внутреннего и внешнего рынка привела к снижению уровня специализации сельскохозяйственного производства. Во всех провинциях Италии старались выращивать зерновые, занимались скотоводством, разводили сады и виноградники. Экономический подъем происходил на новой основе, в результате экстенсивного развития земледелия. Увеличение общего числа свободных производителей обеспечило успехи мелиорации, освоение и расширение культурных площадей, введение на них поликультур.

Социальную жизнь в Остготском королевстве регулировало новое законодательство. Теодорих обнародовал действующие в его королевстве законы в виде королевского Эдикта. В позднеримском государственном праве эдиктами называли общие распоряжения римских императоров. Король объявил, что законы, собранные в Эдикте, обязательны как для римлян, так и для готов, поэтому все судьи и правители должны руководствоваться статьями Эдикта под страхом конфискации имущества и ссылки (Эдикт Теодориха, § 155). Таким образом, закон подтвердил территориальное значение власти остготского короля. Эдикт состоял из 155 статей и был обнародован в самом начале VI в., может быть, в 500 г. во время посещения Рима, тогда же была произведена его запись. Текст, высеченный на бронзовых досках, выставили в сенате и на форуме. В Эдикте Теодориха изложены основные принципы судостроительства, перечислены наказания за преступления против собственности, регламентирован порядок сыска

беглых рабов и колонов, закреплены права землевладельцев на труд зависимых людей, предусмотрены суровые меры против нарушителей социального мира, установлен порядок наследования и отчуждения имущества, утверждены нормы семейно-брачных отношений.

В 508 г. был издан Эдикт более частного характера: о запрещении отчуждения церковного имущества. В 533—534 гг. объявлен Эдикт Аталариха, который состоял из 11 глав и был направлен против насильственного захвата земельных владений и нарушений в области семейного права.

Значение Эдикта Теодориха оценивается противоречиво, существует мнение о том, что Эдикт в сущности был только извлечением из римского права. Некоторые ученые относили Эдикт к вестготским законам, полемика по этому вопросу имела место и в советской историографии¹²².

В Эдикте Теодориха хорошо отражены социальные отношения, сложившиеся в ходе романизации новых собственников земли, а также те изменения в социальном и политическом строе, которые явились следствием завоевания Италии варварами. Законы об охране частной собственности, особенно на землю, подтвердили практику прекария (право предоставления земли в условное землепользование). Эдикт закрепил порядок составления завещаний прямо в войске, право наследования по прямой линии, лишая незаконнорожденных доли в наследстве. Закон не допускал произвольного расторжения брака без соответствующего судебного решения, запрещал конкубинат и ограничивал правоспособность женщины. В древнегерманском обычном праве, так называемые «природные дети», т. е. внебрачные, входили в состав семьи, пользовались имущественными правами. Король Теодорих сам был сыном конкубины, имел дочерей от конкубины, обеспечил им высокое общественное положение и выдал замуж за варварских королей¹²³. Законодательные меры по пресечению конкубината принимались неоднократно, что свидетельствует о слабом действии запрета. При короле Аталарихе конкубинат вновь был осужден и запрещен: господин наказывался конфискацией имущества, а конкубина с детьми отдавалась в рабство законной жене, последняя могла обращаться с ней как с рабыней, нельзя было лишь убивать конкубину¹²⁴.

Эдикт Теодориха закрепил изменения в социальном положении зависимых слоев населения, упорядочил судопроизводство. Но он резко отличается от других варварских прав тем, что на первый план выдвигаются законы, закреплявшие социальные и классовые различия, а личность свободного как бы отходит на второй план. Пережитки старого уклада — похищение, осквернение могил караются строже: не штрафом, а смертной казнью. Сильнее и значительнее роль коро-

левской власти. Эдикт Теодориха устанавливал единый правовой статус для готов и римлян. Много заимствований из римского частного права, из римской системы судопроизводства.

Остготское законодательство решительно искореняло остатки родоплеменных обычаев, утверждая и защищая правовые нормы классового общества, институты частной собственности, моногамии и государства. Кровная месть квалифицировалась как предумышленное убийство, произвол и насилие, угрожавшие жизни свободного, расправа без судебного решения — как уголовное преступление против личности (Эдикт, 99). Король в дополнение к Эдикту издавал специальные указы, в которых призывал уважать правосудие и не допускать самовластия (мономахии): «зачем же дан человеку язык, если спор решает рука с оружием?»²⁵. В остготском судопроизводстве главным судебным доказательством служили показания свидетелей, лишь в исключительных случаях допускалась очистительная присяга (Эдикт, 119). В отличие от салических, бургундских, алеманнских и других варварских законов были запрещены поединки, испытания котелком, водой. Судебное решение и приговор подлежали обжалованию в течение 30 дней. Все судопроизводство осуществлялось по римскому образцу.

Социальная политика остготских королей имела своей главной целью обеспечение экономического и политического влияния крупной землевладельческой знати римского и германского происхождения. В ее интересах был нарушен римский принцип прикрепления сельских рабов и колон-оригинариев, всех держателей к земле (Эдикт, 142). По Эдикту Теодориха их разрешалось переводить из одного поместья в другое, на городские службы, а также отчуждать без земельного участка, к которому те были приписаны. Такого рода постановление облегчало перераспределение рабочей силы, повышало хозяйственную самостоятельность землевладельца, его частную власть и открывало возможность использовать на земле, освобожденной от рабской фамилии, более выгодный труд свободных держателей или отдавать землю своим дружинникам¹²⁶.

Население остготской Италии оставалось полиэтническим, но был признан политический принцип противопоставления римлян завоевателям. На последних распространялся этноним политически господствующего народа, т. е. готов. К полноправным свободным германского происхождения применялись термины-синонимы: варвары-длинноволосые (*capillati*)¹²⁷. Остготский король признал правоспособность и тех варваров, которые издавна осели на римской земле, женились на римлянках; они, как и готы, платили поземельный налог. Таких свободных землевладельцев в остготской Италии называли

«antiqui barbari»¹²⁸, в Северной Италии особенно много было таких из среды алеманнов. Эннодий говорит, что благодаря им земля, очищенная от морского латука, была превращена в плодородные поля.¹²⁹ В Средней Италии преобладали поселения смешанного типа. Известно, что много готов поселилось в Пицене, там осталось значительное число и римских землевладельцев (во время готто-византийской войны только от голода их погибло около 50 тысяч)¹³⁰.

Остготское право игнорировало этнические различия римлян и германцев. Законы и королевские постановления в равной степени относились к готам и римлянам¹³¹. Официальным лозунгом стало политическое единство; король говорил, что тех и других связывает единый образ жизни, единый закон, единая власть¹³². Эдиктом Теодориха был проведен главный социально-правовой критерий деления всех свободных: наверху социальной лестницы — высшие, почтенные (как и в Римской империи они назывались *honestiores*, *honesti*), внизу — низшие, ничтожные (*humiliores*, *miseri*, *infirmi*)¹³³. Характерным признаком приниженого статуса было применение телесных наказаний (Эдикт, статьи 75, 83, 89). Алеманнская и Бургундская правды признавали трехчленное деление свободных (высшие или первые, старшие, лучшие, затем идут средние и низшие)¹³⁴. Классовый характер противопоставления высших и низших более явно выражен в Эдикте Теодориха.

Высокий статус первых основан на имущественном положении. Богатство, заключавшееся главным образом в земельной собственности, давало все другие преимущества и привилегии: знатность, власть и влияние, поэтому к ним все чаще применяется название «*potentes*» — могущественные¹³⁵. Сословное деление, однако, не оставалось неизменным, сословия не представляли замкнутых наследственных групп. Общественно-политический вес свободного в остготский период значительно выше, чем в поздней Римской империи. Знатные не освобождались от военной службы, а низшие не отстранялись от занятия высших должностей, не осуждались браки между различными социальными группами, часто закон предоставлял выбор ответчику: платить штраф или нести телесное наказание¹³⁶.

Остготская военная знать приобрела обширные владения в различных провинциях Италии. Королевская власть следовала принципу щедро вознаграждать по заслугам¹³⁷. Племянник короля Теодат получил крупное поместье в Тусции по дарственной, это обеспечило ему такое влияние, что его называли «король Тусции»¹³⁸. Магнус, Тулуин и другие остготские военачальники после завершения похода против франков получили за верность и службу земельные дарения¹³⁹. Эбримут, зять Теодата, имел земли в Регии, его военачальник Питца

приобрел поместья в Самнии (почти половина этой области принадлежала ему) и в Сирмиенской Паннонии¹⁴⁰. Тевдис отправлен был королем в Испанию, там он женился на богатой наследнице из местной знати и стал самым влиятельным среди готов¹⁴¹. Готская знать имела много поместий в Лигурии и других областях Северной Италии. Позднее, во время гото-византийских войн, защищая свои владения, они готовы были перейти на сторону византийского императора.

Дарение земли являлось безусловным, это был способ вознаграждения за личную, военную службу. Сохранилась формула королевского дарения, закреплявшая право частной собственности на землю¹⁴². Земельные дарения остготского времени были признаны Юстинианом после завоевания Италии (Прагматическая Санкция Юстиниана, 1).

Остготская военная знать оттеснила старую родовую аристократию. Военачальники славились не столько своим благородным происхождением, сколько богатствами и военными победами. Витигис (впоследствии избранный королем) командовал в войнах с гепидами, Вандил руководил военными действиями в Авиньоне, Питца и Гердуик возглавляли поход в Сирмиенскую Паннонию. Рагнарис, Сизифрид, Морас и другие знатные готы были начальниками гарнизонов, Рецимунду была поручена охрана Бруттия, Сисигис командовал сторожевыми отрядами в Коттианских Альпах.

Военная верхушка составляла совет короля, представителей военной знати король называл «старшими своего дома» (*domus posgae majores*). Знатные опирались на помощь вооруженных дружин, нападали на соседей землевладельцев, захватывали их усадьбы¹⁴³. Растет число и мощь частных дружин. Например, сестру Теодориха, которая была выдана замуж за вандальского короля, сопровождала ее личная дружина в составе 1000 человек, причем у каждого дружинника было по пять вооруженных воинов¹⁴⁴. Дружина Тевдиса состояла из двух тысяч воинов¹⁴⁵. Остготские короли в своих королевских указах не раз сетовали на своеволие знати, которая пренебрегала законами и не считалась с королевскими чиновниками, отказывалась от службы и уплаты налогов¹⁴⁶.

Остготская знать удерживала свои позиции и в последующий период после падения королевства. Одни занимали должности лангобардских гастальдов, другие известны как графы-военачальники в лангобардской Италии (Анила, Гудимер, Гульфарис, в Истрии Ансффридус, в Перузии, Албенга в Лигурии, Видин в Вероне и многие другие).

Классовыми интересами готская знать смыкалась с римской аристократией, это и послужило основой их политического союза и этнической интеграции. Наместниками назначались готские военачальники, в Риме правил граф Аригерн, в Тицине — граф Визабад, Магнус в Перузии, графу Озиуну

было поручено управление Далмацией, Иббе — Нарбоннской Галлией, Питце — Паннонией. Материальное могущество готских графов делало положение королевских чиновников независимым.

По мере усиления экономических и политических позиций остготской знати назревало недовольство политической романизацией управления. С неудовольствием и ревниво относились готы к участию римской аристократии в делах управления королевством. На службе у остготских правителей возвысились римляне Кассиодор, Фауст, Венанций, Либерий, Симмах, Бозций и многие другие. Они не только сохранили поместья и загородные виллы, но и расширили свои владения за счет дарений и самовольных захватов¹⁴⁷. Префект претория Фауст незаконно конфисковал имение Кастория, известны тяжбы среди римской сенаторской знати о границах земельных владений, очевидно, политическая конъюнктура позволяла им действовать всеми дозволенными и недозволенными средствами, чтобы округлять свои и без того обширные поместья.

Положение мелких и средних землевладельцев становилось крайне неустойчивым из-за роста частной власти крупных магнатов и вследствие тяжелого налогового гнета. В Остготском королевстве была сохранена римская налоговая система, и готы наравне с германцами, давно осевшими на римской земле, и римлянами платили все виды прямых и косвенных налогов в королевскую казну¹⁴⁸. Неплатежеспособных землевладельцев лишали не только земельного надела, но и дома¹⁴⁹. Во время гото-византийской войны разорившимся готам было обещано возвращение их наделов в собственность. Подобным обещанием Тотила хотел поднять боевой дух остготского войска¹⁵⁰. Сбор налогов превращался в дополнительный источник обогащения знати и усиливал тенденцию к превращению свободных собственников земли в ее держателей. Насилия и вымогательства влиятельных землевладельцев вели к увеличению числа разорившихся свободных среди остготов. Утратив владельческие права на свой надел, свободный превращался в держателя, обязанного повинностями за то, что ему было позволено остаться в своем доме и вести хозяйство на той земле, которая недавно была его собственностью. Многие вынуждены были просить у богатых землевладельцев участки в держание.

Снижение налоговых платежей, которое должно было сдерживать недовольство основной массы варваров, производилось в очень редких случаях, в отдельных областях, пострадавших от войны или стихийных бедствий, на короткий срок, в ограниченных размерах, всегда в соответствии с понесенным ущербом¹⁵¹. Мотивом таких льгот выдвигалось требование: не доводить землевладельцев до полного разорения,

«пренебречь убытками для обеспечения постоянного дохода». Король предписывал должностным лицам строго взыскивать установленные подати и не щадить уклоняющихся¹⁵².

Большую выгоду при таких обстоятельствах получала церковь, заинтересованная в обеспечении своих поместий рабочей силой. В VI в. увеличивается приток нуждающихся на церковные земли, здесь беднякам не только давали землю для обработки, но и необходимый тягловый скот, сельскохозяйственный инвентарь, все необходимое для ведения самостоятельного хозяйства. Это привлекало и вольноотпущенников, которые получали свободу у алтаря (церковь в то время поощряла отпуск рабов по мотивам благочестия). За предоставленное право пользования церковной землей взималась плата в виде доли урожая или отработок. Церковь убеждала своих держателей, что повинности являются лишь ответным вознаграждением за благодеяние, оказанное им. Пользование предоставленными по просьбе участками (прекарий) превращалось со временем в наследственное владение, сыновья и потомки держателей принимали за себя установленные платежи и повинности.

Эннодий, автор панегирика Теодориху, довольно точно выразил сущность социальной политики короля: он покровительствовал богатым землевладельцам и обуздывал строптивого бедняка, оказывал милости и почести верноподданым, но был беспощаден к мятежникам¹⁵³. Королевское законодательство обеспечило землевладельческой знати право на эксплуатацию различных категорий зависимого населения, разрешив свободно переводить рабов и колонов, добиваться с помощью закона возвращения их в свои прежние поместья, вводя строгие запреты на использование труда и тяглого скота чужих рустиков (зависимых земледельцев).

Рабство имело правовое признание в Остготском королевстве. Сам король широко использовал рабов на государственной службе. На их преданность он мог положиться больше, чем на сомнительную верность римской аристократии или готской знати, богатой, высокомерной, тщеславной, дерзкой и заносчивой. Из числа государственных рабов формировались вооруженные отряды, с помощью которых управляющие королевскими имениями исполняли полицейские функции на местах¹⁵⁴.

Государственные рабы занимали различные дворцовые должности, например, ведали поставками продовольствия. Сенатор Кассиодор видел в этом расхождение с римской практикой отношения к рабам и недвусмысленно высказал свое осуждение: «общение с рабами оскверняет достоинство римского народа»¹⁵⁵. В отличие от Остготского королевства в Вестготском рабы привлекались на государственную службу значительно позже, только с VII в.

Браки свободных с рабами, несмотря на официальные запреты, стали распространенным явлением в остготской Италии, поэтому Прагматическая Санкция Юстиниана, имевшая цель восстановить старый римский порядок, предписывала немедленное расторжение таких брачных союзов, под угрозой обращения в рабство свободного вместе с детьми¹⁵⁶. Подобные запреты встречаются в Салической, Вестготской, Алеманнской правдах, они были, вероятно, реакцией на фактические нарушения¹⁵⁷.

Особенностью Остготского королевства была высокая степень его романизации. Наиболее ярко она проявилась в политической системе и праве. Из римского права была заимствована формула защиты королевского достоинства и идея возвышения власти правителя над законом¹⁵⁸. Королевская власть у остготов, как и у других народов, вела свое происхождение от функций племенного вождя и военачальника. В имени Теодориха слились два корня — *thiudans* (древнегерм. — предводитель, военачальник, кельт. — народ *teud*, *teute*, *tud*) и лат. — король (*rex*, *reiks*). После завоевания Италии власть короля приобретает территориальное значение, остготский король стал главой царства Италии (*regnum Italiae*)¹⁵⁹. Он сменил одежду своего племени на пурпурное одеяние с императорскими инсигниями как повелитель готов и римлян¹⁶⁰. Род Амалов официально был провозглашен царственным, облаченным в пурпур¹⁶¹. Теодорих принял римские титулы принцепса и Флавия (*princeps*, *Flavius*), объявил себя законным наследником власти римских императоров, освободителем от тирании Одоакра¹⁶². Эннодий называл его императором, в надписях стоит характерное «*domnus*»¹⁶³.

На остготских монетах рядом с именем и изображением византийского императора имеется монограмма остготского короля. На золотой монете есть изображение Теодориха в германском плаще, скрепленном тотскими фибулами, на голове шлем, правая рука поднята для благословения, левая держит Викторию на шаре. На других портретах Теодорих представлен со скипетром в руке. В монограммах стояли буквы *DN*, означавшие *dominus noster*, а на золотой монете (возможно, юбилейной медали) надпись гласила: «король Теодорих, божественный принцепс» и «король Теодорих победитель народов» «*Rex Theodericus pins princis*», «*Rex Theodericus victor gentium*»).

В период войн с Византией и обострения противоречий с римской аристократией стали возрождаться традиционные германские понятия о статусе короля. На некоторых монетах Теодата и Тотилы чеканились изображения короля в остготской короне или в полном вооружении германского воина.

В целях упрочения королевской власти была сделана попытка утвердить наследственный порядок передачи короны.

Теодорих не имел сыновей, поэтому он назначил своим преемником сначала зятя Евтариха, тоже из рода Амалов, а после его смерти внука Аталариха. Регентшей Аталариха была его мать, дочь Теодориха — Амалазунта. Однако ее двоюродный брат Теодат добился, чтобы его утвердили соправителем. При дворе шла упорная борьба между группировкой Амалазунты и партией Теодата. Династический порядок передачи власти был нарушен и впоследствии не соблюдался. За 60 лет существования Остготского королевства правили 8 королей, самым длительным было правление Теодориха (493—526), тогда в Италии были поставлены статуи короля готов (площадь Неаполя украшало изображение Теодориха, сделанное из мелких разноцветных камней). За 27 лет сменилось 7 королей: Аталарих (526—534), Амалазунта (535 г.), Теодат (534—536), Витигис (536—540), Ильдибат (540—541), Тотила (541—555), Тейя (552—553). Последние короли (Ильдибат, Тотила, Тейя) не принадлежали к роду Амалов, они были провозглашены королями в готском войске по старому германскому обычаю.

Король Теодорих многое усвоил из римской политической и правовой практики. Его законы и распоряжения были составлены на основе включения и переработки римских правовых норм, римского процессуального права. Эдикт служил практическим руководством для судей.

Королевский совет (комитат, конвивиум) имел значение высшего органа управления и высшей судебной инстанции. Он состоял из остготской военно-служилой знати, сотрапезников короля и представителей римской аристократии. Этот орган являлся институтом варварской государственности, члены его были связаны с королем верностью, личной службой и сотрапезничеством. Королевский совет называли то комитат, что указывало на принадлежность членов к свите короля, то конвивиум отличительной чертой которого являлось сотрапезничество, то обсеквиум, последнее название подчеркивало характер дружинных отношений, выражавшийся в послушании¹⁶⁴.

Комитат ведал всеми делами управления: назначал на высшие должности, утверждал епископов, определял величину донативы войску¹⁶⁵. За назначение епископов взималась плата в 2 тысячи солидов, за утверждение папы — 3 тысячи, симония была отменена по эдикту Аталариха. Среди членов королевского совета были образованные римляне, сведущие в делах управления, знатоки римского права, носители античной культуры. Много знатных римлян привлек на государственную службу король Теодорих. Он жаловал им высокие титулы и должности. Сенаторы и патриции Кассиодор, Либерий, Симмах, Боэций, Фест, Павлин, Агапит, Артемидор занимали должности префектов претория, квесторов, комитов,

ведальи делами королевской канцелярии, финансовыми расчетами, организацией школьного образования, строительными и реставрационными работами в римских городах, принимали участие в военных походах¹⁶⁶.

Король Тотила, обращаясь к римским сенаторам, говорил, что они много хорошего видели от Теодориха и Аталариха, всегда привлекались к исполнению высших должностей, к участию в управлении королевством и вознаграждались за службу «великими богатствами»¹⁶⁷. Римский сенат остготские короли называли венцом государства, лоном свободы, а сенаторскую курию — украшением всех прочих сословий¹⁶⁸. Остготские короли и некоторые знатные готы сами стали членами сената. Сенаторы добились сохранения привилегии собственной юрисдикции, осуществляемой коллегией пяти¹⁶⁹. Однако компетенция сената ограничивалась делами городского управления, это учреждение окончательно утратило свое первейшее политическое значение, а притязания римской сенаторской аристократии на освобождение от налогов были решительно отвергнуты¹⁷⁰.

Руководящую роль в королевском комитете играли знатные готы-военачальники: Тулуин, о котором говорили, что, давая советы, он сам управляет правителем¹⁷¹, Триван в должности препозита королевской опочивальни, оруженосец короля Тевдис, Ибба, Гудила, Аригерн, Ведеульф и другие графы и сайоны. Они получали римские титулы патрициев, звания консулов, трибунов.

Королевская резиденция находилась в нескольких крупных городах Италии, для этого были построены дворцы в Равенне, Модии (12 миль от Милана), Вероне, Павии.

Влияние королевской власти возрастало благодаря использованию института кровнородственной защиты. Король как представитель народа-войска трактовал это право как личное покровительство каждому свободному через защиту его личности (*tuitio*). Право личной защиты король предоставлял отдельным лицам, целой народности или территориальному округу. *Tuitio* осуществлялось по просьбе и путем выдачи специальной королевской грамоты, которая считалась гарантией неприкосновенности человека и его имущества. Имелся образец такой грамоты — «формула защиты»¹⁷². Королевская защита поручена была королевским чиновникам (сайонам), нарушители наказывались как политические преступники. Согласно привилегии королевской защиты иски непосредственно направлялись в королевский суд, таким образом все судебные штрафы поступали в королевскую казну.

Остготская армия получала вооружение и продовольствие из королевских оружейных мастерских и зернохранилищ. Флот насчитывал 1000 дромонов — легких судов, приспособленных к плаванию по рекам и вдоль морского побережья.

Старый порядок организации войска прослеживается в королевских смотрах воинов, во время которых выдавалась донатива (жалованье). Прежде такие смотры-сборы войска совпадали с жертвенными праздниками и собранием народа-войска.

Остготский король Теодорих нарочито подчеркивал, что его государство является подобием Римской империи. Он признал достоинство сената, назначал префекта Рима, консулов из римлян и готов (гот Евтарих, зять короля, римлянин Венанций). Префект Рима отвечал перед королем за лояльность сенаторов¹⁷³. В провинциальном управлении оставались римские консуляры, ректоры и правители-судьи (*iudices*), отвечавшие за порядок взимания налогов¹⁷⁴ и осуществлявшие судопроизводство на местах. Городскими куриями по-прежнему ведали кураторы, дефензоры; дуумвиры и квинквенналы оформляли акты дарений, отчуждения имущества, передачи по наследству.

Была сохранена римская система организации королевского двора, почетными являлись римские должности: *magister officiorum*, квестор дворца, референдарии. Эти чиновники вели придворный церемониал, занимались королевской канцелярией. Королевской казной и королевскими имениями управляли агенты и комиты (тоже римские должности). Суд префекта претория представлял вторую судебную инстанцию после королевского суда, но некоторых судебных и военных функций римские должности были лишены. Внешне создавалась полная видимость сохранения римской бюрократической системы. Тем не менее реальная власть была сосредоточена в руках готской военно-служилой знати, сайонов, дуксов (герцогов), комитов (графов). Готы — комиты были назначены во все крупные города Италии, имевшие политическое и стратегическое значение (в Рим, Равенну, Тицин, Ком, Неаполь, Сиракузы, Массилию). Городские магистраты обязаны были подчиняться их приказу и юрисдикции. Готы — графы выполняли отдельные королевские поручения по доставке продовольствия, осуществляли королевскую защиту. В грамотах назначения прямо указывалось, что их защите и власти вверена городская курия. Компетенция готских дуксов и комитов фактически была неограниченной, опираясь на вооруженные отряды и дружины, они исполняли судебно-карательные функции в отношении готского и римского населения, следили за соблюдением остготских законов, ведали охраной границ¹⁷⁵.

Исполнение королевских приказов было возложено на готских сайонов. Сайоны назначались королем и были подотчетны только ему. Главной их функцией был контроль за выполнением королевских указов, за деятельностью чиновников центрального и местного управления, за правильным поступлением налогов в королевскую казну¹⁷⁶. Им предоставлялось

право взыскивать штрафы и подвергать аресту виновных за нарушение королевских распоряжений, за злоупотребления при исполнении служебных обязанностей (имелись в виду незаконные конфискации имущества). Сайонам была поручена конфискация имущества готов за неуплату налогов¹⁷⁷. Сайоны ведали снабжением и снаряжением войска, строительством военных укреплений¹⁷⁸. Сайонов посылали во главе военной свиты графов, назначенных в провинции, и для охраны, и для контроля за ними¹⁷⁹. Сайоны выполняли обязанности судебных исполнителей при конфискации имущества в пользу короля¹⁸⁰. Сайоны подавляли мятежи, вели борьбу с разбойниками¹⁸¹. При Аталарихе за сайонами были закреплены судебные полномочия¹⁸².

Сайоны выполняли отдельные поручения короля, осуществляли право королевской защиты, возвращали римлянам незаконно конфискованное имущество¹⁸³. Они занимали почетное место в королевском совете, получая за службу донативу, как все готские воины, а также дополнительное вознаграждение от короля. Только по королевскому приказу можно было задержать сайона с целью ареста и суда над ним. Институт готских сайонов был связан с эволюцией дружинных отношений и развитием судебно-административной функции королевской власти.

Романизация политической системы заключалась не столько в сохранении римской формы бюрократии, сколько в ее влиянии на развитие варварской государственности. Видимость всего римского рассеивается при более пристальном рассмотрении соотношения властей. Например, деятельность римского сената при Теодорихе контролировал готский граф Аригерн; при Аталарихе — Сигизмер. Графы председательствовали на заседаниях, сообщали королевские решения по тому или иному вопросу, объявляли королевские эдикты¹⁸⁴. В ведении сената оставались лишь незначительные дела городской жизни Рима, благоустройство города, школьное образование, чеканка монеты¹⁸⁵. Многие высокие должности утратили свое реальное значение еще в период поздней Римской империи и не вернули его при остготском правлении. Принцип субординации римских чиновников не соблюдался, все непосредственно были ответственны перед королем. Реальную политическую власть в Остготском королевстве имели дуксы и комиты, назначенные из числа служилой знати и опиравшиеся на военные отряды. Их общественное положение, политическое влияние и верность королю были обусловлены земельными пожалованиями. Административным противовесом их растущему влиянию служила должность сайона, исполняемая верными, преданными служилыми людьми короля.

Идея полного слияния остготской знати с римской аристократией при сохранении римского бюрократического аппарата

рата управления встретила решительную и сильную оппозицию. Известны случаи расправы Теодориха с готскими комитами Рима и Милана (в 504 г. был убит комит Рима Одоин, в 514 г. комит Милана, их обвиняли в заговоре против короля)¹⁸⁶. В конце правления Теодориха политические противоречия в среде господствующей верхушки еще более обострились. Римские сенаторы Симмах и Боэций были казнены по обвинению в государственном заговоре как активные участники сенаторской оппозиции¹⁸⁷. Во время готско-византийской войны политические действия римской сенаторской аристократии находились под строгим контролем остготских королей, некоторые наиболее влиятельные ее представители были вызваны из Рима, их принудили остаться в Равенне, при королевском дворе¹⁸⁸.

В готском войске усилились настроения протеста против произвола и самовластия военачальников, раздавались настойчивые требования возрождения норм и обычаев военной демократии. Личная храбрость и отвага, главные качества воина, служили основанием для выдвижения королей. Прославленные командиры стали избираться королями по старому обычаю. Прямо в войске поднятием на щит были провозглашены короли Витигис, Ильдигад, Тотила. Они оставили королевские дворцы, надели простую одежду воина и вели лагерную жизнь, сами командовали войском, а в сражении бились с врагом рядом с прочими.

Изменения в положении и поведении остготских королей были вызваны стремлением остготской знати укрепить свое влияние в войске, чтобы устранить притязания римской аристократии на политическое влияние, в то же время сделать королевскую власть более зависимой от собственных интересов. Государство приобретало форму военно-политической конфедерации, в которой публичная власть принадлежала новой земельной аристократии варварского происхождения.

Внутриполитическая обстановка в Остготском королевстве осложнялась различными проявлениями классовой борьбы. Разорявшиеся свободные и зависимые держатели выступали против произвола крупных землевладельцев, злоупотреблений судей, сборщиков налогов и других чиновников. Продолжалось бегство рабов и колонов, из городов уходили куриалы. В имениях богатых собственников производились потравы, поджоги хозяйственных строений убийство господ. Бесправие свободных, принадлежавших к низшему сословию, толкало их на союз с беглыми рабами. Многочисленные разбойничьи отряды нападали на виллы, грабили на дорогах¹⁸⁹. Специальный королевский указ, запрещавший земледельцам вооружаться и создавать военные отряды, предусматривал такой мерой предотвратить разбойные действия сельских банд¹⁹⁰.

Остготские короли давали поручения своим сайонам подавлять мятежи против землевладельцев с помощью вооруженных отрядов¹⁹¹. Эдикт Теодориха грозил смертной казнью зачинщикам бунта в войске или на местах (Эдикт 104, 107). Создавались карательные отряды во главе с комитами¹⁹². Продолжались мятежи городского плебса и рабов в Риме¹⁹³. Восставшие громили дома высших чиновников, убивали сенаторов. Волнения возникали во время цирковых зрелищ и театральных представлений, поэтому во избежание смут правительство разрешало устраивать цирковые игры только в специально отведенных местах, на должностных лиц возлагалась ответственность за поддержание порядка¹⁹⁴.

В 509 г. большой мятеж произошел в Риме, рабы убивали своих господ и жгли их дома¹⁹⁵, в 519 г. — в Равенне. Король вынужден был покинуть город и искать защиты за крепостными стенами Вероны. Волнение снова охватило Рим. Равеннский хронист сообщает, что восставший народ поднялся против всех господ, не слушая ни короля, ни папу, ни равеннского епископа. Волнение произошло на почве религиозных распрей. Христиане (рабы и свободные) убивали евреев, а наказание виновных послужило поводом к «еще большему мятежу»¹⁹⁶.

Активная внешняя политика остготских королей удовлетворяла главным образом интересы военно-служилой знати, получившей новые земли и львиную долю военной добычи. Эта политика тяжелым бременем ложилась на хозяйство мелких и средних землевладельцев. В 504 г. был организован военный поход в Сирмиенскую Паннонию, закончившийся разгромом гепидов¹⁹⁷. В 505 г. остготское войско при поддержке гепидского военачальника Мундо вело войну в Иллирии с византийским полководцем Сабинианом. В 508—511 гг. остготский граф Ибба захватил часть территории Нарбоннской Галлии. Длительные войны с бургундами завершились только в 523 г., бургундский король Годомар вынужден был уступить часть своих владений. После смерти вестготского короля Алариха II, который был зятем Теодориха, остготский король предпринял попытку подчинить своей власти вестготов. Он направил в Испанию Тевда, своего личного оруженосца, знатного и влиятельного гота, и назначил его опекуном внука. Однако попытка установить протекторат над Испанией не удалась. Вестготская знать провозгласила Тевда королем, а юный наследник Амаларих был убит¹⁹⁸.

В результате новых завоеваний готская знать постоянно увеличивала свои владения, обширные поместья в Галлии и Паннонии получили Тулуин, Питца и др.¹⁹⁹ Остготская знать становилась все более агрессивной и внутри страны и за ее пределами, поиски возможных союзников стали целью остготской дипломатии. У Теодориха сложились тесные контакты

с византийским императором, вандальским, герульским, вестготским, бургундским королями. В деловой переписке адресатами являются прибалтийские вожди варнов и эстов. Остготский король принял и дал убежище норвежскому королю Родульффу.

Наиболее распространенной формой заключения союза были политические браки. Теодорих был женат на сестре франкского короля Хлодвиг, свою племянницу (дочь сестры) он выдал замуж за короля тюрингов, двух дочерей — за вестготских королей, третью — за бургундского, а сестру — за вандальского. Короля варнов Теодорих сделал своим сыном по оружию, совершив германский обряд усыновления, когда в знак союза и достижения совершеннолетия союзника ему вручалось боевое оружие.

В начале VI в. франкский король Хлодвиг усиливает свое влияние в Галлии, и Теодорих создает коалицию остготов и вестготов как политический противовес. В коалицию вошли герулы, тюринги и бургунды. Политической мечте Теодориха об объединении вестготов и остготов в одном королевстве не суждено было осуществиться, хотя остготский король направил в Испанию войско, выдавал донативу вестготским воинам и начал собирать подати с вестготов. Политическое объединение двух народов, родственных этнически, оказалось невозможным из-за малочисленности тех и других, разобщенности и слабости политической организации. Более частные задачи нарушали стратегическую линию политики остготского короля. Иногда Теодорих заключал союз с франками, чтобы совместными усилиями захватить земли бургундов. К союзу с франками стали стремиться остготские короли в период готто-византийской войны, и не раз они заключали договоры о взаимной военной помощи.

Борьба Византии за Италию во второй трети VI в. завершилась разгромом Остготского королевства. Готто-византийские войны продолжались около 20 лет и до крайности обострили социально-политические противоречия в Италии. Некоторая часть римской аристократии была настроена дружелюбно к византийскому императору и жаждала политических перемен. Побуждаемый римлянами король Теодахад склонялся к миру, но готовность короля заключить союз с Велизарием послужила причиной бунта в войске и свержения короля. Войско провозгласило королем Витигиса, оруженосца Теодахада, и тот, убив открыто, без страха своего предшественника, объявил об этом народу²⁰⁰.

Остготский король Тотила старался нейтрализовать сторонников Византии из числа сенаторов, одним давал должности, других отправлял в ссылку. В отвоеванных у византийского полководца Велизария городах он удерживал войско от репрессий в отношении сенаторских фамилий²⁰¹. Социальная

политика Тотилы отвечала интересам остготской знати, защищавшей свои владения в Италии. Тотила опирался на широкие слои готов-землевладельцев, хотя король лояльно относился и к римской аристократии. Тем не менее он не отказывался и от беглых рабов, принимая их в войско, как того требовала напряженная военная обстановка. Он остерегался увеличивать повинности колонов, довольствуясь обычными платежами и только тех, господа которых перешли на сторону Византии. Умением вести осторожную политику лавирования объясняется столь необычный для того времени факт длительного правления и военных успехов Тотилы. Непоследовательность и противоречивость социальной политики короля Тотилы явилась причиной раскола в среде военно-служилой остготской знати. Много знатных и влиятельных готских военачальников перешло на сторону Велизария.

Римская аристократия тоже не составляла единого лагеря. Одни поддерживали остготского короля, другие делали ставку на византийского императора, в политике которого тоже скоро разочаровались. Византийское правительство смотрело на Италию как на богатую военную добычу, войско грабило страну, фискальная политика довершала ее разорение. Это повышало сопротивление завоевателям, и гото-византийская война приобрела затяжной характер. В 540 г. византийские войска заняли Равенну и крепости северо-восточной Италии. Форпостом защиты остготских владений стала Верона.

После поражения остготского войска в 555 г. Италия становится провинцией Византийской империи. Прагматическая Санкция Юстиниана, изданная для Италии, отменила все распоряжения остготского короля относительно произведенных дарений земли, отпуска рабов, освобождения колонов от государственных повинностей. Законы, изложенные в 27 главах, восстанавливали прежний порядок уплаты налогов в императорский фиск, объявляли недействительными браки рабов со свободными, провозглашали римский принцип разделения полномочий гражданской и военной власти. Таким образом византийский император пытался реставрировать отношения, характерные для позднеримского рабовладельческого государства.

ЛАНГОБАРДСКОЕ КОРОЛЕВСТВО В ИТАЛИИ

В 568 г. в Италию пришли с берегов Дуная новые завоеватели-лангобарды, создавшие в Паннонии мощную конфедерацию германских племен. Король Альбоин имел большую дружину; подчинив своей власти соседние народы, он повел все войско с их семьями в поход через Альпы. В I—II вв. н. э. лангобарды в составе виннилов жили в бассейне нижней

Эльбы, воевали с вандалами, затем выделились как этнос с этнонимом лангобарды. Картины лангобардского быта, написанные позже, давали представление о внешнем облике этого народа. Длинные волосы были разделены прямым пробором и опущены вокруг лица. Широкая льняная блуза, украшенная широкими разноцветными оборками, напоминала одеяние англосаксов. Открытые в верхней части башмаки держались на ноге переплетенными ремнями²⁰².

Около III в. лангобарды начали продвигаться на юг, долгое время жили в стране ругов на Дунае (Ругиланд). Во время их пребывания на «открытых полях» дунайской равнины начались войны с германскими племенами герулов и гепидов. Вражда с герулами усиливается к началу V в. из-за соперничества королей, каждый стремился к гегемонии в этой богатой римской провинции. Поводом к последней схватке послужила ссора во время приема герульских послов, явившихся к лангобардскому королю Татону с предложением о перемирии. Дочь Татона высмеяла низкорослого посланника, который был братом герульского короля; получив дерзкий, оскорбительный ответ, решила отомстить. Она вероломно пригласила к себе обидчика, предложила место у окна и в условленный момент ее дружинник вонзил копьё в спину гостя. Вероломная расправа послужила поводом к сражению.

Герульский король настолько был уверен в своей победе, что приказал наблюдать за ходом битвы с высокого дерева, пообещав отрубить голову тому, кто даст весть о бегстве герулов. Естественно, из страха наблюдатель скрывал истинный ход битвы даже тогда, когда поражение стало явным. «Разве мои герулы бегут?», — воскликнул король, и воин ответил: «Не я о том сказал, а ты, король!»

Войско герульского короля Родульфа было разбито, Татон захватил военное знамя и кожаный шлем поверженного врага²⁰³.

Вслед за победой пришла междоусобная война, король Татон был свергнут племянником Ваккой и убит. Сын его тоже потерпел поражение и бежал к гепидам.

Король Вакка (середина VI в.) много воевал, подчинил свевов, заключал военные союзы с соседними королями, укрепляя их браками дочерей. С 526 по 568 г. лангобарды занимали земли Паннонии.

Король Авдоин столкнулся с главным противником лангобардов в этой области — гепидами. Его сын Альбоин в поединке убил сына гепидского короля; очевидно, тогда было заключено перемирие и Альбоин был дан в заложники гепидскому королю. Альбоин служил в дружине гепидского короля, был связан с ним обрядом усыновления с вручением оружия и признан королевским сотрапезником²⁰⁴. Альбоин имел и свою небольшую дружину в 40 человек, на пирах он сидел по пра-

вую руку от короля, на месте убитого им Тюрисмода, сына короля, оружие которого он получил во время обряда усыновления. Ссора Альбоина со вторым сыном гепидского короля произошла во время трапезы за королевским столом. Поводом к насмешке над лангобардскими дружинниками послужил обычай лангобардов носить на голени белые полотняные обмотки. Гепид со смехом нашел в этом сходство с конем; лангобард, вспыхнув, предложил посмотреть, как «этот конь» может ударить в открытом поле. Гепидский король объявил, что богу будет неужодна победа, одержанная над гостем, и отправил Альбоина с дружиной к отцу по крови, намереваясь начать войну с лангобардами.

После провозглашения Альбоина лангобардским королем война с гепидами продолжалась. Альбоин вступил в союз с франками (был женат на дочери франкского короля Хлотаря) и правителем Аварского каганата, образовавшегося в VI в. в Паннии. Гепидам был нанесен сокрушительный удар, из головы гепидского короля Гунимунда Альбоин сделал пиршественную чашу, дочь его Роземунду взял в жены. Эта чаша находилась среди реликвий королевского двора вплоть до VIII в., ее сам видел лангобардский историк Павел Диакон²⁰⁵.

Дружина Альбоина принимала участие в готто-византийской войне по федератскому договору с византийским правительством (она переправилась в Италию морем на кораблях)²⁰⁶. Лангобардская военно-служилая знать обогащалась в войнах и на федератской службе, становилась все более агрессивной, стремясь к захвату плодородных земель.

Лангобардское войско увеличивалось благодаря включению в его состав других народов: саксов, алеманнов, гепидов, сарматов, булгаров, славян, паннонцев, нориков, славян (последних было немало среди паннонцев)²⁰⁷. Теснимые аварами, они покинули места своих поселений на Дунае и вместе с семьями соединились с лангобардами. Павел Диакон назвал цифру 20 тысяч саксов, влившихся в лангобардский союз²⁰⁸. Готовясь к походу, Альбоин в пасхальные дни 568 г. принимает христианство в форме арианства.

Военный поход в Италию начался в апреле 568 г. и сопровождался массовым переселением народов из Паннии: с семьями, скотом, домашней утварью повозки тронулись в путь на войском. Когда подошли к границе Италии, король Альбоин с высокой горы долго смотрел на раскинувшуюся внизу долину Венеции. С тех пор это место получило название королевской горы (Monte regio). Вступление Альбоина в Северную Италию стало сюжетом народной легенды о совершении языческого обряда с жертвоприношением. Шкура убитого зубра почиталась как священная реликвия (по рассказу очевидца, на ней свободно могли лежать 15 человек)²⁰⁹.

Лангобарды двигались через Фриуль к Тревизо. Епископ Феликс вышел навстречу и получил от Альбоина грамоту — подтверждение на владение всем имуществом церкви²¹⁰. Аквилейский патриарх Павел бежал с церковной казной на остров Гард. В первый же год Альбоин занял Венецию и овладел крепостью Форум Юлия, Вероной.

Лангобарды селились в Северной Италии фарами, т. е. общинами с кровнородственными связями, единой хозяйственной территорией и правами военной единицы в лангобардском войске. Фара как единица германского сотенно-территориального устройства постепенно перерождалась в общину с соседскими связями.

В 569 г. Альбоин вступил в Лигурию. Медиоланский архиепископ Гонрат бежал в Геную. После трехлетней осады Павии (Тицин) Альбоин занял город и вошел в королевский дворец, отстроенный еще Теодорихом. По преданию, конь Альбоина упал в воротах св. Иоанна и его не могли поднять, пока Альбоин не отказался от своего обета уничтожить мечом весь город. Пообещав пощаду жителям, он въехал в Павию и никому не причинил вреда²¹¹. Тем временем лангобардские герцоги заняли всю Тусцию (Тоскана). Вскоре Альбоин был убит своим оруженосцем, действовавшим в сговоре с женой Альбоина, которая мстила за убийство своего отца, гепидского короля (на пирах Альбоин заставлял ее пить из той чаши, что была сделана из черепа отца). При содействии равеннского префекта, византийского правителя Лонгина заговорщики скрылись, похитив дочь Альбоина от первого брака и королевскую сокровищницу. Согласно рассказу Павла Дякона, по прибытии в Равенну Роземунда, подстрекаемая Лонгином, пыталась отравить своего спутника, но тот, разгадав ее замысел, заставил допить смертельный напиток, оба скончались от яда. Дочь Альбоина вместе с сокровищницей была отправлена в Константинополь. Называли еще одного участника заговора, Передея, который был ослеплен в Константинополе по приказанию императора²¹².

Всего полтора года правил следующий лангобардский король — Клеф, он тоже был убит своим дружинником. В последующие десять лет лангобарды не избирали королей. Военачальники — герцоги продолжали завоевание областей Средней и Южной Италии, вторгались в юго-восточную Галлию (574—577) и доходили до Роны. Они повели агрессивную политику в отношении римской аристократии, начались конфискации земель и репрессии.

Римские землевладельцы были обязаны выплачивать лангобардам 1/3 доходов, многие предпочли отдать в этот счет земли с повинностями держателей²¹³.

Большинство лангобардов оставались язычниками или арианами, те и другие не считались с нравственными и зако-

подательными предписаниями римской церкви, не платили ей десятины, грабили церковное имущество. Согласно церковной традиции лишь немногие лангобардские герцоги приняли христианство во время галльского похода и якобы благодаря этому одержали победу над бургундами, а затем вернулись невредимыми, другие же потерпели поражение от франков и их союзников, бургундов²¹⁴.

Франкские военачальники часто совершали военные походы в Северную Италию на земли, занятые лангобардами. Под их натиском лангобардские герцоги начали продвигаться к югу. За 10 лет правления герцогов, когда решили короля вообще не избирать, ими была завоевана вся Италия. Рим находился в осаде. В Средней Италии лангобарды основали герцогство Сполето, в Южной — Беневент.

Лангобардское завоевание принято считать наиболее жестоким и бескомпромиссным для римской аристократии. Оно было длительным и продолжалось до середины VII в., острота политической борьбы усугублялась агрессивной политикой византийского правительства в Италии и политически активной позицией римской церкви. Усиление влияния герцогов в полиэтнической конфедерации лангобардов не позволяло королевской власти нейтрализовать последствия завоевания. Враждебные стороны разжигали взаимное недоверие и ненависть, искали союзников в среде своих противников, инспирировали измену, предательство, что вызывало ответные репрессии и конфискации.

В 582 г. лангобардским королем стал сын Клефа Автарих, который принял римский титул Флавий. Герцоги согласились отдать королю половину завоеванных земель, и лангобарды получили земельные наделы с зависимыми людьми²¹⁵. В результате длительных войн и конфискаций римская знать лишилась большей части своих владений, многие были убиты или бежали к византийским военачальникам. Оставшиеся на завоеванной лангобардами территории обязаны были уступить одну треть доходов, часть земель с зависимыми держателями перешла в распоряжение лангобардских герцогов. Конфискации не миновали и церковные владения. Таким образом, лангобардская знать и король захватили земли своих противников целиком, а кроме того, поделили часть земель с римскими землевладельцами, отказавшимися от сопротивления варварам. Политическая борьба и своеволие герцогов затрудняли дело урегулирования отношений с местным населением.

Не было единства и в среде лангобардской знати. Некоторые герцоги переходили на сторону византийцев и, опираясь на свои войска, действовали против короля. В эпитафии на могиле Дроктульфа сказано, что он «презирал своих сородичей, а византийскую Равенну считал своей родиной». Многие лангобардские короли в VI в. умерли насильственной

смертью. С королем Автарихом вступили в борьбу герцоги Вероны, Бергома, Тревиза, Перузии и др.²¹⁶ Однако уже в конце VI — начале VII в. Автарих, завершив завоевание Италии, установил в стране правопорядок и положил конец насилиям и грабежу²¹⁷.

Византийское правительство при императоре Маврикии не оставляло надежды отвоевать у лангобардов Италию. Войны велись силами византийского наместника в Равенне, там был образован Равеннский экзархат. Экзарх подстрекал к войне с лангобардами франкских герцогов, которые в 80-е гг. VI в. совершили несколько военных походов в Северную Италию и заняли ряд крепостей на дороге от Медиолана до Вероны (овладеть Павией им не удалось).

Автарих совершил поход в Южную Италию и, как говорит предание, около Регия, войдя на коне в море, указал копьём на колонну со словами: «здесь граница лангобардов»²¹⁸. С тех пор колонну называют колонной Автариха. Автарих одержал победу над франками, разбил византийское войско в Истрии. Браком с дочерью баварского короля Гарибальда он скрепил политический союз с баварами²¹⁹. Попытка заключить перемирие с франкским королем была враждебно встречена лангобардской знатью, по-прежнему настроенной весьма агрессивно. Король Автарих был отравлен, а члены посольства убиты.

Туринский герцог Агилульф (родственник Автариха) был провозглашен королем по старому обычаю во время смотра войска. Он утвердил свое право на корону тем, что женился на вдовствующей королеве Теоделинде. Агилульф (591—616) вел длительную войну за овладение византийскими областями в Италии, жестоко расправился с мятежными герцогами, которые искали союза то с франками, то с византийским экзархом, отстаивая свою независимость в борьбе с королевской властью. Были убиты герцоги Бергамо, Тревизо, Вероны, Перузии, с герцогами Фриуля и Тридента он заключил союз в 603 г.²²⁰

Византийский экзарх, теснимый лангобардами, обратился к посредничеству папы. Папа Григорий вел активную миссионерскую деятельность и хотел с помощью религиозного давления подчинить лангобардского короля своему влиянию. Он отправил королеве Теоделинде свои богословские сочинения («Жития святых» и «Диалоги»), а в личной переписке настойчиво предлагал заключить мир с римлянами, чтобы «обратить свои дела на пользу римской церкви». Папе удалось добиться заключения мира между лангобардским королем и равеннским экзархом, а также официального признания католической церкви в Лангобардском королевстве.

При Агилульфе лангобарды приняли христианство по католическому обряду. Король и королева крестили своего сына

Адалоальда, подтвердили все привилегии римской церкви, основали много новых церквей и монастырей, которым делали щедрые дарения из своего имущества. Главным покровителем и заступником королевской семьи стал св. Иоанн. Король, королева, придворные, многие знатные поклялись в день рождения св. Иоанна (в июле) делать дарения базилике св. Иоанна, основанной в королевском дворце (в 12 милях от Медиолана рядом с дворцом Теодориха Остготского)²²¹. Св. Иоанн становится патроном лангобардских королей на войне. Култ св. Иоанна получает распространение в королевской дружине и войске, св. Иоанн почитался как святой, оберегающий жизнь воина и дарующий ему победу в сражении. В середине VII в. королевская церковь св. Иоанна была основана дочерью Теоделинды и Агилульфа (женой короля Родоальда) в Павии, где тоже находилась королевская резиденция. Эта церковь св. Иоанна стала усыпальницей лангобардских королей.

Култ Иоанна имел некоторые языческие черты, святой охранял могилы королей и весь погребальный инвентарь. Королей хоронили со знаками королевского достоинства и сокровищами. Посягнувшего на погребальное имущество, по преданию, карал сам святой, однажды он нанес сильный удар похитителю при входе в базилику²²².

Историк Павел Диакон приводит текст двух писем папы Григория I, адресованных королю и королеве, с одобрением и похвалой их благочестию в деле защиты христианской веры и мира с римлянами. Папа просил лангобардского короля оказать давление на герцогов в поддержании заключенного мира²²³. Распространение католицизма среди лангобардов преследовало политические цели, при поддержке церкви король укреплял свои позиции в борьбе с герцогами, а папа и равеннский экзарх надеялись подчинить его своему влиянию.

Завоевание Италии лангобардами продолжалось до середины VII в. Герцоги Сполето и Беневента вели завоевательные войны в Средней и Южной Италии. Был захвачен и разграблен монастырь св. Бенедикта в Монте-Кассино, бежавшие оттуда монахи унесли с собой в Рим кодекс правил, составленных основателем монастыря Бенедиктом (позже эти правила были положены в основу устава монашеского ордена св. Бенедикта). Король Агилульф стремился подчинить герцога Беневента своему влиянию, он передал власть Аригису, брату фриульского герцога, но тот держал себя независимо. Главным противником лангобардского короля оставался равеннский экзарх, поэтому Агилульф искал себе союзников вне Италии. Он заключил союз с аварским каганом, чтобы обезопасить северо-восточную границу, добивался мирного договора с франкским королем, закрывая тем самым северо-западные подступы к Италии. При поддержке аваров и верх-

недунайских славян лангобардское войско совершало походы в Истрию и нападало на крепости, занятые византийскими гарнизонами в Италии. Отвоевав Кремону, Мантую, Волтурно и другие города, Агилульф отправил в Константинополь посольство во главе с нотарием римлянином Стабилицианом, которому поручил заключить мир с императором.

В 605 г. Агилульф обручил своего сына Адалоальда с дочерью франкского короля Теодоберта и сделал его соправителем. Теодоберт воевал с саксами, война была тяжелой, обе стороны несли большие потери, поэтому франкский король согласился заключить «вечный мир с лангобардами»²²⁴. Затем Агилульф предпринял завоевание Тосканы и занял много городов. Когда началось наступление аваров на Венецию, фриульский герцог Гизульф потерпел поражение. Главная крепость лангобардов была взята аварским войском благодаря измене жены герцога, которая в надежде прельстить аварского кагана приказала открыть ворота. Согласно преданию, Ромульда поплатилась за свое предательство честью и жизнью. По приказу кагана, ее отдали на поругание, а затем посадили на кол. Знатные лангобардки избежали позора хитростью (дурной запах разлагающегося мяса, которое они прятали на груди, заставлял врагов в ужасе отворачиваться от них). Впоследствии уведенные в плен они были выданы замуж в соответствии со своей родовитостью. Одна из дочерей Гизульфа стала женой алеманнского короля, другая — баварского. Сыновья герцога бежали, младший — Гримоальд (позже лангобардский король). Братья хотели убить его, чтобы избавиться от позорного плена, но мальчик резво вскочил на неоседланного коня и поскакал вместе с остальными. Авары бросились в погоню и схватили Гримоальда. Не решаясь убить ребенка, повели с собой в крепость. По дороге мальчик выхватил меч из ножен всадника, позади которого сидел на коне, и сильным ударом по голове свалил врага. Гримоальду удалось скрыться, и он догнал своих братьев²²⁵. Один из эпизодов этой войны вошел в родовое предание Варнефридов, к этому знатному роду принадлежал историк Павел Диакон.

Фриульское герцогство, расположенное на северо-востоке Лангобардского королевства, было пограничной областью. Фриульские герцоги сдерживали натиск аварских и славянских народов, постоянно воевали с ними. В начале VII в. славяны принуждены были платить дань фриульскому герцогу²²⁶. В 611 г. они разграбили Истрию²²⁷. В середине VII в. организовали морской поход в Южную Италию. Высадившись на берег, расположились лагерем на Адриатическом побережье у Сипонто (Сапунт). Они окружили лагерь потайными ямами, оградив таким образом его от наступления лангобардской конницы²²⁸. Есть предположение, что это были дохорватские славяне, которые заняли Иллирию в результате

первой экспансии славян на Балканы²²⁹. Беневентский герцог Ронизальд вступил с ними в мирные переговоры. Он говорил на языке иллирийских славян, знание этого языка подтверждают длительные и тесные контакты лангобардов со славянами, восходящие своим началом ко времени их совместного пребывания в дунайских областях в V—VI вв. Вскоре лангобардское войско вероломно напало на лагерь славян, и весь отряд был разбит.

За 25 лет правления Агилульфа королевская власть, опираясь на католическую церковь, усилила свои позиции, началось сближение с римской знатью. В числе крупных землевладельцев встречаются римляне, например, некто Сенатор из Павии. Тридентский епископ Секунд по поручению лангобардского короля принимает участие в делах управления: ведет переговоры с франками о выкупе пленных, пишет историю лангобардов, освящает королевскую церковь св. Иоанна, совершает обряд крещения сына короля. Нотарий Стаблициан в качестве посла выполняет поручения короля в Константинополе. Римские юристы участвуют в подготовке сборника лангобардских законов. Основание новых церквей и монастырей сопровождалось крупными земельными пожалованиями римской церкви. Монастыри Боббио в 40 милях от Павии, Нонантула около Модены, Спасителя в Брешии владели обширными поместьями в округе.

Однако политическое влияние герцогов не было сломлено окончательно. С неудовольствием смотрели герцоги на то, как короли щедро жаловали земли для основания церквей и монастырей, добивались мира с византийским экзархом и тем самым отказывались от новых завоеваний, крутыми мерами расправлялись с мятежными герцогами, отстаивавшими свою независимость от короля.

В 636 г. королем был провозглашен Ротари (636—652), сторонник арианской церкви, которая наряду с католической имела официальное признание. В 643 г. под давлением лангобардской знати была произведена запись древних законов. Эдикт Ротари, помимо старых обычаев, вводил новые постановления, регулировавшие правоотношения в условиях развития частной собственности и изменений в порядке наследования. Эдикт закреплял полномочия королевской и герцогской власти, статус зависимых слоев населения и дифференциацию в среде свободных.

Эдикт Ротари требовал безусловного подчинения всех подданных действию лангобардского права. Только по особому распоряжению короля иноплеменникам разрешалось жить по своим племенным законам. Эдикт принял под защиту закона должностных лиц короля, определив повышенный вергельд за всякое насилие над человеком, исполняющим коро-

левский приказ. Даже при совершении убийства по приказу короля закон освобождал от всякой правовой ответственности исполнителя воли короля.

Последующие законы VII и VIII вв. устанавливали порядок судопроизводства, расширяли судебные полномочия королевских дружинников, предписывали строить тюрьмы, строго карать за нарушение законов, установленных королем и церковью.

Отвечая агрессивным требованиям военно-служилой знати, Ротари проводил активную внешнюю политику. Были завоеваны приморские города Тосканы вплоть до границы с франками и некоторые города Эмилии, входившие в равеннский экзархат²³⁰. Беневентский герцог Гримоальд в это же время удачно воевал с византийцами в Южной Италии.

Во второй половине VII в. обостряется социально-политическая борьба в Лангобардском королевстве. Право на королевскую корону оспаривали два брата: Перктарит, имевший резиденцию в Медиолане, и Годеперт, правивший в Павии²³¹. Годеперт через посредничество туринского герцога обратился за помощью к герцогу Беневента Гримоальду, которому пообещал в знак союза отдать в жены свою сестру. Но туринский герцог, не желая усиления ни одного из соперников, неожиданно предложил корону Гримоальду. Гримоальд явился со своей беневентской дружиной в Павию, в королевский дворец и собственной рукой убил Годеперта. Павел Диакон обвинял в этой кровавой расправе туринского герцога Гаришальда, который якобы сначала присвоил посольские дары, а потом стал сеять семена вражды, подстрекая того и другого к убийству. Он убеждал Годеперта, что без панциря нельзя являться на встречу с Гримоальдом, так как последний намерен его убить, а Гримоальду говорил обратное, что Годеперт замыслил убийство и потому придет в панцире. При встрече, когда Гримоальд обнял Годеперта, он убедился, что под одеждой надет панцирь, тогда он выхватил меч и поразил им Годеперта. Впоследствии туринскому герцогу Гаришальду отомстил за его коварство родственник Годеперта, который убил герцога в королевской церкви св. Иоанна во время пасхальной службы, и сам тут же был убит дружинником герцога.

Второй претендент на корону — Перктарит, узнав о том, что власть в Павии захватил Гримоальд, бежал к аварам. Его жена и сын были отправлены в ссылку, в Беневент. Король Гримоальд (662—671) женился на сестре убитого им короля (дочери лангобардского короля Ариперта). Щедрыми раздачами земель он вознаградил беневентскую дружину, с помощью которой захватил власть в Павии. Часть беневентской знати перешла на службу к королю и поселилась в своих новых владениях²³².

Гримоальд добился от аварского кагана выдачи Перктарита, но замысел убийства не удалось осуществить. Перктарит был предупрежден своими сторонниками, они перехитрили короля, и Перктарит в одежде сельского раба, накинув медвежью шкуру на плечи, сумел бежать в сопровождении верных людей. Гримоальд не наказал пособников Перктарита, его вестиярия (камерарий или постельничий) и дружинника Унульфа, которые устроили побег. Король оставил им и должности, и имущество, обязав столь же верно служить новому господину, т. е. ему. По версии Павла Диакона, впоследствии Гримоальд отпустил их к Перктариту²³³. С большим основанием можно предположить, что это означало изгнание с конфискацией земельных владений, поскольку им было разрешено взять с собой детей и домашнюю утварь.

Вслед за бегством Перктарита последовало вторжение франков в Северную Италию. Франки наступали из Прованса и захватили несколько крепостей лангобардов. В военном лагере около Асти лангобардский король Гримоальд устроил засаду, внезапно покинув его. Лагерь был полон припасов продовольствия и вина. Франкские военачальники, думая, что лангобардское войско в страхе бежало, безмятежно пировали со своими дружинниками. После обильной трапезы отягощенные вином и пищей воины крепко уснули. Гримоальд с войском напал внезапно после полуночи; враги, застигнутые врасплох, были уничтожены, лишь немногие спаслись бегством. С тех пор место разгрома франков у реки Танаро стало называться «Берег франков» — *Rivus Francorum* (на правом притоке По)²³⁴.

Одновременно с этими событиями византийское войско под командованием императора высадилось в Таренте и начало осаду Беневента. Гримоальд поспешил на помощь своему сыну, которого назначил герцогом Беневента. Византийские войска отошли к Неаполю, им был нанесен еще один удар со стороны Капуи. Византийский император направился в Рим, оттуда он отправил в Константинополь золото, взятое из церковной утвари и украшений церкви св. Марии (бывший пантеон). Византийские чиновники требовали с посессоров Сицилии, Сардинии, Калабрии и других областей, через которые проходили византийские войска, высокие налоговые платежи. По словам Павла Диакона, поборы, неслыханные прежде, разоряли семьи, разлучали их продажей в рабство жен и детей²³⁵.

В византийских областях Италии тоже начались междоусобицы, император Констан был задушен в бане. В Сиракузах объявился узурпатор, против него двинулись новые войска из Константинополя. Мятеж был жестоко подавлен, многие византийские наместники, в том числе и узурпатор, каз-

нены (их головы отправили в Константинополь вместе с другими изуверченными жертвами расправы). Вслед за этим арабы совершили поход в Сицилию и разграбили Сиракузы.

Таким образом, попытка византийского войска овладеть Беневентом и изгнать лангобардов из Южной Италии закончилась неудачей. Лангобардский король воспользовался этой войной, чтобы подчинить герцогства Средней и Южной Италии своей гегемонии. Его влияние в Беневенте было обеспечено, а графа Капуи Транзамунда он женил на своей дочери, сестре беневентского герцога (его сына), и назначил герцогом Сполето. 663—668 гг. были периодом территориального расширения и укрепления Лангобардского королевства. Сломив натиск византийцев, король подавил мятеж в Северной Италии.

Однако за время военной кампании в Южной Италии фриульский герцог, которому Гримоальд поручил управление королевством в свое отсутствие, по существу узурпировал королевскую власть. Гримоальд натравил на него аваров, и аварский каган напал на Фриуль. В сражении, которое продолжалось четыре дня, мятежник Лупо был убит. Авары грабили провинцию, жгли города и заявили королю, что никогда не уйдут оттуда²³⁶. Тогда Гримоальд с войском двинулся навстречу аварам. Лангобардские отряды были немногочисленны, и король прибегнул к военной хитрости. На виду у врага он устроил смотр войску: один и тот же военный отряд проходил несколько раз различным строем и с разным вооружением, так что создавалось впечатление, будто прибывают все новые и новые отряды²³⁷. Гримоальд изгнал аваров из провинции и, чтобы закрепить там, отдал дочь погибшего фриульского герцога в жены своему сыну, герцогу Беневента. Но Арнефрит, сын фриульского герцога Лупо, бежавший к славянам в Каринтию²³⁸, вступил в борьбу за герцогское звание с Вектаритом, которого поддерживал король. С пяти тысячным отрядом Арнефрит появился во Фриуле, но потерпел поражение.

Подавив мятеж в Северной Италии, король Гримоальд разрушил те римские города, которые выступали на стороне мятежников, в частности *Fogium Populi* и *Opitergium*, где были убиты его братья, некогда бежавшие из Фриуля от аваров. Укрепляя позиции лангобардов в стране, он принял на службу болгарского предводителя Альтцеко, которому предоставил для поселения земли в герцогстве Беневент, на побережье Адриатического моря с городами от Сипонто до Бояно, Изерния и другие. Болгарский предводитель получил титул гастальда, правителя-наместника по назначению короля. Орда протоболгар насчитывала около 700 человек. Павел Диакон говорит, что булгары жили в Беневенте вплоть до VIII в., могли изъясняться на латинском языке, хотя и их

родной язык еще не вышел из употребления²³⁹. В составе военно-племенного союза Альтцека были не только протоболгары, но и славяне, вероятно, и другие паннонцы. Союз образовался в борьбе против аварского господства, но победить аварского кагана, очевидно, не удалось, и восставшие ушли из Паннонии. Вначале они расселились в соседней области, в Баварии, но вскоре там началась война с франкским королем Дагобертом. Хронисты сообщают о резне, учиненной Дагобертом, после этого события Альтцеко увел свой народ в Италию.

Лангобардский король, добиваясь выдачи Перктарита, заключил союз с Дагобертом. Перктарит, испугавшись козней своего врага, бежал из Галлии и просил защиты у короля саксов, в Британии²⁴⁰. Сломить до конца оппозицию лангобардской знати Гримоальду не удалось. После 9 лет правления, в 671 г. он был отравлен (в лекарство для лечения раны на руке королевские медики добавили яд). Гримоальд дополнил Эдикт Ротари новыми королевскими постановлениями, по мнению лангобардского историка, весьма полезными законами²⁴¹.

После гибели Гримоальда Перктарит вернулся в Павию и возглавил оппозиционную группировку придворной знати, которая в противоположность Гримоальду ориентировалась на союз с папой и Византией. В Перктарите оппозиция видела сторонника и законного короля. Католическое духовенство поддерживало такую политику. Церковная традиция распространяла версию о том, что Перктариту была дана божья весть о гибели Гримоальда. В тот момент, когда он плыл на корабле в Британию, голос невидимого человека возвестил о кончине короля. Усилиями оппозиции сын Гримоальда Гарибальд был свергнут, и корона перешла к Перктариту.

В правление Перктарита (673—690) борьба за власть разгорелась с новой силой. Против придворной партии короля поднялась вся лангобардская военно-служилая знать, опиравшаяся на арианские и языческие элементы в лангобардском войске. Перктарита и его сына Куиникперта поддерживало католическое духовенство. В лангобардской и церковной традиции Перктарит характеризуется как благочестивый христианин, твердо державшийся католической веры, ревностно следовавший законам римской церкви²⁴². На Куиникперта ориентировалась тицинская католическая церковь. Глава королевской базилики св. Иоанна говорил, что вся жизнь клира зависит от победы над противником короля — Алахисом²⁴³.

Алахис, герцог Тренто, наоборот, враждебно был настроен к тицинскому католическому клиру. Страх и ненависть объединили духовенство и придворную знать, выступавшую на стороне Куиникперта. Рассказывали, что Алахис обещал в случае победы наполнить головами клириков целый коло-

дец²⁴⁴. Согласно церковной традиции, Алахис действовал как «дикий и жестокий варвар». В молодости он служил при дворе короля Перктарита, был близок с его сыном Кунинкпертом (оба участвовали в юношеских играх-состязаниях, Алахис хвалил могучую силу Кунинкперта, который мог поднять за шерсть на спине двух огромных баранов). Алахис опирался на лангобардов, по-прежнему придерживавшихся язычества или арианства. Лангобардская знать, расселившаяся в северо-восточных областях с центрами в крепостях Тренто, Брешии и других, держалась независимо. Среди брешианской знати против короля выступали Альдо и Граузон. Они поддерживали Алахиса, который проводил активную завоевательную политику и поставил в вассальную зависимость баварского графа Бавцана.

Герцог Алахис объединил под своей гегемонией герцогства Тренто и Брешию, которая являлась центром лангобардской военной аристократии. Войска Алахиса нанесли удар по королевской дружине, осаждавшей Тренто. Бергамский епископ Иоанн находился в ссоре с королем, принимал участие в заговоре против короля, но угроза со стороны Алахиса заставила его изменить ориентацию, он был привлечен к союзу королевскими дарениями.

Алахис захватил королевскую резиденцию в Павии, а Кунинкперт бежал на остров Ларий около Комо. Алахис правил вместе с сыном 17 лет (671—688). Однако позиция Алахиса, враждебная тичинской знати, встретила решительное сопротивление, и Кунинкперт, одержав победу, вернулся в королевский дворец. Алахис искал поддержки в городах северо-восточной Италии (Пьяченце, Вичченце, Тревизо, Форюли и других). В битве при Коронате диакон королевской базилики св. Иоанна Зенон сражался в доспехах короля Кунинкперта и был убит Алахисом. Битва закончилась победой короля, узурпатор Алахис пал в бою, а его сторонники были рассеяны, многие утонули в Адде во время преследования. Фриульское войско, хотя и выступало на стороне мятежников, но уклонилось от участия в сражении. В честь победы королевского войска на поле Коронате Кунинкперт основал монастырь св. Георгия²⁴⁵.

Но и после гибели Алахиса мятеж продолжался, его возглавил фриульский герцог Ансфрит, военачальник, свергнувший герцога Родоальда, который поддерживал короля. Бывший герцог бежал сначала в Истрию, а затем через Равенну в Павию. Ансфрит сделал попытку захватить королевскую корону, но был схвачен в Вероне, ослеплен и отправлен в ссылку. Кунинкперт добился назначения герцогом Аго, брата дружественно расположенного к нему свергнутого герцога Родоальда²⁴⁶. Таким путем Фриуль вновь оказался в сфере влияния лангобардского короля.

Брешианских мятежников Альдо и Граузона король поми-
довал, принял от них присягу верности и включил в состав
королевской свиты²⁴⁷.

В конце VII в. беневентский герцог Ромуальд удачно вел
войну с византийцами и отвоевал всю юго-восточную часть по-
луострова от Таранто до Бриндизи. Герцогская династия бы-
ла связана родственными отношениями с королевской семьей
(сын Родоальда, герцог Гримоальд, женился на дочери Перк-
тарита Вигилинде, сестре Куиникперта). Брат герцога Ги-
зульф в начале VIII в. завоевал еще несколько городов, он
совершил поход в Кампанию и получил с папы большую кон-
трибуцию²⁴⁸.

В конце VII в. междоусобица в доме Ариперта вылилась
в новый мятеж. Туринский герцог Рагинперт (сын Годипер-
та, племянник Перктарита, двоюродный брат Куиникперта)
выступил с войском против наследника короля, малолетнего
Лиутперта и его опекуна Анспранда, которых поддерживал
бергамский герцог Ротари. Победу в сражении одержал ту-
ринский герцог, после его смерти борьбу продолжил сын —
Ариперт, правнук короля Ариперта.

Началась новая гражданская война, которую возглавил
Ариперт. Опекун короля Анспранд вынужден был бежать
сначала на остров Коммакьо, а затем к баварскому герцогу,
где прожил 9 лет. Наследник был взят в плен. Ариперт раз-
бил и другого своего противника, бергамского герцога Рота-
ри, который тоже претендовал на корону. Затем он вступил
в города Люди и Бергамо, там он расправился со своими со-
перниками: у плененного Ротари были острижены волосы и
борода, вместе с законным наследником Лиутпертом его от-
правили в Турин, где через несколько дней оба пленника бы-
ли убиты. Ариперт с войском разрушил крепость на острове
Коммакьо и уничтожил весь род Анспранда за исключением
младшего сына, которого отпустил к отцу. Жenu его Теодора-
ду и дочь Аврону изувечил, отрезав нос и уши, мотивом та-
кой расправы служила якобы похвальба Теодорады, будто она
будет королевой²⁴⁹. Старший сын Анспранда был ослеплен,
теперь казалось, что на пути Ариперта больше не осталось
соперников.

По-прежнему не утихали сепаратистские настроения фри-
ульской знати. Герцог Фердульф привлек на помощь славян,
и они вторглись в провинцию. Не было силы удержать их от
грабежа: уводили скот, пленных, наконец, организовали боль-
шой военный поход, в котором славянское войско захватило
большую добычу²⁵⁰. Славянские дружины укрепились в труд-
нодоступных горах. Их лагерь безуспешно штурмовали, во
время осады погибло много лангобардских воинов, пали в бою
герцог и его военачальники. По словам Павла Диякона, там
погибла вся фриульская знать²⁵¹. Фриульский герцог Корвол

стал интриговать против короля и за это был лишен титула и ослеплен. Власть во Фриуле захватил Пеммо, бежавший из Беллуно во время мятежа²⁵². Баварский герцог Тевтперт, побуждаемый Анспрандом, совершил поход против лангобардского короля Ариперта. В жестоком сражении, которое длилось более суток, бавары были разбиты, однако даже одно появление баварского войска усугубило и без того сложное, неустойчивое положение короля. Оппозиция подняла голову в надежде на помощь извне, и Ариперт вынужден был бежать сначала в Павию, а затем с королевской казной он хотел отправиться во Францию. Но при переправе через реку он утонул, брат его Гумперт до самой своей смерти оставался у франков. Лангобардский историк рассказывает, что король Ариперт старался сохранить старые обычаи при дворе, одевался просто, по-лангобардски, в звериных шкурах на плечах принимал иностранные посольства. Он строго следил за тем, чтобы герцоги неукоснительно следовали законам в делах управления²⁵³.

Оппозиция лангобардской знати и гражданские войны конца VII — начала VIII в. свидетельствуют о нарастающих социальных противоречиях в среде лангобардов. Военно-служилое сословие использовало все преимущества своего экономического и политического положения и оказывало давление на королевскую политику, все больше расходившуюся с интересами рядовых, свободных лангобардов.

Претенденты на королевскую корону пользовались поддержкой различных социальных слоев внутри королевства и искали помощи со стороны внешних союзников, что делало социально-политическую борьбу еще более напряженной. При содействии баварской группировки королем стал Анспранд, а затем его сын — Лиутпранд.

Длительное правление Лиутпранда (712—744) совпало с периодом усиления Лангобардского королевства. Лиутпранд вел удачные войны с баварами, захватил ряд крепостей, укрепив северную границу королевства, умело поддерживал мир с франками и аварами. Он решительно расправился с внутренними врагами, убил сородича Ротари с четырьмя сыновьями, разгадал и предотвратил заговор собственных оруженосцев. Лиутпранд действовал быстро и безошибочно, разгадав замысел врага, наносил ответный удар с таким же вероломством. Когда Ротари готовил коварное убийство короля на пиру, Лиутпранд опередил его, он срочно вызвал Ротари во дворец, обняв при встрече, нащупал под одеждой кинжал. Ротари тотчас обнажил оружие, но королевский дружинник ударом сзади сразил его²⁵⁴.

Лиутпранд ловко интриговал при герцогском дворе в Сполето, чтобы подчинить герцогство своему влиянию. Поддержав Транзамунда в его борьбе с отцом, герцогом Фароальдом,

он добился свержения Фароальда. Тот успешно воевал с равеннским экзархом и стал опасен королю. Беневентского герцога он породнил с королевской фамилией, выдав за Ромсальда племянницу (дочь Авроны). Второй брак герцога с дочерью правителя Брешии должен был упрочить союз северного королевства с Беневентом.

Лиутпранд вмешивался в церковные дела, при его содействии аквилейским архиепископом был назначен архидиакон церкви Тревизо Каллист. Равеннский экзарх направил военный отряд с целью устранить ставленника лангобардского короля. Это послужило поводом к возобновлению военных действий. Лангобардское войско осадило Равенну и заняло несколько крепостей на территории экзархата. Фриульский герцог Пеммо выступил на стороне равеннского экзарха, он заточил Каллиста в крепость и долго держал на хлебе и воде, угрожая сбросить в море²⁵⁵. Король Лиутпранд лишил Пеммо власти и назначил герцогом его сына Ратхиса. Обманом заманил Пеммо к себе якобы для примирения и заковал в цепи вместе с двумя другими сыновьями. Постоянные вторжения славян отвлекали герцогов от борьбы за корону и заставляли мириться с гегемонией лангобардского короля, но политическое положение в этом герцогстве всегда оставалось неустойчивым и ненадежным.

Лиутпранд заключил союз с франкским правителем Карлом Мартеллом и скрепил его обрядом усыновления Пипина, вручив сыну Карла перевязь с мечом и королевские дары. Карл в то время воевал с арабами, поэтому нуждался в поддержке лангобардского короля (в 737 г. арабы снова напали на Галлию). В ответ на просьбу франкского посольства лангобардское войско было направлено на войну с арабами, но в это время византийская армия перешла в наступление в Италии и разбила лангобардов у Аримина. Лиутпранд вынужден был вернуться из Галлии. Военные действия продолжались с переменным успехом. Внук короля Хильдепранд и герцог Виченцы Передей одержали победу и даже ворвались в Равенну, но византийцы отбили свои позиции и захватили Хильдепранда в плен. После этого лангобарды одержали еще одну победу, и византийцы сняли осаду с Болоньи. Война приняла затяжной характер.

В 738—739 гг. Лиутпранд подавил мятеж в герцогстве Сполето. Его ставленник герцог Транзамунд поднял оружие против короля, но потерпел поражение и бежал в Рим, вместо него король назначил герцогом своего внука Хильдерика. Транзамунд вернулся в Сполето и убил Хильдерика, тогда Лиутпранд снова направил войска в Сполето и с помощью фриульского герцога одержал победу. Транзамунд был лишен власти и насильно посвящен в клирики. Герцогом Сполето стал внук короля Агипранд²⁵⁶.

Продолжались мятежи и в Беневенте. Лиутпранд увез в Павию малолетнего наследника герцогской короны, усыновил его и оставил при королевском дворе, а герцогом в Беневенте утвердил внука Григория. Но после смерти Григория герцогским титулом овладел Готскальк, который не хотел подчиниться королю. Узнав о том, что в Беневенте направились королевское войско, узурпатор решил бежать в Византию, но был убит дружинником из свиты Гизульфа. Последний и был назначен герцогом Беневента.

На подавление мятежей Лиутпранд не раз посылал королевские войска в Среднюю и Южную Италию, в союзе с королем выступал фриульский герцог Ратхис и его брат. В Сполето и Беневенте боролись две политические группировки знати: одна искала поддержки у короля, другая ждала помощи от византийцев. Лиутпранд в надежде подчинить герцогства своей гегемонии боролся за передачу герцогского титула своим внукам, родственными связями скрепляя политическую унию.

Король Лиутпранд проводил твердую внутреннюю политику, опираясь на союз с церковью. Он основал много монастырей и часовен, поставил новые алтари в своем дворце, щедрыми раздачами привлекал на свою сторону духовенство. Он слыл набожным, благочестивым и мудрым правителем. Ежегодно от имени короля издавали законы, которые имели целью поддерживать общественный порядок, укреплять органы государственного управления. Все действующие правовые нормы и новые королевские постановления были собраны воедино и обнародованы как «Эдикт короля Лиутпранда». Отредактированный юристами, знатоками римского права, он состоял из 153 статей. Лиутпранд заботился о подготовке чиновников для государственной службы и с этой целью организовал при дворе в Павии школу для детей знати.

Политическим центром Лангобардского королевства была Павия. Еще в VII в. там развернулись строительные работы, были восстановлены городская площадь, королевский дворец, епископская церковь. При королевском дворе была учреждена постоянная должность нотариуса, ведавшего составлением королевских грамот и распоряжений; его подпись означала соответствие копии оригиналу.

Другие крупные города Северной Италии имели значение административных и культурных центров (Брешия, Бергамо, Верона, Комо, Милан, Модена, Кремона, Болонья и другие). Северная Италия становится страной городов, оживленное судоходство на реке По и ее притоках обусловило развитие традиционных торговых связей с Востоком.

Преемники Лиутпранда продолжали проводить политику, направленную на расширение социальной опоры королевской власти. Производились конфискации земель у политических

противников и новые пожалования своим сторонникам. Был введен имущественный ценз, определявший род военной службы в королевском войске, а следовательно, и политический статус свободного воина.

Согласно военной реформе Айстульфа крупные землевладельцы, имевшие поместья с крестьянскими держаниями в количестве от 7 и выше, составляли высшую категорию в войске, они служили в коннице с полным вооружением. Средние землевладельцы, недвижимое имущество которых исчислялось в югерах (40 и более), служили на коне, но без панцирей. Очевидно, ввиду отсутствия зависимых дворов доход с этой категории земель был значительно ниже, поэтому такого рода землевладельцам разрешалось иметь облегченное вооружение. Низшая категория — мелкие землевладельцы (их наделы не достигали и 40 югеров) составляли пехоту с легким вооружением. Малоимущие и неимущие освобождались от военной службы, вместо участия в военных походах они обязаны были отработками. Военная реформа Айстульфа способствовала утверждению приоритета короля в формировании и использовании войска, но не устраняла особенностей, свойственных народному ополчению. Войско по-прежнему пополнялось лишь за счет привлечения свободных, собственников полных наделов; Айстульф не нашел путей привлечения нового социального контингента. Порядок определения места в войске по имущественному цензу (по величине земельной собственности) показывает, что главным средством приобретения богатства становится земля. Социально-правовая градация в войске служила предпосылкой к иерархической системе несения военной службы.

Военная реформа Айстульфа не только делала войско инструментом проведения королевской политики, но и создавала реальные условия для роста частной власти, для закрепления сословных привилегий феодализирующейся знати, для усиления эксплуатации неимущих свободных, обязанных отработками вместо военной службы.

Укрепление политических позиций лангобардских королей в VIII в. не ослабило власти и влияния терцогов, военачальники превратились в правителей административных округов, крупных землевладельцев с полномочиями публичной власти. Они входили в разряд высших должностных лиц наряду с королевскими чиновниками-судьями (гастальдами). Гастальды к VIII в. тоже превратились в крупных землевладельцев и использовали функции публичной власти в частных интересах. Все высшие должностные лица в королевстве объединялись под одним римским титулом (*vir illustis u vir magnificus*) и входили в состав судей-наместников (*iudices*).

Этот институт политической организации постепенно феодализировался. С одной стороны, расширялись функции пуб-

личной власти, особенно судебной, с другой — создавались предпосылки для роста частного влияния. Усиливается карательная власть судей-наместников, им вменяется в обязанность строить тюрьмы, производить набор войска, им предоставляется право заменять военную службу отработками. Всякое сопротивление или враждебные действия в отношении судей-правителей квалифицировались как государственное преступление. Короли изменяли законы или вводили новые только с ведома и согласия судей-правителей.

Одновременный рост влияния герцогов, тастальдов и других судей-правителей, сближение их на социальной и политической основе затрудняли разграничение их компетенции и юрисдикции, препятствовали созданию центрального управления. Усиление центробежных тенденций в местном управлении заставляло королей шире использовать исполнителей королевских поручений (королевских авторов, посланцев, верных и дружинников-газиндов). Этот институт королевского управления развивался на феодальном принципе вознаграждения землей условно за бенефициальную службу (бенефиций буквально означал «милость», имеется в виду благодарность за службу, выражавшаяся в условном дарении земли).

В VIII в. королевские газинды превратились в привилегированную сословную группу, старшие королевские газинды были приравнены к высшей знати с двойным вергельдом. Таким образом, происходило выравнивание сословно-правового статуса военной аристократии и служилой знати, выдвинувшейся на королевской службе. Качество личности определялось политическим весом и отношением к королевской власти, знатность родового происхождения приравнивалась к особым заслугам перед королем. Газинды составили высший ранг королевской администрации, они получили право суда над своими людьми, право апелляции к королевскому решению, участвовали в центральном и местном управлении как исполнители воли короля.

Политический и правовой статус королевских чиновников связан с развитием вассально-ленных отношений. Лангобардские короли в VIII в. широко пользовались практикой условных дарений и предоставления судебных полномочий без соответствующего контроля центральной власти.

Усиление Лангобардского королевства в VIII в. было временным явлением, столкновение сепаратистских настроений герцогов, тастальдов и других местных правителей с политической королевской властью было неизбежным. Королевской власти не удалось создать единое королевство в Италии. Причина этого кроется не только в сложности политической обстановки, в столкновении претензий на политическое господство со стороны папства, Византии и франкского короля. Внутри

страны по мере феодализации общества и государства развивались центробежные силы. Герцоги и другие представители должностной знати, пользуясь экономическим влиянием, имели все основания для развития частной власти. В VIII в. происходит обострение социально-политических противоречий в среде служилой знати; в организации мятежей, в борьбе за корону искали средство для перераспределения земельных владений и дарений. В результате резкой имущественной и социальной дифференциации свободных, распространения долговых обязательств, займов под залог земли, больших композиций за правонарушения, усиления эксплуатации держателей, притеснений властей возникает атмосфера острых социальных и классовых конфликтов.

Ослабленная внутренними распрями, социальной борьбой и войнами Италия в середине VIII в. являлась легкой добычей для нового завоевателя. Римский папа поощрял стремление франкских королей захватить лангобардские владения в надежде на избавление от опасного врага, каким был лангобардский король. Войны франков в Италии длились несколько лет, Карлу Великому удалось завершить завоевание Северной Италии. Многие представители лангобардской знати бежали к франкам, другие добивались свержения своего короля Дезидерия. Попытку захватить корону предпринял веронский герцог, который разрыл могилу Альбоина, взял его меч и знаки королевского достоинства, чтобы иметь основания для претензий на королевский титул.

К 774 г. лангобардское войско почти не сопротивлялось, оборонялась только Павия. Взятие столицы ознаменовало конец Лангобардского королевства в Италии. Северная Италия была поставлена под управление франкских графов, в Средней и Южной Италии остались византийские владения, церковные патримонии находились под управлением папы, герцогства Сполето и Беневент развивались обособленно.

Политическая раздробленность Италии закреплялась особенностями социально-экономического развития отдельных ее областей и борьбой внешне-политических сил на протяжении нескольких столетий. Влияние германских завоеваний и германского этнического элемента сильно сказывалось только в северных областях. Здесь под значительным римским влиянием за время лангобардского господства сложилось раннефеодальное общество с характерной политической организацией, обеспечившей господство военно-служилой, землевладельческой знати. Впоследствии Северная Италия стала называться Ломбардией, так в названии осталась память о лангобардах, германцах, сыгравших определенную роль в этногенезе населения этой области. Физический тип ломбардца заметно отличался от жителя областей, лежащих к югу; в итальянский язык вошло много слов лангобардского происхожде-

ния. Франкское королевство образовалось на территории Галлии в V в.

Военные предводители франков, короли и герцоги завоевали земли от Рейна до Соммы, а затем между Сеной и Луарой. Продвигаясь к югу, вытеснили вестготов за Пиренеи. В конце V в. возвысился король Хлодвиг (481—511). Дед Хлодвига, король Меровиг, потомок Хлогиона, принадлежал к знатному франкскому роду: он сражался против гуннов в Каталаунской битве, возглавляя отряд франков, римских федератов. По имени своего родоначальника правящая королевская династия получила название Меровингов (V—VII вв.).

В войне с вестготским королем Аларихом II Хлодвиг захватил города Тур и Бордо. Он коварно расправился с другими франкскими королями: приглашенные на пир, они были перебиты дружиной Хлодвига. Рипуарские франки платили трибут королю. Объединяя дружины франков под своей властью, Хлодвиг произвел первую запись обычного права — «Салический закон» (Салическая правда). Ранняя редакция Салической правды относится к 507—511 гг., поздняя — к VIII в. (она была составлена в канцелярии Пипина Короткого в 763—764 гг.), при Карле Великом появились две семьи рукописей (от 798 г. и 802—803 гг.).

Приняв христианство, Хлодвиг приобрел мощного союзника в лице галло-римского влиятельного духовенства. Религия и церковь с тех пор стали прочной опорой королевского авторитета. Франкский историк Григорий Турский рассказывает, что Хлодвиг решил на перемену религии во время войны с алеманнами, когда франкское войско терпело поражение и едва не было уничтожено при отступлении. В надежде, что христианский бог дарует франкам спасение и победу, Хлодвиг вознес свою мольбу богу, и алеманнов удалось якобы обратить в бегство. Король в слезах обратился к богу со словами: «Дай победу и в твою честь будет крещен народ». В 486 г. король и королева приняли крещение от реймского епископа Ремегия, затем они обратились к войску с призывом оставить своих богов и следовать наставлениям епископа. Крещение Хлодвига и его дружины положило начало прочному союзу франкских королей с римской церковью. Христианское духовенство утверждало веру в «божественную избранность» королей, в их наследственное право верховной власти и возможность дать народу военную мощь, правосудие и другие блага. В свою очередь, франкские короли жаловали служителям церкви земли, привилегии, отдавали часть военной добычи. Впоследствии король Хильперик даже стал сетовать на то, что богатства и величие королей перешли к епископам, а королевская казна оскудела: «одни епископы царствуют, одни они наслаждаются величием, мы его уже не

имеем». Сложилась поговорка, отражающая единство господствующей верхушки: «ворон у ворона глаз не выклюет».

О земельном разделе у франков ничего неизвестно. По мнению А. И. Неусыхина, раздела или вообще не было, или он был произведен задолго до составления Салической правды. В Рипуарской правде есть упоминания о наделах, полученных по жребию. Может быть, эти наделы и были аллодами, владениями большой семьи, которые передавались по наследству от отца к сыновьям. В Салической правде такой порядок передачи земли узаконен в титуле «Об аллодах».

В VI в. франкские короли и герцоги ведут широкую завоевательную политику. Были захвачены земли Бургундского королевства и Прованса; признавали зависимость от франков тюринги, алеманны, бавары; платили дань саксы. С 536 г. в состав королевства Меровингов входило герцогство Алеманния с центром в Страсбурге («крепость на дороге»), город лежал на военной дороге в Галлию (в прошлом это римское укрепление называлось Аргенторат). Здесь была герцогская резиденция и епископская церковь. Епископскими центрами стали и другие города Алеманнии: Аугсбург, расположенный на дороге Августа Клавдия в Реции, и Констанц. Большое политическое значение приобрел город Базель (бывшая римская колония на левом берегу Рейна). Герцог Алеманнии считался главой гражданского и военного управления; распоряжения герцога, скрепленные печатью, были обязательны к исполнению. Герцог имел свой штат должностных лиц, которых защищал тройной вергельд. Повиновение герцогу обеспечивал закон о защите «герцогского мира», его нарушение каралось тройным вергельдом или тройным штрафом с конфискацией имущества.

Франкские военачальники со своими дружинами часто совершали походы в Северную Италию, воевали в VI в. против византийского полководца Нарзеса и лангобардов. Богатую военную добычу получали короли Тевдеперт, его сын Гунтрам и внук Хильдеперт²⁵⁷.

Меровинги обменивались посольствами с Византией и другими варварскими правителями, скрепляя военно-политические договоры брачными узами. Теодоберт и Кузупальд были женаты на дочерях лангобардского короля Вакки, правителя Паннонии (около 540 г.), и его второй жены, происшедшей из гепидского королевского рода²⁵⁸. Дочь Хлотаря, самого славного, по мнению лангобардского историка Павла Диакона, из королей франков, была замужем за лангобардским королем Альбоином (ее звали Хлодоинда)²⁵⁹. Сын Хлотаря Сигиберт был женат на вестготке Брунгильде²⁶⁰, от этого брака родился Хильдеберт, сестра которого стала женой сына вестготского короля Леовигильда²⁶¹.

Меровинги не могли добиться политического единства франков, между их предводителями продолжались соперничество и борьба за приоритет, поэтому короли назначали своих сыновей соправителями. Известны имена нескольких франкских королей, которые правили одновременно, например Хлотарь и Сигисберт²⁶². Они подчинили своей власти многие германские племена, в том числе и севов, которым давали свободные места для поселения²⁶³. Сигисберт принял саксов, ушедших из Италии от лангобардов, и те вернулись на свои прежние места за Реной²⁶⁴. Франкские военачальники Левтарис, Бутилин и Аминг, воспользовавшись поражением готов в 553 г., совершили грабительский поход в Италию и опустошили богатые области: Кампанию, Луканию, Апулию, Бруттий²⁶⁵. Эпидемия, начавшаяся в войске франков, остановила их продвижение, франкские вожди были разбиты византийцами, Аминг и Бутилин были убиты, а Левтарий умер, возвращаясь с добычей, на пути между Вероной и Тридентом.

После смерти Хлотаря королевство поделили на четыре части его сыновья, старшим считался Хильперик, который получил резиденцию отца. Сигисберт, правивший в области около Меца, сначала разбил их у Эльбы, но затем получил ответный удар там же, своими силами он отражал натиск аваров в Тюрингии, а саксов в Бургундии, Гунтрам разбил лангобардов в Провансе. Между братьями начались междоусобицы, Хильперик убил своего брата Сигисберта, их сыновья продолжали кровавые распри. В борьбе за корону активное участие принимали женщины, жена убитого Сигисберта Брунхильда. Жестокая война разгорелась между сыновьями Сигисберта и Хильперика, внуками Хлотаря. В одном из сражений пало около 30 тыс. франков²⁶⁶.

В конце VI в., установив дипломатические связи с византийским двором, франкские короли получали щедрые дары из Византии. Они вошли в тесный военно-политический контакт с византийским императором и действовали против лангобардов сообща. С вестготскими королями старались поддерживать дружеские отношения, скрепляя их брачными союзами. Так, Хильдеберт дал свою сестру в жены сыну вестготского короля и при ее содействии способствовал христианизации вестготов. Однако король Леовигильд убил сына, его жена пыталась бежать в Галлию, на родину, но была схвачена, отправлена в Сицилию и там убита. Их сын, внук Леовигильда, был доставлен в Константинополь, и византийское правительство Маврикия использовало сложившуюся ситуацию для того, чтобы заставить франкского короля Хильдеберта направить свое войско в Италию для борьбы с лангобардами²⁶⁷.

Франки под командованием двадцати герцогов совершили несколько походов в Северную Италию в конце VI в. и захва-

тили много крепостей на пути к Вероне²⁶⁸. Однако эпидемия и голод заставили франков вернуться в Галлию. Лангобардский король Автарих заключил союз с франкским королем Гунтрамном, дядей Хильдеберта, чтобы заручиться его поддержкой в войне с Хильдебертом. Между тем Хильдеберт убил лангобардских послов, прибывших с предложениями о мире²⁶⁹.

Хильдеперт претендовал на гегемонию, он добился утверждения королем баваров своего ставленника, вел войну с аварами и своим двоюродным братом (сыном Хильперика). После его смерти (король был отравлен женой) правила мать Брунгильда с внуками Теодобертом и Теодориком. Впоследствии она захватила владения Гунтрамна. Хотя междоусобицы продолжались и в VII в., франки уже безраздельно владели Галлией, писатели VIII в. называли эту страну Францией²⁷⁰. При сыновьях внуков Хлотаря происходили кровопролитные сражения с большими потерями, походы в Италию временно прекратились, и франкские короли заключили мир с лангобардским королем Агилульфом. Договор был подкреплён обручением дочери франкского короля Тевдиперта с сыном лангобардского короля Агилульфа (Адалоальдом)²⁷¹.

Вторжения франков в Северную Италию возобновились в середине VII в. В 662 г. франкское войско потерпело поражение от лангобардского короля Гримоальда около Асти на пути из Турина в Павию.

Отношения с лангобардами обострились из-за того, что франки дали убежище Перктариту, сопернику Гримоальда. Лангобардский король предложил королю Дагоберту мир, и в 675 г. он был заключён²⁷². Политический мотив соглашения обнаружился тотчас же, ибо Перктарит не замедлил бежать в Британию, чтобы найти убежище у англосаксонского короля.

Франкские короли из династии Меровингов не смогли создать прочного государственного единства, их военные предводители (герцоги) пользовались большим влиянием и осуществляли функции управления в войске и на завоеванных территориях. Тогда на монетах даже не ставили имени короля, денежные единицы (солиды) отмечались особым знаком и именем монетчика. На обширной территории Франкского королевства в VI—VII вв. образовались крупные самостоятельные герцогства: Аквитания, Бургундия, Алеманния. Титул герцога в те времена был ничуть не ниже титула короля. Реальное значение власти герцогов в отдельных этнических областях было несоизмеримо сильнее королевской. Алеманская правда, например, показывает исключительную полноту полномочий герцога, отиравшегося в управлении на церковь и своих должностных лиц.

В конце VII в. королевская власть у франков утратила всякое значение. По словам историка Павла Диакона, франкские короли уже не соответствовали своему положению и не обладали обычным для королей достоинством²⁷³. Власть захватили управители королевских резиденций — мажордомы, которые стали действовать от имени короля как наместники. Один из первых — мажордом Арнульф (впоследствии он стал епископом). Его сын Анхиз тоже был мажордомом и правителем франков, его имя было широко известно в VIII в.²⁷⁴ Самый могущественный мажордом из восточных областей франков (из Австразии) — Пипин разбил своего соперника, мажордома Нейстрии. Он прославился необычайной храбростью и воинственностью и держал в страхе своих недругов²⁷⁵. Пипин II Геристальский решительно расправлялся со своими соперниками, совершил поход за Рейн, вел войны с саксами и фризами. Он стал родоначальником новой династии, которая правила у франков с VIII по X в. и известна под названием Каролинги (по имени главного представителя — Карла Великого).

Сын Пипина Карл выделялся среди братьев энергией, волей, твердым характером, стойкостью духа, воинской доблестью и унаследовал власть и положение отца. Возвышению Карла предшествовала длительная борьба с главным противником — Рагинфридом. Последний был разбит в нескольких сражениях и вынужден был уступить Карлу все свои владения, за исключением одного города-крепости — собственной резиденции. Так, в 715 г. Карл стал правителем франков. В то время из-за Пиреней наступали арабы, которые быстро продвигались в глубь франкской территории. Войска Карла разбили арабов при Пуатье в 732 г., а затем у Нарбонна в 737 г., за эти победы Карл получил прозвище Мартелл (молот — боевой топор). Арабы между тем дошли до Прованса и захватили Арелат (Арль). Тогда Карл направил к лангобардскому королю Лиутпранду посольство со щедрыми дарами и просьбой о помощи. В подтверждение дружеских отношений и вечного мира Лиутпранд в 738 г. усыновил сына Карла Пипина, по обычаю того времени с вручением оружия²⁷⁶. С помощью лангобардов франкское войско изгнало арабов из Прованса и Аквитании, и эти области вновь вошли в состав франкского государства.

Междоусобицы и военные походы обогащали франкскую знать, усиливали ее политическое влияние. Свободные крестьяне-общинники, наоборот, разорялись и не в состоянии были приобретать тяжелое вооружение для военной службы.

В целях укрепления боеспособности войска Карл Мартелл провел военную реформу. Широкими пожалованиями земли за военную службу была создана рыцарская конница. Сословие военно-служилых людей вошло в состав феодально-гос-

поддѣствующаго класса наряду с военной и церковной знатью, которая к тому времени утвердила свое политическое влияние на большей части захваченной территории. Между различными слоями землевладельцев была установлена феодальная иерархия. Общественное положение и политический статус определяли размеры и характер земельных пожалований. Светские и церковные магнаты (крупные землевладельцы, имевшие земли на основе дарений в безусловную собственность с правом наследственного владения) были обязаны являться на войну во главе своих зависимых людей, которых содержали и вооружали на средства собственного феода (владения по праву наследования). На магнатов была возложена обязанность принуждать к несению государственных повинностей тех свободных, которые проживали на их землях. Это давало землевладельцам большие полномочия политической власти и стало источником внеэкономического принуждения и усиления децентрализаторских тенденций в раннефеодальном обществе.

Ф. Энгельс отметил особое значение реформы в развитии феодальных отношений. Ее действие было обратным замыслом: «Этот переворот — важнейшее деяние Каролингской династии. Он замечателен опять-таки тем, что, будучи применен как способ объединить государство, навсегда привязать магнатов к трону и усилить таким путем королевскую власть, он, в конце концов, привел к полнейшему бессилию короны, к независимости магнатов и распаду государства»²⁷⁷.

Пипин Короткий (741—768), наследник Карла Мартелла, старается укрепить свое положение и поднять политический престиж правления принятием королевского титула. После коронации и помазания, обряда, совершенного по указанию папы в 751 г., утвердился взаимовыгодный военно-политический союз франкского короля с римской церковью. Пипин совершил два похода в Италию и передал папе освобожденные от лангобардов области в Средней Италии. Таким образом, было создано церковное папское государство, в котором папа стал независимым светским государем.

Относительное усиление Франкского государства произошло во время правления Карла Великого (768—814). Карл продолжал активную завоевательную политику, сам участвовал во многих походах. В 774 г. он окончательно разгромил Лангобардское королевство в Италии, подавил мятеж фриульского герцога в 776 г. и образовал на завоеванной территории Фриульскую марку, а всю Ломбардию поставил под управление франкских графов. В результате нескольких походов против арабов за Пиренеи была образована Испанская марка. Особенно трудными были войны на востоке, военные походы продолжались с перерывами более 30 лет (772—804). На землях от Рейна до Эльбы жили многочисленные племена

на саксов и славян. В VIII в. у саксов интенсивно шел процесс социальной дифференциации, родо-племенная знать (эделинги) отстаивала свои привилегии и обогащалась за счет эксплуатации полусвободных летов, однако свободные общинники-землевладельцы (фрилинги) еще составляли основное ядро саксов. Они упорно сопротивлялись натиску франков, защищая свои права и языческие традиции. Историк Эйнхард назвал войну с саксами самой тяжелой и жестокой для франков. Саксонские князья, стараясь сохранить свои привилегии, пошли на союз с франками, некоторые из них были назначены графами (наместниками с функциями управления) и приняли христианство.

Католическая церковь получила в завоеванных областях земли и зависимых людей из числа покоренных саксов. Духовенство стало взимать десятину и насильственно принуждало саксов принять христианство.

Фрилинги были обязаны повинностями новым франкским землевладельцам и их союзникам из числа саксонской знати. Десять тысяч саксов вместе с семьями и всем домашним хозяйством были переселены с берегов Эльбы в другие места, на земли франкской знати. На всем пути следования королевского войска Карл устраивал дороги с доменами (господские дворы-поместья) вокруг пунктов его остановки. В борьбе с саксами Карл столкнулся со славянами, жившими в бассейне Эльбы: с ободритами и вильцами. Некоторых он привлекал в качестве союзников против саксов и аваров.

Таким образом, к концу VIII в. Франкское королевство значительно расширило свои границы, в его состав вошла вся территория Галлии, западные области Германии от Рейна до Эльбы, Северная Италия и часть Северной Испании. Территориальный рост королевства дал повод Карлу претендовать на титул императора. Идея восстановления Римской империи служила идеологическим обоснованием возвышения королевской власти. Карл Великий четыре раза был в Риме. Во время последнего посещения в 800 г. он оказал помощь и поддержку папе, которому его политические противники нанесли тяжкое оскорбление и физическое увечье, выколол глаза и отрезав язык. Целую зиму провел Карл в Риме, и папа во время рождественской службы в соборе св. Петра возложил на голову франкского короля императорскую корону. На церемонии Карл был облачен в римские одежды, на нем были длинная туника, тога и римские сандалии. Однако эта церемония была настороженно встречена в Константинополе, только в 812 г. этот акт признал византийский император и согласился называть Карла братом.

В зарубежной историографии имели место преувеличенная оценка централизации и военно-политической мощи империи Карла Великого, попытка представить ее тотализиро-

ванным государством, прообразом европейского сообщества. Исторические события показывают, что политика Карла Великого, хотя и была нацелена на усиление власти всеми средствами политического и идеологического воздействия, тем не менее не привела к созданию прочного централизованного государства. Об этом говорит факт распада империи и длительных междоусобиц, начавшихся после смерти Карла Великого.

Централизаторские тенденции в политике конца VIII — начала IX в. объясняются, с одной стороны, стремлением франкской знати к новым территориальным захватам путем организации мощных военных кампаний, с другой стороны — незаурядной личностью самого правителя. Оба обстоятельства обеспечили длительность правления Карла Великого (47 лет, 768—814 гг.) Карл Великий был энергичным, волевым человеком и дальновидным политиком. Он обладал умом, выдержкой и твердостью духа, не отступал перед трудностями. Он одинаково способствовал укреплению политического престижа государства и культурному развитию общества. С уважением и покровительственно относился к наукам и искусству. Сам занимался воспитанием своих детей, показывая образец сословного подхода к целям образования. Сыновей обучал верховой езде, охоте и владению оружием, а дочерей привлекал не только к прялке и веретену, но и к занятиям наукой и поэзией. Специальные королевские указы (капитулярии) предписывали обучать наукам в монастырях, организовывать школы для мальчиков, дабы учились в них «смирненно и ревностно» чтению, пению, счету. Епископские церкви и монастыри должны были позаботиться о своих библиотеках и иметь исправленные учебные руководства по грамматике и арифметике, ноты, псалмы и другие богослужебные книги.

Карл держал большой двор, отличался благочестием и щедростью в отношении к епископам, торжественно и с пышностью принимал иностранные посольства. Высокий, крепкий, с живыми глазами, обладавший высоким искусством верховой езды, он появлялся всегда в сопровождении большой свиты. Его торжественная одежда подчеркивала особое положение короля. Карл носил золототканый камзол и плащ, подбитый мехом, на ногах башмаки с драгоценными камнями, золотая корона с украшениями венчала фигуру императора. Король много внимания уделял делам управления, сам говорил ясно и точно, изучал языки, грамматику, риторику, астрономию, но по-латыни писал с трудом.

Центральное управление носило двойственный характер. Многие дела король старался решать лично, во время одевания, хотя при короле действовал совет знатнейших, с которыми он всегда совещался. При королевском дворце оформил-

ся штат высших должностных лиц. Короли хранили свой драгоценности, сокровищницу в спальне, к которой примыкала гардеробная комната. Ближайшие слуги короля, которые всегда сопровождали его, хранили и перевозили его сокровищницу, архив, гардероб, входили в штат дворцовой палаты на правах первых советников короля. Палатный граф фактически замещал императора, исполняя функции верховного судьи, архиканцлер ведал королевской канцелярией (вел переписку и подготовку королевских постановлений), камерарий — казной, коннетабль (конюший) — королевской конницей.

При Каролингах была регламентирована чеканка монеты. Согласно капитулярию Карла Лысого (864) казна выдавала серебро монетным дворам, которые в установленный срок возвращали в казну серебряную монету по весу.

Местное управление находилось в руках графов. Вначале это были представители короля на местах, за выполнение административных функций они получали 1/3 доходов с графства, считавшегося первоначально административной единицей. Постепенно должность графа феодализировалась. Граф становился землевладельцем в своем графстве и сеньором, обладавшим политической властью над всем населением округа. Сотенные судебные собрания под председательством выборного тунгина при участии выборных представителей (рахинбургов) утратили прежнее значение. Графы вершили суд сначала совместно с представителями сотенно-территориального управления (сотниками, тунгинами), а затем со скабинами, выборными представителями от местных землевладельцев. Скабины заменили выборных рахинбургов времен Меровингов и стали должностными лицами, судьями под контролем графов.

Карл Великий старался поставить местное управление под свой строгий контроль, он лично назначал графов, епископов. Со временем должность графа стала переходить по наследству, графы действовали самостоятельно, не считаясь с королевскими распоряжениями. Чтобы ограничить произвол графов, король направлял в графства своих посланцев, королевских чиновников с особыми поручениями для контроля за графами, но обуздать их своеволие и влияние на местах не удавалось.

На развитие государственных институтов большое влияние оказывала римская система управления. Это сказывалось в языке, в терминологии, в организации придворных ведомств, тем не менее преодолеть децентрализаторские тенденции было трудно. Усиливалась реальная политическая власть крупных землевладельцев, которым предоставлялись иммунитетные грамоты, освобождавшие их владения от вмешательства королевских чиновников в дела управления. На основании та-

ких грамот землевладельцы получали право сбора налогов, право вершить суд, набирать войско.

Усиление феодализирующейся верхушки франкского общества и политика раннефеодального государства, направленная на защиту ее интересов, привели к разорению и установлению зависимости большинства свободных франкских общинников. Они уже не могли, как прежде, служить в войске, так как эта служба требовала больших затрат на вооружение и содержание воина. Карл Великий вынужден был реорганизовать порядок набора войска. Война, участие в походах стоили очень дорого, надо было иметь боевого коня и вьючное животное; вооружение наступательное и защитное стало железным и тоже требовало больших затрат (воинов Карла Великого называли «железными людьми»). Специальный капитулярий предписывал графам: следить, снаряжены ли воины копьём, щитом, луком с двумя тетивами и двенадцатью стрелами. Никому уже не разрешалось выступать в поход с дубиной. В 825 г. был дан приказ воинам: приносить с собой все боевое снаряжение и одежду на один год, съестные припасы до нового урожая. Приобретение боевого коня становилось не под силу многим крестьянским хозяйствам, большинство крестьян не имели лошадей, так как для полевых работ пользовались волами или коровами. Карл разрешил являться для военной службы только владельцам четырех и более земельных наделов, т. е. наиболее состоятельным крестьянам, остальные сообща выставляли одного воина (трое владельцев полного надела, шесть владельцев половинных наделов, безземельные вшестером снаряжали одного воина и давали ему 5 солидов). Налог, взимаемый вместо военной службы, — герибанн — соответствовал расходам на снаряжение воина и равнялся 60 солидам, в противном случае грозила кабала. О реальной величине этого налога можно судить по ценам: в VIII—IX вв. корова стоила 1 — солид, вол — 2 солида, кобылица — 3 солида, шлем — 6 коров, латы — 12 коров, поножи — 6 коров (итого 24); меч с ножнами — 7 коров, копьё и щит — 2, боевой конь — 12 (итого 24). Всего, следовательно, 45 коров или 15 кобылиц, что равнялось 45 солидам. К этому следует прибавить продовольствие, повозку с упряжью. Налог в 60 солидов равнялся стоимости половинного надела или 1/3 богатой усадьбы с землей. К началу IX в. цены возросли вдвое, стоимость сельского двора-усадьбы колебалась от 20 до 200 солидов.

Изменения в социальном положении свободных франков завершились образованием двух основных классов феодального общества: свободные общинники оказались в зависимости от землевладельцев и обязаны были различного рода повинностями. Крупные земельные магнаты и военно-служилые люди жили за счет эксплуатации держателей-крестьян, си-

девших на их землях. Свободные, сохранившие статус собственников-землевладельцев, обязаны были уплатой налогов и подчинялись судебной и административной власти крупных землевладельцев, т. е. тоже попадали в сферу внеэкономического принуждения.

Историк Эйнхард сообщает о намерении Карла провести унификацию права, исправив записи старого обычного права салических и рипуарских франков. По его приказу были собраны и записаны обычные нормы права различных народов, живших в пределах Франкской империи, однако эта работа не была завершена. В дальнейшем феодальная раздробленность помешала осуществлению начатого дела и в отдельных княжествах надолго сохранилось действие местных обычаев, установленных в соответствии с порядками вотчинных владений.

Карл Великий придавал большое значение идейно-политическим основам укрепления королевской власти. При его дворе работали историки (летописцы и биографы), которые в своих сочинениях подчеркивали божественное происхождение власти короля, древней традицией доказывали исключительные права короля над народом. Велась переписка старинных варварских песен, в которых воспевались деяния и военные подвиги древних королей. Надпись на гробнице Карла Великого содержит прославление величия короля, опиравшегося на христианскую церковь.

Империя, созданная завоевательной политикой Карла Великого, не преодолела глубоких внутренних противоречий. Может быть, еще при жизни Карл понял неотвратимость грозящей катастрофы и поэтому сам возложил императорскую корону на голову своего сына, надеясь избежать смут.

Его сын Людовик характеризуется современниками как мягкий и безвольный человек. Вероятно, эти качества, сурово осуждаемые в те времена постоянной и напряженной борьбы за гегемонию в королевской семье, развились в нем под влиянием политической ситуации, в которой все сильнее нарастали центробежные тенденции. Уже в 817 г. король разделил империю между своими сыновьями. Жестокая расправа с племянником Бернардом Италийским была воспринята знатно как унижение, умаление королевского достоинства (одержав победу, король приговорил своего противника к смерти, но заменил приговор выжиганием глаз; в ходе этой казни Бернард умер, а Людовик принес публичное покаяние).

Сыновья Людовика враждовали с отцом и между собой в течение нескольких десятилетий, наконец, в 842 г. в Страсбурге был заключен союз Карла и Людовика против Лотаря, данная ими клятва была произнесена и записана на двух языках: романском и тевтонском. В 843 г. в Вердене внуки Карла Великого подтвердили фактический раздел империи. Этот

раздел знаменовал собой рождение новых государств и народностей: королевство западных франков стало ядром будущей Франции, восточнофранкское королевство (земли за Рейном) впоследствии разделилось на несколько германских княжеств, средняя часть включала земли между Рейном, Маасом и Шельдой (из них образовалась Лотарингия), Бургундию и Северную Италию. Западная половина империи досталась Карлу Лысому, восточная — Людовику Немецкому, средняя — Лотарю. В дальнейшем производились новые разделы, приводившие к возникновению обособленных феодальных княжеств.

АНГЛОСАКСОНСКИЕ КОРОЛЕВСТВА В БРИТАНИИ

В середине V в. Британия была завоевана германскими племенами, переселявшимися с побережья Германского (Северного) моря. Англы, саксы, юты отчасти подчинили местные кельтские народы (пиктов, скоттов, бриттов), отчасти вытеснили их из долины Темзы на запад, в Корнуолл и Уэльс. Часть бриттов переселилась на полуостров в северо-западной Галлии (Арморик) и дала новое название этой области — Бретань. Скотты еще в IV в. переселились из Ирландии на север Британии, и эта часть ее (Каледония) стала называться соответственно новому этнониму — Скотия (Шотландия). Таким образом, в Ирландии, Шотландии, Корнуолле, Уэльсе кельтская культура имеет глубокие корни.

В VI—VII вв. в юго-восточной и центральной Британии образовалось несколько англосаксонских королевств, из них семь наиболее значительных. Римское влияние здесь ограничивалось лишь небольшой областью на юге Британии, оно сильнее сказывалось в Кенте. Местное кельтское население продолжало сохранять приверженность традициям родового устройства, и это стало причиной устойчивости территориальной общины, которая складывалась после англосаксонского завоевания в VII в.

Англосаксонское завоевание имело длительный характер, оно продолжалось целое столетие. Войско англосаксов со своим боевым кличем «Белый дракон» продвигалось вдоль Темзы, преодолевая упорное сопротивление местного населения. Бритты храбро защищались, поднимали восстания, переходили в наступление, одерживали победы. Многие, не желая подчиниться завоевателям, укрывались в лесах, бежали в горы и за море.

Римская церковь вела активную миссионерскую деятельность по христианизации британского населения. Англосаксонские короли нашли в ней верного союзника и с помощью духовенства усиливали свое влияние на завоеванной терри-

тории. В 597 г. англосаксонские короли официально приняли христианство. В 634 г. папа Гонорий I разделил Британию на два церковных диоцеза: северный с центром в Йорке и южный с резиденцией епископа в Кентербэри. В 636 г. миссионер Бирин ввел на юге Ирландии католическое богослужение. Ирландские миссионеры сыграли значительную роль в распространении христианства, однако позиции язычества были еще сильны. Бритты продолжали борьбу с англосаксами, опираясь на языческие традиции. В 633 г. в ходе восстания был убит англосаксонский король Нортумбрии Эдвин. Его наследник Освальд подавил языческий мятеж и покровительствовал миссионерской деятельности ирландского католического духовенства. В результате такой политики христианство распространилось далеко на юг, вплоть до Эссекса и Кента. В 699 г. папский посланник монах Теодор по поручению папы Виталия провел реорганизацию церкви в Британии по римскому образцу.

В ходе англосаксонского завоевания началось этническое и политическое сближение англосаксов с бриттами. При записи обычного права (самая ранняя — Правда кентского короля Этельберта была обнародована в 596 г.) англосаксонские короли признали социально-политический статус бриттов. В правде короля Уэссекса Инэ (688—726) вергельд бритта классифицируется по трем категориям, по сравнению с завоевателями этот вергельд в два раза ниже. Бритты занимают низшее положение, они платят оброк, вергельд безземельного бритта был равен цене раба, в то же время бритт на королевской службе приравнивался вергельдом к свободному англосаксу. Согласно правовым представлениям германских завоевателей покоренные народы должны иметь особый статус, поэтому бриттов и рассматривали как зависимых людей. Англосаксонское законодательство завершают Правда короля Альфреда Великого (IX в.) и законы его внука короля Этельстана (925—940). Ранние законы содержат шкалу штрафов за причинение ущерба личности и имуществу свободного, они устанавливают вергельд вместо действия кровной мести. Последующие законы показывают эволюцию общества и процесс феодализации.

Зависимое положение в англосаксонском обществе занимали литы. Литы жили в своих домах, вели собственное хозяйство на своей земле, т. е. в имущественном отношении были самостоятельны. Они сами несли ответственность за совершенные преступления и проступки, не подвергались телесным наказаниям как рабы, возмещая штрафом ущерб. Литы обладали известной правоспособностью, могли лично выступать обвинителями в судебном процессе. Отпущенный перед алтарем становился полноправным свободным. Много литов появилось из местного кельтского населения, в основном из этих

слоев формировался класс лично-зависимых крестьян-держателей, которые становились крепостными. Были у англосаксов и дворовые рабы, которым давали небольшие земельные участки, они тоже становились зависимыми крестьянами (коттерами).

В VII—VIII вв. в Британии утвердилась гептархия, семи-властные королей англов (Мерсия, Нортумбрия, Восточная Англия), саксов (Уэссекс, Сессекс, Эссекс), ютов (Кент). Наиболее сильными в VIII в. были уэссекские короли, они много воевали и заняли обширные области к северу и югу от Винчестера.

В начале IX в. король Экберт сделал попытку объединения англосаксонских владений. Экберт (800—836) установил гегемонию над другими англосаксонскими королями и принял титул «британский властитель». Необходимость объединения была продиктована борьбой с вторжениями скандинавских вождей-викингов, которые во главе морских дружин начали завоевания в северо-восточной части Британии. Здесь скандинавов называли датчанами, их завоевания продолжались до XI в. В результате вторжений датчан на территории Англии возникла целая полоса новых поселений, живших по датскому праву, впоследствии датчане ассимилировались с англосаксами и подчинились их культурно-языковому влиянию.

Англосаксонские королевства VII—IX вв. были ранними государственными образованиями, в рамках которых шел процесс классовообразования и складывания раннефеодальной структуры общества. Англосаксонская знать (эрлы) выделялась двойным или тройным, а позже еще более высоким вергельдом по сравнению с основной массой свободных общинников-землевладельцев (кёрлы). Англосаксонские поселения на юго-востоке страны состояли из 100—140 дворов, в Кенте они были малочисленнее и имели по 40—50 дворов. Жители сеяли рожь, пшеницу, ячмень, овес. Дубовые и буковые леса давали обильный корм для свиней. На общинных пастбищах пасли овец, лошадей, крупный рогатый скот. Занимались птицеводством, садоводством, бортничеством и рыболовством. В усадьбе керла стоял дом, имелся двор с хозяйственными постройками, огород, фруктовый сад, пчельник. Земельный надел керла (гайда), хотя и был частью общинной собственности (фолькланда), в VII в. стал семейным, наследственным владением, который передавался по наследству только сыновьям. Усадьба керла была обнесена изгородью, в хозяйстве жили и работали рабы и полусвободные литы. Зависимые, принадлежавшие керлам, оценивались в два раза ниже, чем зависимые люди знатных (эрлов), проживавшие в усадьбе. За убийство лэта, самостоятельно ведущего свое хозяйство, следовал повышенный штраф (от 40 до 80 шиллингов), за

дворовых латов платили от 6 до 12. В Правде Этельберта представлены латы трех категорий с соответствующей оценкой в 40, 60 и 80 шиллингов.

Величина вергельда свободного зависела от числа земельных наделов (гайд — позже гайда — стала единицей измерения, определявшей величину налогового обложения). В Уэльсе владелец 5 гайд имел тройной вергельд, а вергельд безземельного приравнивался к стоимости раба. Сородичи участвовали в уплате и получении вергельда, они должны были доставлять пропитание в тюрьму, весь род принимал на себя тяжесть кровной вражды и ее возмещения. Отцовский род давал опекуна. Такие порядки, основанные на признании кровного родства, сохранялись в течение VII—IX вв. Местное население занимало подчиненное положение, и вергельд соответственно понижался (в Уэльсе, например, вдвое).

Ввиду незначительного римского влияния, а в ряде областей его полного отсутствия процесс дифференциации и возникновения феодальной собственности шел медленно. Замедленность развития объясняется также силой влияния кельтской общины с прочными родственными узами и прочностью англосаксонской общины, долго сохранявшей народное право на земельную собственность (фольклэнд). Наделы пахотной земли лежали чересполосно и были разбросаны в двух-трех полях. Весной, после посева, их огораживали, а осенью изгороди снимались, и пастьба была открытой, общей по жнивью; таким образом, все поле отдавалось под общее пастбище. Луга до сенокоса обносили временными изгородами. Леса, реки, озера, болота, соляные залежи были общинной собственностью. За произвольную порубку леса штраф поступал всей общине, а не отдельному владельцу. Аллод, как свободноотчуждаемая собственность, складывается только к IX—X вв. Свободные общинники составляли войско, которое по-прежнему оставалось народным ополчением. За неявку в него керл платил штраф в 30 шиллингов. Признание правоспособности и охрана личности свободного керла составляют основное содержание англосаксонских правд. В них много говорится о праве ношения оружия, об участии в судебных собраниях, об обязанностях платить натуральный налог с надела, церковную подать, выполнять государственные повинности (починка дорог, мостов, сооружение укреплений).

Кровнородственные связи долго считались определяющими в семейном праве и судопроизводстве. Родственники, например, обязаны были заплатить половину вергельда в случае бегства убийцы, их сородича (Правда Этельберта, 23). Свободная женщина обладала имущественными правами, владела половиной имущества умершего мужа, если имела ребенка (Правда Этельберта, 78); если она не имела детей, то ее иму-

щество получали ее родственники по отцу (Правда Этельберта, 81).

Развитие индивидуального хозяйства свободного общинника вело к появлению имущественного неравенства. Имущественная дифференциация керлов усиливалась с введением налогов. Среди судебных казусов встречаются ситуации, характерные для раннеклассового общества: один снабжает другого оружием, штраф за продажу свободного в рабство уплачивается в меру его платежеспособности. Суровы законы в отношении неплательщиков церковной подати: 12-кратный штраф. Известны случаи закабаления за неуплату государственных налогов или штрафов. Вводятся законы, регулирующие долговые обязательства, отработку ссуды. Появляется категория поземельно-зависимых керлов, которые вынуждены брать под обработку землю с условием уплаты оброка, зачастую с исполнением барщины (Правда Инэ, 67). С VII в. вводятся наказания за невыполнение военной службы. Дружинники за отказ от службы теряли землю и платили штраф в 120 шиллингов, а безземельные обязаны были штрафом в 60 шиллингов. Керл за неявку в войско карался штрафом в 30 шиллингов (Правда Инэ, 51).

Процесс расслоения керлов усиливается в IX—XI вв., когда земельные наделы стали отчуждаемыми. Развитие королевской власти, обусловленное завоеванием и господством над местным населением, способствовало ограничению общинных прав на землю. С VII в. короли широко пользовались своим правом представлять народ и распоряжались общинной землей, делая щедрые пожалования земли. Путем королевских дарений земля из общинной (фольклэнд) превращалась в частновладельческую, предоставленную по грамоте (бокленд) за военную службу и свободную от всяких повинностей королю. В грамотах VII—VIII вв. уже встречаются дарения общинных угодий. В 716 г. король Этельбалд, например, пожаловал землю одному монастырю в бокленд и оговорил право монастыря пользоваться общинными пастбищами. Постепенно наступление на общину усиливается. Часть земель, пожалованных в бокленд, была расположена чересполосно в общинных полях.

Дарение общинных угодий, пустошей и захват собственности отдельных общинников вели к образованию господской части вотчины и развитию отработочной ренты; барщина широко распространяется с конца VIII — начала IX в.

Земля, пожалованная в частную собственность, освобождалась от всех королевских поборов и служб за исключением тройной повинности, т. е. военной службы, ремонта мостов, строительства укреплений. Так складывались вотчинные владения королей, дружинников, католической церкви и знати.

С VIII в. развивается дарение с предоставлением иммунитета: землевладельцу передается право сбора налогов и суда.

Англосаксонские дружинники (высшие, королевские вассалы — тэны и остальные — гезиты) превращались в привилегированное военно-служилое сословие землевладельцев, которые жили за счет эксплуатации крестьян, обрабатывавших их земли. Вначале служилые люди не имели особого вергельда, их высокое общественное положение отмечалось другими признаками: правильность своих показаний в суде они подтверждали присягой, в то время как свободный керл должен был представить еще четырех свидетелей. Гезиты были обязаны платить более высокие штрафы, что подчеркивало их более значительное общественное положение. Впоследствии вергельд дружинника устанавливался по величине земельного владения. В IX в. в ходе сближения служилых людей высокого ранга с родовой знатью происходит дифференциация их социального статуса соответственно имущественному положению.

Феодальным собственником земли стала и церковь. Она получила большие привилегии: ее земли освобождались от налогов, имущество защищалось от похищений трех-шести-девяти-двенадцати-кратными штрафами (по Правде Этельберта даже королевское имущество охранялось девятикратным штрафом, — Правда Этельберта, 2). Церковь приобрела особое политическое влияние: цена церковного мира вначале равнялась цене мира в народном собрании (Правда Этельберта, 1), а затем королевскому имуществу, т. е. нарушение законов и установленного порядка карались равным образом, как и преступления против короля. За работу в воскресенье свободный наказывался утратой свободы, за неуплату церковных податей следовал 12-кратный штраф (Правда Инэ, 4). По законам Этельстана (X в.) церковная десятина признана обязательной.

Церковь имела право убежища, следовательно, могла использовать в своих интересах людей, прибегнувших к защите алтаря. Слово епископа, подобно королевскому, объявлялось священным и для его подтверждения не требовалась клятва. Представители высшего духовенства входили в королевский совет («Совет мудрых»), который имел широкие полномочия: избрание королей, утверждение королевских пожалований, решение вопросов войны и мира, принятие законов.

Благодаря пожалованиям в бленд господствующая англосаксонская верхушка приобретала не только землю, но и различные привилегии материального и политического свойства: сбор податей, частичную уголовную юрисдикцию с взиманием судебных пошлин и штрафов. Король мог жаловать по грамоте любую территорию, на которую распространялось королевское налоговое и судебное право. Пожалование в бок-

ленд права собирать государственные налоги или вершить суд открывало перед землевладельцем-феодалом возможность захватить свободную деревню, присвоить ее подати и доходы, а в дальнейшем укрепить власть над крестьянами и превратить их земли в свою собственность. Бокленд наносил тяжелый удар по общине и вел к ее закрепощению. Королевский налог постепенно превращался в феодальную ренту (доход, который с общины взимал феодал). В IX в. оброк состоял из меда, пива, овец, свиней, печеного хлеба. Разорившемуся керлу землевладелец давал двор, вместо оброка обязывал его барщиной.

Росла тяжесть обложения крестьян, усиливалась и судебно-административная власть феодала, он взимал штрафы, судил и назначал наказания. С пожалованием земли в бокленд земельный надел свободного общинника превращался в условное держание, за право владения которым держатель нес повинности. Закрепощение общины усилилось в период датских набегов. Однако в северо-восточной Англии сохранялось еще много свободных крестьян.

Войны разоряли крестьянское хозяйство, увеличивали повинности свободных, которые обязаны были постройкой бургов, мостов, дорог, несением сторожевой и военной службы в ополчении, уплатой специального королевского налога («датские деньги»). Земельные наделы (гайды) стали мельчать, некоторые крестьяне владели только $\frac{1}{4}$ надела. В IX—X вв. ужесточились наказания за кражу. В законах Этельстана (925—940) большое место занимают охрана скота от угона, наказания за преступления против собственности. Ни один вор старше 12 лет, укравший на сумму свыше 8 пенсов, не получал пощады. Свободных женщин за воровство сбрасывали с утеса в море или топили. Рабов, уличенных в краже, забивали до смерти их сотоварищи, рабынь сжигали в огне.

С углублением социальной дифференциации и возникновением поземельной зависимости крестьян развивается институт частного покровительства. Крупные землевладельцы становятся покровителями — глафторами или лордами своих держателей, разорившихся свободных, всех, кто искал защиты и поддержки, материального обеспечения. По законам Этельстана каждый свободный должен был иметь своего покровителя — лорда, родственники обязаны были каждому найти глафтора (лорда-господина) в народном собрании. Сведомо элдормена графства надлежало всюду следовать за своим глафордом. Против глафтора нельзя было идти с оружием даже на защиту своего кровного родственника (Правда Альфреда, 42, 6). Любое насилие, совершенное с помощью оружия по приказу глафтора, считалось законным, потерпевший не имел права отмщения (Правда Альфреда, 42,5).

Отношения личного подчинения создавали целую систему феодального управления, при котором землевладелец-гла-

ффорд исполнял функции охраны общественного порядка. Он отвечал за поведение людей, находившихся на его земле и под его частным покровительством. Лорды получили юрисдикцию над свободным и зависимым населением своей вотчины, часть судебных штрафов, право на взимание натуральных или денежных сборов, королевского налога, на некоторые личные повинности. Лорды были ответственны за несение воинской повинности. В систему феодального поместья включаются свободные села.

С X в. феодальное поместье (манор) становится не только вотчиной, но и единицей местного управления, центром которой была манориальная курия.

Закрепощение свободного крестьянства и военная угроза заставляли военно-служилую знать мириться с усилением королевской власти и политическим объединением страны. В VII в. королевская власть была еще довольно слабой, а государственность неразвитой. В ранних англосаксонских законах не было упоминаний о должностных лицах, о королевском суде. Оскорбление короля (имелось в виду неповиновение его распоряжениям) каралось штрафом как любое другое оскорбление в отношении частного человека. В Нортумбрии даже в X в. вергельд короля (вдвое выше, чем эрла) в половинной доле принадлежал народу.

Власть короля зависела от воли высшей знати. Совет знати состоял из членов королевского рода, королевских дружинников (тэнов), аббатов, епископов, элдорменов (военных вождей). Уитаны, члены «Совета мудрых», избирали короля. Короля короновали шлемом и совершали церемонию помазания на царство. Король давал присягу «блюсти церковь и весь свой народ в мире, не допускать грабительских действий и несправедливости, быть правосудным и милосердным в своих приговорах». Послушание королю предписывалось как религиозный долг.

В «Совете мудрых» составляли законы, решали вопросы войны и мира, раздачи земли в бокленд, вершили суд. Совет по количеству членов был небольшим, он собирался обычно в каком-нибудь охотничьем доме или в зале королевского двора-поместья. Этим аристократическим собранием руководили духовные лица, созывали собрания в дни христианских праздников (пасхи, троицы, рождества).

Низшей административной единицей было село с сельским сходом (галимот). Староста избирался на сходе, позже назначался королем. В компетенцию схода входили хозяйственные вопросы, имущественные сделки, раскладка налогов. Сотенные собрания с судебно-карательными и административно-фискальными функциями сохранялись до IX в. Во главе сотен стояли выборные старшины, затем королевские должностные лица — сотники (терефы). Сотенные собрания собира-

лись один раз в месяц для судебных разбирательств. Постепенно наряду со старостами общин появляются четыре выборных представителя из состоятельных крестьян, крупных землевладельцев и местного духовенства. Сотенные собрания тоже вели судебные дела, производили раскладку налогов. Вначале королевские должностные лица-элдормены и герефы не имели определенных функций. Гереф собирал судебные штрафы в пользу короля, затем стал председательствовать в сотенных собраниях. Несколько сотен составляли графство. Собрания по графствам созывались два раза в год. На них совершали гражданские сделки, вели раскладку налогов, суд по уголовным и гражданским делам. В каждое графство король и совет назначали элдормена, который председательствовал в графских собраниях, и шерифа, управлявшего королевскими имениями и ведавшего всеми доходами короля в графстве. Собирая судебные штрафы и осуществляя карательные функции от имени короля, шерифы оттеснили элдорменов и сами стали председателями графских собраний. Графские собрания имели представителей от сел (местных священников и четырех выборных), но решающую роль в них играли крупные землевладельцы и епископы. В VIII в. с усилением королевской власти элдормены становятся правителями территориальных округов, назначаемыми королем.

Укрепляется материальная база королевской власти. Королевские доходы складывались из судебных штрафов, доходов с королевских имений, военной добычи, дани с завоеванных областей и натуральных поставок земледельцев (гафоль включала быков, зерно, сыр, муку, эль).

Усиление государственной власти сказывается в укреплении судебно-карательных функций королевской администрации. Правонарушителей держат в королевской темнице. Установлена смертная казнь с конфискацией всего имущества за покушение на жизнь короля, пособничество и подстрекательство в этом деле (Правда Альфреда, 4), аналогичное наказание за посягательство на жизнь господина, глафорда. Отдельные административные поручения короля выполняли высшие дружинники (тэны короля).

Расцвет англосаксонской государственности относится ко времени правления короля Альфреда Великого (871—900). Альфред Великий успешно воевал с датчанами. Он формирует новое конное войско из крупных и мелких землевладельцев, получавших за военную службу земельные владения. Король обязал службой всех землевладельцев, имевших не менее пяти гайд земли, т. е. пяти наделов. Земля, полученная в бокленд, становилась наследственным владением (Правда Альфреда, 41). Землевладельцы, лорды, глафорды обязаны были идти в поход конными, и с оружием во главе своих тоже вооруженных людей. Численность вооруженного отряда оп-

ределялась по размеру земельных владений. Таким образом, землевладельцы-лорды превращались в привилегированное феодальное сословие. Раздачей земли за военную службу на коне Альфред Великий положил начало формированию сословия рыцарей.

При Альфреде Великом был введен постоянный налог («датские деньги»). Широким строительством бургов и созданием морского флота он обеспечил охрану берегов от вторжений датчан.

Проводя твердую объединительную политику, король Альфред производит новую запись законов (Правда Альфреда). Сборник состоит из 49 статей введения и 77 статей основного текста. Во введении говорилось, что многие законы, которые король не одобрял, устранены, другие «с согласия «Совета мудрых» изменены. Социальная дифференциация закреплена введением трех степеней вергельда (двухсотенный, шестисотенный и 12-сотенный — Правда Альфреда, 29—31). Но и в этом документе еще видны следы кровнородственных отношений. Обязанностью родственников является содержание преступника во время его пребывания в королевской темнице, хранение его оружия и имущества. К уплате вергельда привлекались родственники по отцовской или материнской линии (статья 27). В то же время, признавая ослабление кровнородственных уз, Правда Альфреда вводит институт сопоручительства, сообщества в уплате вергельда; свои права члены таких объединений должны были разделить с королем, который претендовал на получение половины вергельда (Правда Альфреда, 28).

Усиление государственных начал в управлении потребовало привлечения в королевскую администрацию образованных людей. Для подготовки детей знати к несению государственной службы были основаны школы в Оксфорде и Кембридже.

Во второй половине IX в. складывается королевская администрация. При королевском дворе казной управлял казначей, войском — конюший. Королевские дружинники (тэны) участвовали в оформлении королевских пожалований. Королевские чиновники получали в качестве вознаграждения земельные владения. Это делало многих из них независимыми. Позиции королевской администрации ослабляли крупные землевладельцы, которые приобретали политические и административные функции в результате пожалований земли в бокленд. Их реальная власть была намного сильнее, чем у тэнов и олдерменов, выполнявших судебные и административные полномочия от имени короля. Королевские чиновники, ставшие землевладельцами, подчас неохотно выполняли поручения короля. Король регламентировал срок службы, стараясь привлечь к усердному исполнению возложенных на

них обязанностей: разрешалось после одного месяца служебных дел два месяца проводить дома.

В местном управлении главной административной единицей стало графство. Королевский шериф должен был действовать в полном согласии с советом графства, в котором была представлена местная знать. Таким образом местное управление ускользало из-под контроля королевской власти. Рост политической власти крупных землевладельцев и феодализация королевской администрации стали главным препятствием на пути усиления власти англосаксонских королей.

Внук Альфреда Великого Этельстан (925—940), хотя и носил титул императора и Августа, не смог добиться желаемой цели создания англосаксонской монархии. Англия в его правление продолжала оставаться ареной жестоких войн с датчанами, не помогали и контакты с другими европейскими правителями. Сестры Этельстана были выданы замуж за французских королей (Карла Простого и Гуго Великого) и германского императора Оттона I. Положение этих монархов было не менее сложным.

Внутренняя и внешняя политика Альфреда и Этельстана укрепила позиции феодализирующейся знати и привела к усилению закрепощения крестьянства. Следствием обострения внутренних противоречий в англосаксонском обществе было завоевание Англии ее внешними врагами. В X — начале XI в. в стране утвердилась гегемония датских викингов. Канут Великий (1017—1035) подчинил своей власти всю Англию и Шотландию, в его королевство входили Дания, Норвегия, Швеция. В середине XI в. в Англию вторглись французские феодалы во главе с герцогом Нормандии Вильгельмом.

РАННЕФЕОДАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

В сочинениях средневековых, главным образом германских, хронистов история славянских народов отражена с большой политической тенденциозностью. Выражая взгляды и интересы ярых противников и врагов славян — германских феодалов, немецкая традиция искажала действительную историю западных славян и прибалтийских народов, оправдывала агрессию против славян, обвиняя их во врожденном варварстве и отсутствии политической культуры. Комплексное исследование раннефеодального периода историками, археологами и филологами, специалистами славяноведения из СССР, ЧССР, ПНР, ГДР, ЮФР, НРБ основывается на критическом анализе не только письменных источников, но и новейших данных археологии. Изучаются проблемы классообразования и становления государственности, этногенеза, культуры, межславянских, славяно-византийских и германо-славянских от-

ношений. Разрабатывается диалектико-материалистическая концепция раннефеодального общества и государства у западных славян, его типология²⁷⁸.

С начала VII в. на основе классового образования и под влиянием военной угрозы, в ходе войн с аvarами, франками и другими германскими племенами возникают первые славянские государственные образования в бассейне верхней Лабы (Эльбы) и северодунайских областях. Этническим ядром этой государственности были чешские племена, словены и полабские сербы.

Славянские народы объединились под властью своего князя Само (623—658) в середине VII в., центр княжества находился в окрестностях Братиславы. Князь Само успешно воевал с аvarами, заслужив славу доблестного воина и мудрого правителя. Легенда о франкском происхождении Само²⁷⁹ была убедительно опровергнута Н. П. Грацианским и В. И. Пичетой. Исследователи справедливо указывали на типично славянское имя князя, на характер его политики, враждебной франкским королям, на языческий образ жизни. Согласно рассказу хрониста, Само взял себе 12 жен-славянок, от которых имел 22 сына и 15 дочерей. Франки же, будучи к тому времени христианами, следовали церковному закону о моногамном браке. Некоторые средневековые источники называют Само славянином, жившим среди хорутан в бассейне Савы и Дравы, т. е. в областях, расположенных к югу от мест расселения чешско-моравских племен.

Торговое соперничество славян с франками привело к войне князя Само с франкским королем Дагобертом. Посольство Франкского короля не было принято Само, и даже тогда, когда франкский посланник предстал перед князем в славянской одежде, тот ни в чем не согласился уступить франкам. Франкский хронист упрекает Само в том, что он действовал «по обычаю и гордости язычников». В ответ на предложение признать власть и принять покровительство франкского короля славянский князь твердо ответил: «И земля, которою мы владеем, и сами все будем Дагобертовы, если он решит держать с нами дружбу». Предложение о союзе с признанием независимости славянского княжества было тотчас отвергнуто. В запальчивости франкский посол высокомерно заявил: «Невозможно, чтобы рабы божьи имели дружбу с собаками». Оскорбление языческой веры славян было встречено достойным ответом князя: «Если вы божьи рабы, а мы — божьи собаки, то раз вы постоянно действуете вопреки его повелениям, нам дано разрешение кусать и терзать вас». Франкское посольство с позором возвратилось назад, а франкское войско было изгнано из земель князя Само. После этого франки в союзе с алеманнами и лангобардами снова вторглись в пределы княжества и начали разбойничать, уводя жителей в

илен. В сражении у крепости Богатисбург, которое продолжалось три дня, войско Дагоберта было разбито, лагерь со всем имуществом был захвачен славянским князем. Походы Само в Тюрингию и другие области франкского королевства доставили богатую добычу и дали новых союзников в лице лужицких сербов. Их предводитель Держан добровольно присоединился к войску Само.

Княжество Само оказалось непрочным территориальным объединением и распалось после смерти Само. Это первое политическое образование на землях западных славян положило начало развитию государственности. Его значение заключается и в том, что славянские земли были освобождены от аварского господства и был поставлен заслон агрессии франкских герцогов против западных славян.

В VII в. у западных славян было уже большое количество укрепленных политических центров, объединявших славянский этнос. Южно-моравская равнина, густо заселенная славянами, стала ядром раннесредневековой государственности. Крепость в Микульчицах с деревянными укреплениями и частоколом, построенная в VII в., была резиденцией князя и его дружины. В Микульчицах возникло поселение ремесленников, развивалась торговля. Город становится крупным религиозным центром, на его территории обнаружено 12 церковных построек. На всей территории Моравии открыли около 30 укрепленных центров и городов; среди них: Нитра, Братислава, Вышеград, Новоград, Оломоуц, Градиште и др. Славянские грады были и культурными центрами, в них действовали скриптории, создавались хранилища рукописей.

В славянских земледельческих поселениях Моравии выращивали сливы, виноград, занимались свиноводством, овцеводством, разводили коней для войска. Край рек и озер был богат дичью и рыбой. Рыболовством занимались с помощью сетей и вершей. В горных областях (Словацкое рудогорье) добывали руды, соль, минералы. Железоплавильные печи, работавшие на древесном угле (сосны, граба, дуба), за сезон давали от 6 до 18 т железа. Для оружейного производства выплавливали сталь.

О развитии кузнечного дела свидетельствует многообразие видов изделий (до 500). При обработке металла применяли сложные технические приемы сварки, закалки, инкрустации, умели выполнять до 19 различных операций. О развитии ремесленной техники и удельном весе ремесла в хозяйстве свидетельствует наличие разнообразных видов ремесел: оружейное, ювелирное, стеклянное, гончарное дело, ткачество, строительное мастерство. Для обработки дерева, кости, рога применялись металлические инструменты: сверла, долота, пилы.

Археологические открытия, сделанные в последние десятилетия, свидетельствуют о высоком техническом уровне

строительства дорог и военных укреплений. Славянские города-крепости VII—X вв. (вики) имели мощные валы-стены, сделанные из земли и дерева. Они были настолько прочными, что их не могли сокрушить осадные сооружения (машины). Некоторые грады с каменными стенами и каменными дворцами представляли собой усадьбы-резиденции славянских князей. Город-крепость окружали подградья с поселениями ремесленников и торговцев, одновременно занимавшихся земледелием и разведением скота. Города соединялись дорогами и мостами, их называли градскими. В некоторых градах стали возводить укрепления в подградьях (археологи обнаружили остатки мощных деревянных укреплений вокруг подградья). Мосты укрепляли дубовыми сваями.

Кораблестроение — одна из древних отраслей славянских ремесел. Строили корабли-однодеревки из выдолбленных стволов дуба длиной до 10 м. Такой корабль имел экипаж в шесть человек. Военный флот славян в VII—IX вв. господствовал на Дунае, Саве, Мораве, выходил и в Адриатику. Славяне совершали морские военные походы в Южную Италию и Сицилию.

Во второй половине IX в. в художественном ремесле появляется техника грануляции и филигрании, что, вероятно, было следствием торговых и культурных контактов с Византией и Восточным Средиземноморьем.

Развитие ремесел обусловило превращение славянских вигов из военно-стратегических центров в средневековые города — центры ремесленной и торговой деятельности. В VII—IX вв. славянские грады служили крепостью и административно-территориальным центром общинных поселений. Такие территориальные общины (жупы) объединялись под властью князей. В градах, резиденциях князей сосредотачивались укрепленные усадьбы землевладельческой знати (лехов и жупанов). Потребности знати, войска и градского населения удовлетворяли ремесленники и торговцы, создававшие постоянные поселения в градах.

В конце VIII — начале IX в. на территории, расположенной к северу от Дуная, образовалось славянское государство, которое современники называли Великой Моравской державой. В 791 г. в походе Карла Великого против аваров, вероятно, участвовали в качестве союзников моравские славяне. В то время северный берег Дуная предположительно был занят славянами. Это было Моравское поле, которое не входило в состав Франкского государства.

Великая Моравия сложилась на большой территории бассейна Моравы, верхней Лабы и верхнего Одера. Она граничила с Баварией, Болгарией, Хорутанией, на северо-востоке с Вислянским княжеством польских славян. В состав княжества входили земли чехов, моравов, словенцев, лужицких

сербов, отчасти полабских и польских славян. Великая Моравия стала центром формирования славянской культуры. Красивы были архитектурные ансамбли городов Микульчицы, Велеград, Левый Градец. На небольшой площади в Микульчицах найдены остатки девяти храмов с редкими памятниками прикладного искусства.

По Дунаю проходила граница двух княжеств: в одном правил князь Моймир, в другом Прибин (центр в Нитре). Около 833 г. Моймир занял земли Нитранского княжества и изгнал оттуда Прибина. Таким образом, в борьбе за гегемонию победу одержал князь западного, староморавского княжества, восточное (Нитранское) вошло в состав Великой Моравии. Политическое объединение двух славянских княжеств было закреплено принятием христианства: в 831 г. князь Моймир с дружиной совершил обряд крещения.

Чешские и словацкие историки опровергли утверждение националистической школы в немецкой историографии о решающей роли авар и франков в истории Моравии. Они установили этническую, экономическую и политическую преемственность моравского общества с населением довеликоморавского периода и непрерывность развития славянского этноса на этой территории с VI по X вв.

Великоморавское княжество усилилось при князе Моймире (818—846). Княжеское войско остановило франкскую агрессию против славянских народов. Тогда германские феодалы решили интригами и вероломством изнутри подорвать политическое единство славянских князей. Им удалось свергнуть с престола Моймира, но власть захватил его племянник Ростислав (846—870). При Ростиславе мощь Великоморавской державы еще более укрепилась. Столица — Велеград стала большим, красивым, хорошо укрепленным городом и центром оживленной торговли с Византией и Киевской Русью. Князь построил на границах много новых крепостей и успешно воевал с немецкими князьями.

Большинство историков считают, что в IX в. происходило формирование моравской раннефеодальной государственности. Труды З. Неедлы и других опровергнута позитивистская концепция о решающем значении германской культуры в процессе формирования славянской государственности, о неспособности славянского населения Великой Моравии к самостоятельному развитию.

Особое политическое значение приобрел вопрос о принятии христианства. Западная, Римская, церковь проводила активную миссионерскую деятельность в славянских землях, надеясь подчинить славянских князей своему политическому влиянию и лишить славянские княжества полной самостоятельности. Чтобы избежать этого, князь Ростислав в 862 г. пригласил христианских проповедников из Византии для ис-

правления и переводов богослужебных книг. Ориентация на византийское духовенство помогала князю укреплять свой политический приоритет и избавляла от нажима с Запада. Организация церкви по византийскому образцу была предпочтительнее и для народа, так как византийское духовенство не брало десятины, вело проповеди на славянских языках, не было враждебно к местной культуре. Византийская церковь учитывала в своей деятельности полиэтнический состав населения Византийской империи и привыкла уважать культурно-языковые традиции отдельных областей империи, в Малой Азии, на Балканах и в дунайских регионах.

Христианскую миссию в Моравии возглавили византийские ученые, знатоки славянских языков братья Константин и Мефодий. Христианизация Моравии и других славянских областей не уничтожила полностью языческие верования: сохранялись языческие обряды погребения, языческие святилища (в ряде мест до X в.). Деятельность Мефодия и Кирилла (незадолго перед кончиной Константин принял схиму, духовный сан и имя — Кирилл) не ограничивалась миссионерскими задачами. Братья с детства усвоили славянский язык, их родиной был славянский город Солунь (Салоники в Македонии). Они получили греческое классическое образование. Младший брат, Константин, был учеником крупного византийского ученого, патриарха Фотия, который видел в образовании основу нравственного совершенства и силы личности, считал, что знания слагаются в убеждения, благодаря чему в молодых умах зажигаются искры возвышенных стремлений. Константин стал большим знатоком греческого, арабского, древневосточных, в том числе и еврейского, языков, античной риторики и литературы. Он вполне оправдывал свое прозвище «философ», в юности был принят византийским императором Михаилом III в соученики к своему сыну.

Во время пребывания в Крыму с христианской миссией Мефодий и Константин познакомились с «русьскими письменами», которыми были написаны Евангелие и Псалтырь. По свидетельству одного болгарского монаха, славяне пользовались при гаданиях и счете «чертами и резами», своей азбуки у них не было, и славянская речь обычно записывалась греческими и латинскими буквами.

Мефодий и Константин вели проповедь христианства в Болгарии и других славянских областях, своей главной задачей они считали распространение знаний, поэтому остро чувствовали необходимость создания богословской литературы на славянском языке. Константин говорил, что учить без азбуки и без книг — все равно, что писать беседу на воде. Становление государственности в славянских регионах, на Руси в IX в. тоже требовало изобретения славянской письменности, нужной для введения новых государственно-правовых поня-

тий, для составления государственных актов и дипломатических документов.

На основе греческого алфавита Константин разработал состав славянской азбуки, введя в нее, кроме общих, обозначения чисто славянских звуков, например ж, з, ц, ш, щ, ы, ю и др. Одна разновидность славянской азбуки, называемая глаголицей, имела более трудное начертание знаков, другая — кириллица — давала их упрощенное написание. На славянский язык были переведены Библия и тексты, используемые в миссионерской и церковно-организаторской деятельности. Словарный состав славянских языков был пополнен греческой лексикой, влияние греческого синтаксиса сделало славянский язык более выразительным и литературным. Славянская азбука и славянский литературный язык, развивавшийся на основе славянских диалектов, становится выражением языковой общности, этнического и культурно-исторического единства западных, южных и восточных славянских народов.

В Великой Моравии и на чешских землях Мефодий и Кирилл заложили основы славянской церкви, имевшей тесные контакты с Византией. В 871 г. Мефодий ввел славянское богослужение в Чехии, он крестил князя Боровоя и его жену Людмилу. У братьев появилось много учеников и последователей. Это встревожило папу и германских князей. Применяя всевозможные меры вплоть до насилия, они противодействовали Мефодию. Его учеников не посвящали в духовное звание. Три года держали в плену Мефодия, издеваясь над ним, чтобы физически и духовно сломить его волю. Мефодия били, выбрасывали на мороз без одежды, устроили суд над ним и волочили по улицам как еретика. Однако Мефодий остался непреклонен и, вырвавшись из плена, добился у папы разрешения на славянскую проповедь и назначения архиепископом Паннонской церкви. Центром ее был Сирмий, занятый в IX в. болгарами. Светским покровителем славянской церкви стал великоморавский князь Ростислав. Константин умер в Риме в 869 г., а Мефодий в 885 г. В 1985 г. в честь 1100-летней годовщины смерти славянского просветителя правительство ЧССР провозгласило 1985 год «годом Мефодия», а по решению ЮНЕСКО юбилей был включен в календарь знаменательных дат этой международной организации.

Создание славянской письменности и деятельности Мефодия и Константина имели огромное политическое и культурное значение. Славянская письменность способствовала развитию славянской образованности, которая была привилегией господствующего класса и служила делу укрепления государственных основ, развитию славянской государственности. Хотя господствующая идеология носила ярко выраженный классовый характер, изобретение новой письменности имело прогрессивное политическое значение. Великоморавская ре-

Религиозная литература (переводы библейских книг, проповеди, тексты литургий и другие богословские сочинения) легла в основу создания славянской церковной организации, поддерживавшей политическую независимость славянских народов. Письменная образованность была сосредоточена в руках церкви, в то время религиозное мировоззрение представляло собой господствующую форму общественного сознания. Переводы на славянский язык судебно-правовых сборников, сделанные Мефодием (сборника церковного права, «Заповедей св. отцов», кодекса для мирян — «Закона судного людем», предписаний из византийской Эклоги, а также проповедь Мефодия с призывом к светским властям следить за соблюдением «Закона судного людем»), служили делу развития государственно-правовых институтов.

Характерной политической направленностью отличались такие оригинальные произведения на славянском языке, как «Житие Кирилла» и «Житие Мефодия». В них звучала горячая, страстная убежденность в правоте их дела, благодарное признание их заслуг в защите славянской государственности и независимости от притязаний римской церкви, германских светских и духовных феодалов на господство в славянских землях.

Появление славянской письменности и литературы было результатом высокого уровня культурного развития славянских народов и являлось предпосылкой для сближения с античной и общеевропейской культурой. Впоследствии моравское духовенство, изгнанное из Моравии, распространяло славянские культурные и литературные традиции в Хорватии, Чехии, Польше и Киевской Руси. На Балканах возникли два крупных центра славянского просвещения: в Охриде и Преславе.

Таким образом, деятельность Мефодия и Константина имела значение не только для укрепления основ раннефеодального государства в Моравии, но и для развития славянской письменности, культуры в целом и взаимодействия ее с культурой других европейских народов. Старославянский язык был признан папской курией третьим церковным языком в Европе.

Великая Моравия занимала значительную территорию от области верхнего течения Вислы до нижней Паннонии, ее границы подходили к королевству восточных франков, к Болгарскому царству, к политическим союзам (княжествам) полабских, польских, прибалтийских и южных славян. На реке Мораве жили славяне-мораване, к середине IX в. население государства составило более 250 тысяч. Моравское общество было раннефеодальным, классовым. Одна из редакций «Закона судного людем» имеет моравское происхождение. В исто-

рической науке высказывалась гипотеза о нижнепаннонской, славянской основе этого правового памятника.

При князе Святополке (870—894) усиливается натиск германских феодалов на Великую Моравию. Несколько лет Святополк провел в Германии, в это время Славмир возглавил восстание моравян против засилья немецких графов, управлявших в некоторых областях Великой Моравии. В 874 г. германский король вынужден был признать независимость моравского князя Святополка, вероятно, в надежде оказывать на него политическое давление. Но Святополк повел вполне самостоятельную политику и расширил границы Великоморавской державы, включив в ее состав Чехию, земли полабских славян, лужицких сербов, славян на Одере (слезян), Вислянское княжество. На юго-востоке он потеснил болгар и захватил земли между Дунаем и Тиссой.

В конце IX в. в связи с давлением германских князей католическая церковь усиливает свое влияние, после смерти Мефодия в 885 г. она получает свободу деятельности, ученики Мефодия были изгнаны из Великой Моравии.

Развитие крупного землевладения и феодальных отношений приводит к междоусобицам. Внешняя опасность со стороны венгров усиливает раскол. Из состава Великоморавского государства выделились чешские княжества, самым влиятельным становится род Пшемисловичей, княживших в Праге.

Чешский князь Борживой и его жена приняли христианство от Мефодия и zaloжили храм св. Марии в Праге. Легенда о крещении Борживоя рассказывает, как на пиру у великоморавского князя Святополка Борживою не разрешили сесть за стол среди христиан, и он как язычник расположился на полу. При этом Мефодий заметил, что столь достойному князю не пристало занимать такое место, и тут же предложил ему принять крещение, посулив в дальнейшем большие преимущества. Мефодий растолковал чешскому князю, что принятие христианства позволит ему стать господином своих господ и подчинить своей власти всех своих недругов. На другой день Мефодий наставил христианской вере самого Борживоя и тридцать его дружинников, после обычного в таких случаях поста окрестил, изложив в понятной форме христианское вероучение, и одарил подарками.

В IX в. церковным центром княжества Пшемисловичей стал Левый Градец на Влтаве, расположенный севернее Праги, где была резиденция Борживоя. Князь построил церковь св. Климента, в которой поставил священником посланца Мефодия. В X в. в Праге был воздвигнут и освящен храм св. Георгия. Впоследствии в Чехии христианство распространялось в двух формах: славянской и латинской.

Вторым крупным чешским княжеством было Зличанское с центром в Либице, там княжили Славниковичи. В Словакии

великоморавские традиции сохранялись, несмотря на то, что эта территория оказалась в сфере политического влияния раннефеодального королевства Венгрии.

В IX—X вв. складывается ранняя государственность на землях восточных поморян. Князья располагали многочисленным войском (около 40 тысяч). Города Колобрег, Гданьск, Белград становились центрами ремесленной деятельности и торговли. Города западных поморян: Волынь, Щецин, Камень — образовали раннегосударственную федерацию, в которой правила городская купеческая аристократия. Центральным органом управления было вече. Раннефеодальная землевладельческая знать и городская верхушка поставили княжескую власть под свой контроль.

На территории поморских и полабских славян образование раннефеодального государства проходило в сложных условиях. Немецкая агрессия и вероломная политика католического духовенства, разжигавшая внутренние междоусобицы, ослабляли княжескую власть. Государственность на этих землях была достаточно развитой, немецкие хроники называют славянских князей «королями славов» (*reges slavorum*). В борьбе с политическими соперниками князья часто искали союза с германскими феодалами и ориентировались на поддержку католической церкви.

Полабские славяне и поморяне стойко выдержали натиск франкских и германских королей в VIII—IX вв. Особенно сильны были княжества ободритов, лютичей и лужицких сербов. На основе этих ранних государственных образований в XI в. сложилось Вендское королевство на нижней Эльбе.

В верховьях Савы и Дравы, к западу от Паннонии в V—VI вв. жили предки словенцев — хорутане. Княжество хорутан граничило с баварским и лангобардским королевствами и с Аварским каганатом. Постоянные войны с агрессивными соседями заставили хорутан объединиться с соседними родственными славянскими племенами. В VII в. они вошли в состав княжества Само. В конце VIII в. эти славянские земли на Дунае были включены в Восточную и Фриульскую марки Франкской империи. Хорутане боролись за независимость, в 799 г. в результате восстания были убиты фриульский и баварский маркграфы. В начале IX в. вновь вспыхнуло восстание, в ходе которого хорутане (хорваты) объединились со словенцами под властью князя Людевита. Борьба хорутанских князей за независимость продолжалась до 822 г. Внутренние распри и переход некоторых князей на сторону франков затрудняли дело объединения.

В середине IX в. удалось достичь политического единства, образовалось Хорватское княжество под властью великого жупана Трпимира. В начале X в. хорватский князь получил титул короля Хорватии и Далмации. В Далмации, на Адриа-

тическом побережье славяне расселились в конце VI — начале VII в. Здесь они занимались земледелием и рыболовством. Далматийские славяне имели свой флот и совершали военные походы в Италию, торговали, занимались пиратством. Венецианские купцы зачастую вынуждены были платить им дань за право торговли на Адриатике.

Славянские города — Дубровник, Задар, Сплит были многочисленны и очень богаты. Они торговали продуктами сельского хозяйства, ремесленными изделиями, медью, драгоценными металлами, лесом, мехами, вели посредническую торговлю, из Италии вывозили на Балканы оружие, вина, пряности. Дубровник успешно конкурировал в посреднической торговле с Венецией.

Торгово-политическое соперничество на Адриатике усилилось в IX в. Венеция, используя классовые конфликты и феодальные междоусобицы, с помощью римского папы ведет активную захватническую политику.

Образование славянских государств на среднем Дунае и его южных притоках, а также на Адриатике было затруднено агрессивней со стороны германских и венгерских феодалов, а также купеческой аристократии Венеции. В конце X — начале XI в. земли словенцев вошли в состав маркграфства Австрия, далматийские славянские города были захвачены Венецией, территория Хорватии вошла в состав Венгерского королевства.

ГЛАВА 2

ОСОБЕННОСТИ РАННЕФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Переходный период VI—VIII вв. завершился формированием раннефеодальных отношений и государства, представлявшего интересы военно-служилой, землевладельческой знати, которая поставила в зависимость подавляющую часть свободного населения и обогащалась за счет войн и эксплуатации различных слоев свободных и зависимых держателей. Раннесредневековые королевства и княжества были непрочными государственными образованиями с явными признаками общинно-племенной организации в виде территориальной общины свободных землевладельцев, народных собраний и военного ополчения.

Позиция королевской власти была слабой. Король зависел от поддержки войска и правящей верхушки. Главной функцией короля оставалось военное предводительство, на ее основе развивались судебно-административные полномочия, которые король делил с представителями военно-служилой знати.

Развитие государственности было тесно связано с этногенезом и романизацией варварского населения. По мере объединения различных этносов в рамках единой политической организации с территориальной общностью происходит эволюция понятий вражды и кровной мести. Кровная вражда воспринимается как способ сопротивления новым социальным порядкам, как нарушение мира, установленного королем, церковью, исполнителями судебно-административных полномочий. Виновный объявляется вне закона, вне общества, и право определяет ему наказание согласно конкретному судебному казусу. Как преступное деяние нарушение мира отделяется от нового понимания «вражды», когда взамен кровной мести был установлен выкуп.

С разрушением кровнородственных связей происходит слияние племен и образование нового этноса с новым этнонимом. Политически господствующий этнос часто распространяет свой этноним на все племенные группы, связанные одной политической системой и территорией королевства.

Королевства, образовавшиеся на территории Западной Римской империи, подверглись значительному влиянию римской материальной, социальной, политической и духовной культуры. Главными проводниками романизации были совместная производственная деятельность и латинский язык.

При всех региональных особенностях становления государственности можно выделить общие, наиболее существенные черты, характерные для раннесредневековых королевств VI—X вв.

1. Наличие институтов политической системы, развивавшейся в условиях разложения племенной организации.

Эволюция состава и функций органов народной власти, войска, как организации полноправных свободных, была связана с постепенной дифференциацией сельской соседской общины и развитием королевской администрации. Служила знать и разбогатевшие землевладельцы подчиняли своим интересам направление деятельности народных собраний. Признаки областного и сотенно-территориального устройства длительное время прослеживаются в местном управлении. Сельские сходы (галимот в англосаксонских королевствах, собрания перед церковью в Лангобардском королевстве, сотенные судебные собрания во Франкском и Вестготском королевствах и подобные им в других) постепенно превращаются в органы власти крупных землевладельцев с участием выборных из числа наиболее состоятельных представителей каждого селения.

Принцип выборности сотника заменяет королевское назначение. Происходит ограничение функций народных собраний: они ведают раскладкой налогов, составлением актов и мелкими хозяйственными и судебными делами. Следы сотенного

деления сохранялись в названиях военачальников и чиновников (милленарии — тысячные, центенарии — сотники, в Салическую правду вошло аналогичное название франкского происхождения — тунгины).

Постепенно изменялся характер военной организации. Войско хотя и представляло собой народное ополчение, но его политическая роль заметно снижалась. Оно становилось оружием королевской власти.

2. В раннефеодальном государстве происходило быстрое перерастание дружинных отношений в бенефициальные. Материальной опорой королевской власти длительное время оставалась дружина. Оседание дружины на землю завершается образованием служилого сословия профессиональных конных воинов, получивших позже название рыцарей. Королевский совет формируется из высшего слоя дружинников и придворной знати, и этот совет в противовес войску играет все большую роль при избрании королей, издании законов и осуществлении высшей судебной власти. Королевские дружинники, высшая служилая знать привлекаются к исполнению функций публичной власти. Они живут в королевской резиденции, исполняют дворцовые должности, имеют свои дружины, получают за военную и административную службу по пожалованиям в виде земельных владений.

Ядро вооруженных сил стало составлять не народное ополчение, а дружины, которые землевладельцы набирали в своих вотчинах из свободного и зависимого населения. Важнейшим средством обогащения является получение имущества за службу и судебные поборы, так как судьи, действовавшие от имени короля, имели право на определенную часть стоимости иска и судебных штрафов.

3. Общественное сознание ориентировалось на привычные нормы морали и права, сложившиеся в условиях общинно-племенной организации. Народная традиция сохраняла представления, свойственные периоду военной демократии, когда в человеке ценили прежде всего личные физические качества и поведение, соответствовавшее пониманию свободы и самоуправления всех и каждого. По общему господствовавшему мнению, храбрость и подвиги, вся деятельность предводителей и свободных воинов должны были быть направлены на защиту справедливости, общего интереса и равенства всех соплеменников.

Преодоление этих традиционных представлений, закрепившихся в общественном сознании, в поговорках, героических песнях, сказаниях и правовых сентенциях, совершалось медленно и встречало упорный протест со стороны свободных, поэтому правящая верхушка часто использовала привычные понятия, прилагая их к новым государственным институтам

и нормам. Например, в королевскую присягу англосаксов было включено обязательство охранять общий мир и не допускать грабительства и несправедливости, быть правосудным и милосердным в приговорах. В качестве главной цели королевского законодательства в Лангобардском государстве выдвигается охрана мира и предоставление правосудия народу. В названии англосаксонского королевского совета отражен старый принцип участия в отправлении функций публичной власти наиболее авторитетных и достойных людей: «уитенагемот» или «совет мудрых». В девизе короля Артура обнаруживается народное понимание роли вождя-предводителя: «сила — это еще не справедливость, а справедливость есть сила».

К старому порядку избрания королей из военачальников, отличившихся в военных битвах, вернулись остготы во время готто-византийских войн. Не принадлежность к роду Амалов, а личная отвага военачальников, их близость к простым воинам определяли выбор войска. Например, король Витигис родом был незнатен, но прославился в войне с гепидами, другой король — Тотила сражался в строю рядом с другими воинами, короля Ильдибада отличали энергичные действия и хорошее знание военного дела. Короли старались подчеркнуть верность старым традициям предпочтением повседневной одежды воина. Хотя Теодорих Остготский уже через три года после завоевания Италии сменил одежду гота на королевскую, тем не менее на золотой монете ставилось его изображение в народной одежде²⁸⁰. Портрет короля Тотилы на серебряных монетах отчеканен в императорской диадеме, а на бронзовых — в полном готском вооружении.

4. Характерной особенностью развития раннефеодальной государственности является слабость королевской власти и постепенное усиление политического могущества военачальников, присваивавших функции публичной власти при расселении на завоеванной земле. Раннефеодальная форма государственного устройства с территориальной организацией судебно-административной власти скорее напоминает рыхлую военно-аристократическую федерацию, чем монархию. Развитие государственных институтов по мере складывания феодального землевладения приводило к формированию в VIII—IX вв. феодально-раздробленной монархии.

В ранний период VI—VII вв. королевская власть, хотя и усилилась после завоеваний новых территорий, не смогла преодолеть политического влияния военной знати в лице герцогов, тысяцких, сотников и подвластных королей, возглавлявших союзные племена. Династический порядок наследования королевской власти или еще не сложился, или часто нарушался (как при Меровингах), или приводил к междоусобной борьбе и распаду государства (как при Каролингах). Коро-

левский двор полностью не выполнял функцию центра управления и не был способен осуществлять контроль за местным управлением. Королевская администрация не смогла преодолеть роста частной власти. Функции королевских должностных лиц не были строго разграничены, их компетенция была неопределенной. Лангобардские акторы, остготские сайоны, «посланные» франкских королей (*missi*) действовали согласно королевскому приказу, как и дружинники (газинды лангобардов, гезиты англосаксов и подобные им).

Буржуазная концепция «исконной германской свободы», проявлявшейся якобы в институте монархии, не находит своего подтверждения в источниках. Анализ характера государственности показывает, с одной стороны, преодоление институтов военной демократии (снижение роли народного собрания, превращение королевского войска из ополчения полноправных свободных в военную организацию военно-служилого сословия), с другой стороны, слабость королевской власти и ее стремление опереться на поддержку всего войска и новой военно-служилой верхушки. Превращение королевской власти в наследственную монархическую власть наталкивалось на сопротивление военной аристократии и вызывало острую социально-политическую борьбу, которая сопровождалась истреблением целых родов.

Одним из главных институтов раннесредневековой государственности была королевская власть. В ее развитии и укреплении важную роль сыграла христианская церковь. Она выдвинула идею «божественной избранности» королей, их «неземной благодати», что считалось идеологическим обоснованием наследственного права верховной власти. Коронавание стало процедурой, которая совершалась при обязательном участии духовного лица. Помазание на царство означало исполнение воли бога, указаниям которого обязана следовать светская власть. Церковная традиция внушала мысль о том, что король, действующий по поручению бога и его внушению, может дать народу военную мощь, правосудие и даже богатый урожай. Послушание королю предписывалось как религиозный долг благочестивого христианина. Церковь учила, что благочестие подданных заключается в подчинении властям и соблюдении законов. В свою очередь король как светский правитель должен был принести присягу в том, что дает обязательство охранять права и имущество церкви. Духовенство занимало влияние положение при дворе, епископы входили в состав королевского совета наряду с военными предводителями (герцогами) и доверенными дружинниками короля. При королевском дворе создавались королевские базилики, где находились усыпальницы королей. Королевские династии выбирают себе святых покровителей (например, св. Иоанн для лангобардских королей).

Доходы короля были невелики, они состояли из добровольных приношений, доставляемых по приказу герцогов-предводителей и местных правителей, торговых и рыночных пошлин, части военной добычи и судебных штрафов. Постепенно вводится налог, заменяющий реальную военную службу поставками на содержание воинов. Материальную опору королевской власти по-прежнему составляла военная дружина, основанная на личных связях ее членов с королем.

В усилении королевской власти особую роль играла функция военного предводительства, королевский приказ (*iussio*) трактовался как военный приказ и считался источником принудительной власти короля. За нарушение королевского предписания устанавливался самый высокий штраф или телесное наказание (по вестготским законам), смертная кара (по лангобардским). Короли могли произвольно назначать наказания за измену, за тяжкие уголовные преступления, за изготовление фальшивой монеты. Король имел право выдавать замуж девушек и вдов, присваивая право опеки и кровнородственной защиты. Королевский приказ как источник судебно-административной власти короля основывался на языческих представлениях о магической силе королевского оружия. Древняя традиция народа героизировала деятельность королевских родов и утверждала веру в могущество королей. Предки остготского королевского рода Амалов чтились как ансы, полубоги, герои, которым готы были обязаны своими победами²⁸¹.

Однако, сакральный характер королевской власти не может объяснить сущность королевской власти и ее эволюцию в период становления феодальных отношений. Древние саги и христианские легенды, трактовавшие действия короля как проявление божественной воли, служили идеологическим обоснованием возвышения королей над массой полноправных свободных. На раннем этапе истории народа личные качества королей-предводителей определяли во многом судьбу племени, позже по традиции они стали играть решающую роль при избрании, еще позже королям стали приписывать выдающиеся качества, отличающие их среди воинов. Писателями раннего средневековья создан характерный стереотип короля. Король должен был выделяться знатностью рода, доблестью, военным искусством, силой, внешними физическими данными: ростом, красотой, осанкой, телосложением. Личная отвага в бою служила поводом для прославления, короли вступали в сражения впереди своих воинов²⁸². В сказаниях о бриттском короле-дуксе (военачальнике) Артуре рассказывается, как смертельно раненный король повелел бросить свой меч в озеро, чтобы никто не смог запятнать его позором, бесчестьем и разбоем. В лангобардской легенде говорится о том, как с помощью королевского копья был спасен и тем самым возвышен до королевского звания один из древних лангобардских

предводителей. Англосаксонских королей короновали племем, а остготских и лангобардских поднимали на щит в войске.

Политика королевской власти по мере ее развития приобретала явную классовую направленность. Она отвечала прежде всего интересам служилой знати и военной аристократии. Взаимоотношения короля со знатью и служилыми людьми, отношение к простому народу, характер использования военной добычи и завоеванной земли, королевские законы — все данные опровергают идеалистическую концепцию надсоциальной сущности германской монархии. Некоторые зарубежные историки склонны видеть в этой монархии систему покровительства, распространявшуюся на все население. В действительности функция защиты, которую присвоила королевская власть, служила источником взыскания судебных штрафов в пользу королевской казны, конфискации вымороченного имущества и приобретения мундиума над зависимыми людьми.

Раннефеодальное государство с самого начала своего развития становилось организацией политического господства и эксплуатации основной массы свободного населения. Концепция «дуализма» германского права и государства (Т. Майер) основана на ложном представлении о раздвоении власти между монархией и знатью, якобы выражавшей общие интересы населения. Однако уже раннесредневековые варварские правды показывают глубокую имущественную и социальную дифференциацию, которая еще сильнее проявлялась с развитием феодальной собственности на землю. Рост частной власти землевладельцев приводил к усилению нажима на свободных, увеличению повинностей, ограничению свободы и независимости держателей, расширению способов административного и судебного давления на них.

В силу классовой направленности раннефеодального государства между королевской властью и правителями отдельных областей королевства намечался союз, который служил делу упрочения государственных институтов. Герцоги, графы и другие предводители дружин оказывали королю военную и политическую поддержку, а взамен получали земельные пожалования и право управления на местах. Такой союз оказался непрочным, он часто прерывался междоусобицами, в королевствах децентрализующие силы росли с развитием феодального землевладения.

Военно-служилая знать добивалась иммунитетных прав, новых пожалований и защиты своих интересов со стороны закона. Система дарений и пожалований за службу, наступление на земли общины, завоевательная политика вели к созданию крупного землевладения, разорению свободных землевладельцев, втягиванию общины в систему вотчинного права.

5. В раннесредневековом государстве шел процесс феода-

линизации политического устройства. Главной особенностью управления стало переименование полномочий королевских должностных лиц (акторов, сайонов, графов, шерифов, др.) с функциями гражданской и военной власти правителей административных округов (герцогов, судей-judices, англосаксонски хэлдорменов). Проявляется тенденция к усилению влияния носителей публичной власти на местах, получавших от короля подтверждение своих полномочий и прав на земельные владения.

Королевское назначение становится источником развития территориальной власти, и оно способствовало формированию раннефеодальной вотчины. Наряду с этим имела место и узурпация положения сеньора королевскими должностными лицами, которым вверялось управление королевскими имениями, сбор налогов и судебных штрафов в пользу короля, формирование военного ополчения. Право и обязанность военной службы они заменяли отработками и службами, требовали исполнения службы в своих частных интересах, заставляли вносить платежи непосредственно им; выполняя судебные полномочия, действовали бесконтрольно, не останавливаясь перед захватом чужого имущества, отказываясь от разбирательства невыгодного дела.

Территориально-административная власть сложилась на основе генезиса феодального землевладения и ранней государственности. Этнические процессы ассимиляции и интеграции, ускоренные завоеваниями, переселениями целых племен, образованием крупных военно-политических союзов, привели к формированию новых народностей. Эти условия сыграли определяющую роль в усилении политического влияния военных предводителей (королей и герцогов, в Англосаксонских королевствах территориальные округа находились под управлением военных вождей-элдорменов) на территории, выходившей за пределы племенной.

Формально-юридический подход к объяснению сущности политического господства связывает развитие территориальной власти с осуществлением высшей юрисдикции и не может показать исторических корней этого явления. Сторонники вотчинной теории, правомерно указывая на связь между вотчинным землевладением и высшей юрисдикцией, не придают должного значения функции военного командования.

В развитии территориально-административной власти на раннем этапе особое действие оказывала узурпация функций публичной власти как представителями военной аристократии, так и правителями, назначенными королевской властью. Титулы, применяемые к военным предводителям той эпохи, не содержали различий и не имели иерархического смысла. Готский писатель Иордан считал равнозначными понятия *reges* (короли), *duces* (герцоги), *primates*, *primi* (вожди, ста-

рейшины)²⁸³. Высшая юрисдикция давала им право считаться верховными судьями-правителями, поэтому иногда они фигурировали под латинским названием *iudices*; назначаемые королями постепенно сближались с ними, тоже превращаясь в территориальных правителей. В дальнейшем приобретение иммунитетных прав и развитие сеньориальной власти усилили децентрализаторские тенденции в раннефеодальных королевствах.

Таким образом, для носителей публичной власти стала характерной полнота судебно-административных полномочий. В формировании государственных институтов социально-экономические факторы действовали наряду с публично-правовыми. Указанный процесс сопровождался острой внутривнутриполитической борьбой за власть и гегемонию между королями и другими претендентами из числа военной аристократии и новой служилой знати. Активная завоевательная политика была важнейшим средством достижения власти и ее материального обеспечения.

Способы устранения соперников на пути к политическому верховенству сочетались со столь же разнообразными способами достижения независимости от короля, т. е. приобретения бурговой, монетной, пошлинной регалий. Наряду с организацией мятежей в войске, ведением гражданских войн против королей, коварными убийствами, физической жестокой расправой, фальсификацией королевских дипломов, грамот широко распространялась практика заключения династических браков.

Одни раннефеодальные государства возникали на базе крупных военнополитических объединений племен (например, Саксония, Алеманния, Бавария, Швабия), другие на основе варварских королевств (Бургундия, Ломбардия) или в результате их расширения (Аквитания, Прованс, Сполето, Беневент), или по мере освоения новых земель и лесных угодий после завоевания и переселения народов (Нормандия, Бретань). Школа Т. Майера развивает тезис о «великой культурной миссии германских князей» по устранению анархии и созданию условий для развития хозяйства и культуры. История кровавых междоусобиц и факты усиления давления на крестьян с неоспоримой очевидностью опровергают это положение.

7. Раннесредневековая государственность развивалась под воздействием римской политической системы, римского права и с участием должностных лиц, получивших римское риторическое и юридическое образование. Романизация проявляется в представлении варварских королей о государственно-правовых принципах своей власти в завоеванных римских провинциях. Короли принимали римские титулы «Флавий»,

«Август», «Принцепс», должностные ранги — «магистр войск», «консул». Остготский король в обращении к византийскому императору подчеркивал равное с ним положение, подобие их власти²⁸⁴. Целью своей политики он объявил «достижение согласия принцепсов»²⁸⁵, «согласия между двумя римскими царствами (*inter Romana regna*)»²⁸⁶. Варварские короли называли свое королевство соответственно понятиям позднеримского государственного права — *regnum*.

Следы римской бюрократической системы видны главным образом в организации центрального управления, в названиях должностных лиц королевского двора, в сохранившихся званиях консулов, патрициев, дуксов, комитов. Римские должности дуксов и комитов приобретают главную функцию — военную, а судебно-карательные полномочия делают их компетенцию неограниченной. Римские писатели Тацит и Аммиан Марцеллин называли комитами предводителей варварских дружин, военачальников²⁸⁷. В римском императорском войске комит (*comes*) являлся определенным чином командира большого конного подразделения; иногда в этом звании был военачальник, руководивший самостоятельной военной экспедицией. Комиты остготского короля Теодориха — его ближайшие помощники в войске, начальники отдельных войсковых частей. В Остготском, Вестготском и Франкском королевствах должности дуксов и комитов приобретают равное значение, достоинство обоих титулов примерно одинаково, хотя в Вавариях Кассиодора еще приводятся разные формулы назначения. Позднее римские военные чины приобрели значение титулов крупных феодалов-вотчинников, потому что военное предводительство и судебная власть, осуществляемая в войске, стали источником их территориальной власти при расселении германцев на завоеванной земле.

В местном управлении носители публичной власти именуется как провинциальные римские наместники титулом *iudices*. В судопроизводстве Остготской Италии, в лангобардских и вестготских судах участвовали римские юристы, они знакомы с порядком принятия исков, с организацией судебного процесса, принятием апелляций. В формуле назначения готского графа говорится, что в римских городах графы обязаны вести судебные процессы, привлекая римских юристов и адвокатов²⁸⁸. Последние могли подавать апелляции ответчиков и вести дела фиска²⁸⁹. В компетенцию адвоката фиска входила защита имущественных интересов короля в ходе судебных процессов.

В раннесредневековый период сохранилось старое римское территориальное деление на провинции и городские территориально-административные округа (*civitas*). Римская налоговая система была воспринята в Остготской Италии и Вестготской Испании.

Существенным было влияние римского права; при записи обычного права и в разработке королевского законодательства пользовались понятиями, нормами, терминами римской юриспруденции. Наряду с сохранением соприсяжничества, судебных поединков, частной инициативы в распоряжении залогом, широкой публичности постепенно судебно-процессуальные методы приобретают римские черты. Вводятся свидетельские показания, практикуется рассмотрение документов, делается ограничение частного преследования родственниками потерпевшего. В систему наказаний включают смертную казнь и телесные наказания, тюремное заключение и отработки вместо штрафа.

Была принята римская процедура защиты собственности, доказательства права на владение должен был представлять истец. Законы пользуются принципом давности владения как основанием права, римской формой завещания и отчуждения имущества по документу. Действуют запрещения отстаивать правосудие с помощью частных лиц, т. е. влиятельных магнатов.

Римские правовые нормы в области имущественных отношений стали исходным пунктом развития права в средние века. Объяснение этому значительному феномену кроется в самой сущности римского права с «его непревзойденной по точности разработкой всех существенных правовых отношений простых товаровладельцев (покупатель и продавец, кредитор и должник, договор, обязательство и т. д.)»²⁹⁰.

В становлении новой политической идеологии большую роль играла римская идея *utilitas publica*. Она помогала обосновывать и оправдывать политику королевской власти, которая якобы обеспечивала благополучие всего народа. Идея общественной пользы многократно использовалась в мотивировке вестготских и лангобардских законов и дополняла германское представление об исключительном, произвольном праве королевского приказа (*inssio*). Таким образом последнее с военной почвы переносилось на общесоциальную. Даже убийство по приказу короля или герцога не считалось преступлением (Баварская правда II, 8; Эдикт Ротари — 2). В укреплении королевского престижа значительную роль сыграли римские законы о государственной измене и оскорблении величества. Преступления против короля или герцога карались самым высоким штрафом, смертной казнью с конфискацией имущества и телесными наказаниями. Наиболее тяжкие преступления: сговор с врагом, т. е. измена, инспирация вражеского вторжения, изготовление фальшивой монеты и другие, — судил сам король, он же определял и меру наказания (обычно смерть с конфискацией имущества — Алеманнская правда, XXV).

Влияние римского права наблюдается в варварских законах о праве собственности на рабов, о сыске беглых рабов (по вестготским законам срок сыска увеличивался с 30 лет до 50). Действие римских норм защиты имущества, римской формы завещаний, римский принцип давности владения ускорили превращение аллода из наследственного владения в свободно отчуждаемую собственность. Благодаря этому влиянию быстрее упрочивалось положение индивидуальной семьи, ограждались права детей на имущество, раздел среди братьев при жизни отца становился нормой. Римская система наследования вела к ограничению круга ближайших родственников, имевших право на получение наследства.

Проводниками римского влияния в политической организации, судопроизводстве и праве были нотариусы — грамотные, образованные римляне, обладавшие необходимыми познаниями в области юриспруденции и дипломатики (искусство составления документов). Они были посвящены в политические дела и являлись советниками варварских королей. Благодаря их деятельности латинский язык становился государственным языком и инструментом усвоения римской культуры.

Основная тенденция исторического развития в раннее средневековье заключалась в постепенном преодолении пережитков родо-племенной разобщенности и упрочении социальных связей в рамках более широкой и единой этнополитической организации. В этом проявилась прогрессивная сущность раннесредневековой государственности в Западной Европе.

ГЛАВА 3

РИМСКАЯ ЦЕРКОВЬ И ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ВАРВАРСКИХ НАРОДОВ

В эпоху раннего средневековья римская церковь становится влиятельным политическим институтом и мощной опорой государства и королевской власти. Укрепляется экономическая основа ее могущества — крупное землевладение. Церковные патримонии были разбросаны по всей территории провинций Западной Римской империи, с распространением христианства возникали новые. Церковь поощряла дарения земли по мотивам благочестия (за спасение души от грехов — *remedia peccatorum*, на помин души) или защиты церкви от насилия частных лиц. Дарения были добровольными, и церковь строго охраняла свои имущественные права от протеста наследников, требуя составления письменного завещания, скрепленного подписями 6—7 свидетелей (например, по Алеманнской правде). Если даритель требовал обратно свое иму-

щество, то подвергался штрафу или даже отлучению; при этом оспариваемое имущество оставалось в собственности церкви²⁹¹. Церковное имущество было не отчуждаемо, разрешался только обмен, закрепленный документом. По варварским правдам кража церковного имущества каралась более высокими штрафами, обычно многократными.

Основание новых церквей и монастырей сопровождалось щедрыми дарениями королей и частных лиц, мелкие, рядовые землевладельцы объединялись для основания церкви, передавая ей в дар часть своих наделов. Особенно много земли жаловали церкви варварские короли после принятия христианства от римского духовенства. Недаром франкский король Хильперик жаловался, что королевская казна обеднела, так как королевское богатство перешло к духовенству: «одни епископы царствуют, одни они наслаждаются величием...» Остготское господство в Италии не ущемляло интересов римской церкви, хотя в Равенне, Риме и других местах были основаны арианские церкви. В самом начале остготского завоевания папа Гелазий (492—496) составил перечень церковных имений (патримоний), и впоследствии римская церковь строго оберегала свои владения от захвата новыми завоевателями (лангобардами, бургундами, франками и другими варварами). Церковная казна пополнялась за счет новых даров варварских королей. Например, римский папа Атапит в начале VI в. заложил драгоценную утварь за большую сумму золота, но в 536 г. весь залог был возвращен римской церкви в дар, а об уплате долга уже не говорилось в королевском документе²⁹². Церковь св. Петра в Риме получила от Теодориха Остготского около 1000 фунтов серебра на реставрацию собора, а епископ Арля принял в дар золотой слиток в 300 фунтов и 60 фунтов серебра.

Имели место незаконные притязания и захват имущества епископами, ректорами церквей, монастырей без достаточных законных оснований. Подобные жалобы нередко поступали в королевский суд от землевладельцев²⁹³. Церковь принимала под свое покровительство куриалов, уплачивала за них налоговые суммы, а земли должников присоединяла к своим²⁹⁴. Церковь использовала право предоставления убежища в собственных интересах. Оказывая защиту у алтаря лицам, преследуемым законом, требовала за это вознаграждение в виде передачи верховного права собственности на земельное имущество, а деимущих и освобожденных у алтаря рабов привлекала в качестве рабочей силы в церковных патримониях. Если в Эдикте остготского короля Теодориха было предусмотрено ограничение права церкви на защиту преступников (статья 114), то в других варварских законах это право признавалось безоговорочно, более того, устанавливались особые штрафы за нарушение привилегии алтаря.

С распространением христианства и укреплением положения церкви в варварских королевствах происходит феодализация церкви. Церковь не только становится крупным собственником земли и получает большой доход за счет эксплуатации своих держателей, но устанавливает особые подати со всего свободного населения и зависимых крестьян, живших на территории диоцеза епископской церкви. Вводятся большие штрафы за неуплату церковных податей (12-кратный по Правде Инэ, 4 — в англосаксонском обществе).

Большую роль в христианизации и упрочении влияния римской церкви сыграло монашеское движение. В 538 г. в Остготской Италии потомок старинного сенаторского рода, крупный политический деятель и ученый Кассиодор основал в своем поместье в Вивареze (Бруттия) монастырь, который стал центром церковно-литературной деятельности. Кассиодор составил руководство для монахов, т. е. наставления в монашеской жизни (*Institutio divinarum litterarum*) и определил круг обязательных занятий, среди которых на первом месте стояло занятие теологическими вопросами и разработка священных знаний. Кассиодор намеревался основать в Риме школу теологических наук и получил на это согласие папы Агапита, но готто-византийская война помешала осуществлению этого плана. В VI в. христианский проповедник Бенедикт Нурсийский вел проповедь полного отказа от жизненных благ и ухода из мирской жизни в мир духовного общения с богом ради спасения души. Он основал более десятка монастырей, среди них главный — на горе Монтекассино. Бенедикта чтили как божьего избранника, который шел сам и вел других по стезе спасения. Проповедник монашества составил строгие правила поведения в монастыре (устав св. Бенедикта), которые требовали отказа от имущества и поощряли дарения в пользу монастыря. Последователи Бенедикта Нурсийского (его «духовные братья») образовали религиозное братство (позднее орден св. Бенедикта). Возникали и другие религиозно-монашеские братства (например, орден св. Василия). В Северной Италии центрами монашеского движения были два монастыря: Боббио и Нонантула. В конце VII в. франки-паломники (странствующие миссионеры) похитили в Монтекассино останки св. Бенедикта и его сестры Схоластики и основали во Франкском королевстве два монастыря: св. Бенедикта и св. Схоластики. В Монтекассино остались, по преданию, только глаза и уста святого²⁹⁵. После разгрома монастыря лангобардами бенедиктинская обитель была восстановлена в начале VIII в. В Лангобардском королевстве в VII—VIII вв. появилось много новых церквей и монастырей с обширными земельными владениями. Поводов возникало немало: то обращение к святому за поддержкой в конце междоусобиц и войн, то упование на помощь во время стихийных бед-

ствий и неурожая, то благодарность за достигнутый успех, то неутешное горе по случаю гибели близких, то надежда на спасение в трудных жизненных ситуациях. Варварские короли часто искали поддержку римского духовенства и делали большие взносы на основание церквей и монастырей, дарили землю. В честь победы королевского войска над мятежником Алахисом в конце VII в. в Северной Италии на поле сражения был основан монастырь св. Георгия. Во время эпидемии 679—680 гг. из Рима в Тицин были доставлены останки св. Себастиана, в честь которого основали алтарь в епископской церкви св. Петра (город Павия). В VIII в. лангобардские короли имели свой королевский монастырь св. Спасителя, который объединил владения многих церквей и монастырей на севере королевства²⁹⁶.

Монашеское движение приводило к созданию монастырского землевладения. В целях увеличения земельных владений церковь поощряла дарение верховного права собственности на движимое и недвижимое имущество, при этом даритель сохранял за собой и на все время своей жизни пользование этим имуществом.

Короли жаловали церкви и монастырям не только земли, но и различные привилегии в виде сбора пошлин с торговых мест и переправ, освобождения от налогов. Если в VI в. такого рода привилегии являлись исключением⁹²⁷, то в последующее время эти доходы церковь считает своим вотчинным правом.

Папа Григорий I упорядочил управление церковно-монастырскими патримониями, требуя от управляющих отчета о податях колонов и рустиков, держателей церковных и монастырских земель. В формулах назначения ректоров (хранителей церковного и монастырского имущества) указывалось, что их верность епископской церкви требует тщательно следить за сохранностью и увеличением имущества, ростом доходности земель и обеспечением ее рабочей силой держателей.

Церковь добилась от варварских королей признания неприкосновенности своих земельных владений и движимого имущества. Остготские законы наказывали его кражу высшей мерой (смертной казнью по Эдикту Теодориха, § 125). Более высокий штраф за кражу церковного имущества был установлен бургундскими, алеманнскими, баварскими, англосаксонскими и другими королевскими постановлениями VII—VIII вв.²⁹⁸ В IX в. кроме штрафа за кражу в церкви вводился телесное наказание отсечением руки (Правда Альфреда, 6).

В светское законодательство был включен запрет отчуждения церковного имущества. *Edictum Theoderici regis papae Symmacho* — специальный эдикт остготского короля Теодориха 508 г. о неотчуждаемости церковных владений и расшире-

нии церковной юрисдикции, Алеманнская правда (т. XX), направленные на поднятие и укрепление статуса христианской церкви, вводили наказание для духовенства за подобные правонарушения.

Варварское законодательство содержит правовые нормы, предусматривающие особую охрану личности и имущества духовных лиц. Вводились повышенные штрафы за нарушение общественного порядка и спокойствия в церкви, так называемого церковного мира. По алеманнским законам убийство во вратах церкви каралось дополнительным штрафом в 40 солидов, а неприкосновенность духовного лица защищалась тройной композицией²⁹⁹. Вергельд духовных лиц по алеманнскому и франкскому законам составлял 600 солидов (в три раза превышал обычный). Нарушение распоряжения епископа каралось двойным штрафом по сравнению с подобным проступком в отношении светского правителя³⁰⁰. В герцогстве Бавария духовенство было защищено двойной и тройной композицией. За убийство епископа с виновного требовали золото весом в свинцовую тунику, сделанную по фигуре убитого епископа, что практически означало полную конфискацию имущества или передачу виновного в рабство (для исполнения сервильных повинностей³⁰¹).

В варварские правды включены суровые наказания за поклонение языческим богам, за языческие жертвоприношения, магические обряды, колдовство, за нарушение христианских законов. В Уэссексе (Правда Инэ конца VII — начала VIII в.) за работу в воскресенье раб наказывался «шкурой», а свободный терял свободу. Если раб делал это по приказу господина, то получал свободу, вероятно, поступал в распоряжение церкви, таким образом господин наказывался утратой собственности на раба. В Остготском королевстве в дни церковных праздников (пасха, воскресенье) запрещалось судопроизводство (Эдикт Теодориха, § 154). Постепенно церковь ужесточала наказания за нарушение установленных христианских правил, связанных с признанием догматов веры. Всюду вводилось запрещение работать по воскресным дням под страхом конфискации одной трети имущества. После третьего предупреждения Алеманнская правда присуждала нарушителя к пожизненному исполнению сервильных повинностей — т. XXXVIII. Баварская правда грозила телесным наказанием, конфискацией одной трети имущества и пожизненной сервильной службой — т. VII, 3 а.

Римская церковь приобретала политическую независимость от светской власти, имела собственную юрисдикцию. В 510 г. римский монах Дионисий Малый составил свод папских канонических писем, которым руководствовались церковные суды. Папа Гелазий настойчиво добивался от Теодориха Остготского признания церковной юрисдикции, и в VI в. дела духовенства

преимущественно разбирались в церковных судах, хотя королевский суд сохранял значение высшей инстанции³⁰². В 527 г. Эдиктом Аталариха была подтверждена церковная юрисдикция, иски к духовенству принимал и рассматривал сам папа или направлял их в суд епископа³⁰³.

Церковная юрисдикция распространялась на клириков, вдов, сирот и вольноотпущенников, остававшихся под покровительством церкви. К правонарушителям применялись особые церковные наказания: лишение сана и должности, отлучение от церкви, запрещение священнослужения. Церковные правила не допускали наказания смертной казнью, но в случае необходимости виновных передавали для наказания светским властям.

Церковь поставила под свой контроль семейные отношения, запрещая браки не только между кровными родственниками, но и теми, кто был связан родством в силу брачных уз. Эти церковные законы вошли в своды варварского законодательства. Алеманнская правда карала конфискацией имущества богатых, а низших свободных лишением свободы за брак с тещей, снохой, падчерицей, мачехой (т. XXXIX). Аналогичные запреты были включены под давлением церкви в лангобардские законы. Церковным правом и светскими законами такого рода брачные союзы объявлялись преступными (*pur-tias incestas*). По Салической правде наказанием служило расторжение брака и лишение детей права наследовать имущество.

В VI—VIII вв. усиливается влияние епископов в общественно-политической жизни, при королевском дворе. Высшее духовенство выполняло публично-правовые функции, активно участвовало в управлении. Согласно Прагматической Санкции Юстиниана, регулировавшей управление в Италии, епископы должны были взять на себя заботы городской администрации. Они занимались благотворительной деятельностью при продовольственных затруднениях, осуществляли выкуп пленных, ведали снабжением города из государственных зернохранилищ, строительными работами, восстановлением водопроводов и общественных зданий. Такого рода дела они вели и в остготский период³⁰⁴.

Епископы и священники занимали почетное место в служебной иерархии должностных лиц, выполняли контролирующие функции в управлении, доносили о злоупотреблениях судей и акторов, управляющих королевскими вотчинами, следили за соблюдением законов, производили отпуск рабов, выполняли нотариальные обязанности, осуществляли опеку над малолетними и их имуществом.

В раннее средневековье наметился тесный союз христианской церкви с королевской властью. Этот союз представлял обоюдный интерес, ибо христианское вероучение и христиан-

ская мораль, внушаемая проповедями священников, учила повиновению и смирению. Христианское духовенство в социальной сфере составляло единство с высшей, правящей верхушкой. Эта близость была обусловлена общностью интересов как материальных, так и политических. Недаром франкский король Хильперик говорил своим епископам: «ворон у ворона глаз не выклюет». Щедрыми земельными пожалованиями варварские короли приобрели поддержку церкви в утверждении государственных основ власти. В VI в. римские папы избирались под давлением остготских королей, и духовенство в своих проповедях поощряло преданность королю как «божьему избраннику»³⁰⁵. Синод, в который был введен готский чиновник, утверждал, что государь держит власть по милости божьей, что бог назначил короля для управления Италией.

В христианском вероучении разрабатывается официальная церковная доктрина о священной сущности светской власти. Эннидий в своих трудах развивает мысль о божественном руководстве делами короля. Раннесредневековые писатели, историки создают образ короля, который правит по милости бога, исполняя его волю, отвечая за свои поступки только перед богом. Мотивировка королевских законов пространно объясняет, что намерения короля соответствуют божьему внушению, что благодаря королевским постановлениям божья благодать нисходит на народ и в королевстве устанавливается мир и справедливость, а бедные и обездоленные получают помощь и поддержку, защиту от сил зла. Так церковная доктрина становилась частью политической идеологии, оправдывающей новую публичную власть, убеждавшей народ в необходимости подчинения властям и королю, которые якобы стоят вне классовых интересов, руководствуясь общехристианскими принципами справедливости и правосудия для всех подданных. Эти политические идеи раннесредневекового государства стали источником поздних средневековых представлений о королевской монархии, защитнике простого народа.

Начиная с VII в. усиливается феодализация церкви. Епископы уже мало отличались от светских магнатов, они вели распри из-за территорий своих диоцезов, совершали насильственные захваты земель, принимали участие в управлении делами государства, входили в состав королевского совета, возглавляли посольства, включались в политическую борьбу и участвовали в мятежах и междоусобицах.

Высшие церковные должности, ставшие источником крупных доходов, являлись предметом купли и продажи. Церковь обогащалась за счет сбора десятины, 1/3 церковных доходов главной церкви диоцеза (территориально-административного округа церковной юрисдикции) получали епископы, другая треть шла клирикам, остальное отводили на ремонт храма. Епископы не останавливались перед расхищением церковного

имущества, о чем красноречиво сообщают постановления церковных соборов.

Мелкие приходские церкви зависели от епископской и обязаны были определенными повинностями, оброком и денежным ценом, предоставлением содержания епископу и его свите в течение установленного срока. Между епископом и ректорами местных церквей и монастырей устанавливались бенефициальные отношения с условиями, зафиксированными в грамоте. Строительство частных церквей и монастырей на вотчинной земле увеличивало доходы землевладельцев и их влияние на местное население.

К началу VIII в. церковно-монастырская вотчина представляет собой характерный тип феодального хозяйства. Основную массу непосредственных производителей составляли зависимые крестьяне-держатели, обязанные оброком и барщиной. Церковные сервы отдавали церкви до половины урожая, в оброк входил и скот; барщина доходила до трех дней в неделю³⁰⁶. Церковные колоны также платили оброк и несли отработочные повинности. Возможности эксплуатации крестьян внутри вотчины увеличивались благодаря привилегиям церкви. В Вестготском королевстве, например, уже с VI в. клирики и церковные сервы были освобождены от некоторых публичных повинностей. С VIII в. церковь получает освобождение от уплаты налогов феодальному государству.

В VIII—IX вв. сложилась хорошо организованная система управления церковными и монастырскими вотчинами. Специально назначенные должностные лица ведали различными вопросами хозяйства, культа, охраны и использования церковно-монастырского имущества и доходов. Первым лицом после священника в церковной вотчине, аббата в монастырской были ректор и первый препозит, в их ведении находились земли под обработкой, стада, отданные в держание пастухам, дома и хозяйственные постройки. Декан возглавлял конгрегацию монахов, церковный хранитель следил за состоянием церкви и принимал милостыню, библиотекарь руководил деятельностью скриптория и следил за сохранностью рукописей. Хранитель грамот ведал документами монастыря или церкви. Были установлены специальные должности, ответственные за обеспечение пищей, напитками и утварью для литургий. Особый хранитель принимал оброк зерном, другой ведал содержанием странников и нищих. Певчий (*cantor*) руководил организацией церковного пения во время службы. Первый камерарий удовлетворял потребности монахов в одежде, обуви и утвари. Второй — ведал ремесленными мастерскими (оружейными, кузнечными, кожевенными, пергаментными, плотничьими). Младший препозит наблюдал за прочими мелкими работами. Виноградники и сады были поручены особым хранителям урожая.

Несмотря на успехи христианизации и укрепление экономических и политических позиций римской церкви, ее положение в VI—VIII вв. оставалось сложным. Все еще сильны были языческие традиции и арианство в среде германских завоевателей Римской империи. Варварские короли и дружины в IV—VI вв. принимали христианство в арианской форме, более близкой к понятиям патриархального быта народов.

Арианство как религиозное направление внутри христианства распространилось в Восточной Римской империи в 30-е — 40-е гг. IV в. Свое название оно получило от имени александрийского пресвитера Ария, который выступил против официальной александрийской церкви, ее богословских догматов и организации. На Никейском церковном соборе в 325 г. арианство было осуждено как ересь. В дальнейшем ариане (сторонники учения Ария) одержали победу на некоторых соборах. В 359 г. на арианском соборе в Римини была разработана и утверждена богословская концепция арианской церкви. Согласно арианскому учению, Иисус Христос признавался сыном божьим, подобным, но не равным отцу. Арианская церковь имела более демократическую организацию, более простой культ, не взимала десятины. Арианство было ближе к понятиям раннеклассового общества, поэтому варварские вожди, федераты Римской империи принимали христианство в арианской форме. Эдикт Феодосия I от 380 г. повелевал всем подданным исповедовать только официальную веру, которая объявлялась единственно правильной и всемирной — *fides catholica*. Арианство, таким образом, рассматривалось как ересь.

Готы стали переходить к арианству с IV в. В 325 г. на Никейском соборе присутствовал готский епископ Феофил. Гот Ульфилла впервые перевел Священное писание на готский язык. Деятельность арианских проповедников, направленных императором Валентом к вестготам, способствовала распространению арианства и в среде остготов³⁰⁷.

В конце IV — начале V в. религиозного единства среди готов не было: король Атанарих опирался на готов-язычников, а Фритигерн на тототов-ариан. Борьба за политическую гегемонию сопровождалась длительными гражданскими распрями.

Остготы, будучи в Паннонии в V в., лангобарды в VI в. принимали арианство, но крещение долгое время оставалось частным делом предводителей военных дружин, королей и герцогов. Сам по себе акт крещения не означал полного отказа от языческих верований и культа. Известно, например, что лангобардский король Альбоин перед походом в Италию перешел к арианской вере и на пасху 568 г. совершил обряд крещения. А лангобардский историк Павел Диакон упомина-

ет любопытный факт принятия новой веры двумя лангобардскими герцогами во время похода в Галлию, значит, спустя несколько десятилетий после крещения Альбоина в Паннонии³⁰⁸. В германской среде арианство получило широкое распространение, и после завоевания новых земель арианская церковь приобрела свои земельные владения (в Остготской и Лангобардской Италии, в Вестготском королевстве). Арианские епископы обладали судебно-административной властью, во многих городах до VIII в. функционировали две епископские церкви — католическая и арианская.

Варварские короли проводили индифферентную политику в отношении веры. Остготские короли отличались веротерпимостью, и никто из римлян не принуждался к перемене религии, и готы не подвергались преследованиям на основании религиозных убеждений. Римской знати предоставлялась полная свобода выбора религий³⁰⁹, послы готов заявили византийскому полководцу Велизарии: «...римские святыни пользовались от нас высшим почитанием...»³¹⁰. В то же время остготские короли поддерживали союз с римским папой и епископами Италии. Ворота Равенны, Тицина, Милана открыли Теодориху Остготскому архиепископ Иоанн, епископ Елифаний, епископ Лаврентий.

На готских графов была возложена забота об охране церковных патrimonий; захваченные готами владения миланского архиепископа Евсторгия и патrimonии в Сицилии и Нарбоннской Галлии возвращались в собственность римской церкви³¹¹. Щедрые земельные пожалования получала и римская, и арианская церкви³¹². Лангобардские короли, несмотря на принятие христианства по католическому обряду в VII в., официально поддерживали арианскую церковь наряду с римско-католической, допуская деятельность двух епископов в столице королевства, городе Павии. Центром ариан была базилика св. Евсевия, в которой совершалось крещение по арианскому обряду³¹³.

Среди варварских королей хорошо была известна приверженность лангобардов, в том числе и их королей, язычеству и арианству. Это обстоятельство послужило причиной отказа франкского короля выдать свою сестру замуж за лангобардского короля Аутари, хотя тот занимал прочные позиции в Италии после успешного похода на юг в конце VI в. Предпочтение было оказано вестготскому королю, державшемуся католического вероисповедания³¹⁴. Лангобардские короли и после крещения не чуждались языческих обычаев, часто обращались к услугам предсказателей и гадателей. Агилульф, правивший в начале VII в., и Лиутпранд в VIII в. запрашивали о своей судьбе толкователей снов и стихийных природных явлений³¹⁵. Приняв корону, Агилульф со своей супругой Теоделиндой перешли в католическую веру, установили тес-

ный контакт с папой и всей своей политикой способствовали упрочению влияния римской церкви³¹⁶. Однако, как видно из писем папы, не все герцоги лангобардов придерживались последовательно позиции короля в вопросах веры. Лангобардский историк Павел Диакон особо выделяет тех, кто придерживался католического обряда³¹⁷. Король Ротари в середине VII в., герцог Алахис в конце VII в. возглавили арианскую и языческую реакцию в лангобардском обществе, вызванную обострением внутривластных противоречий.

В эпоху раннего средневековья язычество в среде варварских народов не только не утратило своего значения, но часто становилось знаменем борьбы народных масс против христианизирующей гравящей знати. Приверженность язычеству использовалась и в борьбе претендентов на королевскую корону, поскольку короли выступали защитниками официальной христианской церкви.

Языческие представления обнаруживаются во многих преданиях, рассказанных историками той эпохи. Например, в рассказе Павле Диакона о бегстве его прадеда из аварского плена появляется образ волка-проводника, навеянный представлениями о культе этого зверя³¹⁸. Варварские законы полны символов, восходящих к языческим культам (ветвь как символ родства напоминает о почитании древесных прообразов человека, испытание котлом — о культовом предназначении этого предмета). Погребальные обряды тоже свидетельствуют о длительном сохранении языческих верований. В законах встречаются судебные казусы, связанные с ограблением могил. Около крепостных стен Тицина (Павии) известно языческое кладбище, давшее название предместью «Ad perticas». Павел Диакон объясняет значение обычая ставить шесты с изображением деревянной птицы на символической могиле лангобарда-воина, погибшего вдали от дома³¹⁹. Языческая вера в способность причинить вред человеку волшебными чарами заставила включить в Эдикт Ротари законы о наказании за изготовление и использование колдовского напитка, за применение трав во время судебного поединка³²⁰. Обвинение в колдовстве признавалось основанием для расторжения брака³²¹. Языческие обряды, предсказания, заклинания, хотя и преследовались законами, но сама суровость наказаний и настойчивость, с которой повторялись запрещения, — все является свидетельством живучести языческих традиций. В Остготской Италии высшее сословие за отправление языческого культа каралось конфискацией имущества и ссылкой, низшее — смертной казнью (Эдикт Теодориха, § 108). Дела о магии разбирала судебная коллегия сената, но она лишь утверждала решение, вынесенное королем через графа³²². Обвинения в магии постоянно разбирались в готских судах. По вестготским законам гадания, колдовство, ведовство, вредно-

ные магические действия наказывались обращением в рабство.

Языческие обряды глубоко вошли в быт и нравы народов Западной Европы, и церковь безуспешно боролась с ними, используя даже такую мощную силу, как право. «Религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен, так как во всех вообще областях идеологии традиция является великой консервативной силой», — писал Ф. Энгельс³²³.

С IV по IX вв. между язычниками, арианами и сторонниками римской церкви сохранялись острые противоречия, которые с трагической силой обнаруживались во время острых политических и классовых столкновений. Римская церковь укрепляла свой авторитет и влияние гибкой политикой, с одной стороны, искоренением языческой обрядности, с другой — включением ее отдельных элементов в христианский культ.

Г Л А В А 4

ФОРМИРОВАНИЕ РАННЕФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ОБОСТРЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Важнейшим результатом переселения народов и завоевания Римской империи было развитие производительных сил благодаря преимущественному значению труда свободных в земледелии. Варвары-воины осваивали новые области, становились крестьянами и, отложив оружие, брались за плуг. Один из современников рассказывал, как вестгот, точивший меч ввиду предстоящей войны, узнав о перемирии, воскликнул: «Пропала теперь война, принимайся снова за плуг»³²⁴. В период раннего средневековья свободные крестьяне освоили не только заброшенные и запущенные земли на территории Римской империи, но и обширные, ранее безлюдные области. Своим трудом они превратили леса, долины и подлески в пастбища и пахотные угодья, использовали реки для устройства водяных мельниц. Водяные мельницы появились всюду, во франкских, североиталийских, вестготских, буртундских селениях.

Удельный вес сельского хозяйства в экономике заметно повысился. Произошло расширение площади культивируемых земель, велась расчистка лесов под пашни, запашка участков, примыкающих к дорогам и переправам. Подъем сельского хозяйства у вестготов после расселения их в Испании в VI в. дал возможность экспортировать хлеб в Италию. С остготским завоеванием Италии в конце V в. тоже расширилось

свободное среднее и мелкое землевладение. Повсюду началась внутренняя колонизация. Уступка фискальных земель с условием проведения мелиоративных работ и освобождением от налога производилась в форме безусловных дарений и эмфитевзиса. Готы и другие варвары приобретали земельные наделы (терции) в частную собственность и получали земельные пожалования за службу, которые тоже были отчуждаемыми. С другой стороны, новые землевладельцы пользовались разорением куриалов, скупая их земли или отбирая их за долги³²⁵. Остготские законы ориентированы на защиту новой межи, признанной, согласно совершенному акту отчуждения (Эдикт Теодориха, § 105), на защиту земельной собственности, подтвержденной документом (§ 138). Новая земельная знать часто применяла незаконные средства для своего обогащения, обходила законы и не считалась с постановлениями королевской власти³²⁶.

Увеличивалась плотность сельского населения. Земледелие развивалось под значительным влиянием римской агрокультуры. Применялись многократные вспашки, велись посевы более урожайных культур (постепенно пшеница стала превалировать над полбой). Однако в VIII—IX вв. основную часть оброка все еще выплачивали полбой. Ячмень занимал главное место среди зерновых. Эта культура, мало чувствительная к изменениям климата, устойчивая к засухе, рано созревает, поэтому ее посевы распространились в холодных областях Германии. Зерно употребляли для выпечки хлеба, для приготовления каши, для изготовления пива, на корм лошадям. Выращивали просо (крестьяне отдавали пшеницу в оброк, а сами питались этой менее ценной культурой), овес (на корм лошади), озимую рожь, которую тогда называли «германским хлебом».

На земли франков, в рейнские, дунайские области, на Рону и Луару продвигалась культура винограда. Ее распространение на север вело к применению новых способов использования урожая. Незрелые, зеленые грозди плодов срезали и выжимали сок, который смешивали с медом, кориандром и другими пахучими травами. В рейнской области культура винограда из долин переводилась на холмы, посадки ивы шли рядом; это давало возможность использовать иву для подвязки лозы и на обручи к бочкам.

Особое место в агрокультуре стало занимать садоводство и огородничество. Вначале использовали дикорастущие плодовые деревья в лесах, на опушке леса, на меже в поле (в лесах Нормандии было до 12 сортов дикорастущих яблонь). Затем стали переходить к культурному разведению садов. Сад и огород с пчелиными ульями стал неизменной принадлежностью усадебного двора. Разные сорта плодовых деревьев сажали группами; отдельно стояли яблони, груши, сливы, по-

среди виноградника сажали вишню, персики, солнцелюбивые деревья. С VI в. франки сеяли римские овощи и ароматические травы: сельдерей, кориандр, укроп, порей. В IX в. фруктовый сад в монастырской ограде был соединен с кладбищем.

Садоводство и огородничество наряду с посевами зерновых характеризует более сложное, многоотраслевое хозяйство крупных вотчин VIII—IX вв. Увеличиваются посевы льна, конопли, растений, используемых для окраски и отделки тканей (вайда, вермель, крап, ворсянка, красильный дрок, марена, шафран). Выращивают хмель для пивоварения.

В период раннего средневековья совершался переход от двухпольной системы к трехполью. Однако в южных областях, в Вестготской Испании, в Италии, в южном регионе Франкского королевства из-за недостатка влаги яровые культуры не сеяли, там сохранялось двухполье. Трехполье широко стало распространяться с VIII в. Оно имело целый ряд преимуществ: деление земли на три клена увеличило общий объем посевной площади (под озимым и яровым находилось 2/3) и получаемого урожая зерновых; риск потери урожая из-за погодных условий сократился, так как озимые и яровые выращивают в различное время (посев озимых производится осенью, яровых — весной, жатва тоже приходится на разное время лета и осени). Сельскохозяйственные работы (пахота, посев, жатва) распределялись равномернее в течение всего сезона, следовательно, лучше обеспечивались рабочей силой. Правда, уменьшалась площадь пастбищ по жнивью, что имело немаловажное значение для крестьян, но культурное травосеяние восполнило эту потерю. К тому же и чересполосица затрудняла обработку земли, вела к постоянным стычкам с соседями.

В развитии скотоводства появляется новая прогрессивная тенденция: животноводство становится неотъемлемой частью земледелия. Большое место в хозяйстве отводится стойловому содержанию скота. Скот на ночь запирали в стойлах на замки и засовы. Зернохранилища — амбары и сеновалы — обязательная принадлежность крестьянской усадьбы. При стойловом содержании скота увеличилась степень сохранности приплода, появилась возможность применения естественных удобрений при выращивании огородных культур. Разведение крупного рогатого скота обеспечивало пахоту и другие сельскохозяйственные работы, транспортировку тягловой рабочей силой. Продолжается разведение новых, улучшенных пород тяглогового скота и лошадей. Лошадь в качестве тягловой силы начинает использоваться только с IX в., вначале во Франции. В Италию в конце VI в. впервые были доставлены германские лесные лошади (особая порода — *cavalli silvatici*) и вола (*bubali*), которые воспринимались местным населением Италии как «чудо и диковинка»³²⁷.

Важное значение приобретает коневодство, преимущественно в военных целях. Германских лесных лошадей, низкорослых и выносливых, использовали для выведения новых пород, пригодных для конного войска.

Пастьба скота становится делом, требующим особого внимания. Правовые нормы предусматривали возмещение ущерба, причиненного скотом при беспастушеской пастьбе. Одновременно законы предупреждают и от самочинной расправы за потраву. Скот продолжает оставаться главным богатством крестьянской усадьбы, обеспечивающим ведение хозяйства.

Крестьянские дома были деревянные, с земляным полом, конек крыши иногда украшали затейливой резьбой (например, бавары). Большие усадьбы имели кухни, пекарни, бани. Дома строились из бревен и досок, имели крепления из балок.

Варварские правды, королевское законодательство, картулярии (собрания частных грамот), описи церковных и монастырских владений, капитулярий Карла Великого об управлении поместьями рисуют два последовательных этапа в развитии аграрных отношений раннего средневековья. На первом этапе (V—VI вв.) основу сельскохозяйственного производства составляла свободная, соседская община и свободный крестьянин. На втором (VII—VIII вв.) происходит формирование раннефеодальной вотчины с классом феодально-зависимого крестьянства, объединявшего в своем составе свободных и лично-зависимых держателей.

Свободные землевладельцы-общинники были полноправными членами общества, участвовали в народных собраниях, из них формировалось военное ополчение. Они владели участками пахотной земли, которые лежали чересполосно в общих полях и пользовались равными правами на общинные угодья (германская альменда): луга, леса, реки, водоемы, дороги. Межой для участков обработанной земли служили канавы, камни, деревья, на камнях и деревьях высекали знаки, указывающие на владельца.

Общинники жили своей усадьбой, двор-усадьба назывался латинским словом «каза» (дом-двор), «вилла» или *curte* («двор»). Несколько дворовых обособленных поселений составляли общину с точно обозначенной территорией (это — вилла у франков, марка у зарейнских германцев). Крестьянская усадьба-двор имела жилой дом, пристройки для скота, строения различного хозяйственного назначения, огород, сад.

Право частного владения на недвижимость распространялось прежде всего на усадьбу с садом и огородом и участки пахотной земли. Последние лежали чересполосно, поэтому сельскохозяйственные работы требовали принудительного севооборота. Салическая правда имела в виду такой порядок обработки полей, предусматривая штраф за нарушение права свободного проезда через чужое незасеянное еще поле. Гра-

ницы полей не всегда были точно установлены, и законы допускали непредумышленную запашку чужого поля. С развитием частного права на землю появляются владения за изгородью.

Согласно Салической правде вселение в общину нового члена было обусловлено согласием всех соседей-общинников (титул «О переселенцах» — XIV). Земельное владение пахотной землей (аллод) было частью общинной собственности, неотчуждаемым владением и передавалось по наследству вначале членам большой семьи (сородичам, братьям, которые были и соседями), а затем переходило только от отца к сыновьям.

В соседской общине еще сохранялись кровнородственные связи и объединения (лангобардская фара, алеманнская генеалогия). Родственники до шестого колена имели право на получение брачных взносов при выдаче замуж вдовы (Салическая правда, т. XLIV), части движимого имущества (т. LIX), участвовали в уплате и получении вергельда (т. LVIII, I — «О горсти земли»).

Пережитки обычного германского права, признававшего участие женщины в кровной мести, сохранились у алеманнов, баваров, лангобардов, франков. У франков в уплате вергельда участвовала сначала мать, а затем отец убийцы. По Алеманнской и Баварской правдам женщина привлекалась к судебному поединку (Алеманнская правда LIV, 2; Баварская правда IV, 29). У лангобардов только в VIII в., по законам Лиутпранда, это было запрещено (статья 13).

В соседской общине интенсивно шел процесс распада больших семей на малые. Ограничивался круг родственников, имевших право на наследование имуществом. С середины VI в. у франков получили право на наследование аллода женщины (дочери при отсутствии сыновей), что послужило важной предпосылкой для превращения аллода в отчуждаемую собственность³²⁸. По бургундским, алеманнским, вестготским и лангобардским законам аллод является уже свободно отчуждаемой собственностью. В VII—VIII вв. наследодатель особо оговаривал право дочери на долю в земельном наследстве даже при наличии сыновей. Появляются попытки приобрести частное право владения на общинную землю. По Алеманнской правде, желающий поставить мельницу на берегу должен был заручиться согласием общинников-совладельцев или приобрести права и на другой берег (титул LXXXV, 4). При переходе общинных угодий в частное владение (фактический раздел их) возникало много недоразумений и протестов. Эта ситуация споров о границах частного права отражена в Баварской правде: случайное нарушение границ с восстановлением знаков в присутствии соседей не оплачивалось штрафом (т. XII, 3). Долгое время колодцы с

водой считались общими для многих, живших по соседству. У лангобардов сохранился закон, наказывающий за отказ в пастьбе после уборки урожая.

По мере развития частной собственности на движимое имущество и укрепления частного права на владение землей растет имущественное неравенство свободных общинников, что ярко отражают варварские правды. Сделки свободных с рабами, совместные кражи, случаи ограбления рабов свободными на небольшую сумму считались позорными для свободного и расценивались как результат крайней нужды, в которой оказались малоимущие. Высокие штрафы за преступления тяжелым бременем ложились на малые семьи, богатые родственники предпочитали отказываться от прежнего порядка совместной уплаты вергельда. Рост задолженности общинников показывает распространение займов и долговых обязательств, уже нормы обычного права регулировали порядок выдачи и возмещения залогов, взыскания долгов.

Имущественная и социальная дифференциация углублялась по мере укрепления королевской власти. Вселение в общину по королевскому разрешению (Салическая правда, т. XIV, 4), королевское разрешение на переселение у лангобардов (Эдикт Ротари, 177), т. е. оседание дружинников на земле, ущемляло права общины и сокращало общинный земельный фонд. Свободные, занятые на королевской службе, имели повышенный вергельд, обычно тройной, а зависимые, т. е. рабы, приближались к статусу свободных.

Войны обогащали военно-служилую знать и разоряли свободных общинников, так как надолго отрывали их от своего хозяйства. Обременительным стало военное снаряжение, железное защитное и наступательное оружие, служба на коне.

В IX в. основная масса крестьян уже не могла материально обеспечить службу в королевском войске за свой счет. Военное обложение соответствовало величине наделов и стало регулярно собираемым налогом.

Эволюция аллода в свободно отчуждаемую собственность, переход общинных угодий в индивидуальное пользование, а затем в частное владение, глубокое имущественное и социальное расслоение свободных общинников привели на втором этапе (VII—VIII вв.) к формированию вотчинного землевладения. Этот процесс сыграл определяющее значение в классообразовании и возникновении феодально-зависимого крестьянства. Утрата аллода вела к изменению социального положения: собственник-земледелец превращался в держателя, обязанного повинностями за право вести хозяйство на своем наделе. Завоеванными землями распоряжались короли и их военачальники. Началось наступление на общину, ограничение общинной собственности и прав общинников путем дарений и пожалований земли служилым людям и церкви.

Дарения сопровождалось предоставлением иммунитета, который освобождал получателя дарения и население его владений от вмешательства королевской власти в дела управления. Таким образом, землевладелец, попирая права общины, сам вершил суд, собирая судебные штрафы, созывал народное ополчение и взимал налоги. Землевладельцы получали административно-судебную власть в пределах вотчины и реальные основания для внеэкономического принуждения.

Римское влияние ускорило превращение аллода в свободно отчуждаемую собственность, поэтому в Италии, Испании, Южной и Нарбоннской Галлии (Бургундия) процесс классообразования и феодализации шел быстрее, чем в Северной Галлии, Британии и зарейнских областях.

Остготы в Италии, бургунды в Галлии, вестготы в Испании владели своими наделами на правах частной собственности. У остготов это подтверждалось особым документом, полученным от короля после произведенного земельного раздела. Согласно Бургундской правде аллод можно было не только передавать по наследству, но и отчуждать. В поздних варварских правдах (Баварской, правде хамавов), в вестготских и лангобардских законах, относившихся к VIII в., имеются упоминания о купле-продаже земли. Местные мелкие землевладельцы, в том числе и римляне, обремененные налогами и повинностями, оказались в тяжелом положении. Земельный раздел нанес непоправимый удар по крестьянскому хозяйству. Малоземелье, материальная нужда, насилия знатных, междоусобицы заставляли римских посессоров отдаваться под патронии крупных магнатов. Многие свободе и независимости предпочитали получение земли в держание на условии несения повинностей покровителю.

Ранней формой отчуждения аллода было дарение земли частным лицам и церкви по мотивам христианского благочестия. Этой формой вознаграждения за исполнение личной службы широко пользовались светские правители (короли, герцоги и другие представители военной верхушки). Военные предводители, как и короли, основывали верховное право распоряжаться всей землей на древнем обычае, по которому они считались представителями общеплеменной организации. В силу завоевания, по праву войны вся земля, принадлежавшая народу, оказывалась в распоряжении того, кто представлял народ-войско. Военачальник (король или герцог) решал все, что относилось к общественному устройству народа-войска, распространяя свои полномочия и на его собственность. После земельного раздела военные предводители стали свободно распоряжаться неподеленными землями, считавшимися общинной собственностью. Их верные слуги, дружинники, должностные лица получали земельные пожалования вначале в полное, безусловное, наследственное владение.

С принятием христианства и упрочением союза королевской власти и церкви много земли было пожаловано духовенству для организации епископской церкви и монастырей. Землевладельцы тоже дарили свои земли или епископской церкви, или для основания частных церквей и монастырей, последние подчинялись юрисдикции епископа и с течением времени переходили под покровительство епископской церкви, передавая ей право верховной собственности на недвижимое имущество.

Акты дарения в зависимости от их мотивов и имущественного положения дарителя имели различные последствия. Крупные землевладельцы своим дарением не наносили ущерба ни своему имущественному, ни социальному статусу. Средние землевладельцы обычно тоже не связывали себя цензом, но с VIII в. таких дарителей становится все меньше и меньше. Малообеспеченных акт дарения ставил в новое положение. Социальный статус дарителей или получателей дарения мог резко измениться, если устанавливались прекрасные отношения. Получив землю в дар или передав право собственности и не имея других средств к существованию, они превращались в держателей и принимали на себя обязательство уплаты ценса. Условия дарения предполагали лишение земли за неуплату ценса, такое обязательство принимал на себя традент (передающий землю другому лицу, точнее, право собственности на землю по грамоте). Разорвавшиеся мелкие землевладельцы превращались в зависимых держателей, а разбогатевшие аллодисты, дружинники, крупные монастыри и епископские церкви становились владельцами обширных вотчин, зачастую разбросанных в разных местах и состоявших из отдельных дворов-усадеб.

Так складывалось феодальное светское и церковно-монастырское землевладение, основанное на использовании труда зависимых рабов, колонов, литов, альдиев и свободных держателей, обязанных натуральными повинностями (отработками и оброком в виде скота, зерна, вина, продуктов домашнего ремесла, плодов, овощей и т. д.). Иногда оброк имел денежное выражение, но при уплате мог быть заменен натурой.

Вотчина вторгалась на земли общины, подчиняя вотчинному праву даже свободных аллодистов, поскольку служилая землевладельческая знать приобретала иммунитет, и ее владения были свободны от действий королевских чиновников по сбору налогов и созыву военного ополчения. Землевладелец, получивший иммунитетную грамоту, сам вершил суд, собирал налоги и набирал войско. Это открывало путь к внеэкономическому принуждению крестьян, живших в пределах действия вотчинного права.

Хозяйственный распорядок крупной вотчины и формы эксплуатации зависимых крестьян характеризует «Капитуля-

рий о виллах» Карла Великого. Королевские поместья стали возникать еще в эпоху Меровингов. Меровингские короли выстроили много укреплений на расстоянии одного дня пути, предназначая королевские дворы-усадьбы для содержания королевского двора и дружины. Королевские дворы на месте снабжали короля со свитой и дружиной продовольствием и всем необходимым. Резиденция короля часто менялась. Доходы короля и имущество усадьбы составляли добровольные приношения свободных, оброки крестьян, сидевших на королевских землях, судебные штрафы, продукция дворовых ремесленников и доход с земли, обрабатываемой дворовыми сервами (рабами-министериалами).

Частные светские и церковно-монастырские вотчины были организованы подобным же образом. Примером крупного монастырского хозяйства VIII—IX вв. были монастырь Боббио в Италии, Сен-Галленский монастырь близ Боденского озера (в герцогстве Алеманния). Держатели Сен-Галленского монастыря платили оброк вином и хлебом, 14 дней в году выполняли работы в господском хозяйстве, некоторые были обязаны только денежным цензом, встречается по документам и комбинированный ценз — деньгами в сочетании с натуральными поставками продуктов. Прекаристы брали обязательство обрабатывать земли монастыря своим инвентарем, засеивать своими семенами, убирать урожай и свозить зерно в монастырские амбары своими транспортными средствами. Денежный ценз имел тенденцию к увеличению: дети дарителей вместо 1 солида платят уже 2—3.

Вотчина зачастую не была компактным владением, ее земли были разбросаны в разных местах, и свободная община постепенно втягивалась в сферу ее эксплуатации. Вотчинное право распространялось на господскую усадьбу с землей, обрабатываемой личным трудом дворовых (лично зависимыми сервами) и крестьян, обязанных барщиной. Эта часть вотчины называлась господским мансом (наделом), позже доменом. Большая часть вотчинной земли находилась в руках крестьян — держателей наделов (их называли прекарисстами, т. е. получившими землю для ведения хозяйства по просьбе, т. е. по прекарной грамоте). Одни имели полный надел, другие — часть его; независимо от своего личного статуса (раб, колон, лит, альдий, вольноотпущенник, свободный) они несли повинности, которые следовали по обычаю с данного надела. Эти повинности состояли из оброка, барщины и отработочных повинностей (например, доставка леса на своих повозках, перевозка продуктов, обеспечение строительным материалом). В сферу вотчинного права входили общинные угодья, которыми ранее распоряжалась свободная община, а по вотчинному праву за пользование лесом, выгоном, рекой, водоемом взималась особая плата.

Сторонники «вотчинной теории» и ее современные интерпретаторы считают вотчину основной социально-экономической ячейкой общества, признавая эволюцию лишь в замене мелкой вотчины крупной. Они отвергают аграрный переворот, заключавшийся в резкой дифференциации свободного крестьянства и превращении его основной массы в феодально-зависимый класс средневекового крестьянства.

Теоретические и локально-исторические исследования советских ученых показали наличие множества категорий свободных и зависимых людей, втянутых в сельскохозяйственное производство в качестве или свободных собственников земли, или ее держателей. Разорение свободных общинников и рост числа держателей происходил в результате одновременного действия многих причин. Важнейшими являются следующие: 1) ослабление и исчезновение родовых связей при сохранении обычных правовых норм делало крестьянское хозяйство менее устойчивым (уплата высоких судебных штрафов грозила потерей собственности); 2) военная служба требовала больших материальных затрат на вооружение и снаряжение всадника и пехотинца; 3) междоусобицы и постоянная угроза уничтожения крестьянских строений, жилищ, запасов урожая; 4) обременительные налоги. При постоянно действующих факторах — эволюции аллода и практики земельных раздач указанные выше причины наносили сокрушительный удар по общине.

Благодаря хозяйственной инициативе мелких крестьянских хозяйств в условиях экономического и внеэкономического принуждения стал возможен подъем производительных сил на опромной территории земель, которые осваивались путем внутренней колонизации. Не вотчина, а мелкое крестьянское хозяйство труженика, прочно связанного с землей и заинтересованного в результатах своего труда, являлось в эпоху феодализма главной производственной ячейкой, обеспечивавшей экономический прогресс.

В период раннего средневековья эволюция аллода привела к появлению широкого промежуточного слоя мелких земельных собственников, которые стояли между феодальными вотчинниками и рядовыми свободными аллодистами. Германия (ее зарейнские земли) особенно выделялась многоступенчатой структурой аллодиальной собственности и большим количеством свободных аллодистов, сохранявших свою экономическую и социальную независимость очень долго, вплоть до XI в. Особенности превращения полноправных свободных землевладельцев-общинников в феодально-зависимых крестьян в Германии IX—XII вв. ярко выделил А. И. Неусыхин, показав значение мелкой вотчины и ее эволюцию.

Итогом глубоких социальных изменений в аграрном строе VIII—IX вв. было утверждение феодальной собственности на

землю и возникновение основных феодальных классов: зависимого крестьянства и крупных землевладельцев, светских и духовных феодалов.

Феодално-господствующий класс сложился на основе слияния военнотрудовой аристократии с разбогатевшими аллодиатами, получавшими за несение военной службы бенефиции. В средние века это латинское слово означало землю, право на которую было обусловлено военной службой, либо исполнением какой-нибудь должности. Бенефиции представляли собой условные земельные пожалования. Отдельные случаи установления бенефициальных отношений встречаются с VI в. Король давал землю в пожизненное пользование за службу, после смерти получателя бенефиция его владение переходило не сыновьям, а снова в королевскую собственность и король мог передать его кому угодно. Именно так случилось, когда остготский король Теодорих передал готу Ферриолу бенефиций Бенедикта, взял под свою защиту и покровительство сыновей последнего в надежде, что они по достижении совершеннолетия будут наследовать обязанность отцовской службы *servitia paterna*, а до этого момента земля была отдана тому, кому король поручил осуществлять королевскую опеку (*tuitio*)³²⁹.

Бенефициариев, среди которых были личные слуги, сотарицы, верные дружинники, называли «своими людьми», не выделяя их правовой статус. Такое обращение тоже подчеркивало новый характер зависимости, основанной на добровольной службе и соблюдении верности. Близость, осмысленная как следствие почти семейных отношений, отражена в другом термине, тоже применявшемся для обозначения людей, связанных присягой верности и службой — *familiares*. Их положение в свете безусловного подчинения патриархальной власти главы семьи (фамилии) закреплял закон, запрещавший выступать обвинителями в суде против своих господ (Эдикт Теодориха, § 48, 49). *Familiares* на службе у епископов составляли его вооруженные отряды, имевшие полицейские функции³³⁰.

Личная служба и новая форма зависимости, связанная с поземельными отношениями, долгое время выражалась словами одного корня с обозначением рабской зависимости. *Servientes*, т. е. выполняющие обязанности, повинности (среди них даже королевские чиновники³³¹). *Servitutes* — повинности, разнообразные службы. Готский историк Иордан обозначал термином *servitium* то форму политической зависимости³³², которая могла быть основанием уплаты дани, то характер военной службы союзников главенствующего вождя³³³ (остготские короли на службе у Атиллы). Термином *famuli* историк пользовался, говоря о дружинниках в свите господина³³⁴, о вождях федератов Византии, о короле Теодорихе³³⁵.

В документах VI—VII вв. термин *servitium* означал и рабскую зависимость, и личную службу, и подданство, и придворную должностную обязанность.

Бенефиции получили большое распространение со времени военной реформы Карла Мартелла. В VIII в. они способствовали развитию феодальных отношений вширь, возникало новое военно-феодальное сословие — рыцарство. В IX в. бенефициальные земли (ленные держания) приравнивались к наследственному владению (феоду).

Прекарные отношения, коммендация и долговая кабала были основными способами закрепощения свободного крестьянства. По прекарной грамоте земля предоставлялась собственником в держание, следовательно, для обработки и ведения хозяйства при условии выполнения повинностей, указанных в грамоте. В образце подобной грамоты (формуле) мотивом соглашения названа повседневная нужда. В прекарные отношения вступали аллодисты, которым угрожала потеря земли за долги, поэтому они, передавая право верховной собственности на свой аллод, продолжали вести хозяйство на той же земле, но теперь уже как держатели, обязанные уплатой ценза. Малоземельные на условии прекария получали дополнительные наделы, но как держатели тоже попадали в поземельную зависимость. Поскольку крупные землевладельцы были заинтересованы в том, чтобы их земли обрабатывались трудом зависимого населения, они привлекали в свои вотчины рабочую силу льготными условиями держаний. По капитуляриям VIII—IX вв. повинности прекаристов незначительны: кроме денежного или натурального оброка (чинша), требовалась барщина, которая составляла всего три дня в году. Эволюция держания вела к сближению свободных держателей с зависимым населением вотчины, к превращению собственника в зависимого держателя надела. Церковный прекарий имел обязательное условие: хорошее качество обработки земли прекаристом.

Предпосылкой развития прекария с VII в. было обнищание свободного крестьянства. Бедняки ходили по селениям и усадьбам в поисках земли и работы, бродяжничали, жили подаянием. Церковные соборы даже выносили специальные постановления о мерах социального призрения, о содержании за счет церкви обнищавших дарителей или их наследников. Таким путем церковь поощряла к дарениям, помогала освободиться от социально опасных бунтарских элементов и находила способ обеспечения своих вотчин рабочей силой.

Коммендация означала переход свободного человека, иногда вместе с имуществом, под покровительство другого, более богатого и сильного человека. Коммендировавшийся принимал на себя обязательство нести службу, признавать подчинение, оказывать послушание. Это условие предполагало со-

хранение статуса свободы, но фактически ставило свободного в положение личной зависимости. Мотивом коммендации могла быть бедность или стремление заручиться поддержкой ввиду предстоящего опасного судебного процесса. Коммендированный освобождался от ответственности за преступления, совершенные по приказу своего господина. Господин вел своих людей в поход, приказывал им, имел право наказывать коммендированных. В случае ухода и нарушения условий коммендации господин получал в собственность половину имущества, приобретенного коммендированным. Клирики, лица духовного звания отдавались под покровительство своих епископов, за что тоже получали землю и несли платежи. Нарушение принятых обязательств каралось законом.

Коммендация усиливала зависимость держателей-крестьян; как форма личных связей, она сыграла определенную роль и в развитии бенефициальных, вассальных отношений, основанных на личной службе за вознаграждение землей (слово «вассал» по-кельтски означало слуга).

Кабала ставила свободного в полную зависимость от землевладельца, власть последнего распространялась на личность и имущество. Мотивом отдачи себя в кабалу по грамоте служила материальная нужда, затруднения с уплатой долга, судебных штрафов. Кабала вела к установлению личной зависимости и выполнению самых тяжелых и обременительных повинностей, которые считались отработками за долги, за совершенные преступления (убийство, кража и т. п.).

Красноречивые свидетельства источников о возникновении класса земельных собственников, эксплуатировавших труд держателей, факты расслоения свободных общинников и данные об увеличении числа малоземельных и безземельных держателей опровергают концепцию о так называемых «королевских свободных», составлявших основное сословие в ранне-средневековом обществе. Сторонники этой концепции (школа Т. Майера и Г. Миттейса) считают, что королевская власть, а следовательно, по их мнению, и монархия, имела своей единственной социальной основой землевладельческую знать, носителей древнегерманской свободы и традиций, которые занимали главенствующее положение благодаря наследственной родовитости. Некоторые ученые допускают лишь факт пополнения их рядов военнотрудовой верхушкой, выделявшейся своим земельным богатством. «Королевские свободные» наряду с христианством и древнегерманскими традициями являлись якобы тремя опорами, которые позволили Карлу Великому создать колоссальную империю. Историки пытаются убедить, что внутри такого общества не могло быть социальной дифференциации, а значит, исключены мотивы классовых конфликтов, франкское общество представляло собой образец социального мира и порядка. Другие историки (школа М. Бло-

ка, Ж. Дюби) допускают социальную эволюцию в период раннего средневековья и не отрицают имущественного расслоения свободных, но не придают особого значения последствиям этого явления.

Длительный процесс эволюции статуса свободы завершился коренными изменениями во всей социальной структуре общества под влиянием формирования феодальной собственности на землю. Возвышение военно-служилой знати и ее союз с римской аристократией и церковью положил начало образованию класса феодальных собственников земли. Дальнейшее расслоение свободных общинников и привлечение на королевскую службу верных людей независимо от их правового статуса (свободных и рабов) расширило социальный состав господствующего класса. Одновременно среди полноправных свободных углублялась имущественная дифференциация и появлялись социальные различия. Варварские правды свидетельствуют о появлении долговых обязательств, залогов, показывают трудности со взысканием долгов, заинтересованность богатых общинников в разрыве родственных связей, так как выход из парентеллы (коллектив родственников-сонаследников) освобождал от совместной уплаты вергельда, от имущественных связей (выделение части имущества в качестве наследственной доли), от сопричастности. С конца VI в. отменяется порядок коллективной уплаты вергельда (Салическая правда, т. LX — «о желающем отказать от родства»). Происходит дифференциация вергельда, и право санкционирует объединение нескольких лиц для его уплаты.

Обеднение значительной части свободных общинников привело к изменению их социального статуса. Понятие «свобода» приобретает новые черты: если прежде свобода ассоциировалась с полной правоспособностью, то позже означала лишь освобождение от некоторых обязанностей, обычных для несвободных. Низшие свободные теряли независимость и вместе с тем право на защиту достоинства свободной личности. К ним применяются телесные наказания и принуждение к сервилным повинностям. По алеманнским и баварским законам за нарушение церковных правил при заключении браков за неповиновение властям низшие карались смертной казнью или тюремным заключением.

Землевладельцы вкладывают более материальное значение в понятие зависимости. Нюансы правовых различий служат основанием для установления повинностей. С этой точки зрения меняется статус рабов, литов, альдийев. Они приобретают имущественную самостоятельность и некоторые права на охрану безопасности, судебную защиту и личную ответственность перед судом.

Вводится имущественный ценз для определения места службы в войске. Крупные землевладельцы сами формируют

военные отряды, заменяя нетитульным и малоземельным военную службу отработками. Соответственно величине земельного владения устанавливается вид вооружения.

По реформе лангобардского короля Айстульфа с тяжелым вооружением являются в войско крупные вотчинники, имеющие 7 и более крестьянских, тягловых дворов. С легким вооружением на коне служат землевладельцы, имеющие до 40 ютеров земли, остальные мелкие землевладельцы были обязаны службой в пехоте (такую структуру имело лангобардское войско в VIII в.).

Военная организация была обусловлена развитием феодального землевладения, и сама приобретала феодальные черты. Главной силой становится кавалерия, а служба в войске — привилегией землевладельцев, живших трудом крестьян. Даже владельцы полного крестьянского надела не могли позволить себе воспользоваться старинным правом участия в военном походе, так как стоимость снаряжения конного воина значительно выше дохода с крестьянской усадьбы.

Феодальная знать обеспечила себе привилегии, которые определяли ее положение как высшего сословия. Обладание земельными богатствами было связано с политическим влиянием, так как в руках крупных землевладельцев была сосредоточена военная власть и функции государственного управления (суд, сбор налогов, созыв войска, строительство укреплений и дорог). Тщетными были увещевания королей по поводу насилий над свободными крестьянами-собственниками. В одном из капитуляриев начала IX в. говорится о злых ухищрениях, которыми духовенство и графы отнимают имущество бедных, ищут случая, чтобы осудить бедняка, заставить его идти на войну, пока, оскудевши, он не продаст или не передаст свою собственность.

Процесс формирования господствующего класса тоже был сложным, длительным и зависел от многих факторов этнического, политического и социально-экономического развития отдельных регионов. Так, на юге Франкского королевства, в Вестготской Испании и Лангобардской Италии в его состав вошли потомки местной галло-римской, романо-испанской и итальянской аристократии. На севере Франции, в Северной Италии и Британии преобладала германская военно-служилая знать, а в зарейнской Германии долгое время сохраняла свои позиции родовая аристократия. По Салической правде вергельд галло-римлянина из числа королевских сотрапезников превышает вергельд свободного франка на 100 солидов (он составлял 300 солидов), а вергельд свободного римлянина-землевладельца в 3 раза (300 солидов против 100)³³⁶. На королевской службе правовой статус франка и римлянина сближался. Как франк, так и римлянин за арест свободного

без достаточных оснований наказывались одинаковым штрафом³³⁷.

Формирование господствующего класса проходило в острой, ожесточенной борьбе, военно-служилой знати противодействовала родовая аристократия, не желавшая уступать или делить свое превосходство. Она упорно боролась с притязаниями новых людей, выдвинувшихся в походах или при королевском дворе, и в ходе гражданских распрей и междоусобиц была частично уничтожена.

Большое значение имело отслоение верхушки свободных аллодистов. Среди господствующих кругов заметно деление на две группы: 1) королевское окружение (высшие дружинники, королевские слуги и чиновники) и 2) местная знать, опиравшаяся на свои земельные владения и должностные права. Последняя группа была более устойчивой, из ее среды вышли графы, виконты, викарии. Она разрасталась и усиливалась, пополняясь представителями первой и богатыми общинниками. Королевская и военная служба давала новые преимущества и богатства, так что со временем крупная знать с успехом противостояла королевской власти. Среди людей, выдвинувшихся на королевской службе или в частной дружине, было немало лиц зависимого статуса (рабов, вольноотпущенников, литов). Возвышенные доверием своих покровителей, они щедро вознаграждались и тоже наряду со свободными имели повышенный вергельд. У франков, лангобардов и других народов вергельд свободного на королевской службе был в три раза выше обычного, а вергельд раба или лита на королевской службе равнялся вергельду свободного такого же звания (например, у лангобардов) или составлял его половину, но был все же выше обычного (у франков)³³⁸.

Процесс феодализации интенсивнее шел в регионах с значительным римским влиянием. Формирование вотчинного хозяйства на территории Италии и западных римских провинций было облегчено наличием большого количества рабов и колонов, приписанных к земельным наделам. Их усадьбы представляли собой тип крестьянского хозяйства с большой степенью имущественной самостоятельности. Сельские рабы и колоны с VI в. приобретают право отчуждения имущества, их связь с землей становится главным фактором эксплуатации.

Варварские правды определяют статус рабов в основном по римскому праву. Закон рассматривал рабов как обычное имущество, имеющее определенную стоимость. Если зависимые оценивались пониженным вергельдом, то рабы имели свою цену. За увечье раба требовали возмещение ущерба в размере стоимости невыполненной им работы в результате потери трудоспособности (по эдикту Ротари). Особый статус раба подчеркивали законы, многократно уменьшавшие штраф

за колдовские действия в отношении рабов, за осквернение их трупов³³⁹. Продажа в рабство свободного за пределы территориального округа приравнивалась к убийству, взыскивался вергельд, а за продажу свободной женщины двойной вергельд (продажа внутри провинции каралась штрафом)³⁴⁰. По некоторым законам наказание еще суровее, применялась смертная казнь. Браки свободных женщин с рабами строго запрещались, особенно в ранних законах остготов³⁴¹, франков, бургундов, лангобардов. Незаконная связь каралась смертью. Но по мере социального нивелирования землевладельцам приходилось считаться с жизненной ситуацией. Закон снимает запрещение, разрешая свободной иметь свой статус и после замужества (у алеманнов свободная должна была публично в течение трех лет заявлять в судебном собрании перед графом или герцогом, что она свободна, практически регистрировать свой статус свободы). Публичная регистрация, вероятно, оплачивалась как иск, поэтому предусматривалось, что при отсутствии таковой женщина становилась рабыней вместе со своими детьми. Принудительное исполнение повинностей, аналогичных рабским, применялось как вид наказания (у алеманнов за нарушение церковных законов о браке и запрещении работать в воскресенье).

Рабы резко отграничены от свободных, они считаются вещью, объектом собственности, однако в большинстве случаев установлена личная ответственность раба за проступки, требующие или материального возмещения, или наказания. Варварские правды перечисляют все возможные виды отпуска на свободу с предоставлением полной свободы или установлением отношений поземельной зависимости. Последнее условие становится преобладающим по мере углубления социальной дифференциации в общине.

Рабы применялись в хозяйстве свободных крестьян в качестве пастухов, дворовых слуг, на сельских работах. Крупные землевладельцы имели рабов-министерялов, на которых возлагали различные хозяйственные и управленческие функции. В поместьях жили обученные ремесленники, виноградары, конюхи, свинопасы. Королевские рабы обслуживали нужды королевского двора, среди них были крестьяне-держатели, ремесленники; женщины работали в мастерских, где пряли, ткали, шили золотом. Использовались сервы и на королевской службе, исполняя различные поручения.

Во всех варварских законах приведена шкала штрафов за убийство рабов различной специальности. Выше ценились рабы-слуги (министерялы) и ремесленники, ниже — сельские рабы (земледельцы и пастухи)³⁴². Стоимость квалифицированного раба и министеряла в 2—3 раза превышает стоимость простого раба. Привилегированная группа рабов (*servi idonei*) обладала особым социальным статусом. Будучи собст-

венниками, они могли выступать в суде в качестве свидетелей, вместе с господином принимали участие в военном походе, им поручали дела вотчинного управления, использовали как доверенных личных слуг. Некоторых привлекали к административной службе в качестве помощников судей и сборщиков налогов.

Итак, варварское законодательство признавало институт рабства и строго охраняло право собственности на рабов, устанавливая суровые кары за кражу рабов, бегство и пособничество беглым³⁴³; были регламентированы штрафы за увечье и убийство, возмещение за потерю трудоспособности. В самой системе рабства происходят глубокие изменения. Усиливается тенденция к повышению хозяйственной самостоятельности раба-держателя земли. Крестьянская усадьба раба с домом, хозяйственными постройками, скотом и угодьями является типичной для сельских поселений того времени. Рабы-держатели могли заключать имущественные сделки, нанимали скот, брали ссуды, сами платили денежные штрафы. Постепенно ограничивались права и произвол господ, например, установлена была их уголовная ответственность за жизнь раба. Супружеские отношения среди рабов стали обозначаться терминами, употребляемыми для обозначения браков свободных.

Увеличение удельного веса рабов-держателей усадьбы имело важные социальные последствия: во-первых, расширилась практика вольноотпущенничества, во-вторых, началось сближение различных категорий зависимых и свободных держателей.

Отпуск рабов на свободу стимулировался политикой римской церкви, так как проблема обеспечения вотчин рабочей силой стояла очень остро. Подъем сельского хозяйства, превращение пустошей и неудобных земель в культивируемые угодья зависели от использования производительного труда заинтересованного владельца собственной усадьбы. Поэтому церковь поощряла отпуск рабов, заставляла считать это богоугодным делом. Переходившие в разряд римских граждан вольноотпущенники получали имущественную самостоятельность и право передачи своего имущества детям. Патрон мог рассчитывать лишь на вымороченное, оставшееся без наследников имущество.

Отпуск на свободу предполагал или полное освобождение, разрывавшее всякую связь с господином («право четырех дорог»), или пребывание на его земле в качестве держателя с отношениями покровительства, с одной стороны, и послушания (*obsequium*) — с другой. Последнее условие обычно выдвигала церковь, отпуская рабов перед алтарем и требуя за это «благодаяние» ответной благодарности. Освобождаемым давали землю, инвентарь, зерно для посева, все необходимое для начала крестьянского труда. Одновременно назначались

повинности: оброк и отработки (у алеманнов и баваров три дня в неделю)³⁴⁴. Такие держатели выполняли подводную повинность с телегами по дороге в 50 миль, поставляли дрова, камень, работников для известковых печей. Оброк-десятина — 3 меры зерна из 30. Платили ценз за пастбище, на указанных участках пашни, виноградников, лугов должны были производить сезонные работы, собрать урожай и свезти его в церковные амбары, а сено на сеновалы. Таким путем для рабов и вольноотпущенников устанавливалась единая форма зависимости — поземельная, предполагавшая крепостное состояние, так как держатели этой категории не могли покидать своего вотчинника. В дальнейшем крепостное состояние стало обозначаться термином «серваж», а личностнозависимые крестьяне назывались «сервами» (лат. *servi* — рабы).

Рабство и вольноотпущенничество сыграли большую роль в становлении класса феодально-зависимого крестьянства. Тенденция к повышению хозяйственной самостоятельности рабов-держателей возрастала. Порядок взимания штрафов за кражи и причиненный ущерб предусматривал полную ответственность самого виновного. В таких случаях рабов-держателей приравнивали к свободным (Эдикт Теодориха, §§ 56, 109, 117), вводили телесные наказания и смертную казнь³⁴⁵. В Остготской Италии кредиторы могли предъявлять иски непосредственно к рабам (Эдикт Теодориха, § 121), по вестготским законам в VII в. признано право раба заключать имущественные сделки. Вводились штрафы за поджог хозяйственных помещений в усадьбе раба, по алеманнским законам такой штраф в два раза меньше возмещения за поджог господской усадьбы³⁴⁶.

Раннесредневековое общество не преодолело традиционного представления о неполноценности раба как личности. Варварское законодательство в этом отношении крайне непоследовательно. С одной стороны, ограничивались права господина над рабом, убийство раба вело к уголовному преследованию, господин не имел права частного суда над рабом (Эдикт Теодориха § 128, 152), с другой стороны, уже в VII в. землевладельцы имели юрисдикцию над рабами-держателями в своих владениях. Алеманнская правда говорит, что землевладелец может судить рабов, но только по закону (т. XXXVII), аналогичный порядок в VII в. вводился и в Вестготской Испании. Эдикт Теодориха по-прежнему запрещал рабам участвовать в судебных процессах против господина (§ 48), вестготским рабам тоже не разрешалось жаловаться на своих господ, они могли, однако, выступать на суде в качестве свидетелей, но лишь в делах о государственной измене, о чеканке фальшивой монеты. В важных уголовных делах практиковались допросы рабов под пыткой. Бургундская правда делала существенную оговорку в вопросах имущественной самостоятельности

сти рабов: все сделки следовало заключать с ведома господина, в противном случае кредитор терял долговую сумму³⁴⁷.

В V—VII вв. в Остготской и Лангобардской Италии, в южных областях Франкского королевства, в Бургундии широко использовался труд не только рабов, но и колонов, рустиков и других зависимых людей, категории которых известны по позднеримским законам.

В сельском хозяйстве Италии особенно многочисленной была социальная прослойка рустиков. Рустики имели хозяйство крестьянского типа, землю, инвентарь, тягловый рабочий скот, иногда рабов. Рустики более свободно, чем колоны, распоряжались своим движимым имуществом, могли отдавать в наем своих рабов и скот. На собственные средства приобретали землю, увеличивая свой надел. Имущественная самостоятельность и хозяйственная инициатива давали возможность торговать избыточным продуктом, заключать долговые обязательства и другие контракты. В результате дифференциации среди рустиков появились богатые и бедные (пауперы), последние за долги часто расплачивались своим трудом³⁴⁸; продавая зерно по низким ценам, разорялись³⁴⁹. Трудом рустиков обрабатывались главным образом церковно-монастырские владения. Эти рустики платили оброк натурой или деньгами, несли барщину (день работы рустика оценивался в 1 солид).

Рустики считались лично свободными, а их браки рассматривались как законные союзы³⁵⁰. Признаком зависимости от верховного собственника земли были платежи, которые следовали церкви при заключении брака. Отпуск рабов на свободу перед алтарем использовался церковью как повод к установлению новой зависимости вольноотпущенного, которому предоставлялась возможность вести хозяйство на церковной земле. Таково было происхождение многих семей колонов и рустиков. Их повинности были следствием поземельной зависимости, а личная свобода гарантировала взимание фиксированных повинностей. Произвольные поборы с рустиков запрещались. Условия предоставления земли для ведения хозяйства со временем стали оформляться грамотой, поэтому в Италии целая категория держателей получила название «либеллярии» (от лат. *libellum* — грамота).

Основной тенденцией социального развития было сближение всех категорий зависимого сельского населения (держателей земли) между собой и с низшими свободными, обедневшими, разорившимися землевладельцами, которые становились тоже держателями на землях крупных магнатов. В раннесредневековых законах низшие свободные и зависимые, в том числе и рабы, упоминаются в одних судебных казусах, часто рабы фигурируют рядом с зависимыми колонами и вольноотпущенниками.

В VI—VIII вв. прикрепленными к земле по римскому праву и вследствие особого способа отпуска на свободу оказались германские рабы, литы и альдии. У германцев, как известно, издавна существовали свои категории зависимости. В нее попадали военнопленные или побежденные народы, которые эксплуатировались путем данничества. Их зависимость имела исходным моментом политическое неполноправие, подчинение племени-гегемону. Иноплеменники, оказавшиеся в положении побежденных, стояли вне родоплеменной организации, они были лишены полноправия, которым пользовались только победители. Их принуждали к уплате доли урожая, к несению повинностей в пользу полноправных свободных. Статус побежденных приобретал оттенок социально-политической зависимости: у франков таких зависимых называли литами, у англосаксов — летами, у лангобардов — альдиями. Имели германцы и рабов, некоторых они освобождали и включали в свое войско. У лангобардов, например, встречается своеобразный отпуск рабов в войска — «через стрелу». Остготские короли во время гото-византийской войны (при Тотиле) охотно принимали в войско рабов, предоставляя им полную свободу³⁵¹. Король Теодорих производил набор моряков из числа бывших рабов, он называл их пребывание и службу в королевском флоте особым способом освобождения³⁵².

В среде германцев классическая форма рабства не получила развития. В вариациях Кассиодора сказано, что готам была чужда рабская зависимость³⁵³. Перед началом сражения, воодушевляя воинов, германские военачальники напоминали им, что в случае поражения их ожидает судьба рабов³⁵⁴. Наказание рабством почти не применялось, исключением были особо тяжкие преступления, например кровосмешение, по алеманнским и бургундским законам³⁵⁵. По Эдикту Аталариха Остготского конкубина отдавалась в рабство законной жене, но с условием, что госпожа не имеет права ее убить. Шире применялось наказание рабством по вестготским законам: за неуплату 11-кратного штрафа за грабеж, штрафа за ложный донос, за похищение женщин, кражу детей. Подобное наказание со временем превращалось в обязанность нести пожизненно сервильные повинности. Такое же социальное значение имела и долговая кабала.

Литы и альдии, зависимые слои германского общества обладали хозяйственной самостоятельностью и некоторыми правами, они вели хозяйство, участвовали в походах, могли выступать в суде, заключать имущественные сделки. Однако зависимость от землевладельца сближала их с рабами-держателями в несении повинностей (оброк с земли), в ответственности за уголовные преступления, в запрещении браков со свободными. К ним тоже применялся порядок отпуска на свободу.

Происхождение этой социальной категории кроется в особом положении тацитовских сервов, которых германцы приобретали в результате войн и неполноправия населения завоеванных областей. Одни историки считают, что альдии и литы произошли от потомков захудавших родов свободных (А. И. Неусыхин), другие (в основном немецкие историки) видят источник такого рода зависимости в политическом факторе, как определяющем.

Прикрепление к земле становится главным признаком зависимости от землевладельца, что делало не очень существенным различие в правовом статусе, сближая зависимых держателей со свободными. В областях с преобладающим римским влиянием прикрепление к земле было особенно жестким и лишало крестьян права перемещения, ухода с земельных наделов. Таким образом, генезис феодальной зависимости стимулировался здесь рабовладельческими традициями в прикреплении непосредственных производителей³⁵⁶. Возникновение вотчины было облегчено наличием крупных римских поместий, которые со временем преобразовывались в частновладельческую сеньорию. В областях с меньшим римским влиянием или при его отсутствии складывание вотчины шло преимущественно через поглощение общины.

Итак, феодально-зависимое крестьянство состояло из трех основных категорий: к первой относятся крестьяне-держатели земельных наделов в светских и церковно-монастырских вотчинах, носители любого правового статуса, ко второй — дворовые преимущественно из рабов и вольноотпущенных, эксплуатировавшиеся в господской усадьбе, к третьей — лично-свободные аллодисты, попадавшие в сферу судебной зависимости от частных землевладельцев и эксплуатировавшихся раннефеодальным государством, что тоже делало их зависимыми от сеньориальной власти.

К VIII—IX вв. сложилась структура феодальной вотчины. Пути ее образования были различны в отдельных регионах Западной Европы. В Лангобардской Италии и Вестготской Испании вотчина возникла на основе Римских поместий, у франков — через поглощение мелкой земельной собственности, в англосаксонской Британии благодаря королевским пожалованиям общинной земли по грамоте. Все указанные источники имели место всюду, но характерным являлся какой-нибудь один. Феодальная вотчина была организацией для получения феодальной ренты, этому соответствовала система управления. Крупной светской, в том числе и королевской, управляли виллики, акторы, прокураторы, церковной — эконо́мы, препозиты, ректоры. Управляющие выполняли хозяйственные, административные и полицейские функции. Они назначались из свободных или рабов и получали в вознаграждение бенефиции на территории управляемой вотчины. Стрем-

ление превратить королевские вотчины в частные путем дарений сокращало королевское землевладение и ослабляло материальную основу королевской власти.

Крупные магнаты, управляющие королевскими вотчинами, допускали всевозможные злоупотребления: они привлекали зависимых людей к работам на себя, препятствовали получению пожалований другими лицами, брали королевских сервов под собственный патроний.

Усилению политического влияния феодальной знати способствовало право и государство. Ежегодные сборы военного ополчения свободных общинников-землевладельцев превратились в военные смотры отрядов, которые приводили с собой феодалы-сеньоры. На этих смотрах объявлялись новые законы, получавшие санкцию крупных магнатов. Баварская правда была обнародована «королем и его первейшими перед всем народом», Алеманнская — «королем со своими знатными, предводителями, герцогами, епископами, графами и прочим народом», лангобардские законы объявлял «король по согласию со своими первейшими правителями-судьями и всем войском».

Королевские капитулярии способствовали процессу феодализации. В начале IX в. был введен огромный штраф (600 солидов или тройной вергельд) за нарушение иммунитетных прав землевладельца. Против «незаконных заговоров и сообществ» свободных и зависимых крестьян применялись жестокие наказания бичеванием, вырыванием ноздрей и волос. Свободных, переходивших в положение держателей чужой земли, лишали права иметь при себе оружие: копье и даже дротик, найденный после похода, «должно сломать на его же спине».

Классообразование происходило в обстановке острой социально-политической борьбы. Главной причиной участия в ней широких слоев свободных было разорение и закрепощение свободного крестьянства, сближение с угнетенными массами рабов и колонов, усиление эксплуатации держателей различных категорий и степеней зависимости, понижение гражданского статуса свободных землевладельцев, снижение роли сотенно-территориального управления, фактическое лишение права на военную добычу, введение отработок и налогов вместо военной службы, замена порядков, свойственных военной демократии, отношениями послушания и личной службы.

В этой борьбе участвовали не только эксплуатируемые слои сельского населения, но и масса свободных, и родовая аристократия, и военно-служилая знать. Для последней она становилась средством для узурпации королевской власти, для сокрушения привилегий родоплеменной знати. Свободные боролись за сохранение старых порядков военно-демократического устройства против сословных привилегий служилых людей, а обедневшие общинники часто выступали совместно

с рабами, колонами и другими зависимыми, выражая свой протест экономическому и социальному нажиму со стороны вотчинников, отстаивая самоуправление, общинные порядки, хозяйственную самостоятельность и защищая имущество своей крестьянской усадьбы от посягательств сильных.

Потомки родо-племенной аристократии, отстраненные новой военно-служилой знатью и влиятельными дружинниками, поднимали мятежи, опираясь на массу свободных, недовольных происходившими переменами. Немаловажным мотивом подобных выступлений были религиозные противоречия. Приверженцы старых традиций использовали верность языческим культам как повод для объединения мятежных сил в борьбе за корону. Особую остроту борьбе придавало вмешательство внешнеполитических сил. Византийские правители-военачальники часто вмешивались во внутренние беспорядки варварских королевств, преследуя политические цели.

Социальная борьба выражалась в трех основных формах: 1) вооруженное восстание; 2) бегство; 3) оппозиция официальной церкви, которая проявлялась в защите языческих верований или в еретических движениях.

В Вестготской Испании восстания и мятежи начинаются с конца V в. В 70-е гг. VI в. (572—577) произошло восстание на юге Испании. В провинции Кордовы среди повстанцев, оказывавших сопротивление войску короля Леовигильда, оказалось много мятежных рустиков.

Главной силой этого восстания было местное крестьянство, выступавшее против христианизации и усиления гнета со стороны вестготской знати и государства. Византийские войска энергично поддерживали мятежную Кордову. Подавляя движение, епископы и священники разрушали языческие святыни, землевладельцы-магнаты строго запрещали сервам производить языческие обряды.

В конце VII в. в Лангобардской Италии борьба за корону вылилась в мощное движение против духовенства за возвращение к язычеству. Мятеж возглавил герцог Алахис, стремившийся к узурпации королевской власти. Историк Павел Диакон назвал столкновение противоборствующих сил гражданской войной.

В конце VIII в. (768—774) произошло восстание сервов и либертинов в Астурии. Хроника того времени характеризовала целенаправленные действия восставших как стремление к тирании, т. е. к смене власти.

В связи с франкским завоеванием Северной Италии в 70-е гг. VIII в. и переходом лангобардской знати на сторону завоевателей вспыхнуло восстание во Фриуле. Мятежными настроениями воспользовался фриульский герцог, отстаивая независимость своих владений.

В варварском законодательстве немало суровых наказаний для зачинщиков мятежей и беспорядков в войске, при дворе короля или герцога. Карались зачинщики, подстрекатели, сообщники и участники. В стремлении к узурпации власти представители знати обычно опирались на отряды свободных воинов, последние часто не имели определенной цели своего выступления против правящей верхушки. Их протест был стихийным и выражался в желании свергнуть ненавистных властителей, а заодно расправиться с личными врагами или обидчиками. Благодаря широкому участию народных масс мятежи иногда принимали размах гражданской войны. Законы предусматривали наказание всех воинов, которые следовали за мятежником, поддерживали смуту во время сбора войска, в военном походе, при дворе герцога или короля. По алеманнским законам взималась тройная сумма вергельда и композиции, а за разбой в герцогских владениях еще и дополнительный штраф (60 солидов)³⁵⁷. Покушение на жизнь короля или герцога грозило смертной казнью с конфискацией имущества³⁵⁸.

Латинский термин «scandalum» применялся в законах для обозначения любого вида беспорядков, т. е. действий, направленных против властей, что считалось нарушением королевского, герцогского или церковного мира. Сообщества состоявших называли разбойничьими отрядами. Они объявлялись вне закона, и всякое пособничество разбойникам каралось. Беспорядки устраивали в судебных заседаниях, поэтому власти принимали меры к ограничению их публичности, что тоже вызывало недовольство. Вестготские законы требовали равного количества представителей от каждой из тяжущихся сторон, чтобы одна не подавляла другую «шумом и натиском», т. е. чтобы не возникало повода для беспорядка и волнения. К участникам открытого протеста применялись повышенные композиции за причиненные увечья, насилие; позорящие личность публичные наказания плетью; самосуд толпы на улицах городов и селений.

Протест выражался и в форме противодействия королевскому или герцогскому приказу, покушения на жизнь или имущество. О нарастании классовых конфликтов свидетельствуют противоправные действия, совершаемые из ненависти, со злым умыслом: уничтожение посева, жатвы, поджог амбаров, домов, хозяйственных построек на дворе, мельницы, порубка чужих деревьев или хищнические зловердные посяпки в чужом лесу, увечье скоту, поломка плугов и других орудий, колдовские действия над чужим имуществом, урожаем чужого поля. За все преступления злонамеренного характера, имевшие целью причинить вред личности или имуществу, вводились новые многократные композиции и дополнительные штрафы в пользу короля.

Объектом социального протеста становится римская церковь и высшее духовенство. Приверженность языческим обрядам, распространение различных ересей являлись формой массового протеста нарастающему влиянию официальной христианской идеологии, защищавшей позиции правящей верхушки общества. Суровые законы против совершения языческих обрядов и колдовских действий мотивировались наличием злого умысла, злой воли тех, кто их совершал. Злонамеренность язычников расценивалась как противодействие властям и законам, а жестокие меры против них как средство восстановления мира и порядка. Среди христиан тоже не было единства, учение официальной церкви все более отходило от понимания нужд и чаяний народа и встречало критику со стороны своих идейных противников. Оппозиция выражалась в распространении учений инакомыслящих, свободно толковавших существо христианской веры. Всякое новое слово о Христе считалось ересью и подвергалось осуждению как противоречащее благочестию истинного христианина. Но в ересях звучало стремление к восстановлению социальной справедливости, к очищению религиозных помыслов и веры от земных страстей, материальных интересов, гневно осуждалась церковь, отходившая от этих идеалов чистоты и милосердия, запятанная себя стяжательством и честолюбием.

В Италии сильны были позиции арианства, в VI—VII вв. не прекращались споры между сторонниками и противниками схизмы по поводу «Трех глав», в Вестготской Испании в V—VI вв. под влиянием манихеев и гностиков появилась ересь присциллианство. Ересь заключалась в негативном отношении ко всему земному, в том числе и к церкви, как порождению дьявола. Душа объявлялась частью бога, поэтому в ересь входил отказ от брака, запрещение иметь потомство. Главной целью жизни предписывали умерщвление плоти. Народные проповедники отвращали христиан от церкви, вели богослужение в частных домах или под открытым небом. Причащение производили не только вином, но и виноградом, молоком. Культ бедности воспринимался в народе как духовный протест против засилья богатых светских магнатов и обособления высшего духовенства. Сторонников ереси узнавали по бедной одежде и мертвенной бледности лиц.

Имели место и открытые формы протеста против усиления эксплуатации в церковно-монастырских вотчинах. Законы предусматривали разнообразные выступления против епископов и других лиц духовного звания, злоумышленную порчу церковного имущества, кражи, нарушение церковного мира. Вторжение на епископский двор, в дом епископа, оскорбление или увечье карались многократными штрафами. Убийство епископа приравнивалось к убийству герцога, т. е. такому преступлению придавалось политическое значение ³⁵⁹.

Все формы социального протеста в эпоху раннего средневековья выражали стихийную борьбу народных масс против меняющегося уклада общественной и политической жизни. Индивидуальные и коллективные действия были направлены против отдельных представителей господствующей знати и высшего влиятельного духовенства, против разбогатевших общинников в защиту старых порядков и традиций военной демократии, защищавшей полноту и собственность свободного воина-общинника. Эта борьба, происходившая в ходе классового образования, способствовала сохранению хозяйственной самостоятельности крестьянского хозяйства, нивелированию положения низших свободных, колонов и рабов, обязанных повинностями за право держания земли, принадлежавшей крупным землевладельцам. При этом правовой статус рабов и колонов повышался, а низших свободных понижался. Рост феодальной эксплуатации сдерживался установлением фиксированных повинностей по грамоте, что обеспечивало развитие производительных сил в эпоху раннего средневековья.

Итак, социальная революция переходного периода завершилась образованием класса феодально-зависимого крестьянства и созданием крупного феодального землевладения. Формирование феодальной собственности на землю сопровождалось возникновением военно-служилого сословия и иерархической системы. Дифференциация дружинников привела к делению на высших, крупных земельных собственников-магнатов и низших, бенефициариев, которые несли военную службу на основании клятвы верности и получали за это вознаграждение в виде земельных пожалований. Королевские пожалования имели две тенденции: король старался сделать их условными, временными, а магнаты стремились превратить их в собственность. С одной стороны, королевское дарение являлось наследственным владением (феодом), с другой стороны, обязательной была военная служба королю и соблюдение верности. Последнее стало обязательным условием ленных пожалований (бенефиция). Знать противодействовала превращению безусловных дарений (феодов) в условные, ленные. Институт условных пожалований развивается с начала VIII в., на франкской территории он сложился в IX в., в других областях процесс остался незавершенным. Франкский капитуляр 817 г. приравнивал права ленного владения к феодалу. Черты условного пожалования ярче проявлялись в сфере церковного и частного землевладения. Система условных пожалований земли за военную службу частным лицом обеспечивала политическое могущество феодалов, опиравшихся на военную силу, иерархическую структуру зависимости низших феодалов (вассалов) от высших (сюзеренов). В целом вассально-ленные отношения создавали единство всего класса

землевладельцев, эксплуатировавших феодально-зависимое крестьянство путем внеэкономического принуждения.

Борьба противоположных тенденций в развитии королевских пожалований привела к истощению фонда королевских земель, что послужило одной из главных причин упадка королевской власти, победы децентрализаторских сил и распада варварских королевств.

РАЗДЕЛ III

КУЛЬТУРА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Культура раннего средневековья развивалась под влиянием трех главных факторов. Первостепенное значение имеют: 1) усвоение античных, позднеримских традиций, 2) становление раннеклассовой государственности и 3) формирование христианского, теологического мировоззрения, основы которого были заложены христианскими мыслителями IV—VI вв. Их называли отцами церкви, совокупность созданных ими сочинений составляет патристику.

В западноевропейском регионе особенно сильно сказывался упадок античной образованности, но именно в этот период начался подъем этнического самосознания народов, создававших новые государства. Культура раннего средневековья не является ни прямым продолжением античной, ни полным ее отрицанием. Культурная среда европейских народов, вступивших в новую фазу социально-политического развития, гораздо шире античной, средиземноморской, она охватывает новые области, считавшиеся в античную эпоху далекой варварской периферией. В то же время расселение на римской территории, тесные хозяйственные, социально-политические и культурные контакты с римским населением вели к глубокой романизации и к усвоению римской политической и духовной культуры, особенно в среде военно-служилой знати.

Римская церковь использовала эти каналы влияния для усиления идеологического давления посредством христианизации правящей верхушки варварского общества.

Вдали от центров романизации сильны были народные традиции, языческие верования и обряды. Образование народностей в ходе разложения общинно-племенной организации вызвало укрепление этих традиций. Богатство народной духовной культуры нашло свое наиболее яркое выражение в эпической поэзии, раскрывающей сложную систему мировоззрения человека раннего средневековья.

ГЛАВА I

ВЛИЯНИЕ АНТИЧНЫХ ТРАДИЦИЙ НА КУЛЬТУРУ И ОБРАЗОВАНИЕ

На рубеже античности и средневековья стоят великие почитатели античной философии, науки и культуры, крупные ученые Симмах Младший, Боэций и Кассиодор. Благодаря их

общественной, политической, научной и литературной деятельности сохранились центры античного образования — риторические школы, в которых изучали латинский язык и риторiku, знакомились с произведениями античных мыслителей, поэтов и писателей. В VI в. по-прежнему славилась риторические школы Рима, Милана, Равенны, городов южной Галлии и Испании. Школа Эннодия и его учеников разрабатывала теорию панегирической риторики. Однако программы обучения изменились к худшему: процесс упрощения и дробления привел к снижению эрудиции. Сказывалось равнодушие варварской аристократии к классической литературе. В воспитании молодежи главное внимание уделяли военному образованию. Более всего ценили в то время практические знания в области грамматики, медицины, права, архитектуры, особый интерес проявляли к системе межевания.

Идеологи римской церкви поощряли развитие школьного образования в уже сложившейся риторической форме. Формируя теологическое мировоззрение, они опирались на авторитет древних, использовали достижения науки для воспитания ученых и образованных людей, хорошо подготовленных к государственной или церковной службе, а также к разработке церковных догматов, принципов христианского вероучения и правил культа.

Римский сенатор Симмах Младший в VI в. продолжал дело своего предшественника Симмаха Старшего, который в конце IV — начале V в. возглавлял кружок приверженцев античной культуры и боролся за сохранение римских традиций в сенате. Письма последнего являются прекрасным образцом позднеримского эпистолярного искусства, они были хорошо известны в IX—XII вв. и служили источником изучения античной духовной культуры и латинского языка. Симмах Младший при Теодорихе Остготском занимался реставрацией театра Помпея в Риме¹. Вместе с патрицием Фестом руководил деятельностью римских школ, получая от короля средства для поддержания школьного образования².

Анций Манлий Северин Боэций (480—524) принадлежал к старинному сенаторскому роду, занимал высокое, почетное положение при дворе Теодориха Остготского. Член римского сената, избирался консулом. Вместе с Симмахом Младшим был обвинен в заговоре, заключен в тюрьму, а потом казнен. Ученый и политик, философ и поэт, он заложил основы средневековой схоластики и схоластического метода обучения, за что его называли в средние века «отцом схоластики». Боэций разработал систему знаний, следующую за тривиумом (грамматика, риторика, логика или диалектика, т. е. наука доказательств противоположных суждений), — в квадравиум вошли арифметика, геометрия, астрономия, музыка. Церковь на протяжении всего средневековья использовала знание этих наук

для доказательства общих догматов богословия и организации культа. Обоснование христианского вероучения находили не в исследовании, а в ссылках на античных философов. Это стало возможным благодаря научной и литературной деятельности Боэция.

Боэций переводил на латинский язык труды древнегреческих мыслителей (Аристотеля и Платона), поставив своей целью доказать сходство их философских идей. Будучи в тюрьме, Боэций написал свой главный труд, философскую поэму «Утешение философией». Некоторые специалисты по истории средневековой культуры (Э. Дэккэт) считают, что без Боэция Аристотель был бы утерян для Запада в течение всего периода «темных веков», т. е. до XII в.

Философия Боэция осуществила синтез неоплатонизма с христианством. За большую ученость Боэция называли латинским Аристотелем. Боэций сформулировал одно из главных положений теологии: мир создан богом по образу, пребывающему в божественном разуме. Бог в его философской концепции является причиной и образцом, в нем высшая и истинная красота. Боэций разработал идею о трех степенях любви, позже эта идея послужила источником ее христианской интерпретации. Боэций учил различать телесную, человеческую и божественную как наиболее совершенную форму любви. В телах — любовь телесна, в боге — это начало интеллектуальное (проявление божественного разума), а в человеке сочетаются элементы телесного и интеллектуального начал. Боэций призывал презирать суетную молву, ненавидеть богатство, следовать в поведении законам разума. Его отношение к земной жизни приближало стоический идеал к аскезе (отрешение от всего земного). Боэций разрабатывал теорию музыки, воплощая в ней свой духовный идеал, под влиянием Боэция складывалась средневековая церковная поэзия и музыка. В ритмике ему подражал христианский поэт начала VII в. Колумбан, который сочинял церковные стихи (ритмы).

Христианские писатели и поэты VII—IX вв. высоко ценили и часто цитировали сочинения Боэция. Иоанн Скотт (Эриуген) составил биографию ученого, а Фома Аквинский в XII в. — комментарий к его трактату. Аллегорические образы Боэция были использованы в «Романе о розе» (XI—XII вв.) Боэция переводили на англосаксонский, немецкий языки; средневековые ученые IX—XIV вв., Чосер, Данте много раз цитировали его. Научная и литературная деятельность Боэция подготовила возникновение схоластики в VIII—X вв. Понятие схоластики распространяется на всю средневековую науку, находившуюся под влиянием теологии. Схоластикой называют и философское течение и метод познания, исключавший самостоятельное исследование с помощью разума.

Аврелий Кассиодор (490—575), крупный политический деятель и ученый VI в. Он занимал высшие должности при дворе остготских королей (префект претория, квестор), избирался консулом, стал сенатором. Образованный и талантливый ритор был ученым, знатоком римского права, античной литературы и философии, к тому же прекрасным стилистом. Государственный архив (распоряжения королей, формулы назначения на должность, распоряжения и письма самого Кассиодора, ответы на апелляции, дипломатическая переписка) в обработке Кассиодора составил 12 книг. Собрание было завершено в 537 г. и получило название «Варии», т. е. «Разное». Документы послужили образцом административного стиля средневековой дипломатики, который использовался в папской и королевских канцеляриях.

Кассиодор развивал новые политические идеи, направленные на обоснование законности власти остготского короля в Италии. По поручению Теодориха он написал на латинском языке «Историю готов», в которой изложил генеалогию рода Амалов. Труд ученого не дошел до нашего времени, но известно, что источником его послужила тоже утраченная «История готов» Аблавия. Разрабатываемая Кассиодором идея слияния римской и германской истории имела глубокий политический смысл. Она вела к примирению с варварским завоеванием, к идеологическому обоснованию политического престижа германского правителя на римской земле, к укреплению варварской государственности путем прославления королевского рода Амалов. Генеалогия остготского короля была изложена в духе римской традиции, что нашло отражение в самом названии сочинения: «12 книг о деяниях готов». Для современников было очевидным идейно-политическое значение проделанной Кассиодором работы. Остготский король Аталарих писал римскому сенату: «Он восстановил во всем блеске род Амалов, ясно показав, что 17 поколений обладали царским величием. Он доказал единство готского и римского народов, собрав в один блистательный венок цветы с книжных полей»³.

В краткой «Хронике», написанной в 519 г. о событиях всемирной истории в духе христианского учения от Адама, Кассиодор перечисляет блистательные победы остготов при Изонцо, Вероне, Адде, осаду и взятие Равенны, посещение Теодорихом Рима. Строительная деятельность короля получила высокое одобрение, по мнению Кассиодора, он воскресил античный облик Италии. Военные походы в Паннонию в 504 г. и Галлию в 508 г. казались автору продолжением завоевательной политики Рима. Отмечен цирковыми представлениями 519 г. Все это должно было убеждать в подлинности стремления Теодориха продолжать римские традиции.

Оставив государственную службу, Кассиодор основал в поместье Виварий свой частный монастырь и школу при нем, а также библиотеку и скрипторий для переписки древних рукописей и перевода греческих на латинский язык. Школа Кассиодора была одной из первых, созданных для религиозного воспитания, для подготовки духовенства к новому образу жизни согласно правилам аскетизма. Подобные школы были в Испании (монаха Валерия), в Галлии (школа Сан-Круа в Пуатье), в Риме (при монастыре св. Андрея, школа имела большую библиотеку церковных рукописей, она готовила писцов для папы Григория I). В целях упорядочения деятельности скриптория Кассиодор составил особую инструкцию для переписчиков рукописей. Это дело Кассиодор считал богоугодным и сам собирал тексты Священного писания и составлял комментарии к нему.

Кассиодор разрабатывал теорию литературы, рассматривая светские науки и светскую литературу как развитие содержания богословских наук и священных книг. Он считал, что в светской литературе можно найти то, что уже было заложено в Библии и богословских сочинениях. По его мнению, общие черты обнаруживаются даже в стилистике. Учение Кассиодора послужило основанием для включения светской литературы в систему теологии и открывало возможность обращения к языческим писателям. В философском трактате «О душе» Кассиодор продолжал линию слияния неоплатонизма с христианством. О собрании Псалмов Кассиодора упоминал Павел Диакон в «Истории лангобардов» (I, 25).

Разработка церковного учения, распространение теологических знаний требовали систематического образования и учебной литературы. Кассиодор написал церковную историю, которая стала основным руководством для схоластического преподавания наук в средние века. Павел Диакон говорил, что в его время (VIII в.) Кассиодор «славился своей ученостью» (I, 25). Кодекс рукописей из Вивария с автографом Кассиодора хранится в коллекции редких рукописей Государственной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина.

Римский аббат Дионисий подготовил для церковной службы пасхальное руководство. Константинопольский ученый Присциан разработал основы латинской грамматики с примерами из классических авторов, его трактат до XV в. оставался лучшим пособием по литературному латинскому языку. О Дионисии и Присциане с большим уважением отзывался лангобардский ученый Павел Диакон⁴.

Через усвоение античной теории стихосложения развивается церковная поэзия. Широкой известностью пользовались ритмы епископа Тревизо Феликса, поэта Венанция Фортуната, ирландского миссионера Колумбана, ритора Флавиана, Стефана Магистра, Бенедикта Криспа.

Венанций Фортунат (540—600) учился в Равенне, долго жил в Галлии, был близок с турецким епископом и ученым Григорием. Он обучал грамматике франкского короля Хлотаря II, 20 лет прожил в Пуатье при дворе Хильперика, в конце жизни стал епископом. Его эпиграммы, гимны, послания, эпиграфы, поэмы отличаются лиризмом и политическим сарказмом (подобострастием к высокородным покровителям). Венанция Фортуната цитировали многие писатели средневековья, его знали и поэты Возрождения. Язык Венанция Фортуната насыщен народными выражениями, диалектизмами.

Эннодий, епископ Павии (473—521), продолжал традиции античной эпистолографии (искусства составления писем философского содержания). В собрании Эннодия свыше 300 писем, он продолжал разрабатывать жанр политического панегирика, посвятив свой панегирик остготскому королю Теодориху (507 г.).

Позднеримские писатели и поэты III—V вв. оставались любимыми авторами в течение всего каролингского периода. Произведения поэзии, эпистолографии привлекали тщательной отделкой формы, богатым духовным миром, глубокой мыслью, проникающей в самые тайники человеческой души. В творчестве Пруденция, Марциана Капеллы, Макробия замесовали аллегорические образы, искали созвучные христианскому учению ответы на этические вопросы добра и зла, свободы воли, наказуемости дурных поступков, торжества праведников. Подражали Тиберияну и другим лирическим поэтам, античные поэтические образы волновали и вдохновляли раннесредневековых поэтов, позже трубадуров и вагантов.

Позднеантичных поэтов не только читали, но и изучали. Стиль, жанры, теория средневековой литературы складывались на основе традиций позднеримской, главным образом христианской, прозы и поэзии.

Христианизация культуры и образования проводилась через организацию монастырских школ и скрипториев. Если в VI—VII вв. риторические школы, скриптории и библиотеки с античными рукописями существовали в крупных городах отдельно от монастырей, продолжая традиции позднеримской образованности, то в VIII—IX вв. появилось много новых, организованных в монастырях. Те и другие входили в круг активной деятельности высшего духовенства и образованных миссионеров. Известными центрами культурной жизни были крупнейшие монастыри Италии — Боббио и Нонантола на севере, Монте-Кассино на юге. Боббио был основан в начале VII в. ирландским миссионером Колумбаном в 40 милях от Павии. Монте-Кассино стал центром монашеского движения, возглавляемого Бенедиктом Нурсийским. Бенедикт организовал более 10 обителей для своих последователей, которые

приняли его проповедь полного отказа от жизненных благ и ухода из мирской жизни в мир духовного общения с богом ради спасения души. Бенедикт составил один из первых монастырских уставов (собрание правил поведения), который требовал не только полного подчинения делу служения богу, но и отказа от имущества, поощряя дарения в пользу монастыря. Духовные братья и последователи Бенедикта объявили проповедника святым, чтили его как божьего избранника и образовали орден св. Бенедикта (орден стал одним из влиятельнейших в средние века).

Монте-Кассинский монастырь испытал на себе разрушительную силу варварских вторжений в Италию, но обитель привлекала к себе все новых и новых послушников. После столетнего запустения, в начале VIII в., брешийский житель Петронакс вновь организовал в крепости монастырь и получил от папы священные книги и утвержденные им правила св. Бенедикта⁵.

В VII в. появились первые христианские школы в Англии (в Кентерберии, в Уэссексе, в Кенте), школа епископа Теодора, монастырская школа Адриана. Славилась своим рукописным богатством монастырские школы Ирландии, скриптории епископских церквей и монастырей Тура, Меца, Лиона, Толосы (на франкской территории), Милана, Вероны, Павии, Равенны (в Италии). В VIII—IX вв. некоторые хранилища рукописей насчитывали от 150 до 350 кодексов (собраний) рукописей.

Собирание и переписка античных рукописей было делом церкви. Отбор соответствовал задачам богословия. Духовенство перерабатывает классические формы стихосложения, создавая ритмы для отправления культа. Античные риторические приемы использовались при составлении проповедей на темы христианской морали. Евангелические рассказы, жития святых драматизировали художественными приемами античной литературы. Так создавалась новая агиографическая литература о жизни и чудесах святых, вытеснявшая постепенно светскую. На основе неоплатонической интерпретации античного учения о добродетелях складывалась христианская этика. Одна раннесредневековая миниатюра на медальоне содержит аллегорическое изображение 4 главных и их 16 комбинаций добродетелей. 20 погрудных мужских портретов дают представление об этических нормах для благочестивого христианина. Аллегории изображали не действие добродетели, а ее место в системе добродетелей. Христианские добродетели трактовались в духе позднеримского писателя Макробия, как результат нравственного очищения души от всего земного и приближения ее к богу. Намечился переход к пассивному восприятию этических категорий вне связи с земной жизнью и деятельностью. Трактовка Макробием античного

учения о добродетелях в духе неоплатонизма развивала аллегоричность мышления, наполняла его христианскими идеями. Средневековые ученые часто ссылались на Макробия (Абеляр), комментировали его сочинения (Альберт Великий), включали наряду с другими позднеримскими авторами в учебную литературу.

Среди раннесредневековых рукописей было много произведений позднеримской поэзии. Они служили учебными пособиями при изучении латинского языка, а также образцами для сочинения церковных ритмов, используемых в христианском богослужении. В вандальской Африке, в остготской и лангобардской Италии в вестготской Испании и франкской Галлии были широко известны сочинения Авзония, Фульгенция, Тиберiana, Пруденция, Блоссия и других римских поэтов IV—V вв. Ученик Авзония Павлин после принятия сана (он стал епископом) писал церковные ритмы. Эмилий Драконтий Блоссий, христианский поэт и юрист из Северной Африки, в своих стихах описывал сотворение мира, излагал предания Ветхого и Нового заветов, но охотно пользовался и мифологическими образами. Сборник его языческих стихов под названием «*Romulea*»⁶ был известен в VII в. в вестготской Испании; по распоряжению короля Евгений Толедский изготовил его рукопись. Стихи Блоссия, написанные в тюрьме, полны горестных упреков друзьям, которые покинули его в беде:

Вам наказание — стыд, сотрясающий тело и душу,
Стыд, что с вашим умом и с вашей изысканной речью
Вы позабыли певца, презрев его скромную музу.
Много ли прошу — спасти от смерти того, кто истерзан...

В целях практического использования античных текстов составляли латинские антологии, их переписывали и распространяли по монастырским и епископским библиотекам. Литургическая школа, организованная в Риме в VII в., стала центром переработки литературных сюжетов и создания руководств и пособий для богослужения.

Светские мотивы в культуре и искусстве постепенно уступают место религиозным. Ученые диспуты ведутся вокруг вопросов Библии и теологии. Содержание образования, церковной поэзии, направленность музыки, преобладающее изучение книг богословского характера — все имело целью подготовку обучавшихся к отправлению христианского культа. В монастырских школах VIII—IX вв. обучение было основано на коллективном и индивидуальном изучении псалтыря.

Раннесредневековая поэзия VI—IX вв. отвечала задачам церковного образования и создания литургии. Сюжеты в ней строго клерикальные, посвященные сотворению мира, преда-

ниям Ветхого и Нового заветов, христианской интерпретации Платона, Цицерона, Вергилия. В ритмах этого времени появляется стоическая идея очищения души огнем и воздухом, заимствованная из поэмы Вергилия «Энеида». На протяжении нескольких столетий это положение тщательно перерабатывалось и наконец воплотилось в церковном представлении о чистилище (официально признано католической церковью на соборе 1439 г.).

Церковь вначале пользовалась готовой системой античного грамматического и риторического образования для подготовки священнослужителей к проповеднической и миссионерской деятельности. Овладевая классическими приемами ораторского искусства, христианские проповедники силою своего красноречия оказывали мощное идеологическое и эмоциональное воздействие, укрепляя уважением античных культурных традиций авторитет светской и духовной власти.

Г Л А В А 2

РАННЕФЕОДАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ

Влияние государственности на развитие раннесредневековой культуры проявлялось в форме романизации и развития этнокультурного сознания народов, вступивших в контакт с населением Римской империи. Изучение латинского языка и римского права соответствовало укреплению раннефеодального государства. Привлечение к управлению образованных юристов, знатоков римской юриспруденции и латинской терминологии позволило осуществить запись обычного права. Составление королевских распоряжений, формул частноправовых документов, описей поместий, ведение судопроизводства требовало грамотных людей, владеющих элементарными и специальными юридическими знаниями делопроизводства.

Грамматические и риторические школы были необходимы для подготовки писцов, нотариев, правоведов с целью использования их в управлении государством. Королевские дворы стали центрами обучения аристократической молодежи варварских королевств для исполнения административных функций. Нотарии приобретали навыки, необходимые для составления официальных документов, королевские чиновники овладевали знаниями судопроизводства. Должность нотариуса становилась одной из самых высоких и почетных. Варварские короли ощущали потребность в разработке идеологических основ верховной власти. Для этого тоже были нужны образованные люди, знатоки римской истории. Генеалогии королев-

ских династий, хроники правления королей, исторические сочинения о происхождении и дальнейшей истории народов могли быть написаны только в результате усвоения традиций античной историографии. Правители поддерживали деятельность риторических, епископских и монастырских школ для обеспечения аппарата управления кадрами образованных и ученых людей. Через эти школы представители германской знати усваивали основы латинского языка.

Латинский язык в период средневековья стал главным средством влияния античной культуры и способствовал сохранению ее традиций. В варварских королевствах VI—VIII вв. латинский язык был государственным языком, языком права и судопроизводства, культурного и социального общения римского и варварского народов, средством их этнической интеграции. Смена языка (полная или частичная) целым социальным коллективом завоевателей, расселившихся среди местного населения, означала перестройку состава и структуры всей культурной информации. Она вела к приобретению новых производственных навыков, к проникновению более высокой духовной культуры в среду германцев и других народов, к приобщению их к более развитым элементам политической системы.

Риторические школы Тулузы, Тура, Пуатье, Бурдигале (Бордо), Милана, Павии, Вероны, Равенны, Рима были не только центрами образования, но и ученой деятельности раннесредневековых писателей и поэтов.

Большой известностью у каролингских ученых пользовались имена Венанция Фортуната, Григория Турского, Флавиана, Стефана, Бенедикта Криспа, Колумбана, папы Григория I, Аратора и других риторов и поэтов. Они хорошо знали античную литературу, собирали антологии и составляли учебные тексты. Латинский язык этих ученых впитывал народные выражения, диалектизмы и не избегал отклонений от классической литературной формы. В позднеантичной символике черпали материал для аллегорий, который наряду с античными образами и литературными приемами включали в эпитафии, эпиталамы, гимны, послания, поэмы о святых. Например, субдиакон римской церкви Аратор описал деяния апостолов гекзаметром⁷.

В эпоху раннего средневековья было положено начало новому христианскому этапу культурно-исторических связей между Италией, Галлией, Англией, Ирландией и Византией. Монастырские правила Бенедикта Нурсийского распространялись ирландскими монахами в различных областях Западной Европы, а вместе с этим многочисленные рукописи. В 60-е гг. VII в. папа Виталиан направил в Британию двух ученых клириков — архиепископа Теодора и аббата Адриана для

внедрения церковной доктрины в организацию англосаксонской церкви. Теодор сочинил сцены страшного суда над грешниками, эти драматические описания имели столь высокую художественную форму, что заслужили похвалу последующих писателей каролингского времени⁸. Тицинский епископ Дамиан (конец VII в.) считался знатоком свободных искусств⁹. В его письме Константинопольскому собору (681 г.) от имени миланского архиепископа Мансвета излагались вопросы теологии, связанные с толкованием сущности догмы о двойственной природе Христа как богочеловека. Известно, что Аквилейский собор 698 г. признал и подтвердил решение Константинопольского о культе богородицы, св. Марии, родившей Христа, богочеловека¹⁰. Таким образом, римская церковь осудила ересь Теодора о человеческой природе Христа. Активные участники церковных споров обращались к патристике и черпали аргументы в произведениях позднеримской христианской литературы. Славился искусством грамматика и знанием античной культуры племянник Дамиана — Феликс — наставник писателя, историка и ученого VIII в. Павла Диякона¹¹. Ученым и образованным слыл в VIII в. аббат монастыря св. Винченца Аутперт, который описал деяния основателей своего монастыря (монастырь около истоков Волтурна в южной Италии имел большую конгрегацию монахов)¹².

Монастыри и монашеское движение VII—VIII вв. способствовали распространению духовного и светского образования, что обеспечивало прогресс романизации европейских народов. Вместе с тем необходимо заметить, что проявлялись и черты упадка античной образованности. На Западе почти исчезло знание греческого языка и эллинской культуры. Распространение христианства и миссионерская деятельность требовали привлечения знаний светской, античной культуры и свободных искусств для усиления идеологического и эмоционального воздействия.

В монастырских и епископских школах англосаксонской Британии Беда, Варроу, Оккам, Йорк начали изучение греческого языка. Систематические занятия риторикой, диалектикой, философией завершались умозрительными космогоническими построениями. Всеобщее увлечение латинской литературой оказалось непрерывным в течение всего раннего средневековья. Наряду с церковно-монастырскими школами функционировали светские, риторические и военные. Еще в VI в. племянник остготского короля Теодориха — Теодат, сын его сестры, знал латинский язык и изучал платоновскую философию¹³. Сыновья знатных готов воспитывались при королевском дворе и получали образование в военных школах. Из школы Марция, например, вышел комит королевского дворца Тулуин — влиятельный военачальник, получивший титул патриция и звание сенатора. Эннодий в «Панегирике» сооб-

щает, что в таких школах обучали военному делу и закаляли юношей физическими упражнениями. С целью проверки воинской подготовки устраивали учебные сражения. Новое военное-служилое сословие поощряло организацию военного обучения, и оно стало важнейшей частью светского образования в каролингскую эпоху.

В VIII—IX вв. оживляется деятельность королевских и церковно-монастырских городских и сельских школ, намечается их специализация соответственно задачам обучения. В Павии функционирует школа права; в Риме, Милане, Равенне, Кентерберии, Йорке — литургические школы певчих (*schola cantorum*), во франкских городах Корбье, Флеры, Туре — школы писцов. При дворе Карла Мартелла была организована школа юристов и школа для обучения штата королевских должностных лиц. Известна и так называемая «Меровингская школа» — школа живописцев.

По инициативе королевской и герцогской власти были организованы высшие школы. Такие центры образования сложились в Баварии, Англии и при дворе франкского правителя Карла Великого. Аахенская Академия, основанная Карлом Великим, позже — Парижская школа, а также Оксфордская и Кембриджская, основанные Альфредом Великим, стали научной базой для средневековых университетов. В IX—X вв. они были центрами научной и учебной деятельности крупных ученых.

Воспитание и образование было основано на суровых педагогических приемах, большое место в обучении отводилось чтению, пению, счету и в изучении богослужебных книг отводилось памяти. На втором высшем этапе образования вводили изучение латыни, грамматики, глоссариев, просодия. Преобладали эмпирические методы обучения теологии и светским знаниям. Для обучения письму составляли пособия, риторике — вопросы для диалогов. Методика обучения сводилась к толкованиям учителя. Постепенно воспитанием и обучением укреплялась тенденция к эзотеризму (скрытности) в поведении человека.

Образование носило избранный аристократический характер, было доступно лишь представителям правящей верхушки и обеспечивало запросы церкви и государства в подготовке необходимых кадров.

Единственным средством образования простолюдинов была проповедь и приобщение к традициям народной культуры и народного творчества. Официальными каналами информации и создания общественного мнения были проповеди. Темы и язык проповедования определяли Библия, христианская мораль и соответствующие примеры из реальной жизни и биографий святых. В религиозном воспитании и образовании

большую роль играло чувственное восприятие, поэтому отправление христианского культа сопровождалось риторическим оформлением проповеди, музыкой, выразительным пением и поражающим воображение внешним оформлением церкви, богатым скульптурой и живописью интерьером.

Высшее духовенство получало образование в высших школах, и многие его представители сами были крупными учеными. Алкуин, Адалард, Теодульф, Павел Диакон — видные деятели культуры каролингского времени. Они основали много новых школ, где обучали будущих епископов и аббатов грамматике, Священному писанию, литературе, астрономии, математике. Ученые были большими почитателями античных авторов, они знали и много цитировали древнегреческих философов и римских мыслителей и историков: Платона, Аристотеля (вероятно, знали их по переводам Боэция), Цицерона, Цезаря, Сенеку, Саллюстия, Тита Ливия, Порфирия, Светония и других. В их сочинениях обычно искали аргументацию принципов богословия и христианской этики (от VI—IX вв. сохранились кодексы копий античных оригиналов)¹⁴. Епископ Исидор Севильский имел в своей частной библиотеке Вергилия, Овидия, Лукана. Богаты епископские библиотеки в Кентерберии и Йорке. Много манускриптов из Италии привез в Кентерберии римский миссионер Теодор, впоследствии эта библиотека пополнялась книгами, которые привозили англосаксонские епископы и аббаты из своих поездок в Рим. Первый каталог рукописей Йоркской библиотеки составил Алкуин в 780 г. Большая библиотека классических манускриптов была в Равенне, не менее богатая коллекция античных произведений составила библиотеку при дворе Карла Великого. В этих библиотеках были собраны произведения отцов церкви, историков, христианских и языческих поэтов, риториков и грамматиков. Епископские библиотеки с античными рукописями использовались при разработке пособий для католического культа. Манускрипты литургического содержания создавались на основе знаний, приобретенных из сочинений древних авторов. Церковное назначение в использовании рукописных сокровищ имело не только утилитарное значение, косвенно происходило приобщение ученых к достижениям античной мысли, избранное усвоение некоторых традиций античной культуры.

В середине VIII в. папа посылает франкскому королю Пипину Короткому сочинения Аристотеля, трактаты по орфографии и геометрии. Италия играла роль центра собирания и копирования античных рукописей. Ученые монахи распространяли их по другим странам, организовывали переписку и обмен манускриптами, создавали библиотеки при монастырях и епископских церквях.

Идеологи христианства и ученые VII—IX вв.

В формировании христианской идеологии и распространении влияния римской церкви на Западе видная роль принадлежит папе Григорию I (590—604). Он родился в 540 г. в знатной патрицианской семье Анциев. Свое родовое имение превратил в монастырь и готовился к миссионерской деятельности в Британии. Долго жил в Константинополе в качестве папского легата. Получив хорошее по тому времени образование, тем не менее греческому языку так и не выучился. Главной целью своей политической, церковной и литературной деятельности считал обращение в христианскую веру варварских народов. Григорий I не обладал внешними ораторскими данными, имел слабый, болезненный голос, поэтому свои проповеди он не произносил, а записывал. Его произведения, написанные в жанре биографий святых отцов церкви («Жития»), проповедей, диалогов (беседы с диаконом Петром), комментариев к Ветхому и Новому заветам, огромное эпистолярное наследие (около 850 писем) показывают развитие теологических представлений, воплощение религиозных догматов и принципов веры в яркие художественные формы, обладавшие огромной силой эмоционального воздействия на читателя.

Папа Григорий I придавал первостепенное значение оформлению христианского культа. Для подготовки церковных служителей к исполнению литургии была создана школа церковной музыки, получившая название грегорианской.

В теологических сочинениях Григорий I развивал актуальную политическую идею периода варварской государственности, идею о союзе варварских вождей с римской церковью и римской аристократией. Позднеримскими политическими идеалами и учением Августина навеяна картина четвертой книги «Диалогов о жизни италийских отцов и бессмертии души». Обитатели рая названы гражданами духовной республики, ангелы — ее консулами. Ад представлен в виде сицилийского вулкана, в жерло которого волокут нагого короля Теодориха. Представители римской аристократии (папа Иоанн, сенаторы Симмах и Боэций) стали жертвами остготского правителя, они были казнены по обвинению в заговоре. Адские мучения ждут варварского короля за разрыв политического союза с знатными римлянами, такой союз Григорий I трактует как главное условие успешной политической деятельности германского правителя на римской земле.

Идея обращения варваров в христианскую веру занимает центральное место в его литературной и политической деятельности. Григорий I создал яркие образы италийских святых, активных участников событий, связанных с варварским владычеством в стране. В «Житиях» варвары — могуществен-

ные и жестокие завоеватели, ярые противники римской церкви. Под влиянием христианства они смиряются, и римская церковь становится руководительницей варваров в политических делах. Сам папа Григорий I активно вмешивался в политику, дипломатическую борьбу и войны с лангобардами. В одном из писем он признается, что не знает, считать ли себя епископом или светским государем, поскольку епископ должен уметь заботиться не только о спасении души, но и об общей пользе и безопасности паствы¹⁵. Григорий I возглавил миссионерскую деятельность римского духовенства в Италии. С этой целью он направил многих монахов в Британию, организовал распространение своих теологических сочинений в варварских королевствах, вел личную переписку с лангобардскими королями, склоняя их к принятию католического обряда.

Григория I считали ученым человеком, который красноречием превзошел епископа Киприана (III в.), а ученостью даже Августина. В средние века о папе Григории I слагали жития, гимны, ритмы и поэмы.

Павел Диакон (Варнефрид — 720—800 гг.) известен как ученый, историк, писатель и поэт. Он родился во Фриуле, жил при дворе лангобардских королей в Павии, служил воспитателем и учителем дочери последнего короля лангобардов — Дезидерия. После франкского завоевания Италии он удалился в монастырь Монте-Кассино, позднее при дворе Карла Великого входил в аахенский кружок ученых и поэтов.

Павел Диакон хорошо знал римскую литературу и поэзию, сам много писал в жанре церковной агиографической литературы. Им была написана ямбом элегия о жизни и деяниях св. Бенедикта. Высоко оценив труды папы Григория I, в том числе и житие этого святого, тем не менее продолжил описание жизни св. Бенедикта и, по собственному признанию, кое-что добавил, почерпнув новые сведения из панегирика поэта Марка¹⁶. Павел Диакон описал жизнь и деяния Ангельрамна и Арнульфа, епископов из Меца, а также папы Григория I, хотя упомянул об этом в сдержанной манере ученых того времени: «описал сообразно силам скудного ума»¹⁷.

Особенно Павел Диакон прославился своими историческими сочинениями — «История римлян» и «История лангобардов». В пространном повествовании о происхождении и истории своего народа он использовал народные сказания, песенную традицию германских племен, утраченные впоследствии анналы Сполето и Беневента, сочинение о лангобардах писателя Секунда. Историческая концепция Павла Диакона была основана на традициях античной историографии, которая ставила в центр всеобщей истории — историю Рима. Лангобардский историк считал историю своего народа продолжением римской, в правлении лангобардских королей видел осу-

ществование идеи о политической необходимости единства королевской власти и римской церкви.

Крупным ученым, мыслителем, поэтом и педагогом был Алкуин. Он высоко ценил древнегреческих философов и был горячим поклонником эллинской культуры. Аахен с его академией он называл новыми Афинами. Из классиков Алкуин часто цитирует Вергилия и Свидия, вспоминает Платона, Аристотеля, Аристиппа, Эпиктета, Сенеку, Гиппократу. Из ранних римских историков знает Иосифа Флавия, из поздних — Иордана. Сильное влияние на его творчество оказала поздне-римская культура. С 794 по 804 гг. Алкуин руководил монастырской школой в Туре. Эта школа при монастыре св. Мартина стала научным центром для высшего духовенства. Алкуин разработал систему обучения с преподаванием грамматики, математики, астрономии, литературы и Священного писания. У Алкуина было много учеников, по словам историка Эйнгарда, — 62, среди них и сам Эйнгард.

Морально-этические наставления Алкуин писал в форме писем (всего им составлено около 300). Алкуин был автором трактата о добродетелях и пороках. Алкуин разрабатывал новую методику обучения, придавая особое значение личности учителя, его образованности и начитанности. Ему принадлежат такие сентенции: «мудро спрашивать — значит учиться» и «не может учить в старости, кто не учился в детстве».

Алкуин был очень образованным, начитанным человеком, способствовал развитию школьного образования и созданию библиотек рукописей, сам лично составлял каталоги, знал собрания кодексов многих епископских библиотек, в том числе и в Британии.

Известным культурным центром становится Лион в Бургундии. Там в VI—VII вв. был скопирован кодекс Феодосия. Ученые Лиона были хорошо знакомы с римской литературой и византийской культурой. Архиепископ Агобард в IX в. написал трактат «О церковном управлении», родом он был из Лиона, там же, вероятно, получил образование.

Адалард основал библиотеку и скрипторий при школе в Корби. Известны четыре школы Теодульфа в Орлеане.

Рабан Мавр, ученик Алкуина, родился в 784 г. в Майнце. Он стал бенедиктинским монахом, а с 822 г. аббатом Фульдского монастыря. Основал две школы: епископскую в Майнце и монастырскую в Фульде, для последней он составил большую христианскую энциклопедию, комментарий к Библии и практическое руководство для обучения клира отправлению христианского культа. Инструкция к церковному образованию исходила из деления схоластического обучения на два цикла — тривиум и квадравиум. Вместе со своим учеником Валафридом Страбоном Рабан Мавр комментировал Священное писание, писал латинские стихи для церковных ритмов,

псалмы. Под его руководством Валаффрид Страбон написал трактат о литургии — «О началах и основах церковных дел». Он знал Сенеку, Цицерона, Боэция.

Серват Луп (805—862 гг.) — аббат, обучался в Фульде у Рабана Мавра. Занимался перепиской античных и церковных рукописей, был близок с Алкуином и историком Эйнгардом, обменивался с ними рукописями. В собственной библиотеке Сервата Лупа были собраны труды Цицерона, Вергилия, Тита Ливия, Цезаря, Саллюстия, Светония, трактат Боэция «Об арифметике».

Седулий Скотт — основатель монастыря и школы в Льеже в 848 г. В трактате о христианских правителях («Книга о христианских правителях») он показал хорошее знакомство с античными политическими теориями. Современники с большим уважением отзывались о его учености.

Ученик Седулия Скотта поэт Вандальберт слыл знатоком теории латинского стихосложения, успешно использовал свои познания в мартирологии (литература, поэзия, церковное учение о святых мучениках).

Среди ученых и поэтов Аахенской школы при дворе Карла Великого много прославленных имен, все они были почитателями античной философии, историографии, литературы и поэзии. Преклонение перед античной мудростью находило выражение в прозвищах, которыми они наделяли друг друга (Алкуина называли Флакком, поэта Ангильберта — Гомером, Валаффрида — Страбоном). При Аахенской королевской школе была создана библиотека, рукописи для которой собирались по всей стране, а также в Италии, Англии, Ирландии. Для ускоренного и более совершенного копирования рукописей был создан новый красивый шрифт, получивший название каролингского. Составлялись словари для обучения латинскому языку, глоссы, в которых давали толкование отдельных слов и понятий. Над текстом церковных или классических авторов ставили вначале соответствующие германские значения, а затем из них в алфавитном порядке собирали небольшие словари. Эти тексты важны при изучении понятий того времени и истории языков.

Под руководством Алкуина Карл Великий изучал латинский язык и науки, интересовался школьным делом, экзаменуя учеников лично, или хвалил, или наказывал. В 789 г. он обнародовал «Капитулярный о школах», в котором предписывал создавать школы при епископских церквях и монастырях. Таким образом, забота о воспитании и образовании была официально передана церкви. Аахенский двор объединял ученых, theologов, историков, писателей и поэтов и направлял их деятельность по распространению схоластического образования. Церковные соборы 813 и 817 гг. приняли постановления о поддержании схоластического образования, подчинявшего все

науки теологии. Обучение в системе начального цикла (тривиум) ставило главной целью — научить чтению и толкованию псалмов, в системе высшего (квадривиум) — подготовить к трактовке и разработке богословских догматов, к ведению католического культа. Парижский собор 824 г. объявил, что каждый епископ должен организовать свою школу для обучения клира.

Монастырские и епископские школы IX—X вв. стали центрами схоластики — науки и метода, основанных на богословской доктрине создания природы и человека богом, на католических догматах веры и подчинения человека воле бога. Видную роль в развитии схоластики играли бенедиктинские монастыри Тура, Фульда, Льежа, кафедральные епископские школы в Метце, Орлеане, Реймсе. Многие ученые в поисках рукописей изъездили всю Ирландию, Англию, Францию и Италию по несколько раз. Собирали произведения отцов церкви, христианских и языческих поэтов, древних историков и риториков. Но доступ к этим редким и ценным манускриптам, к образованию в целом имели лишь немногие представители светской и духовной элиты, большей частью высшее духовенство. Образованные люди духовного звания занимались научной и миссионерской деятельностью, перепиской рукописей.

Переписка рукописей, копирование манускриптов было делом дорогим и трудным, иногда требовало всей жизни ученого. Изготовленная рукопись оформлялась в драгоценный переплет из золота и серебра, представляла большую ценность и хранилась в сокровищнице церкви или монастыря. Если ее выставляли как реликвию во время богослужения, то тщательно прикрепляли цепями. Некоторые книги стоили так дорого, что приобрести их в личную собственность было весьма затруднительно (цена некоторых равнялась стоимости не одной усадьбы с виноградником).

Благодаря деятельности христианских писателей и поэтов раннего средневековья сохранена та часть античного наследия, которая была принята отцами церкви. Знание античной литературы помогало разработке вопросов теологии. Этой задаче отвечала христианская интерпретация Платона, Цицерона, Вергилия, сближение идей неоплатонизма и христианства, разработка христианской этики на основе усвоения позднеантичной духовной культуры.

Постепенно идеалом воспитания становился монашеский аскетизм, а главным средством обучения — розга. Употреблялось новое, не свойственное латинской лексике слово для обозначения процесса обучения. Вместо глагола «учиться» (*studere*) вводится словосочетание «пребывать под розгой» (*sub virga degere*). Новая методика обучения требовала тщательного запоминания вполне и точно определенных ответов

на заданные, заранее поставленные вопросы. Письменные трактаты ученых имели целью показать ученость авторов, их начитанность, знание суждений авторитетов, на которые следовало ориентироваться в защите христианских догматов и нравственных принципов.

Усвоение античного наследия было ограничено рамками, дозволенными церковью, и кроме того общим культурным спадом, обусловленным идеологическим кризисом в Римской империи, последствия его остро проявлялись в раннесредневековой Европе. Это сдерживало развитие наук и сковывало разум человека. Многие раннесредневековые писатели (Иордан, Григорий Турский, Павел Диакон и другие) называли себя непросвещенными, употребляя термин *agammatus*, хотя для своего времени они были весьма начитанны и образованны. Такой прием самопринизжения, столь обычный в средние века, отражал общее свойственное теологии отношение к человеку как ничтожному созданию бога, заключающего в себе и высший разум, и высшую красоту.

Благодаря возрастающему идейному и политическому влиянию римской церкви средневековое мировоззрение становилось все более зависимым от теологии. Ф. Энгельс писал: «...церковная догма являлась исходным пунктом и основой всякого мышления. Юриспруденция, естествознание, философия — все содержание этих наук приводилось в соответствие с учением церкви»¹⁸.

В период раннего средневековья эта тенденция официальной идеологии отчетливо проявилась в юриспруденции и оказала влияние на развитие правовой и политической мысли.

Право. Возникновение варварской государственности, усложнение судебно-карательной функции власти военных предводителей явились предпосылкой установления новых правовых норм. Образцом для их разработки было римское частное и административное право. Раннесредневековое право показывает, с одной стороны, влияние римской юриспруденции и церковных предписаний, с другой — обнаруживает воздействие общественно-политической мысли и морали раннеклассового общества переходного этапа его развития.

В течение V—IX вв. была произведена запись обычного права многих народов и королевского законодательства в форме варварских правд, эдиктов и капитуляриев королей. Письменный текст обычного права подлежал обнародованию и действовал в качестве закона того или иного народа. Например, «Салический закон» — право салических франков, «Рипуарский закон» — право рипуарских франков, «Закон саксов», аналогично — вестготов, алеманнов, баваров, тюрингов, «Закон судный людем» — славян и другие правды. В Италии, где римские традиции действовали сильнее, остготы и лангобарды сделали запись своих законов по римскому образцу в фор-

ме эдиктов (Эдикт Теодориха, Эдикт Ротари, Эдикт Лиут-пранда).

Главным субъектом права в ранневарварском законодательстве была личность свободного, обозначаемая часто неопределенным местоимением «кто», «кто-нибудь» или латинским понятием «человек» (*homo*), «личность» (*persona*). Статус свободы не был дифференцирован и означал полноправие и независимость, понимание которых сливалось с признанием обязательности выполнения всех повинностей, связанных с земельным держанием или определяемых по судебному решению. В более поздних редакциях и в королевских постановлениях на первый план выдвигаются судебные казусы, возникшие в связи с восприятием статуса королевской и герцогской власти. Вводимые понятия и термины римского происхождения отделяют богатую и влиятельную верхушку (*potentes* — сильные, могущественные, *maiores* — старшие, *principes* — первейшие) от бедняков, попадавших в зависимость и под покровительство высших (это — *pauperes, minime personae*).

В разработке и записи законов участвовали римские юристы, они пользовались римскими правовыми понятиями, специальными юридическими терминами, латинским языком. Таким образом, достижения римской юриспруденции стали источником и основой развития права и юридических наук в феодальном обществе. Ф. Энгельс придавал особое значение влиянию римского права «с его непревзойденной по точности разработкой всех существенных правовых отношений простых товаровладельцев (покупатель и продавец, кредитор и должник, договор, обязательство и т. д.)»¹⁹.

Правовые нормы германского права и канонические постановления, сформулированные с использованием многих римских юридических понятий, вошли в местные обычаи феодальных вотчин. В период феодальной раздробленности ими руководствовались сеньориальные судебные курии, таким образом, право сохраняло свои региональные особенности. На севере Франции, например, имели силу закона частные обычаи каждого поместья (*кутюмы*). На юге Франции право испытало более сильное влияние римского права. В целом кутюмное право сложилось как совокупность правовых элементов римского, германского и городского права.

Первая компиляция феодального права была выработана юристами Италии. С развитием торгово-ремесленной деятельности в городах (в Италии это произошло очень рано, уже в VIII—IX вв.) появилась необходимость обобщения делопроизводства, судебной практики и создания специальных руководств, пособий для судей и нотариусов. В конце XI — начале XII в. был составлен Ломбардский сборник. Его появление — результат длительного развития правовой мысли средневе-

ковья, научной разработки правоотношений феодального общества на основе использования римского права. Работа юристов североитальянских городов оказала влияние на кодификацию права и в других европейских странах. Без преувеличения можно сказать, что традиции римской правовой мысли и деятельность правоведов раннего средневековья, знатоков римского законодательства и судопроизводства подготовили почву для рецепции римского права в Западной Европе. Рост городов и бюргерской собственности, развитие монархической власти и централизованной системы управления в период развитого феодализма требовали правового обоснования новых законов. В понятиях римского права находили наиболее совершенные формы защиты собственности и монархии.

Работа по извлечению римских законов и правовых норм, пригодных для защиты интересов правящей верхушки варварского общества, началась в период записи обычного права. Однако не столько заимствования из римского права определяют содержание и форму варварского законодательства, сколько интенсивный и напряженный поиск правовых и морально-этических обоснований для тщательного отбора, видоизменения и даже полной отмены старых норм и введения новых.

В варварских правдах отражено сложное и противоречивое мировоззрение общества переходной эпохи. Наряду с утверждением норм поведения и общественных идеалов, основанных на признании частной собственности и социального неравенства, были сохранены такие народные обычаи, критерии и оценки социальных явлений, которые свойственны раннему более демократическому общественному устройству.

Народно-демократические черты судопроизводства, точнее судоговорения, происходившего некогда в народном собрании, видны в тенденции к перечислению подробностей преступного акта, всех деталей судебной процедуры, в образности описания судебного казуса, в применении формул, предписанных для конкретного случая, в обращении к помощи и поддержке соприсяжников. Народными обычаями, языческими верованиями и сакральными представлениями объясняется особая склонность к символическим действиям. Сакрально-правовое значение имели такие предметы, как ветвь, кусок дерна, горсть земли, кровь, огонь, волосы. Символами подчеркивали сущность и устанавливали законную силу правового акта. Ломая ветвь и разбрасывая ее части, освобождались от обязанностей в силу кровного родства (от уплаты вергельда, от соприсяжничества, от прав наследования). Кусок дерна символизировал владение землей, его передача из рук в руки означала передачу прав на землю. Акт отчуждения имущества, совершаемый в форме дарения (по древнему обычаю), приобретал законную силу и значение необратимого акта с вручением пред-

мета, символический равноценного предмету отчуждения (предмет назывался — лаунегильд). Кольцо считалось символом вечности и нерасторжимости договора.

В ходе судебного процесса применялось соприсяжничество, оно выражало не свидетельские показания в защиту одной из сторон, а демонстрацию самой защиты сородича или подопечного. Все процедуры, связанные с обоснованием иска или обвинения, или, наоборот, с доказательством собственной невиновности (ордалии, присяга, судебный поединок, очистительные формулы), имели публичный характер. В этой части судопроизводство феодальной эпохи надолго сохранило черты обычного права.

Под влиянием общественного мнения, признававшего законность кровной мести, складывалось правовое сознание раннефеодального общества. Например, убийство, мотивируемое отмщением, квалифицировали как уголовное преступление только в том случае, если оно совершалось тайно. Явное, публичное действие против личности свободного противопоставлялось уголовному деянию, то есть социально враждебному проступку.

Самосознание рода, парентеллы, семьи оставалось формой общественного сознания в течение длительного периода и нашло свое проявление в правовом критерии оценки личности свободного, в вергельде²⁰. Вергельд определялся согласно происхождению, и достоинство личности соответствовало достоинству всего коллектива сородичей (*secundum nationem, secundum dignitatem personae*). Знатность первоначально была тождественна родовитости, эти понятия прилагались к отдельному человеку постольку, поскольку он представлял выделенный знатностью род. Право, узаконив социальные традиции, воспользовалось привычными моральными критериями, определявшими возвышение родов. Представители военно-служилой знати претендовали на эпитеты, означавшие превосходство, достигнутое древностью и доблестью целых родов. «Лучшие, первейшие, добрые» противопоставлены «низшим, ничтожным», реже — остальным свободным, как в лангобардских законах.

В Эдикте Теодориха (VI в.) воспроизведены социальные разряды позднеримского общества, в прямом противопоставлении «почтенных» (*honestiores*) — «ничтожным» (*humiliores*).

Римское влияние отчетливо прослеживается в вестготском, бургундском, остготском и лангобардском праве. Оно проявляется в практике оформления частноправовых документов, в разработке имущественных отношений, определении порядка наследования и завещания имущества, в защите интересов церкви, в трактовке семейно-брачных отношений. Во всех варварских законах социально-правовой статус рабов и коло-

нов имеет в большей или меньшей степени отпечаток римских рабовладельческих норм.

С VI в. складывается каноническое право, сумма правовых предписаний, имевших силу закона во всех государствах, официальная церковь которых находилась под юрисдикцией папы. Римская церковь относит к своей юрисдикции все правонарушения, трактуемые как совершение греха. К ним причислили ереси, колдовство, святотатство, нарушение супружеской верности, незаконные, то есть осуждаемые христианской моралью, браки между близкими родственниками, ложную присягу, подделку документов.

С VII в. силу закона приобретают послания пап и епископов, так называемые декреталии. При составлении сборников («Свод сентенций», «Декреталии» епископа Теодора, епископа Вормского, епископа Шартрского) были использованы многие римские правовые нормы. На основе обобщения и кодификации канонического права появились сборники Грациана, Григория IX и другие. Содержание канонического права укрепляло действие феодальных институтов, а его сентенции служили идеологическому обоснованию сеньориальной власти феодальных правителей.

Общественно-политическая и историческая мысль развивалась под влиянием христианского учения и церковного права. Церковные каноны и религиозная литература внушали веру в священную природу королевской власти. Сентенции о святости королевской особы, о божественном источнике земной власти, о всевышнем руководстве деяниями королей были включены в варварское право и королевское законодательство. Короля представляли подданным как правителя божьей милостью, выполняющего волю бога, ответственного только перед богом, имеющего священную миссию — защищать церковь, творить справедливый суд, оказывать помощь всем нуждающимся в защите, поддерживать общий порядок и согласие всех подданных.

Разрабатывалась политическая доктрина феодальной монархии, опирающейся на союз с церковью. Королевская власть считалась призванной помогать ей в осуществлении главной задачи — спасения души посредством борьбы с господством греха в мирской жизни. Политика короля в отношении церкви должна быть щедрой и твердой в деле защиты христианской веры. Духовенство создавало и распространяло рассказы о неминуемой каре за отступление от священной миссии, о вознаграждении за святость, а также легенды об излечении больных крестным знаменем короля, прикосновением его руки.

Церковную традицию включали в хроники и исторические сочинения, в героическую поэзию и церковные ритмы, она служила возвышению авторитета короля и той части знати, кото-

рая способствовала своей политикой христианизации германских, славянских и других народов Европы.

Идея престижа королевской власти утверждалась через нравственное осуждение междоусобиц, гражданских распри и беспорядков, через противопоставление законного порядка, учреждаемого христианским правителем, полному беззаконию военачальников, равнодушных к делам христианской церкви. Лангобардский историк Павел Диакон, осуждая лангобардских королей (ариан и язычников), при которых в стране царил произвол и насилие, с явным одобрением рисует картину восстановления порядка и законности, когда к власти пришел Агилульф, принявший христианство по католическому обряду, а время правления Лиутпранда, твердо стоявшего за союз с католической церковью, считает вершиной благоденствия и процветания.

В обосновании законности власти варварских королей обращались к римским политическим идеям периода империи. Остготские короли в официальных документах выдвинули следующие принципы внутренней политики: справедливость, воплощаемая в правосудии (*iustitia*), гуманность (*humanitas*), то есть защита интересов и безопасности всех подданных, гражданственность как охрана гражданского порядка, и покровительство гражданским городским общинам (король мыслится как «создатель гражданственности» — *auctor civilitatis*²¹). Теодорих делал пожертвования на хлебные раздачи римскому плебсу, на организацию цирковых представлений, на милостыни нищим в церкви св. Петра. Принцип справедливости трактовали в те времена как надзор за неукоснительным исполнением законов и королевских распоряжений²². Принцип гражданственности (*civilitas*) заключался в требовании беспрекословного подчинения властям, соблюдения порядка и социального мира²³. Принцип гуманности раскрывался в признании порядка своевременной оплаты труда чиновников и актеров, выдачи донативы войску, вознаграждения за королевскую службу²⁴.

В развитии германской государственности историки и писатели VI—VIII вв. находили преемственность с историей Римской империи. Римляне по духу и образованию, писатели и историки из среды самих варваров создавали на латинском языке историю германских народов, представляя ее как продолжение всемирной. Готский историк Иордан был автором двух однотипных сочинений с характерными названиями «*Romanica*» и «*Gotica*». Кассиодор так оценил идейное и политическое значение этих трудов Иордана: «...он доказал единство готского и римского народа»²⁵, этими словами ученый выразил доминирующую политическую идею своего времени. Подобно Иордану, но уже в VIII в. Павел Диакон пишет «*Historia Romanorum*» и «*Historia Langobardorum*». Если Иордан углубил

историю готов и соединил ее с древнеэллинской цивилизацией, то Павел Диакон представил лангобардов преемниками римской власти в Италии. Традиция углубления истории европейских народов вошла в средневековую историографию. Хронист Фредегар убеждал читателя, что предок франков — Франкион был потомком одного из героев Трои.

Не сохранились исторические сочинения Аблавия, Секунда, Кассиодора, которые излагали историю готов и лангобардов как часть всемирной истории. По словам Павла Диакона, Секунд (умер в 612 г. в Триденте) составил «историйку о деяниях лангобардов»²⁶. Иордан и Павел Диакон, используя народную традицию, восполнили утраченное подробным повествованием о судьбах своего народа.

Историки, следовавшие германской традиции, были выразителями этноисторического самосознания, они формировали его идеи и оценки и как собиратели знаний о своем народе сыграли важную роль в развитии исторической традиции. Талантливыми бытописателями и рассказчиками были Григорий Турский, автор десяти книг истории франков, Беда Достопочтенный, написавший «Церковную историю англосаксов».

Германские народы с образованием королевств все более осознавали свое этническое единство и в то же время сближение с римским миром. Создавались этнические и королевские генеалогии, устанавливавшие родственные связи германских королей и всего народа с римскими и даже древнегреческими корнями. Древность королевского рода углублялась его отождествлением с предком господствующего этноса. Возникло генеалогическое древо варварских народов, в которое были включены и римляне. Согласно раннесредневековому кодексу (*codice savense*²⁷), варвары ведут свое начало от короля Мулия, у которого было три сына: Арм, Тинг, Хостий. От каждого произошли четыре ветви: от Арма — готы, вандалы, саксы, бригиды; от Тинга — туски, лангобарды, бургунды, бавары; от Хостия — римляне, бритты, франки, алеманны. В этой генеалогии заложены две идеи, созвучные процессу становления государственности. Первая основана на убеждении, что королевская власть неотделима от истории народа, вторая сближала народы установлением единства, поисками единого корня римского и варварского населения. Так выработывалась новая историческая концепция, согласно которой история варварских королевств продолжает историю римского государства. Ближайшими преемниками римских традиций считались франки, принявшие христианство по католическому обряду, и кельтское население римских провинций, которое раньше германцев подверглось романизации.

Изменение этнического самосознания особенно заметно в период образования народностей. Истоки исторического сознания средневековья не ограничивались влиянием богословской

доктрины, они уходили в глубь исторического прошлого народов, отраженного эпической поэзией. В героических песнях народа была осмыслена вся его история, отношение к окружающему миру и неразрывная связь человека со своим этнокультурным целым. Историческое сознание, выраженное в устной, фольклорной форме, закрепляло в памяти события, генеалогии отдельных родов, обычаи народа. Переход от рассказывания истории к ее написанию — новый и важный этап развития исторической мысли, связанный с развитием культуры и образования. Изложение истории стало для образованных представителей варварского мира ученым занятием, требовавшим знания латинского языка и знакомства с римской историографией.

Раннесредневековые историки часто ссылались на греческих и римских писателей, упоминание их имен являлось признаком образованности и высокой духовной культуры. Под влиянием античной историографии были созданы большие повествования, содержащие подробное, последовательно хронологическое описание истории своего народа. В этих сочинениях даны драматические картины сражений, пространственные географические экскурсы, рассказы предков о переселениях, народные и христианские легенды о королях — предводителях и правителях, об их деяниях, сообщения об основании церквей и монастырей. Песенная традиция отражена включением в историческое повествование древнейших саг, «рассказов предков»; пересказ легенд становится распространенным приемом написания истории. Ссылались на побасенки старых женщин, на услышанное в народе, на устные предания, на то, что вообще «рассказывают»²⁸. В восстановлении родословной королевских династий и хроники правления лангобардских королей Павел Диакон ссылался на память старцев²⁹.

История осмыслена раннесредневековыми писателями как история народа, вступившего на путь самостоятельного политического развития в результате падения Рима. Иордан и Павел Диакон сначала писали римскую историю, а затем как бы продолжение один — готскую, другой — лангобардскую. Героико-эпическая поэзия, которая была главным источником написания этих исторических сочинений, становилась важнейшим фактором развития этнического самосознания и формой выражения народных культурных традиций в период развития государственности. Проблемы песенной традиции и становления исторического сознания изучал испанский историк и филолог М. Пидаль³⁰.

В трудах Иордана и Павла Диакона дан генетический принцип объяснения происхождения народа, в чем сказалась традиция родоплеменного мышления. Возвышение королевской власти обосновано возвышением и славой королевских

родов, что тоже соответствует родовой традиции объяснения этнополитической общности. Родословные, ведущие происхождение от общего предка и дающие сведения о счете и последовательности поколений, получили официальное признание путем записи хроник, которые были обнародованы одновременно с записью законов. По заказу Теодориха Остготского Кассиодор записал хронику Амалов, а к Эдикту Ротари была приложена хроника лангобардских королей.

Развитие этнического самосознания подчеркивает интерес авторов к вопросам о возникновении этнонимов, о происхождении обычаев, к показу этнических особенностей в одежде и быту. Отбор эпических элементов политически целенаправлен. В повествование включали песни о героических подвигах королей, о священной силе королевского оружия, о долголети и славных поступках королей-предводителей. Павел Диякон рассказывает сагу о спасении младенца королем Агельмундом, который протянул свое копьё тонущему ребенку, спас его и тем самым возвестил о великом будущем спасенного, впоследствии тот стал наследником королевского звания³¹. В песнях, посвященных памяти покойных королей, воспроизводился особый ритуал захоронения. Некоторые героические песни рассказывали об исторически реальных лицах. Иордан называет имена героев готского эпоса, излагает сагу о вестготском короле Теодериде, погибшем в Каталаунском сражении. Много интересных подробностей знает о короле Фритигерне, герое эпохи переселения вестготов во Фракию. Историческими чертами наделяет Видигойю, который, по преданию, боролся с гуннами и был убит сарматами³². По свидетельству Павла Диякона, песни о славе и доблести оружия короля лангобардов Альбоина, под предводительством которого они пришли из Паннонии в Италию, были широко известны у баваров, саксов и других германцев. В «Эдду» и записи поздних эпических произведений вошли песни об остготском короле Теодорихе.

В ряде случаев историки проявляли критическое отношение к устной традиции, отрицая достоверность некоторых «рассказов людей несведущих»³³ или сопоставляя разные версии. Обращение к героико-эпической поэзии было характерно для раннего периода средневековой историографии (VI—VIII вв.). В это время процесс развития государственности происходил параллельно с формированием новых этнических общностей. Политические идеи вырабатывались на основе изменяющегося этнического сознания. Это ярко видно на примере творчества влиятельного церковного и политического деятеля конца VI — начала VII в. Исихора Севильского (570—636). Исидор происходил из среды испано-римской аристократии, по матери он был внуком вестготского короля. В 621 г. он написал «Историю готов, вандалов и севов», то

есть германцев, расселившихся на территории римской провинции Испании. Источниками этого исторического труда послужили личные наблюдения и народная традиция племен, основавших свое королевство. Основная идея Исидора Севильского о необходимости прочного союза церкви и королевской власти соответствует официальному направлению историко-политической концепции раннесредневековой историографии. Эта идея в обосновании Исидора Севильского продиктована интересами новой землевладельческой знати, опиравшейся на варварское государство как инструмент эксплуатации зависимых земледельцев в своих многочисленных поместьях. Бесхитrostное, откровенное признание историка в том, что «лучше жить в бедности с готами, чем будучи сильными под римской властью, нести тяжелейший гнет налогов», показывает, на какой почве происходило политическое единение германских завоевателей с местным римским населением.

Исидор занимался, кроме истории, научной деятельностью, он составил энциклопедический сборник «Этимологии» («Начала»), широко известный в средние века и служивший источником научных познаний.

Раннесредневековая историография богата разнообразными жанрами исторических сочинений. Среди них: хроники-бrevиарии (краткие записи с перечислением происходивших событий, панегирики в честь варварских королей, биографии, составленные в стиле Светония («Жизнеописание Карла Великого» Эйнгарда), исторические труды, написанные под влиянием античной историографической традиции. Последние отличаются подробными сильно драматизированными описаниями, стремлением к исторической достоверности, многочисленными ссылками на античных авторов, использованием характерных для эпохи источников (народных сказаний, рассказов современников).

ГЛАВА 3 ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ И МИРОПОНИМАНИЕ ГЕРМАНСКИХ НАРОДОВ

Этническое самосознание во многом определяло духовную культуру народов и влияло на формирование нравственно-этических идеалов. Иордан рассказывает, что готы в своих песнях называли себя «длинноволосые», подчеркивая тем самым главный этнический признак, который был показателем и социального статуса свободы³⁴.

Героические песни по-прежнему оставались частью духовной жизни войска. Главной целью их исполнения было стремление поднять боевой дух перед битвой, укрепить единство

сражающихся воинов, утвердить веру в непобедимую силу королей-предводителей, вызвать чувство гордости за славное прошлое народа, которого представляет король. Героические песни помогали оказывать моральное воздействие, направлять патриотические чувства на защиту дела короля и знати. Еще Тацит рассказывал о таком обычае у германцев: распространять в песнях известия о прошлых и современных событиях. С древности песни служили историческими анналами. Аммиан Марцеллин (IV в.) писал, как перед сражением готы пели песни, в которых прославляли своих предков³⁵. Ранне-средневековые писатели и позднеримские авторы V—VI вв. знали песни-гимны, восхвалявшие предков готов, бургундов, гепидов, лангобардов³⁶. Аполитинарий Сидоний, восторженный почитатель римского поэтического искусства, с горечью писал из бургундской Галлии, что с тех пор, как он видит семифутовых покровителей и слышит их варварское пение, его муза отвергает шестистопный стих.

Героическая поэзия, запечатлевшая историю в поэтической форме народных песен, представляла собой демократическую линию развития духовной культуры раннего средневековья. При массовой неграмотности и дороговизне пергамента записи делались редко, поэтому изустная передача поэтических произведений надолго сохранила в памяти народа эпическую традицию. Включенная в историографию, она служила целям идеологического воздействия, развивая новые политические идеи — идеи раннефеодального государства. Слава народа и подвиги на благо своего народа в трактовке историков отождествлялись с верноподданическими чувствами по отношению к светским правителям. Идея возвеличивания королевской особы и утверждения авторитета светской власти служили песни, прославлявшие подвиги древних королей-предводителей, их личные качества и священную силу королевского оружия.

Эпическая поэзия в раннефеодальном обществе выполняла задачи политического и нравственно-этического воспитания. В педагогическом трактате Исидора Севильского рекомендуется знакомить знатных юношей еще до достижения ими совершеннолетия с песнями о подвигах их предков. Карл Великий предписывал заучивать наизусть древние песни франков.

Легендарно-песенная традиция не только отразила рост этнического самосознания, но в свою очередь способствовала этнической интеграции и развитию общественного сознания новых народностей. Ее народный язык и духовное богатство, знание реалий, обычаев и генеалогий послужили основой развития искусства средневековых бардов.

Певцы эпических сказаний, будучи знатоками родословных, стали активными политическими фигурами при дворах влиятельных, титулованных феодалов. Обладая феноменаль-

ной памятью, знанием системы родства, связей по родству и браку, ярким поэтическим даром, они тенденциозно передавали и переделывали песенную традицию, включая в древнейшие генеалогии предков своих могущественных покровителей или сочиняя новые родословные по образцу древних. Так, средствами поэтического искусства и с помощью песенной традиции утверждались притязания новой военно-служилой знати, господствующего класса на сословные привилегии. Такого же рода родословные служили и старой, племенной аристократии основанием для защиты своих собственных притязаний на авторитет.

Содержание германского героического эпоса отражает сложную систему мировоззрения общества в период становления классов и государства, когда шло формирование новой общественной морали и правовых норм. Языческие представления о мире преобладают над христианскими. Центральное место в древнегерманской мифологии занимают вопросы происхождения и дальнейшей судьбы мира, богов и человека.

Согласно мифологической традиции, боги не участвовали в создании мира, но они определили его будущее. Из первичного хаоса, из камней мировой бездны поднимаются великан Имир и предок богов — Бури. Имира вскормила корова Аудумла, которая питалась, слизывая иней с соленых камней мировой бездны. Имир породил великанов, от них произошли боги. От первородного хаоса отделились северный мир — мир льда и южный — мир огня.

Понятие времени, выраженное в четких представлениях о прошлом, настоящем и будущем, связано с картиной происхождения мира. От великанов произошли три могущественные дочери Урд (Прошлое), Верданд (Настоящее), Скульд (Будущее). Великанши определяли судьбу, жизнь и смерть, победу и поражение богов, героев и людей. Связь времен осмыслена в представлениях о передаче физических и моральных качеств от предков к потомкам.

В эпической поэзии акт порождения являлся центральным событием, через него устанавливалось отношение к предкам. Главным объектом сакрализации в народном общественном сознании были первородители. Иная, христианская, идея творения мироздания богом утверждалась прежде всего в церковной литературе и официальной идеологии.

Первые люди по древнегерманской мифологии, вернее, их древесные прообразы (Аск и Эмбля), ведут свой род от ясеня и ивы. Они были найдены богами (асами) на берегу моря, потом доделаны и оживлены ими. Боги создали и маленьких искусных кузнецов, гномов, которые с тех давних пор живут в недрах земли и гор.

Модель мира, возникшего из мировой бездны, мифологически представляется в горизонтальном и вертикальном направ-

лении. Великаны как разрушительные силы природы ближе к хаосу, они населяют пустынные и скалистые области на севере и востоке. Страна, окруженная изгородью по типу германской усадьбы, называлась Утгард, посредине расположена срединная ограда — Митгард, это — родина людей. Вторая, вертикальная, модель имеет в центре небесный утес, на вершине его тоже огороженное селение, там живут боги (асы), их место — Асгард (ограда асов). На вершине утеса стоит ясень Иггдрасиль, его крона касается неба, а три могучих корня уходят в глубь земли, каждый питается из своего источника.

Ясень — мировое дерево, оно символизирует жизнь и вечность, с ним связаны мифологические представления о происхождении людей и кровнородственных коллективов, эпические сказания о родословных. Ясень у германцев пользовался особым почитанием, как дуб у кельтов и славян. Это дерево широко применялось в быту, служило удобной природной конструкцией для возведения легких жилищ. Раскидистая вершина защищала стропильную ферму постройки, а мощный ствол поддерживал перекрытия. В англосаксонской поэме «Беовульф» упоминаются копыя из ясеня³⁷. В «Истории лангобардов» Павла Диакона приведена древняя сага о родословной историка, в ней ясень занимает центральное место рассказа о прапрадеде. В опустевшем доме за долгое время отсутствия хозяина вырос широкий ясень. Возвратившись из плена, владелец дома расчистил заросшее ежевикой и терновником помещение старого жилища, но ясень оставил, на его ветвь он повесил свой колчан³⁸. Представление о сакральном и символическом значении древесных отростков сохранила Салическая правда. Процедура отказа от родства совершалась путем разламывания над головой трех ветвей. Разбросав обломки на четыре стороны, человек публично заявлял о разрыве уз кровного родства. Такой выход из кровнородственного объединения означал по существу утрату определенных прав и обязанностей: участие в соприсяжничестве, сонаследовании, получении или уплате вергельда³⁹.

Языческие боги древних германцев группировались соответственно этническим различиям племен. Северные племена чтили асов, южные — ванов. Асов возглавлял Один, верховный из 12 богов и 14 богинь. Ваны первоначально почитались как земледельческие божества, как обожествленные силы природы. Согласно преданию, конец золотому веку, веку без вражды, наступил тогда, когда злая колдунья Хейд была послана ванами к асам. Те били ее копьями, трижды сжигали, но так и не смогли уничтожить. Всыхнувшая из-за этого вражда между ванами и асами повлекла за собой серию кровавых войн и распри, в ходе которых было достигнуто соглашение и примирение. Асы сохранили господствующее положение

ние, а ваны были ассимилированы ими, часть вошла в общину асов в качестве заложников.

Со временем в мифологии и эпической поэзии появляются такие образы и представления, которые свидетельствуют об изменениях в общественном сознании. Социальная действительность выдвигала на первый план фигуру военачальника, предводителя дружины, удачливого воина и щедрого покровителя, могучего повелителя и надежного защитника. Война и разбой возводились в степень доблести, слава виделась в победе, достигнутой любыми средствами. Соответственно новому взгляду на ценность личности и на характер отношений в войске среди богов выдвигают главного — воителя и покровителя военной дружины. У германских народов это — Один, у славянских — Перун.

Один или Вотан, Водан — божество, связанное с военной магией, он олицетворял собой и власть, и мудрость, всегда считался прежде всего покровителем воинов. Один выполнял функцию военного вождя, он разжигал вражду, чтобы укрепить мужество людей. Одина представляли в золотом шлеме, на плече у него сидит ворон, а у ног притаились два волка. Эти атрибуты Одина символизируют хищническую природу и военную функцию главного бога. Имя его — Вотан — связано с древнегерманским словом *wut*, означавшим ярость, бешенство, дикую мощь. Один разжигал войну асов и ванов, именно он бросил копьё в сторону войска ванов и тем самым подал знак к началу сражений. В последней битве сын Одина и великанши Грид — Видар отомстил волку Фенриру, убийце своего отца. Видар разорвал ему пасть, по другой версии — пронзил его мечом.

Наряду с Одином военные функции разделяли другие боги: Тор и Тюр. Вначале их чтили как богов неба и войны. Тор олицетворял собой физическую силу и богатырскую ярость. Кроме военной функции, он был носителем аграрной, цивилизаторской. Тор выступал в роли героя-борца с великанами, с мировым змеем, одним словом, с силами зла.

Великанша Грид одарила Тора магическим посохом, поясом силы и железными перчатками. С их помощью Тор одолел великана. Оружие Тора наделяли магическими свойствами, символика их объясняет атрибуты средневековых обычаев и некоторых церемоний. Например, в знак объявления войны к воротам феодального замка прибывали железную рыцарскую перчатку.

Бог Тюр (Донар) был наделен культурно-политической функцией, он считался покровителем военных собраний и судебных поединков. В Тюре чтили защитника гражданского правосудия. Его главный атрибут — молот.

В языческих представлениях германцев центральное место занимала картина гибели мира, его конец наступал в ходе

борьбы враждебных сил (богов и чудовищ). В последней битве они убивают друг друга. Огонь и наводнение поглощают все, но затем мир снова должен возродиться. Идея смерти и возрождения жизни встречается во многих мифологических системах. В германской она раскрывает понимание судьбы, воплощенное в истории о юном сыне Одина и Фригг — Бальдре. Бальдр — мудрый и смелый, но он должен погибнуть. Один из асов отправляется в страну мертвых — Хель, чтобы узнать судьбу Бальдра. Провидица предсказывает его гибель, тогда мать (Фригг) берет клятву со всего живого в том, что никто и ничто не причинит сыну вреда. При этом она забыла и обошла только одно растение — омелу. И именно ею, оказавшейся в руках слепого бога, был смертельно ранен Бальдр. Над ним совершили погребальный обряд сожжения в ладье. Бальдр остается в стране мертвых, что явилось предвестием гибели богов и всего мира. В возрожденном и обновленном мире Бальдр воскрес, он примирился со своим невольным убийцей, слепым богом Хёдом. Миф о Бальдре возник как отражение коллизий внутри общины асов, в нем сказалось влияние культа плодородия с идеей умирающего и воскресающего бога, магия растения и свойственные германской мифологии эсхатологические представления о конце мира и его возрождении, о неотвратимости судьбы, о стойкости перед ее испытаниями.

Германские боги выступают как герои, войны, постоянно сражавшиеся с чудовищами, гибнущие и возрождающиеся. У каждого свое жилище внутри огады асов. О культе асов у готов сообщает Иордан. Корень древнегерманского слова «ас» становится частицей многих собственных имен, например, Аспранд — у лангобардов.

Борьбу добра и зла олицетворяют фигуры великанш, их потомство, помыслы и деяния творят зло и приносят помощь в борьбе со злом. Одни великанши — вредоносные, они порождают чудовищ на гибель богам и людям, их имена напоминают о том. Антрбода — «сулящая горе» породила волка Фенрира, потомка злого Локи, и тот пожрал Одина. Другие великанши действуют на благо, они дают богам и героям оружие, обладающее магической силой, чтобы те одержали верх в борьбе с чудовищами. В образах великанш, в их противоборстве отражены противоречивые представления об общественной роли женщины, свойственные переходной эпохе от матриархата к патриархату.

Прославление воинских качеств составляет содержание эпических сказаний. Военные песни, которые служили источником героической поэзии, обычно сочиняли после события с целью похвалы или уведомления о нем. Древнегерманские женские имена отличались тем же желанием прославить физические качества, необходимые в сражении. В них вводились

частицы, означавшие слова «битва» («хильд»), «сила» («труд»), «шотрясающий» («христ»). Имя героини «Песни о Нибелунгах» — Гудрун — состоит из двух частей: одна частица означает битву, другая — тайну. Имя другой героини — Брунхильды — связано со словом, означавшим боевой поединок. Судебным поединком германцы решали споры, судебные иски, его проводили на священном огороженном месте.

Пережитки матриархата отражены и в культе валькирий. Валькирии — воинствующие девы, которые по воле Одина распределяют в битвах победы и смерти. Павших в бою они уносят в «небесный чертог» Одина, где во время вечного пира угощают медовым молоком и неиссякаемым мясом вепря из котла, вечно бурлящего на огне. Чертог освещен светом, исходящим от блестящих мечей. Сами валькирии ткут, они сплетают ткань из человеческих кишок и при этом поют свою зловещую песню судьбы.

Культе валькирий остался и после христианизации, но в измененной христианской трактовке. Сельские жители чтили св. Вальпургию, заступницу от ведьм, которые, согласно поверью, слетались на метлах к сатане в ночь с 30 апреля на 1 мая. В ту ночь ведьмы летали всюду на метлах и вилах, насылали порчу на людей и скот. Накануне в селах совершались магические действия с целью изгнания ведьм. В кострах сжигали чучела ведьм, с факелами обходили все дома и звонили во все колокола. Считалось, что травы, собранные в Вальпургиеву ночь, обладали чудодейственными колдовскими чарами.

Изменения в общественных представлениях о причинах и законных основаниях кровавой вражды особенно ярко проявились в истории спора двух героинь германского эпоса — Гудрун и Брунхильды. В более древнем варианте суть спора заключается в отмщении Брунхильды за обман, который сопровождал обряд заключения брака. Ее жених Сигурд, выпив напиток забвения, оставил свою невесту Брунхильду и женился на Гудрун. Брунхильда в силу обмана (брачные испытания за ее жениха выполнил брат Гудрун — Гуннар) выходит замуж за Гуннара. Когда женщины заспорили, чей муж доблестней, обман раскрылся. Разъяренная Брунхильда ставляет убить Сигурда, своего бывшего жениха, ставшего мужем ее соперницы Гудрун. Месть свершилась: Гуннар убивает мужа своей сестры, но Гудрун не мстит брату за мужа, так как брат Гуннар дороже ей мужа Сигурда в силу кровного родства. Впоследствии, когда Гудрун вышла замуж за Атли, а тот жестоко расправился с ее братьями, дорогими ей по кровным узам, Гудрун столь же жестоко отомстила супругу. Она убила своих сыновей от Атли, угостила его блюдом, приготовленным из сердец жертв мести, а затем убила и Атли. Месть завершена пожаром, в котором гибнет весь дво-

рец. Изложенный вариант саги показывает жестокость нравов и обычаев, считавшихся нормой взаимоотношений в эпоху перехода к патриархату, когда женщина еще имела право мстить за своих кровных родственников, когда узы кровного родства были священны и значили неизмеримо больше, чем супружеские, они определяли социальное поведение героев эпоса.

Второй, более поздний, вариант столкновения двух соперниц представлен в «Песне о Нибелунгах». В этом сказании Гудрун предстает в образе сестры бургундских королей — Кримхильды. Она замужем за героем Зигфридом, вассалом ее брата Гунтера. Брюнхильда — исландская королева, которая стала женой бургундского короля Гунтера. Зигфрид выполнил за Гунтера богатырский подвиг и обманом вместо Гунтера снял с Брюнхильды перстень и пояс во время брачного обряда. Брюнхильда не знала об этом, она полна сословной гордости, недовольна тем, что сестра ее мужа (Кримхильда) вступила в брак с вассалом брата, а ее мужа. Брюнхильда пригласила Кримхильду с Зигфридом в свою резиденцию в Вормсе и стала высокомерно с ней обращаться, унижая ее достоинство. Кримхильда вспыхнула, и произошла ссора, в которой женщины спорили о сословном благородстве, о том, чье положение выше. Стараясь унижить Брюнхильду, Кримхильда раскрывает тайну об обмане во время брачного обряда, показывает пояс и перстень, который добыл ее муж у соперницы. Брюнхильда потрясена дерзостью вассала своего мужа, она полна негодованием и готова мстить. Зигфрид, муж Кримхильды, убит на охоте. Когда Кримхильда вторично вышла замуж за Этцеля, она мстит своим братьям, всей бургундской дружинке за гибель своего первого мужа — Зигфрида. Коварно заманив всех в резиденцию Этцеля, устроила там кровавую резню. В «Песне о Нибелунгах» отражена обстановка политических распр и междоусобиц VI в. Некоторые исследователи предполагают, что в действиях героинь эпоса изображена вражда двух франкских королей Брунгильды и Фредегонды. Убитый во время борьбы за королевскую власть меровинг Сигиберт был мужем Брунгильды.

В содержании древнегерманского эпоса много эпизодов и описаний, раскрывающих эволюцию дружинных отношений, переходивших в вассальную службу. В связи с этим особое значение в сюжетах приобретает мотив нарушения клятв. Интересны описания ритуальных пиров с распитием священного напитка, прославлением ратных подвигов и примеров верности воинов, с церемонией вручения даров. В «Беовульфе» прославлена война и военная доблесть королей и их дружин. Победным ликованием звучит торжество военачальника, «чье войско выросло из малой дружины». Война воспета как дело достойное и приносящее славу в народе. К дружинникам

постоянно прилагается эпитет «нахрабрейшие», их военная служба выглядит как профессиональное занятие, вся жизнь заключена в ратных деяниях. С явным восхищением сказители рисуют облик железных людей, говоря о питых золотом кольчугах искусной вязки железной пряжей, о железных прочных шлемах и острых копьях.

Описание пиров подчеркивает политическую роль дружины в укреплении королевской власти:

Сели за трапезу ратники сильные,
храбросердные,
брагу медовую в чеканные чаши
лил виночерпий,
песносказитель пел о Хеороте
и беспечально там пировали...
две дружины
датчан и гаутов...⁴⁰

Приглашенным предусмотрительно было предложено оставить оружие у порога. Супруга короля обошла с чашей всех присутствующих, потчует и старых, и юных воинов. Вслед за этим воин давал клятву — или победить врага, или погибнуть «в тугих объятьях рук вражьих»⁴¹.

Древнегерманский эпос создавался на протяжении нескольких столетий. В VII—VIII вв. сложилась англосаксонская сага о Беовульфе («пчелином волке» — медведе). В ней рассказывается о подвигах молодого героя-воина родом из скандинавского племени гаутов. Страшное чудовище в течение 12 лет истребляло дружинников короля данов. Доблестный гаут одолел и чудовище, и его мать. Возвратившись с победой, он получает щедрые дары и становится королем данов. За 50 лет правления он совершает много славных подвигов и освобождает страну данов от дракона. Поэма была создана на основе фольклорных мотивов, в ней переработаны древние народные сказания о доблестных героях, боровшихся с силами зла. В IX в. были записаны еще две поэмы: «Песнь о Хильдебранде» и «Вальтарий».

В период V—IX вв. появился цикл сказаний о короле Артуре. Отдельные эпизоды песенной традиции встречаются в английских хрониках VIII—XII вв. Герой английского эпоса — король бриттов Артур, храбро и долго сражавшийся с англосаксами в V в. В его руках — чудодейственный меч, с помощью которого он утвердил свою власть над всей Британией. Резиденция короля Артура стала центром объединения самых отважных, доблестных и достойных героев-воинов. Эти благородные рыцари восседали вокруг круглого стола, отвага и храбрость каждого делала их равными. В центре стола был поставлен магический котел с чудодейственным напитком. По

преданию, король Артур погиб от смертельной раны, нанесенной ему племянником Модредом. В последнем своем поединке король защищал честь Гиньевры, его жены. После рокового исхода поединка фея Моргана перенесла тело Артура на вершину горы, в чудесный дворец. Сказания о короле Артуре перерабатывались, дополнялись новыми эпизодами и подробностями, характерными для быта и нравов более позднего феодального общества, но эпический материал составил основу для средневековой литературы о рыцарях круглого стола.

Наиболее крупные германские эпические произведения «Песнь о Нибелунгах», «Старшая Эдда», «Сага о Тидреке», «Младшая Эдда» были записаны в XIII в. Отдельные сюжеты германо-скандинавской мифологии и героической поэзии включались в хроники и исторические сочинения, использовались в художественной литературе XI—XV вв.

Эпические сюжеты далеки от реальных исторических событий, сказители произвольно разрывали хронологическую канву, нарушали последовательность и точное соответствие своих рассказов определенной эпохе. Однако легендарный материал богат реалиями времени переселения народов и образования раннесредневековых государств. Некоторые герои эпохи имели своих исторических прототипов. Прообразом короля Атли и Этцеля можно считать гуннского вождя Аттилу. Эпизоды кровавой вражды с бургундскими королями Гуннаром и Хёгни навеяны воспоминаниями о вторжении гуннов на территорию Бургундского королевства в 437 г. В «Песне об Атли», в «Речах Атли» рассказывается о дикой, суровой и жестокой расправе над бургундскими королями (у Хёгни вырезали сердце, а Гуннара бросили в яму со змеями). Сестра бургундских королей Гудрун, ставшая женой Атли, проклинает мужа за нарушение клятвы, ведь Атли обманом и хитростью заманил бургундских королей к себе, чтобы коварно расправиться с ними. Атли гибнет от руки Гудрун, мстившей за братьев. В «Саге о Тидреке» сын бургундского короля Хёгни заманил Атли, убийцу своего отца, в пещеру, где был спрятан клад, и там убил. Первая версия о гибели Аттилы имеет сходство с историческим преданием о насильственной смерти гуннского вождя на ложе германской пленницы Ильдиги в 453 г.

Переработка и запись эпических произведений производилась в период распространения и утверждения христианской веры. Это наложило отпечаток на языческие в своей основе образы, представления и нравы. Осознание бытия осуществлялось в ряде случаев с позиций христианства, что проявлялось в идее о «бренности земного», в ссылках на «божественный промысел». Мифологическим чудовищам сказители придавали дьявольские черты, а героев-борцов (например, Беовуль-

фа) наделяли благодатью христианского мессианства, христианскими добродетелями. Вера в злых колдуний и ведьм (ими насыщены народные сказки) имела своим источником мифологический образ злокозненной Хейд, которую старались убить боги-асы, забивая копьями, трижды сжигая, но так и не смогли уничтожить, Хейд осталась живой. Мифологические герои, особенно популярные в народе, посредством церковной литературы и традиции были превращены в христианских святых. Герой кельтской мифологии Бран считался защитником народа от врагов, завоевателей. Голова Брана после смерти героя была наделена сакральными свойствами и, по преданию, зарытая в Лондоне, охраняла своей магической силой остров от вражеских нашествий и бедствий. В средневековых легендах Бран действует под видом св. Брендана, которого считали одним из предков короля Артура. Кельтская богиня мудрости Бригита, покровительница кузнечного дела и врачевания, изображалась в языческом образе птицы с человеческой головой. В христианской традиции она становится св. Бригиттой.

Древнегерманский мифический образ оборотня или вервольфа (человека-волка) превращается в христианской теологии в образ слуги дьявола. Он представлен как предводитель целой стаи вервольфов. Языческий культ вервольфа связан с нормами обычного права, карающими преступления против сородичей изгнанием. Изгнание означало лишение права защиты и было самым тяжким наказанием, так как фактически ставило человека вне коллектива и обрекало на звериный образ жизни, грозивший безнаказанной расправой и верной смертью. Месть и поступки обреченного воспринимали как действия подобные повадкам хищника. Согласно поверью изгнанник ночью принимал облик волка и нападал на людей и скот, днем он снимал волчье обличье и снова становился человеком. Волк у германцев считался символом силы и военного разбоя, он сопровождал бога Одина во всех его делах, направленных на разжигание вражды. Волк Фенрир в древнегерманской мифологии — одно из хтонических чудовищ, он рожден великаншей Ангрбодой («сулящей горе») от злого Локи.

Языческие культы животных на всей территории Европы имели большое сходство. Культ веоря известен у кельтов, германцев и балтийских славян. Кельтское имя Ивар, в древнеисландской традиции — Ибор, отождествлялось с понятиями «веоря», «бог», «военачальник». Германское предание о прародине лангобардов тоже связано с почитанием этого священного животного. По саге, изложенной историком Павлом Диаконом, герцог Ибор вместе с братом повел народ лангобардов искать новую родину, оставив побережье Скандинавии⁴². Веоря считался символом плодородия и боевой мощи,

Поэтому родословную королей лангобарды начали с героя, носящего его имя. Первый лангобардский король — Агельмунд считался племянником Ибора, сыном его брата — Айо⁴³. У балтийских славян родилось предание о том, что, когда их священной городу грозила беда, из волн моря выходил вепрь и своей грозной силой отшугивал врагов. Изображение головы вепря стало боевым знаком на щлеме воина. В средние века могущественные феодалы охотно избирали себе такую эмблему в качестве геральдического знака.

Культ волка у германцев получил особое развитие в связи с возникновением культа предводителя боевой дружины. Известно, что в Древнем Риме культ капитолийской волчицы, вскормившей древнеримских царей, имел подобное значение. Главного германского бога Одина сопровождали два волка, о покровительствующей функции спутников Одина свидетельствует родовое предание Варнефридов. Прапрадед Варнефридов бежал из аварского плена, его проводником, указывавшим путь домой, стал волк. Через несколько дней блуждания по лесам беглец, испытывая страшный голод, натянул лук, чтобы убить того волка и съесть, но зверь скрылся в лесной чаще. Историк Павел Диакон по поводу этого эпизода заметил, что появление волка было божественным знаком, ибо беглецу открылся путь, которого он искал⁴⁴. В русских народных сказках звучит аналогичный мотив, когда Иван-царевич появляется на сером волке.

В древности у германцев преобладало восприятие хищнической природы лесного зверя. В жертву Одину приносили собак, волков, а также преступников, людей, «ставших волками». Образ хищника в человеческом облике служил для устрашения врагов. В лангобардской саге о войне с ассипитами рассказывается о том, как лангобарды в целях воодушевления своих и возбуждения панического страха в лагере противника распустили слух и постарались создать видимость того, что в их войске есть собаки с человеческим обличьем, которые питаются человеческой кровью и потому храбро сражаются, быстро преследуя врагов, настигают и уничтожают свои жертвы. В лагере поставили большие палатки и развели костры, чтобы видны были приготовления к жертвоприношениям в честь Одина⁴⁵. В эпоху переселений и военных походов германской знати культ волка-хищника отождествлялся с культом предводителя дружин. Волк становится спутником Одина, покровителя войны. Доблестные воины и герои получают имена и одобрительные прозвища, указывающие на силу и мощь, равные физическим качествам этого зверя (например, Беовульф — «пчелиный волк»).

Языческие жертвоприношения животных, считавшихся священными, отражены в народных преданиях лангобардов.

О почитании священной силы зубров рассказывает сага о королевской горе и ее реликвии — огромной шкуре убитого там зубра, на которой могли лежать один подле другого 15 человек. Гора была названа королевской в честь Альбоина, предводителя похода лангобардов в Италию и основателя Лангобардского королевства в этой стране. Отсюда взорам короля и народа впервые открылась новая родина, и, вероятно, здесь был совершен языческий обряд жертвоприношения за благоприятный исход начатого предприятия. Историк, включивший предание в свое повествование, ссылается на рассказ старца, который якобы видел ту шкуру своими глазами и поведал об этом самому автору, следовательно, святилище сохраняло свое значение до конца VIII в.⁴⁶ Окропление кровью убитой из лука священной птицы как магический обряд встречается в описании обстоятельств смерти лангобардского короля Гримоальда в 671 г. Павел Диакон рассказывает о том, как Гримоальд устроил в своем дворце совершение обряда окропления кровью («flevotomum» — буквально кровопускание), может быть, с целью освящения королевского лука. Проведение обряда оказалось роковым для короля. Взяв лук, король намеревался стрелой пронзить птицу, но стрела соскользнула и разорвала вену на его руке, от этой раны король скончался⁴⁷. Культ птицы (о магическом значении ворона, спутника Одина, постоянно напоминали места сражений) был связан с пролитием крови воина, поэтому лангобарды в память о погибших в военных походах ставили на могилах их сородичей жерди (пертики) с деревянным изображением птицы, повернутой в ту сторону, куда ушел воин. Вблизи крепостных стен Павии одно такое кладбище дало название предместья — «Ad perticas» («У пертиков»). Супруга благочестивого короля Перктарита основала там церковь св. Марии⁴⁸.

Языческие культы, обряды и представления имели широкое распространение среди народов Европы и после принятия христианства. Для многих язычество становилось знаменем борьбы за независимость против насильственной христианизации, наступления феодальной знати на земли свободных общин, агрессии чужеземных феодалов. Некоторые князья и короли привлекали приверженцев язычества на свою сторону в борьбе за власть, используя в корыстных целях недовольство народа новыми порядками. Защита языческой обрядности становилась формой протеста против усиления гнета феодализирующейся верхушки общества и государства. В язычестве видели путь к возвращению общинного равенства и народоправства. О консервативном значении религиозных традиций писал Ф. Энгельс: «Религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен, так как во всех вообще областях идеологии традиция является великой консервативной силой»⁴⁹.

Изобразительное искусство, архитектура, мозаика, живопись раннего средневековья обнаруживают довольно яркое влияние позднеантичного стиля. Одним из замечательных памятников зодчества VI в. является мавзолей Теодориха в Равенне, построенный архитекторами Алозием и Даниэлем. Мавзолей был воздвигнут еще при жизни остготского короля перед воротами его дворца в Равенне. Арочные перекрытия гробницы венчал купол с восьмиугольными арочными выступами. Купол украшал портик с колоннами, расположенными по кругу. Куполообразный свод и арочные перекрытия придавали мавзолею монументальный вид. Арочные своды были выполнены из веерообразных каменных плит, остальная отделка сохраняла строгую античную простоту. По свидетельству современника, Теодорих заботился, чтобы ничто не отличалось от античных форм⁵⁰.

В конце VII в. (в 675 г.) был оформлен вход в церковь св. Петра в Риме. Площадь перед базиликой (Парадиз) вымостили великолепным белым мрамором⁵¹. Лангобардский король Перктарит в конце VII в. украсил королевский дворец в Павии портиками и галереями, выполненными, по словам историка, «с удивительным искусством»⁵².

В начале VIII в. портик храма св. Петра в Риме был украшен картинами на сюжеты из деятельности шести вселенских соборов⁵³. Эта акция имела не только художественное, но главным образом политическое значение, она подчеркивала негативное отношение римского папы к иконоборческой политике византийских императоров. Подобные картины были сняты в Константинополе по приказу императора.

Церковные сооружения VI—VIII вв. сохраняли тип римской базилики или восьмигранной греко-романской постройки. По образцу церкви св. Витта в Равенне (восьмигранной, греко-романской), воздвигнутой в 547 г., была построена в 796—804 гг. королевская часовня Карла Великого в Аахене. Нижняя часть часовни — шестнадцатигульный стен, замкнутый в круг, стоял на коротких, массивных столбах (они заменяли колоннаду церкви св. Витта). Верхний этаж украшали античные колонны различных ордера. Здание венчал купол. Общий вид часовни открывался чередованием арочных сводов и колонн. Первый этаж украшали арки, второй имел восемь трехарочных сводов с колоннами, третий — только колонны с капителями, что поднимало здание ввысь и делало его легче и изящнее. Стены и купол были покрыты мрамором и мозаикой. Внутри, напротив алтаря, стоял высокий трон из белого мрамора, на нем сидел император во время службы. Позже здесь короновались германские короли.

Раннесредневековые церкви VIII—IX вв. (например, в Сен-Дени, Фульде) были построены по образцу римских ба-

зийлик, многие копировали церковь св. Петра в Риме. Архитектура, которую называют каменной книгой истории, в наиболее выразительной форме, чем другие источники, передает дух времени, направленность общественного сознания, особенности мышления и настроения людей, то, что современные историки относят к области менталитета. Места для служения богу выделялись на общем фоне грандиозностью, массивностью сооружений, подавляющих сознание человека, подчеркивали ничтожность земного бытия и мирских забот. Идеи монашества и отрешенности от мира рано начали сказываться на изображениях людей в архитектурных деталях (в рельефе, в скульптурном оформлении церквей), в иллюстрациях к Священному писанию. Лица шеестественно вытянуты по отношению к пропорциям тела, создается впечатление бестелесности, жизнь как будто покидает бренное тело. Большие, расширенные глаза кажутся устремленными в вечность, они обращены к богу. Руки и ноги коротки, под ними нет земной опоры. Орнамент сделан из рисунка, представляющего собой переплетение голов животных, что усиливало демоническое, магическое восприятие бытия, далекого от реального мира. Фигуры животных, как правило, изображались в профиль, даже орел с распластанными крыльями повернул голову в сторону, взгляд всех живых существ обращен за пределы земного существования.

В североевропейских областях мастера орнамента находились под влиянием ирландского, франкского и византийского искусства. Каролингский стиль VIII—IX вв. основан на использовании листовых и животных форм в орнаменте. Своей строгой стилизацией фигур он повлиял на появление средневековых изображений фантастических животных самого устрашающего вида. Вытаращенные глаза, дикий оскал, изогнутое, дико раскинувшееся туловище, страшные когтистые лапы создавали характерный образ чудовища, угрожающего вечной карой за грехи и отступление от законов, освященных церковью.

В животном круговом орнаменте V—VIII вв. сложилось два стиля. В одном тело животного расчленялось, и каждая часть (голова, руки, ноги, крыло птицы) приобретала самостоятельное значение, становилась стилизованным элементом. Такой орнамент был распространен в регионе алеманнов (в V—VI вв. вблизи Вормса). Некоторые исследователи усматривают в этом стиле проявление концепции абстракционизма⁵⁴. Другой стиль характеризуется слиянием целого изображения животного с круговым орнаментом, он получает применение в искусстве с VII в. Сочетание двух стилей привело к более свободному использованию пространства, что проявилось в искусстве эпохи викингов, преодолевшем строгую симметричность расположения рисунка.

В изобразительном искусстве довольно часто встречаются следы языческих культов. Около Трира найден рельеф, датируемый 510—520 гг. На нем ясно проступают особенности культа женского божества. находка известна как «рельеф Ариадны» или «рельеф Изиды». Специалисты усматривают в нем влияние александрийского стиля. В Италии, в Монце, обнаружен диптих с изображением поэта и музы. Пластика фигур сочетается с фронтальным изображением, в драпировке одежд заметна некоторая манерность, что говорит об отступлении от принципов античного стиля.

Характерным проявлением варварского стиля являются изображения франкских воинов с мечом или на коне, выполненные на камне. Лицо проработано в виде маски. Каменные кресты тяжелой массивной формы без декора напоминают древние каменные скульптуры. Лангобардские кресты VII—VIII вв. украшены евангелическими символами, изображениями ангела, орла, льва, вола.

В прикладном искусстве раннего средневековья преобладает варварский, так называемый готский стиль. В ювелирном деле применялась высокая техника золотой филигрании и серебрения (изделия покрывали тонкими серебряными пластинками). Делали искусные вставки драгоценных камней и стекла, составляли сложные мозаики из драгоценных камней (например, из граната). Ремесленники владели разнообразной техникой обработки серебра и слоновой кости, пользовались приемом наслаивания на золотую или другую металлическую основу металлических фигурных деталей. В изображениях животных и птиц проявляется строгая стилизация, фигуры точно очерчены геометрически. Излюбленным мотивом различных металлических украшений был орел с распушенными крыльями.

Германомифические сюжеты украшают серебряные ножны мечей, мужские пояса, конную сбрую. Замечательным образцом художественного ремесла VIII в. является медная позолоченная чаша из монастырской сокровищницы баварского герцога Тассило. Рисунок и орнамент на чаше объемом в 3/4 литра выложен из тонких серебряных пластинок. На основании надпись, датированная 769 г. — «Тассило, отважный герцог и Лиутпирга, супруга из королевского рода». Лиутпирга была дочерью последнего лангобардского короля Деизидерия. Ручка чаши отделена от остова декоративной деталью, украшенной жемчужинами. На куполе чаши — фигуры Христа и четырех евангелистов с символическими изображениями ангела, льва, вола и орла. Чаша предназначалась для причастия, поэтому центральная часть оформлена изображением Христа. Христос с тонким лицом, в обрамлении волос, с короткой бородкой и рукой, поднятой над грудью. Античные традиции отчетливо проявляются в королевском инвентаре

Каролингов. Характерное для античного прикладного искусства украшение имел ящик-сокровищница Карла Великого: статуарная скульптура была вписана в арочные своды.

Увлечение античностью и обращение к римским авторам в VIII—IX вв. составляет особенность духовной культуры этого периода. Однако влияние христианской теологии стало-вилось определяющим во всех областях знаний и искусства. В зарубежной историографии, особенно в клерикальной, подчеркивается церковный характер культуры Каролингского Возрождения. В это понятие вкладывается особый смысл: христианизация варварского мира считается почвой для культурного возрождения в каролингский период. Предполагается, что предшествующее время было продолжением упадка, наступившего с конца Римской империи в связи с ее варваризацией. По мнению М. Динсли, английской исследовательницы эпохи раннего средневековья, Ренессанс на Западе отличался от византийского тем, что последний был прямым продолжением греко-романской культуры, в то время как Каролингское Возрождение означало лишь более широкое ее распространение с включением культурно-исторического региона Западной Европы⁵⁵. Этот исторический регион населяли народы, имевшие свои древние культурные традиции, которые сохранялись, то усиливаясь, то видоизменяясь под влиянием этногенетических процессов и развития раннефеодальной государственности. Влияние античных традиций и христианства в большей степени затрагивало господствующие, придворные слои, духовенство и духовную элиту раннесредневекового общества. Народные и языческие традиции преобладали в среде сельского населения и в войске, долго сохранявшем черты народного ополчения.

Народные элементы духовной культуры, воплощенные в эпосе, питали творческую мысль историков, писателей и поэтов, в том числе и церковных, входили составной частью в христианскую культуру раннего средневековья или перерабатывались ею. Этногенетические процессы, происходившие на фоне развития государственности, сыграли главную роль в возникновении романских языков. Латинский язык оставался языком политического и культурного общения, средством романизации; народные языки кельтского, германского и славянского корней определили рождение новых языков и диалектов.

Как показали новейшие исследования, воздействие античных традиций на западе Европы было довольно глубоким и непрерывным. Бернард Бишофф (университет Монако) считает, что в культурном континуитете ведущая роль принадлежит городским библиотекам, хранившим античное литературное наследие, каролингским школам, проводникам античных знаний, особенно латинской грамматики и стилистики, а так-

же городским монастырям, которые имели значение культурных центров. Нельзя отрицать, что многое из античного наследия погибло за долгие годы идейного кризиса и упадка классического образования, но тем не менее уже с VI в. начались напряженные поиски и работа по собиранию и копированию античных рукописей. Интерес к античным авторам не угасал, он порождал компиляции и подражания. Один из поэтов каролингской эпохи писал, что воскрешается жизнь древних. Интерес к произведениям античных мыслителей отвечал стремлению овладеть светскими науками, чтобы поставить их на службу церкви и новому государству. Политические цели укрепления власти заставляли искать в античных идеях и опыте, в сочинениях историков и философов обоснование и внешние формы величия монархической власти. Римская церковь взяла на себя роль цензора в отборе античных авторов, решительно запрещая чтение тех произведений, которые возбуждали сомнение в справедливости и неизбежности ее теоретических и организационных принципов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Раннее средневековье имеет ярко выраженные черты переходного периода. Долгим и сложным был путь народов Западной Европы от племенной организации к классовому обществу и раннефеодальному государству. Столкновение с Римом ускорило и усложнило этот исторический процесс. Взаимодействие с остатками римской цивилизации сказалось во всех сферах общественно-политической и культурной жизни народов Западной Европы.

Раннесредневековая социальная система отличалась многоукладностью. Наиболее характерным признаком переходного периода было преобладание в социальной структуре свободного крестьянства, объединенного в общины наряду с держателями частновладельческих земель. Укрепление соседской территориальной общины явилось следствием расселения на римской территории, перехода к земледельческому труду как основному занятию, создания смешанных поселений завоевателей и местных народов в Галлии, Испании, Северной Италии, в дунайских областях, где еще в период поздней Римской империи произошел переход от родо-племенной к территориальной общине. В западных провинциях Римской империи сохранялись такие элементы общинного быта, как совместное владение территорией, право приема новых членов, коллективное пользование дорогостоящими орудиями труда. Соседская территориальная община стала основной формой объединения крестьян, чей заинтересованный труд обеспечивал развитие

производительных сил. Благодаря деятельности мелких и средних землевладельцев огромные пространства Западной Европы были превращены в области культурного земледелия и удобные пастбища для разведения домашнего скота.

Рабовладельческий уклад проявил себя в значительной роли рабства как в производстве, так и в организации вотчинного хозяйства. В поместьях римской и варварской знати использовались рабы, колоны, рустики и другие категории невольного населения римского и варварского происхождения. Варварское законодательство уделяло большое внимание классификации рабов по специальности, выделяя сельских рабов, ремесленников и министриалов. Последние находились на личной службе у частных лиц и короля. Королевские рабы привлекались к исполнению административных функций, к участию в военных походах, такие рабы уже приравнивались к свободным. Из рабов назначались сеншалы, маршалы (начальники конюшен, управляющие вотчинным хозяйством). Сохранение римских форм эксплуатации непосредственных производителей — колонов и посаженных на землю рабов, а также использование зависимых слоев германского населения (литов, альдиев и подобных им) ускорило темпы классообразования. Земельный раздел позволил свободным землевладельцам присваивать часть прибавочного продукта, производимого зависимыми людьми в римских поместьях. Это стимулировало развитие вотчинного землевладения, так как новая знать находила в римских областях уже готовые формы эксплуатации держателей земли. Захваты и конфискации играли не последнюю роль во время германских поселений среди римлян, может быть, поэтому условия первоначального массового расселения готов, франков, лангобардов не отражены в варварских законах. Там, где остатки рабовладельческого уклада действовали с наибольшим влиянием, процесс возникновения классового общества и раннефеодальных отношений совершался ускоренными темпами (в Италии, в Вестготской Испании, в Бургундском королевстве).

На раннем этапе формирования феодальных отношений вотчинное право на землю осуществлялось путем непосредственной эксплуатации землевладельцами зависимых и свободных держателей без вассально-ленной иерархии и иммунитета. Раннефеодальная собственность на землю возникала в результате завоеваний как следствие политической зависимости и неполноправия побежденных. У германцев довольно многочисленную категорию зависимых держателей составляли альдии, литы (у франков), лэты (у англосаксов). Еще Тацит писал об особом положении рабов у германцев. Статус побежденных племен, обязанных трибутом (данью) в пользу победителей, предполагал исполнение определенных повинностей, следовательно, и зависимость, которая не вела к изме-

нению ни занятий, ни образа жизни зависимого, тем более не ущемляла его хозяйственной самостоятельности. Эта форма зависимости сближала держателей различного социального статуса с рабами римского происхождения, посаженными на землю. Раннеклассовые отношения, характерные для периода разложения первобытнообщинного строя, постепенно перерастали в феодальные по мере образования раннефеодальной собственности на землю.

Пережитки первобытнообщинного уклада и обычаев, основанных на связях в родственных коллективах, преодолевались с большим трудом. В условиях возникновения государственности они становились мотивом многих правонарушений и социальных конфликтов. Столкновение имущественных интересов, споры из-за права на наследство, на получение судебных штрафов, принуждение или отказ от взаимных обязательств — все эти явления и противоправные деяния порождали насилие над личностью и ответное отмщение. Растет удельный вес судебных штрафов, получаемых королем и другими представителями публичной власти. Судебные штрафы, установленные в возмещение ущерба потерпевшему, становятся составной частью доходов господствующей верхушки.

Кровная месть хотя и была заменена выкупом, тем не менее нарушение установленного порядка материального возмещения с целью прекращения вражды предусматривают многие судебные казусы варварских правд. Действие института кровной мести обнаруживается даже в законах, составленных по инициативе королевской и герцогской власти. Например, Алеманнская правда различает два вида убийства, совершенного в отмщение за убийство. Одно наказание, более мягкое — в размере вергельда, следует за убийство, совершенное тотчас после обнаружения злодеяния обвиняемого. Имеется в виду, что оно является следствием мести, осуществленной публично, в драке на улице селения или прямо в поле. Другое, более суровое наказание — в размере девяти вергельдов, установлено за преследование и убийство обвиняемого, производимое с помощью соседей, то есть путем тайного сговора со злым умыслом. Таким образом, отмщение отличалось законом от преднамеренного, умышленного убийства (т. XLIX).

Германское обычное право оказывало значительное воздействие на регулирование правоотношений в переходный период. Оно повлияло на ограничение свободы завещаний. Если по римскому праву (кодекс Феодосия) лишь $\frac{1}{4}$ имущества обязательно должна была оставаться наследникам, то по вестготскому — мать обязана была передать детям $\frac{4}{5}$ и только $\frac{1}{5}$ могла распоряжаться свободно. Все варварские законы запрещали родителям лишать детей наследства, ограничивали доли дарения, устанавливали максимальные пределы утреннего дара жениха (знатный лангобард дарил не более чем

на 400 солидов, вестгот не более тысячи солидов, 20 рабов и 20 лошадей).

С развитием государственности законы становились на защиту частновладельческих, имущественных интересов, но тем не менее сохранился закон, карающий тех, кто препятствовал пастбищу по жнивью, в чужом лесу, кто препятствовал проезду с плугом через чужое незасеянное еще поле. Устанавливалась личная ответственность за нарушение законов, но вергельды и судебные штрафы оставались по традиции очень высокими. Если прежде они были рассчитаны на коллектив ответчиков (родственников, сонаследников), то позже эти большие материальные возмещения взыскивали с малых семей, и они являлись серьезной причиной разорения и даже утраты независимости. Так пережитки обычного права углубляли раскол свободных. С другой стороны, нереальность уплаты прежних высоких штрафов привела к ужесточению наказаний, к усилению карательных функций органов государственной власти. Вводились смертная казнь, телесные наказания, судебные штрафы в пользу короля и судей. Появились новые понятия правонарушений: государственная измена, разбой, дезертирство, подделка монеты, лжесвидетельство. Вергельд и композиция из частного вознаграждения потерпевшего превращаются в средство обуздания своеволия и произвола королевскими судьями.

Королевское законодательство VI—IX вв. направлено на защиту собственности и привилегий землевладельческой, военно-служилой знати. С конца VII в. законы отражают такие черты феодализации общества, как возникновение зависимости крестьян, включение общины в сферу феодальной вотчины, усиление королевской и герцогской власти, политической и социальной роли церкви.

Политическое развитие раннесредневекового общества отличается большим разнообразием форм, но общей чертой является постепенная феодализация политического устройства и перерождение органов военной демократии в институты государственной власти.

На раннем этапе формирования европейской государственности, в V—VI вв., институты племенной организации отчасти сохраняли свое значение. Народные собрания, то есть собрания свободных воинов, войска-ополчения, местные народные собрания полноправных свободных землевладельцев, обсуждали важнейшие вопросы хозяйственной жизни и внешней политики. Войсковые собрания принимали решение об объявлении войны, организации военных походов, переселений, заключали мирные договоры, соглашения об образовании военно-политических союзов, принимали посольства. В собраниях войска производилось утверждение (избрание) королей, одобрение брака короля (аккламирование королей и их жен).

С развитием королевской и герцогской власти такие собрания превратились в съезды представителей военно-служилой знати, но осталась старая формула, на которую ссылались короли при объявлении законов: «даны в согласии со всем народом». Под народом мыслили первых, старейших, лучших, как именовали военную аристократию.

В общинных местных собраниях, в сотенных по-прежнему разбирали судебные споры, судопроизводство вели выборные судьи. Позже в сотни стали назначать чиновника короля (графа), последний оттеснил сотника и выполнял функции председателя сотенного судебного собрания.

На втором этапе развития государственности, в VII—VIII вв., большую роль в управлении стала играть варварская военно-служилая знать, которая захватила судебно-административные и военные полномочия. Под влиянием позднеримской политической системы власть военачальников устанавливалась по аналогии с деятельностью римских провинциальных правителей, и назывались они также дуксами, комитами и судьями, впоследствии эти названия стали титулами феодальной знати (дукс — герцог, комит — граф). Будучи крупными землевладельцами, они объединяли в своем лице частную власть вотчинников и функции государственного управления. Под влиянием римского права вводились римские процессуальные правила: опрос свидетелей, рассмотрение документов, подача апелляций. Институт свидетелей был еще недостаточно развит. За ложное показание свидетели не наказывались, а только отстранялись от дачи показаний (по Алеманнской правде, т. XLII). Уличенные свидетельскими показаниями правонарушители не стали допускаться к очистительной присяге. Письменные документы составлялись по форме: с обозначением года, дня, их правильность скрепляла печать герцога или короля. В качестве свидетелей привлекались только так называемые «добрые люди» (*boni uiri*), то есть лица добросовестные, с хорошей репутацией, состоятельные, достоверность их показаний или поручительства гарантировалась имуществом.

Институт королевской власти развивался противоречиво. Периоды усиления были кратковременными. Они отмечены появлением законов об охране королевского авторитета, о защите королевской администрации и лиц, исполняющих королевское поручение. Компетенция должностных лиц короля перекрещивалась с деятельностью местных правителей из числа военной знати. Постепенно и королевские назначения открывали путь к росту частной власти. Будучи крупными землевладельцами, королевские графы, судьи, местные правители, герцоги объединили в своем лице частную власть вотчинников и функции государственного управления.

Феодализация политического устройства проходила по трем направлениям. В центральном управлении королевские советы превращались в органы высшей политической власти феодализирующейся крупной знати. Члены королевского совета из вернейших слуг и дружинников короля превратились в привилегированных чиновников с важнейшими функциями секретарей короля, послов, начальников королевской конницы, королевской казны. Король щедро раздавал им земли, и они требовали от короля, чтобы их положение соответствовало реальному политическому весу. Король не мог не считаться с новой служилой землевладельческой знатью, имевшей в своих поместьях собственные военные дружины.

Существовавший тогда порядок наследования королевской и герцогской власти служил поводом к конфликтам и междоусобным войнам. В королевском законодательстве, в статьях варварских правд упоминаются мятежи против короля или герцога, а в Алеманнской правде с житейской простотой говорится о мятеже, поднятом сыном против отца с целью захвата власти (т. XXXV). В законе есть одна любопытная оговорка: если герцог еще в силах выполнять обязанности правителя, то сын, инициатор мятежа, теряет всякое право на наследование. В спорах о короне право оставалось за самым сильным претендентом на власть.

Совет высшей знати при короле стал главным органом управления, совету принадлежало право утверждения короля, право высшего суда, право объявлять законы, решать вопросы о наследстве земельных владений, особенно крупных, по решению совета король созывал войско для организации военных походов.

Второе направление феодализации управления связано с особым характером вознаграждения должностных лиц. Преимущественным средством оплаты должностей была земля, земельное дарение заменяло регулярное жалование. Другим источником доходов стали судебные штрафы и пошлины, часть которых отчуждали судьи и чиновники короля. Они получали определенную долю стоимости иска, имели право требовать от тяжущихся лошадей для служебного использования. Взыскание судебных штрафов открывало возможность присвоения конфискованного по суду имущества, и земли в том числе. Исполнение карательных функций на территории, где находились вотчины должностного лица, обеспечивало почти неограниченное политическое влияние на местах.

Третье направление феодализации политической системы состоит в узурпации публичной власти частными землевладельцами и положения сеньора должностными лицами. Королевские чиновники, прафы, судьи, исполнители отдельных поручений (акторы), управляющие королевскими поместьями могли требовать исполнения службы и платежи с жителей

судебно-административных округов, практиковали прямой захват чужого имущества. Будучи крупными землевладельцами, отдельные могущественные магнаты присваивали функции государственного управления, добивались иммунитетных грамот от короля, по которым их частная власть вотчинников распространялась и на свободное население. Они собирали налоги, судили, созывали военное ополчение. Рост сеньориальной власти землевладельцев — основная политическая тенденция VIII—IX вв.

Усиливается частная юрисдикция, к ней относятся дела по обвинению в ереси и приверженности к язычеству, в организации мятежей и смут. Крупные землевладельцы вершат суд по собственному усмотрению, по обычаям вотчины, вмешиваются в судебные процессы королевских чиновников, устраивают частные тюрьмы, выказывают неповиновение королю, уклоняются от военных походов или ведут войны самостоятельно, заключают сепаратные соглашения с иностранными послами.

Раннефеодальное государство в форме королевства представляло собой вначале военно-аристократическую федерацию, а позже феодально-раздробленную монархию, в которой элементы монархической власти принадлежали крупным феодалам, землевладельцам.

В эпоху раннего средневековья по мере развития государственности происходили значительные изменения в этнической структуре европейского населения. Этнические границы были неустойчивы и постоянно менялись, они не совпадали с административными и тем более королевскими. Взаимоотношения между народами были обусловлены политическими факторами господства и подчинения. В результате происходила этническая консолидация близких по языку и культуре этносов, интеграция разнородных этносов на государственной, политической основе и ассимиляция, растворение небольшой группы в другом многочисленном этносе. Переселения и сближение на почве хозяйственной и социальной деятельности вели к возникновению языковых общностей и новых народностей. Особую роль в этом процессе играло расселение на римской территории. По словам Ф. Энгельса, «побежденное население, крестьяне и горожане, ассимилировало победителя — германского властелина»⁶⁶.

Сближение этносов способствовало взаимному обогащению производственной практики, расширению культурной информации, образованию новых диалектов и подъему культуры на более широкой этнической основе. Старые этнонимы заменялись новыми, исчезали самоназвания многих мелких этнических единиц. Локально-территориальные группы складывались в народности, традиции некоторых этносов или целых народностей закреплялись и становились особенно устойчи-

выми в народном быту и культуре, в обрядах и сельских празднествах, в одежде и формах поселений, в хозяйственных навыках. Кельтские преобладали в северной Британии, Ирландии и на северо-востоке Галлии (Бретань), англосаксонские — в средней и южной Британии, романские — в южной Галлии, в Бургундии, франкские — в северной Галлии, саксонские — в восточной Германии, баваро-свевские — в юго-западной Германии. Политически господствующий этнос усваивал культурно-языковые традиции местного населения и оказывал обратное влияние на побежденные народы. Преобладающие этнические группы давали название целым регионам. Например, Бретань, Нормандия, Франция, Бургундия, Саксония, Бавария, Моравия, Силезия. Так «из смешения народов, происходившего в раннем средневековье, постепенно развивались новые национальности»⁵⁷.

Подъем этнического самосознания нашел яркое выражение в эпической поэзии и создании истории народа, политически господствовавшего в том или ином регионе.

В истории образования европейских национальностей раннее средневековье занимает особое место. На данном этапе складывались различные этнокультурные элементы, которые впоследствии изменялись, приобретали новые наслоения, усиливались или исчезали. На Пиренейском полуострове кельто-иберийский субстрат и романо-испанский элемент подверглись значительному воздействию германского (готского и отчасти вандальского), а с VIII в. — арабского влияния. Во Франции галло-романские традиции взаимодействовали с материальной и духовной культурой франков, норманнов и бургундов. В Британии кельтские этнические традиции долгое время преобладали в отдельных областях даже при распространении англосаксонского и норманнского культурного влияния. Нормандское завоевание XI в. открыло путь к проникновению северофранцузского влияния.

Истоки европейской культуры и государственности раскрываются в истории народов и их контактов, обусловленных общественно-политическим развитием.

**ЛИТЕРАТУРА,
РЕКОМЕНДУЕМАЯ СТУДЕНТАМ
ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ**

Источники

- Аммиан Марцеллин. История / Пер. с лат. Вып. I—III. Киев, 1906—1908.
- Беовульф. БВЛ. М., 1975.
- Григорий Турский. История франков. М., 1987.
- Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.
- Исландские саги. БВЛ. М., 1973.
- Ирландский эпос. БВЛ. М., 1973.
- Памятники средневековой латинской литературы IV—IX веков. М., 1970.
- Песнь о нибелунгах. БВЛ. М., 1975.
- Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950.
- Старшая Эдда. БВЛ. М., 1975.
- Тацит Корнелий. О происхождении германцев и местоположении Германии. Соч. Т. I. Л., 1969.

Специальная литература

- Великая Моравия. М., 1985.
- Виноградов П. Г. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. Спб., 1880.
- Грацианский Н. П. Бургундская деревня в X—XII столетиях. М.; Л., 1935.
- Грацианский Н. П. Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. М., 1960.
- Голенищев-Кутузов И. Н. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972.
- Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
- Гуревич А. Я. Походы викингов. М., 1966.
- Гуревич А. Я. История и сага. М., 1972.
- Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.
- Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.
- Данилова Г. М. Возникновение феодальных отношений у франков VI—VII вв. Петрозаводск., 1959.
- Данилова Г. М. Аламанинское и баварское общество VIII и начала IX в. Петрозаводск., 1969.

- Дворецкая И. А. Возникновение раннефеодального государства в Северной Италии VI—VIII ввек. Спецкурс. М., 1982.
- Дворецкая И. А. Формирование политической идеологии в раннефеодальной Италии VII—VIII вв. Учебное пособие. М., 1984.
- Добиаш-Рождественская О. А. Культура западноевропейского средневековья. М.: Наука, 1987.
- Ешевский С. В. Аполлинарий Сидоний. Соч. Ч. 3. М., 1870.
- История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. I. М., 1985.
- Колесницкий Н. Ф. Исследование по истории феодального государства в Германии (IX — первая половина XII в.). М., 1959.
- Корсунский А. Р. Образование раннефеодальных государств в Западной Европе. М., 1963.
- Корсунский А. Р. Готская Испания. М., 1969.
- Корсунский А. Р. Раннефеодальное государство и формирование феодальной собственности в Западной Европе. М., 1970.
- Корсунский А. Р. Возникновение феодальных отношений в Западной Европе. М., 1973.
- Корсунский А. Р. Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до сер. VI в.). М., 1984.
- Ковалевский М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. М., 1898. Т. I.
- Ковалевский С. Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977.
- Мельникова Е. А. Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987.
- Мильская Л. Т. Светская вотчина в Германии VIII—IX вв. и ее роль в закреплении крестьянства. М., 1957.
- Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII ввек. М., 1956.
- Неусыхин А. И. Судьбы свободного крестьянства в Германии VIII—XII вв. М., 1964.
- Неусыхин А. И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974.
- Котельникова Л. А. Феодализм и город в Италии в VIII—XV веках. М., 1988.
- Петрушевский Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства. Разные издания.
- Петрушевский Д. М. Очерки из экономической истории средневековой Европы. М., 1928.
- Ременников А. М. Борьба племен Северного Подунавья и Поднепровья с Римом и ее роль в падении Римской империи. Казань, 1984.
- Савело К. Ф. Раннефеодальная Англия. Л., 1977.
- Сказкин С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968.
- Сказкин С. Д. Избранные труды по истории. М., 1973.
- Сиротенко В. Т. История международных отношений в Европе во второй половине IV — начале VI в. Пермь, 1975.

Сокольский В. К. К учению об организации семьи и родства в первобытных обществах преимущественно у кельтов и германцев. Спб., 1881.

Удальцов А. Д. Из аграрной истории каролингской Фландрии. М.; Л., 1935.

Удальцов А. Д. Свободная деревня в Западной Нейстрии в эпоху меровингов и каролингов. Спб., 1912.

Удалцова З. В. Италия и Византия в VI в. М., 1959.

Уколова В. И. Последний римлянин Боэций. М., 1987.

Шервуд Е. А. От англосаксов к англичанам. М., 1988.

Широкова Н. С. Культура древних кельтов / Учебное пособие. Л., 1983.

Широкова Н. С. Кельтские друиды / Учебное пособие. Л., 1984.

Шпилевский С. Союз родственной защиты древних германцев и славян. Казань, 1866.

Шпилевский С. Семейные власти у древних славян и германцев. Казань, 1869.

Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1987.

Иностранная литература

(в переводах на русский язык)

Дельбрюк Г. История военного искусства. Т. III. Средневековье / Пер. с нем. М., 1938.

Фюстель де Куланж. История общественного строя древней Франции / Пер. с фр. Спб., 1901—1916. Т. I—III.

Ян Филип. Кельтская цивилизация и ее наследие / Пер. с чеш. Прага., 1961.

Франко Кардини. Истоки средневекового рыцарства / Пер. с итал. М., 1987.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 21 С. 155.

² Сказкин С. Д. К вопросу о непосредственном переходе к феодализму на основе разложения первобытнообщинного способа производства // Сказкин С. Д. Избранные труды по истории. М., 1973. С. 266.

³ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, с. 162.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. Т. 3. С. 74.

⁵ Stephenson C. Medieval Feudalism. New York, 1942.

⁶ Lot F. Les invasions germaniques. Paris, 1945. P. 324.

⁷ Davis H. W. Medieval Europe. London-New York, 1946.

⁸ Bury J. B. The invasion of Europe by the barbarians. London, 1928.

⁹ Calmette J. La société féodale. Paris, 1947. P. 4—5.

¹⁰ Riché P. Les invasions barbares. Paris, 1958. P. 120—123.

¹¹ Latouche R. Les origines de l'économie occidentale (IV—XI siècle). Paris, 1956. P. 5.

¹² Jones Ph. L'Italia agraria nell'alto medioevo: problemi di cronologia e di continuità // Agricoltura e mondo rurale in occidente nell'Alto Medioevo. Spoleto, 1966. P. 57—92.

¹³ Volpe G. Aziende agrarie medievali.— Storia dell'economia italiana. Saggi di storia economica di C. M. Cipolla. Torino, 1959. V. I. P. 29—43.

¹⁴ Tabacco G. Uomini e terra nell'alto Medioevo // Agricoltura e mondo rurale in occidente nell'Alto Medioevo. Spoleto, 1966. P. 17—43.

¹⁵ Fasoli G. Aspetti di vita economica e sociale nell'Italia del secolo VII // Caratteri del secolo VII in Occidente. Spoleto, 1958. V. I. P. 103—159, 105.

¹⁶ Fumagalli V. Storia agraria e luoghi comuni.— In: Studi medievali, seria terza, a. IX, fas. II. Spoleto, 1968. P. 949—965.

¹⁷ Müller-Mertens E. Karl der Grosse. Ludwig der Fromme und die Freien. Berlin, 1963. SS. 143—144.

¹⁸ Epperlein S. Herrschaft und Volk im karolingischen Imperium. Studien über soziale Konflikte und dogmatisch-politische Kontroversen im fränkischen Reich. Berlin, 1969. S. 8, 105—152.

¹⁹ Bognetti G. P. L'influsso delle istituzioni militari romane sulle istituzioni longobarde del secolo VI e la natura della «fara» // L'età longobarda. Milano, 1967. V. III. P. 3—46. Bertolini O. Ordinamenti militari e strutture sociali dei Longobardi in Italia // Ordinamenti militari in Occidente nell'alto Medioevo. Spoleto, 1968. V. I. P. 429—580, 490—496.

²⁰ Fasoli G. Castelli e signorie rurali // Agricoltura e mondo rurale in Occidente nell'alto Medioevo. Spoleto, 1966. P. 531—567.

²¹ Toubert P. L'Italie rurale aux VIII—IXe siècles. — In: Etudes sur l'Italie médiévale. London, 1976. P. 95—132, 113, 118—121.

²² Verlinden Ch. L'Esclavage dans l'Europe médiévale. Gent, 1977. V. II. P. 30—96.

²³ Mor C. G. Pavia capitale // Atti del 4 Congresso internazionale di studi sull'alto Medioevo. Spoleto, 1969. P. 19—31, 29.

²⁴ Ciravegna M. La primitiva costituzione dello Stato Longobardo. Nuova Riv. Stor. Roma. Napoli. Fas. III—IV. 1952. P. 226—332. Sestan E. Stato e nazione nell'alto Medioevo. Ricerche sulle origini nazionali in Francia, Italia, Germania. Napoli, 1952: La composizione etnica della società in rapporto allo svolgimento della civiltà in Italia nel secolo VII // Caratteri del secolo VII in Occidente. Spoleto, 1958. V. II. P. 649—677, 650.

²⁵ Herrmann J. Sozialökonomische Grundlagen und gesellschaftliche Triebkräfte für die Herausbildung des deutschen Feudalstaates. Berlin, 1971. S. 752—789, 764. Eggert W. Das ostfränkisch-deutsche Reich in der Auffassung seiner Zeitgenossen. Berlin. 1973. S. 4. Müller-Mertens E. Die Deutschen. Zur Rolle der politischen Formung bei ihrtr Voolkwerdung, in Germanen-Slawen-Deutsche. Forschungen zu ihrtr Ethnogenese. Berlin. 1968. S. 36.

²⁶ Виноградов П. Г. Развитие феодальных отношений в Лангобардской Италии. Спб, 1880; Очерки западноевропейской историографии. ЖМНП, 1883.

²⁷ Ковалевский М. М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. М., 1879. Ч. I; Он же. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. Спб, 1896.

²⁸ Лаптин П. Ф. Община в русской историографии последней трети XIX — начале XX в. Киев, 1971.

²⁹ Петрушевский Д. М. Очерки по истории средневекового общества и государства. М., 1907 и последующие издания.

³⁰ Лаптин П. Ф. Община в русской историографии последней трети XIX — начале XX в. Киев, 1971.

³¹ Штаерман Е. М. Проблема падения рабовладельческого строя // ВДИ. 1953. № 2; Липшиц Е. Э. Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализации в Византии // ВДИ. 1955. № 4; Корсунский А. Р. О положении рабов, вольноотпущеников и колоннов в западных провинциях Римской империи в IV—V вв. // ВДИ. 1945. № 2.

³² Ременников А. М. Борьба племен Северного Подунавья и Поднепровья с Римом и ее роль в падении Римской империи. Казань, 1984.

³³ Котельникова Л. А. Итальянский город раннего средневековья и его роль в процессе генезиса феодализма // СВ. 1975. В. 38. С. 100—115; Котельникова Л. А. Феодализм и город в Италии (VIII—XV вв.). М., 1988; Сванидзе А. А. Генезис феодального города в раннесредневековой Европе: проблемы и типология // Городская жизнь в средневековой Европе. М., 1987.

³⁴ Колесницкий Н. Ф. О некоторых чертах раннефеодального государства // Социально-экономические проблемы истории древнего мира и средних веков. М., 1974. С. 74.

³⁵ Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.) М., 1984; Великая Моравия. М., 1985.

Раздел I

¹ Herrmann J. Germanen und Slawen in Mitteleuropa // Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften der DDR. Berlin, 1984, Nr. 3, S. 3.

² Аммиан Марцеллин. История XVII, 12.

³ Аммиан Марцеллин. История XXXI, 2, 3.

⁴ Аммиан Марцеллин. История XXXI, 2, 17—18.

⁵ Переоценка значения кельтских элементов в развитии европейской цивилизации нашла свое выражение в панкельтской концепции.

⁶ Herm Gerhard. Die Kelten. Das Volk, das aus dem Dunkel kam. Dusseldorf. Wien, 1975. S. 440.

⁷ Сделав сложную восковую модель, заключали ее в глиняную оболочку, затем воск растапливали, а глиняную форму наполняли расплавленной бронзой.

⁸ Колеса этих повозок были обтянуты железом. Культовые повозки использовались в погребальных церемониях, они были сложнее и ярче.

⁹ Schlette F. Auf den Spuren unserer Vorfahren. Kelten-Germanen-Slawen-Deutsche. Berlin, 1982. S. 52—54.

¹⁰ Ян Филип. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961. С. 95.

¹¹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов, 14, 15.

¹² Pauli Historia Langobardorum I, 27; II, 28.

¹³ Ян Филип. Кельтская цивилизация. С. 103, 104.

¹⁴ Eggert M. K. H. Die Urnenfelderkultur in Reinhessen // Geschichtliche Landeskunde. Wiesbaden, 1976. B. XIII. S. 3.

¹⁵ germani — истинные, подлинные. Страбон. География. VII, 1, 2.

¹⁶ Косминский Е. А. Средние века в изображении германских расистов // Против фашистской фальсификации истории. М.; Л., 1939. С. 113.

¹⁷ Rom und Germanen. Berlin. 1983. Die Germanen Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa. Ed. B. Krüger. Berlin., 1983. Bd. I, II.

¹⁸ Herrmann J. Germanen und Slawen. S. 6.

¹⁹ Schlette F. S. 113—115.

²⁰ Аспелин Н. М. Следы влияния готов в северной полосе России. Труды VIII археологического съезда в Москве в 1890 г. М., 1897. Т. III.

²¹ Штерн Э. Р. К вопросу о происхождении «готского стиля» предметов ювелирного производства. Записки императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1897. Т. XX, отд. I.

²² Herrmann J. S. 6.

²³ Прокопий Кесарийский. О постройках, III, 7, 14.

²⁴ Dahn F. Die Könige der Germanen. München. 1861. B. II. S. 65;

Hartmann L. M. Geschichte Italiens im Mittelalter. Gotha. 1897. B. I. S. 64.

О германском происхождении колесного плуга и развитии агрикультуры на рубеже I в. до н. э. и I в. н. э. см. в кн.: Nack E. Germanien. Länder und Völker der Germanen. Wien-Heidelberg. 1958.

²⁵ Pactus Alam. III, 26. Lex Alam. LXIII.

²⁶ Аммиан Марцеллин, XVI, 23, 27—34.

²⁷ Lex Baiuw. XXI.

²⁸ Schlette F. S. 72.

²⁹ Zosimos. Historia nova I, 42.

³⁰ Крopotкин В. В. Клады римских монет на территории СССР. М., 1961.

³¹ Themistius. Orationes. Lipstae, 1832, X, 135.

³² Энгельс Ф. К истории древних германцев. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 480.

³³ Корнелий Тацит. Германия, V.

³⁴ Аммиан Марцеллин. XVIII, 2, 15.

³⁵ Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ, 1940, № 1. С. 12.

³⁶ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 146.

³⁷ Маркс К. Вынужденная эмиграция. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. VIII. С. 568.

³⁸ Pauli Hist. Lang. I, 2.

³⁹ Энгельс Ф. К истории древних германцев. С. 476.

⁴⁰ Lex Baiuw. XII, 10,

⁴¹ Lex Alam. LXXXV.

⁴² Pactus Alam. III, 20; IV.

⁴³ Edictus Rothari 285—287.

⁴⁴ Lex Alam. LXXXVI.

⁴⁵ Pactus Alam. II, 42.

⁴⁶ Lex Baiuw. IX, 5.

⁴⁷ Lex Wisig. IV, 2, 13; Ro. 167.

⁴⁸ Аммиан Марцеллин. XVI, 11, 11.

⁴⁹ Аммиан Марцеллин. XVII, 10, 4.

⁵⁰ Энгельс Ф. К истории древних германцев. С. 480.

⁵¹ Корсунский А. Р. Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984. С. 148.

⁵² Pauli Hist. Lang. IV, 22.

⁵³ Аммиан Марцеллин, XV, 8, 15.

⁵⁴ Иордан, LV, 282.

⁵⁵ Аммиан Марцеллин, XVI, 12, 49.

⁵⁶ Pauli Hist. Lang. I, 17.

⁵⁷ ibid. I, 18.

⁵⁸ Аммиан Марцеллин. XVII, 12, 21.

⁵⁹ Pauli Hist. Lang. I, 20.

⁶⁰ Schlette F. S. 20.

⁶¹ Lex Baiuw. IV, 29.

- ⁶² Ro. 205. Liut. 22, 90. Lex Alam LVI, 2.
- ⁶³ Lex Burg. 34, 1.
- ⁶⁴ Lex Wisig. III, 4, 2; Lex Burg. LII.
- ⁶⁵ Lex Wisig. III, 1, 7.
- ⁶⁶ ibid. III, 4, 5; IV, 5, 1.
- ⁶⁷ Lex Alam. XL.
- ⁶⁸ Lex Alam. XCIV. Ro. 7.
- ⁶⁹ Lex Baiuw. XII, 8.
- ⁷⁰ Lex Salica LX. Lex Burg. II, 6.
- ⁷¹ Ratchis Leges 10. VI (zava).
- ⁷² ibid.
- ⁷³ ibid. 13, 1.
- ⁷⁴ ibid. 28.
- ⁷⁵ ibid. 20. Ro. 178, 373, 380.
- ⁷⁶ Herrmann J. S. 7.
- ⁷⁷ ibid. S. 8.
- ⁷⁸ Schlette F. S. 185—196.
- ⁷⁹ Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme im frühen Mittelalter von J. Herrmann. Berlin, 1970.
- ⁸⁰ Pauli Hist. Lang. VI, 24.
- ⁸¹ Королюк В. Д. Дулебы и анты, авары и готы // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 55.
- ⁸² Herrmann J. Germanen und Slawen... S. 10. Pauli Hist. Lang. IV, 37, 38.
- ⁸³ Pauli Hist. Lang. IV, 24, 28.
- ⁸⁴ Pauli Hist. Lang. V, 22, 23, 44.
- ⁸⁵ ibid. VI, 24.
- ⁸⁶ Pauli Hist. Lang. IV, 38; VI, 45, 51, 52.
- ⁸⁷ ibid. IV, 37; IV, 44.
- ⁸⁸ Бородин О. Р. Славяне в Италии и Истрии в VI—VIII вв. // ВВ 1983. Т. 44. С. 59.
- ⁸⁹ Pauli Hist. Lang. IV, 10.
- ⁹⁰ ibid. IV, 39.
- ⁹¹ Jord. Get. 25.
- ⁹² ibid. 25—27.
- ⁹³ Strabo I, l. VII. Tacitus Annales, l. II, cap. 62.
- ⁹⁴ Manso L. Geschichte des Ost-Gotischen Reiches in Italien. Breslau, 1824; Браун Ф. Розыскания в области готско-славянских отношений. Спб, 1899.
- ⁹⁵ Jord. Get. 82.
- ⁹⁶ ibid. 42.
- ⁹⁷ Jord. Get. 89, 105.
- ⁹⁸ ibid. 116—120.
- ⁹⁹ ibid. 119, 247.
- ¹⁰⁰ Аммиан Марцеллин. XXXI, 3, 1.
- ¹⁰¹ Jord. Get. 247, 248.
- ¹⁰² Jord. Get. 129.
- ¹⁰³ Аммиан Марцеллин. XXXI, 2, 13.

- ¹⁰⁴ Аммиан Марцеллин. XXXI, 2, 17.
- ¹⁰⁵ Jord. Get. 116.
- ¹⁰⁶ ibid. 118.
- ¹⁰⁷ ibid. 246—248.
- ¹⁰⁸ ibid. 251.
- ¹⁰⁹ Jord. Get. 131.
- ¹¹⁰ Аммиан Марцеллин, XXXI, 3, 3; XXXI, 5, 3; XXXI, 12, 17.
- ¹¹¹ Jord. Get. 140, 141.
- ¹¹² Pauli Hist. Lang. V, 32, 33; VI, 15.
- ¹¹³ Монтеस्कье Ш. Дух законов. Спб., 1862. Ч. II. С. 134.
- ¹¹⁴ Аммиан Марцеллин. XVI, 12, 26.
- ¹¹⁵ Ременников А. М. Борьба племен северного Подунавья и Подне-
стровья с Римом. Казань, 1984.
- ¹¹⁶ Аммиан Марцеллин, XXI, 3, 3.
- ¹¹⁷ там же, XXVIII, 3, 8.
- ¹¹⁸ там же, XV, 8, 1.
- ¹¹⁹ там же, XVI, 10, 20.
- ¹²⁰ там же, XV, 4, 1; XVI, 12, 5; XVI, 11, 3—4.
- ¹²¹ там же XV, 4, 9.
- ¹²² Аммиан Марцеллин, XVII, 13, 21—22.
- ¹²³ Аммиан Марцеллин, XIX, 11, 10—11.
- ¹²⁴ Либаний. Речь к Константину и Констанцию.
- ¹²⁵ Аммиан Марцеллин, XVI, 3, 3.
- ¹²⁶ там же, XXV, 4, 24—25.
- ¹²⁷ Аммиан Марцеллин. XXXI, 4, 11. Jord. Get. 135.
- ¹²⁸ Аммиан Марцеллин, XXXI, 6, 2—6.
- ¹²⁹ там же, XXXI, 12, 13; XXXI, 13, 3—4.
- ¹³⁰ Jord. Get. 140, 141.
- ¹³¹ Jord. Get. 134.
- ¹³² Pauli Hist. Rom. XII, 18. Zosimos Hist. nova V, 29.
- ¹³³ Олимпиодор. История, 2.
- ¹³⁴ Zosimos V, 42.
- ¹³⁵ ibid. V, 39, 40.
- ¹³⁶ Jord. Get. 158.
- ¹³⁷ ibid. 158, 159.
- ¹³⁸ Jord. Get. 122—128; 178—183. Landolfi Sagacis Historia, XV, 201.
Портрет Аттилы, созданный Иорданом, воспроизводили средневековые
писатели, например Ландольф: «маленький человечек с широкой грудью,
большой головой, крошечными глазками, редкой бородкой с сединой и
носом отвратительного цвета».
- ¹³⁹ Jord. Get. 179.
- ¹⁴⁰ ibid. 264.
- ¹⁴¹ ibid. 220.
- ¹⁴² ibid. 191—192.
- ¹⁴³ Jord. Get. 195—197.
- ¹⁴⁴ Pauli Hist. Rom. XIV, 6, 7. Jord. 208—210.
- ¹⁴⁵ Jord. Get. 212.

- 146 *ibid.* 259.
- 147 *ibid.* 33, 74, 113—114.
- 148 *Jord. Get.* 283.
- 149 Аммиан Марцеллин, XXXI, 2, 17—18.
- 150 там же, XX, 3, 8.
- 151 *Jord. Get.* 263.
- 152 Корсунский А. Р. Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи... С. 138.
- 153 Аммиан Марцеллин. XVII, 13, 30.
- 154 *Pactus Alam.* II, 45. *Pauli Hist. Lang.* I, 13.
- 155 *Pauli Hist. Lang.* I, 24.
- 156 *Jord. Get.* 175.
- 157 *Jord. Get.* 136, 282, 309—310; *Pauli Hist. Lang.* II, 30.
- 158 *Var. Cas.* IV, 45.
- 159 *Pauli Hist. Lang.* VI, 53.
- 160 Монтескье Ш. Дух законов. Ч. II. С. 146.
- 161 *Jord. Get.* 233.
- 162 *ibid.* 40.
- 163 *ibid.* 78.
- 164 *Jord. Get.* 174.
- 165 *Jord. Get.* 175, 233, 276. Аммиан Марцеллин, XVI, 12, 49.
- 166 *Jord. Get.* 146.
- 167 *ibid.* 42, 112.
- 168 Беовульф, 18. 1190.
- 169 *Pauli Hist. Lang.* I, 14.
- 170 *ibid.* I, 21.
- 171 *ibid.* IV, 42.
- 172 *ibid.* I, 15.
- 173 *Jord. Get.* 113.
- 174 *ibid.* 259.
- 175 *ibid.* 112, 113.
- 176 Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. С. 12.
- 177 *Jord. Get.* 146.
- 178 *Lex Alam.* XXXV, 1; *Lex Baiuw.* II, 9.
- 179 Фюстель де Куланж. История общественного строя древней Франции. Спб, 1904. Т. 2, кн. 2. С. 361.
- 180 *Liut.* 6. VI; 19. I.
- 181 *Liut.* 34. V.
- 182 Монтескье Ш. Дух законов. Ч. III. С. 251.
- 183 Аммиан Марцеллин. XVII, 12, 21.
- 184 *Pauli Hist. Lang.* I, 27.
- 185 *Jord. Get.* 282.
- 186 Аммиан Марцеллин. XVII, 12, 11, 12, 16.
- 187 *Jord. Get.* 131, 165. *Lex Alam.* XXXVI, 1—3. *Lex Salica* XL, 7; 8, 10; XLV, 2; XLVII, 1; XLIX, 1; L, 1, 3. *Consilium, conventus* (Ro. 343, 8; *Liut.* 134. V. *Pauli Hist. Lang.* II, 27, 31; III, 35.

- ¹⁸⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Т. III. С. 74.
- ¹⁸⁹ Маркс К. Речь К. Маркса. Процесс против рейнского окружного комитета демократов. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. VI. С. 259.
- ¹⁹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. С. 74.
- ¹⁹¹ Lex Alam. LXIX, XXIV.
- ¹⁹² Lex Baiuw. II, 4; VII, 3; XVIII.
- ¹⁹³ Jord. Get. 117: ...fantorum servitio clarus...
- ¹⁹⁴ Першиц А. И. Начальные формы эксплуатации и проблема их генетической типологии // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 62.
- ¹⁹⁵ Аммиан Марцеллин XVII, 12, 18. Anon. Vales. 32.
- ¹⁹⁶ там же, XVII, 13, 2; XIX, 11, 1, 2, 6.
- ¹⁹⁷ там же, XIX, 11, 10—11.
- ¹⁹⁸ Аммиан Марцеллин, XVI, 12, 26.
- ¹⁹⁹ Аммиан Марцеллин, XXX, 6, 1; XXXI, 4, 1. SNA, XXVIII; XVIII, 1—2.
- ²⁰⁰ Аммиан Марцеллин, XVIII, 9, 4.
- ²⁰¹ там же XVI, 12, 14; XVIII, 9, 3; XXV, 6, 12—15; XIX, 6, 3—4; XX, 4, 14.
- ²⁰² Аммиан Марцеллин. XXIX, 4, 7.
- ²⁰³ Аммиан Марцеллин. XXVII, 2, 1.
- ²⁰⁴ там же, XVII, 1, 9.
- ²⁰⁵ там же, XXVII, 40, 9.
- ²⁰⁶ там же, XVI, 11, 8.
- ²⁰⁷ там же, XV, 4, 9.
- ²⁰⁸ Ивакин Г. Ю. Священный дуб славян. СЭ, 1979, № 2.
- ²⁰⁹ Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963. С. 185.
- ²¹⁰ Константин Багрянородный. Об управлении государством.
- ²¹¹ Беовульф, 330.
- ²¹² Jord. Get. 41.
- ²¹³ Schlette F., S. 171.
- ²¹⁴ Ro. 31. De uulapaus. Этим древнелангобардским словом называли человека, который действовал скрытно, надевая таинственную одежду и преобразая свой облик (голову и лицо), т. е. маскируя внешний вид: «uulapaus est, qui se furtim uestimentum induerit aut se caput aut faciem transfigurauerit...»
- ²¹⁵ Jord. Get. 115, 134. Anon. Vales. pars posterior 9, 42.
- ²¹⁶ Jord. Get. 134.
- ²¹⁷ Gonzague de Reynold. Le monde barbare. II. Les Germains. La formation de L'Europe. Paris, 1953.
- ²¹⁸ Шерр И. Переселение народов. СПб., 1898. С. 610, прим.
- ²¹⁹ Jord. Get. 79.
- ²²⁰ Pauli Hist. Lang. I, 2, 3; II, 8.
- ²²¹ Jord. Get. 25, 26, 28, 43, 44, et cet.
- ²²² ibid. 28, 82, 117.
- ²²³ Pauli Hist. Lang. I, 14, 27; II, 8.

- ²²⁴ Jord. Get. 214.
- ²²⁵ Pauli Hist. Lang. I, 27.
- ²²⁶ Страбон. География, VII, 1, 2.
- ²²⁷ Аммиан Марцеллин, XXXI, 13, 3—4.
- ²²⁸ Pauli Hist. Lang. I, 9.
- ²²⁹ Монтескье III. Дух законов. С. 142.
- ²³⁰ Pauli Hist. Lang. I, 24.
- ²³¹ Ro. 187. Lex Sal. 14. Lex Rip. 34. Lex Sax. 6.
- ²³² Ro. 190—193, 217. Leges Wisig. III, 1, 2; III, 4, 7.
- ²³³ Pactus Alam. III, 1. Lex Alam. XCIV, 1.
- ²³⁴ "reipus" — Lex Sal. XLVI.
- ²³⁵ Pauli Hist. Lang. IV, 47, 48.
- ²³⁶ Pauli Hist. Lang. I, 15.
- ²³⁷ Pauli Hist. Lang. IV, 38.
- ²³⁸ Аммиан Марцеллин. XX, 4, 1; XXV, 4, 25; XXVII, 2, 1.
- ²³⁹ там же, XVII, 13, 12—15.
- ²⁴⁰ Jord. Get. 121, 122.
- ²⁴¹ ibid. 127, 128.
- ²⁴² Jord. Get. 276.
- ²⁴³ ibid. 234.
- ²⁴⁴ Anon. Vales. 49.
- ²⁴⁵ Jord. Get. 96.
- ²⁴⁶ ibid. 37.

Раздел II

- ¹ Аммиан Марцеллин, XXVIII, 3, 8.
- ² Jord. Get. 168.
- ³ Jord. Get. 169.
- ⁴ Leges Burg. LIV, 2.
- ⁵ Greg. Tur. X, 31.
- ⁶ Jord. Get. 234.
- ⁷ ibid. 216.
- ⁸ ibid. 244.
- ⁹ ibid. 302, 303.
- ¹⁰ Dahn F. Die Könige der Germanen. Leipzig, 1883. B. VI. S. 119.
- ¹¹ Leges Wisig. VIII, 1, 3; VIII, 1, 4 Ch.
- ¹² Jord. Get. 239.
- ¹³ Прокопий. Война с готами, I, I, 6.
- ¹⁴ Jord. Get. 242, 243.
- ¹⁵ Pauli Hist. Lang. II, 3.
- ¹⁶ ibid. I, 19.
- ¹⁷ Jord. Get. 264. Var. Cas. III, 23, 2.
- ¹⁸ Jord. Get. 278, 279—282.
- ¹⁹ ibid. 288, 295.
- ²⁰ Paneg. Enn. VI, 26.

²¹ Pfeilschifter G. Theoderich der Grosse. Mainz, 1910. Dahn F. Die Könige der Germanen. München, 1861. B. II—IV. Pastor W. Theoderich im Leben, in der Kunst, im Ruhm. Berlin, 1920. Brion M. Theoderich. König der Ostgoten. Frankfurt, 1936. Enßlin W. Theoderich der Grosse. München, 1947.

²² Успенский Ф. И. История Византийской империи. Спб. 1913. Т. I. Ч. 1.

²³ Удальцов А. Д. Раннее средневековье. М., 1941.

²⁴ Удальцова З. В. Италия и Византия в VI в. М., 1959.

²⁵ Martroye F. L'Occident et l'époque byzantine Gots et Vandales. Paris, 1904.

²⁶ Lot F. Les invasions Germaniques. Paris, 1945. Moss Leslie Bates. The birth of the middle ages 395—814. London, 1947.

²⁷ Hashagen J. Kulturgeschichte der Mittelalter. Hamburg, 1950.

²⁸ Paneg. Enn. VIII, 36.

²⁹ Jord. Get. 290.

³⁰ Так объясняли поход Теодориха Ф. Дан, Л. М. Хартманн, В. Энслин: Dahn F. Die Könige der Germanen. München. 1861. B. II. S. 64. Hartmann L. M. Geschichte Italiens im Mittelalter. Gotha. 1897. B. I. S. 66. Enßlin W. Theoderich der Grosse. München, 1947. S. 25, 26.

³¹ Paneg. Enn. V, 19.

³² Прокопий. Война с готами, V, I, 10—11.

³³ Jord. Get. 291, 292.

³⁴ Paneg. Enn. VI, 26.

³⁵ Jord. Get. 292. Var. Cas. IV, 45; V, 10; Прокопий. Война с готами, VII, 2, 1—3; VIII, 5, 13—14.

³⁶ Paneg. Enn. VI, 26.

³⁷ Paneg. Enn. VII, 28—30.

³⁸ ibid. VII, 35.

³⁹ Jord. Get. 294.

⁴⁰ Прокопий. Война с готами, V, 1, 24—25.

⁴¹ Anon. Vales., pars posterior, 12, 57; 12, 64.

⁴² Прокопий. Война с готами, V, I, 28.

⁴³ Var. Cas. V, 14, 6.

⁴⁴ ibid. VIII, 24, 4.

⁴⁵ Enn. epist. 9, 23.

⁴⁶ Var. Cas. II, 15, 3.

⁴⁷ ibid. II, 16, 5.

⁴⁸ ibid. I, 18, 2; III, 35.

⁴⁹ ibid. IV, 32.

⁵⁰ ibid. IV, 14; V, 6; VIII, 25; IX, 18, 2; XII, 13, 3.

⁵¹ Var. Cas. III, 18; III, 20; IV, 20. Ed. Theod. 75.

⁵² Var. Cas. VIII, 28.

⁵³ ibid. IV, 37.

⁵⁴ Var. Cas. I, 5.

⁵⁵ ibid. IV, 39.

⁵⁶ Прокопий. Война с готами, V, 1.

- ⁵⁷ Ed. Theod. 75.
- ⁵⁸ Var. Cas. II, 29; IV, 17; IV, 20.
- ⁵⁹ ibid. VII, 3, 3.
- ⁶⁰ ibid. I, 18.
- ⁶¹ ibid. III, 35.
- ⁶² ibid. II, 16, 5.
- ⁶³ ibid. IV, 14, 2.
- ⁶⁴ Var. Cas. V, 36, 2.
- ⁶⁵ ibid. V, 26; V, 27.
- ⁶⁶ ibid. V, 10.
- ⁶⁷ ibid. V, 26; V, 27.
- ⁶⁸ Ed. Theod. 127. Var. Cas. IV, 10, 2.
- ⁶⁹ Var. Cas. I, 29.
- ⁷⁰ Ennodii Vita Epifani 171, 172.
- ⁷¹ Var. Cas. III, 50; IX, 10, 2.
- ⁷² ibid. II, 20; III, 41; IV, 7; X, 27; XII, 27.
- ⁷³ ibid. XII, 23; XII, 24; XII, 26.
- ⁷⁴ ibid. XII, 4; XII, 24, 6.
- ⁷⁵ ibid. I, 35; II, 26; IV, 5; IV, 7.
- ⁷⁶ Jord. Get. 308.
- ⁷⁷ Var. Cas. II, 20; XI, 14.
- ⁷⁸ ibid. I, 4, 17; VIII, 31, 5; XI, 39, 3.
- ⁷⁹ Var. Cas. XII, 12, 3.
- ⁸⁰ ibid. VIII, 31, 5—6; XII, 14, 3; XII, 15, 5.
- ⁸¹ ibid. XII, 4, 1.
- ⁸² ibid. XII, 14, 6.
- ⁸³ ibid. XII, 4, 2.
- ⁸⁴ ibid. IV, 5; IV, 7.
- ⁸⁵ Hannestad R. L'évolution des ressources agricoles de l'Italie du 4-ème au 6-ème siècle de notre ère. København. 1962. P. P. 46—69, 93.
- ⁸⁶ CIL, X, 6850; XI, 10; Regio VIII; Jord. Get. 151.
- ⁸⁷ Var. Cas. II, 32; II, 33, 2.
- ⁸⁸ ibid. II, 21.
- ⁸⁹ Paneg. Enn. XV, 72; XV, 73; XVII, 81. Агафий. О царствовании Юстиниана, I, 6.
- ⁹⁰ Var. Cas. II, 26; III, 25; III, 26; VII, 44; IX, 3.
- ⁹¹ Var. Cas. XII, 24, 6.
- ⁹² ibid. I, 2; XII, 22, 5.
- ⁹³ ibid. VII, 18; VII, 19.
- ⁹⁴ ibid. V, 1.
- ⁹⁵ ibid. V, 16.
- ⁹⁶ ibid. I, 25.
- ⁹⁷ ibid. IX, 14.
- ⁹⁸ ibid. IV, 19.
- ⁹⁹ ibid. I, 34; II, 12.
- ¹⁰⁰ Var. Cas. V, 16. Прокопий. Война с готами, V, 3, 22.
- ¹⁰¹ Var. Cas. V, 1; V, 2; V, 35.
- ¹⁰² Прокопий. Война с готами, V, 8, 21. Var. Cas. VIII, 31.

- ¹⁰³ Var. Cas. II, 26.
- ¹⁰⁴ *ibid.* II, 4; II, 26.
- ¹⁰⁵ Anon. Vales., pars posterior, 12, 72. Var. Cas. VIII, 33.
- ¹⁰⁶ Var. Cas. IV, 5; XI, 11; XI, 12.
- ¹⁰⁷ Ruggini L. *Economia e società nell' "Italia Annonaria"*. Milano, 1961.
- ¹⁰⁸ Var. Cas. I, 6; III, 9; III, 10; III, 31; V, 8; V, 38. Anon. Vales., pars posterior, 12, 71.
- ¹⁰⁹ Var. Cas. I, 21; II, 34; II, 37; IV, 51. Anon. Vales., 12, 67.
- ¹¹⁰ Var. Cas. I, 29; XII, 18.
- ¹¹¹ Var. Cas. I, 17; III, 48; III, 49; IV, 24; V, 9; V, 38; VIII, 29; IX, 14.
- ¹¹² Paneg. Enn. Anon. Vales., 12, 70.
- ¹¹³ Var. Cas. VIII, 31.
- ¹¹⁴ *ibid.* III, 21.
- ¹¹⁵ *ibid.* I, 39; IV, 6.
- ¹¹⁶ Ed. Theod. 69.
- ¹¹⁷ Var. Cas. I, 35; XII, 22; XII, 23.
- ¹¹⁸ Pragm. Sanc. Justiniani, 26.
- ¹¹⁹ Var. Cas. II, 12, 1.
- ¹²⁰ *ibid.* XII, 25, 7.
- ¹²¹ *ibid.* II, 12.
- ¹²² Луццатто Д. *Экономическая история Италии*. М., 1954. С. 157—159. Удальцова З. В. *Италия и Византия в VI в. М.*, 1959. С. 162—163. Корсунский А. Р. К дискуссии об «Эдикте Теодориха» // *Европа в средние века: экономика, политика, культура*. М., 1972. С. 16—31. Дворецкая И. А. Эдикт Теодориха как источник по социально-политической истории раннего средневековья // *Проблемы экономического и политического развития стран Европы*. М., 1964.
- ¹²³ Jord. Get. 269, 297.
- ¹²⁴ Var. Cas. IX, 18, 6—7.
- ¹²⁵ *ibid.* III, 24, 4.
- ¹²⁶ Различную трактовку постановления давали: Виноградов П. Г. *Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии*. СПб. 1880. С. 92—93. Ковалевский М. М. *Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства*. М., 1898. Т. I. С. 240; Удальцова З. В. *Сельское зависимое население Италии в VI в. ВДИ*. 1955. № 3.
- ¹²⁷ Ed. Theod. 32, 34, 43, 145. Jord. Get. 72. Var. Cas. I, 17; I, 18; I, 24; I, 28; II, 19; III, 24; III, 42; III, 43; III, 48; IV, 49; V, 5; V, 26; V, 27; VII, 3; VIII, 3—7; VIII, 24; VIII, 27; IX, 1; IX, 9; X, 31.
- ¹²⁸ Var. Cas. V, 14, 6.
- ¹²⁹ Paneg. Enn. XV, 73.
- ¹³⁰ Прокопий. *Война с готами*, VI, 20, 21.
- ¹³¹ Ed. Theod. Var. Cas. I, 17; I, 29; II, 17; III, 13, 2; III, 9; III, 24; III, 34; III, 40; III, 42; III, 44; III, 48—50; IV, 8; IV, 26; IV, 45; IV, 49; V, 5; V, 9; V, 15; VII, 3, 2; VIII, 3, 4; VIII, 27; VIII, 29; VIII, 7; VIII, 26; IX, 10; XI, 15; XI, 16.
- ¹³² Var. Cas. VII, 3, 3.

- ¹³³ Ed. Theod. 75, 83, 89, 91, 108, 145. Var. Cas. I, 15, 3, 4; I, 10, 1; III, 20, 1; III, 27, 1; IV, 40, 2; V, 22, 5; VI, 15, 3.
- ¹³⁴ Pactus Alam., 37—42 (fr. sec.), 25—27 (fr. ter.). Leges Burg. II, 2; XXVI, 1—3; LIII, 1.
- ¹³⁵ Ed. Theod. 43, 122. Var. Cas. II, 24, 2; III, 17, 4; IV, 39, 5.
- ¹³⁶ Ed. Theod. 97. Var. Cas. IV, 10, 3; IX, 2, 2; X, 28, 3.
- ¹³⁷ Var. Cas. V, 27; VIII, 23; X, 3.
- ¹³⁸ Var. Cas. VIII, 23, 4. Greg. Tur. III, 31.
- ¹³⁹ Var. Cas. I, 7; V, 12. Pragm. Sanc. Just. 5.
- ¹⁴⁰ Paneg. Enn. XII, 62—63. Var. Cas. III, 18; VIII, 10. Прокопий. Война с готами, V, 15, 1.
- ¹⁴¹ Прокопий. Война с готами, V, 12, 50—51.
- ¹⁴² Var. Cas. VII, 44.
- ¹⁴³ ibid. IX, 2; IX, 18.
- ¹⁴⁴ Procop. Bell. Vandal. I, 8.
- ¹⁴⁵ Прокопий. Война с готами, V, 12, 51.
- ¹⁴⁶ Ed. Theod. 155. Var. Cas. I, 19; II, 24; IX, 18; XI, 7; XI, 9.
- ¹⁴⁷ Var. Cas. I, 4; I, 7; II, 2; II, 24; III, 6; III, 20; III, 46; III, 52; V, 6; V, 7; V, 12; VIII, 25; IX, 23.
- ¹⁴⁸ Var. Cas. I, 19; IV, 14; V, 15; V, 36; V, 39; VIII, 26; IX, 9.
- ¹⁴⁹ Var. Cas. IV, 14.
- ¹⁵⁰ Прокопий. Война с готами, VII, 22, 20.
- ¹⁵¹ Var. Cas. II, 38; III, 32; III, 40; IV, 26; IV, 36; IV, 50; IX, 10; XI, 15; XI, 39; XII, 7; XII, 26; XII, 28.
- ¹⁵² Var. Cas. II, 24; IV, 14; V, 14; XII, 10.
- ¹⁵³ Paneg. Enn. II, 8; XXI, 90, 91.
- ¹⁵⁴ Var. Cas. V, 15; V, 39.
- ¹⁵⁵ Var. Cas. XII, 11, 3.
- ¹⁵⁶ Pragm. Sanc. Just. 15.
- ¹⁵⁷ Lex Sal. XIII, 8, 9; XXV, 5, 6. Lex Alam. Lantfridana XVI, 3. Karolina, XVIII, 2.
- ¹⁵⁸ Var. Cas. II, 9.
- ¹⁵⁹ Var. Cas. II, 41, 3.
- ¹⁶⁰ Jord. Get. 295.
- ¹⁶¹ Var. Cas. IV, 39, 2; VIII, 3, 1; VIII, 4, 3; VIII, 1, 1; VIII, 5, 2; VIII, 2, 3; VIII, 7, 1; IX, 1, 2; IX, 24, 8; X, 3, 3.
- ¹⁶² ibid. VIII, 3, 1.
- ¹⁶³ Enn. epist. 73, 77. Vita Epifani, 104, 37. CIL, VI, 1665, 1794, 1795; X, pars prior 6850; XV, pars prior 1664—1671, 1673—1675.
- ¹⁶⁴ Var. Cas. I, 43; II, 40, 1; III, 22; II, 6; V, 28.
- ¹⁶⁵ ibid. V, 37; IX, 15.
- ¹⁶⁶ Jord. Get. 303. Var. Cas. II, 23; VIII, 21, 3; IX, 25, 8.
- ¹⁶⁷ Прокопий. Война с готами, VII, 21, 12.
- ¹⁶⁸ Var. Cas. I, 13, 1; III, 6, 1; IX, 23, 2.
- ¹⁶⁹ ibid. IV, 23: iudicium quinquievirale.
- ¹⁷⁰ ibid. II, 24.
- ¹⁷¹ ibid. VIII, 10, 5—6.
- ¹⁷² ibid. VII, 39.

- 173 Var. Cas. IX, 17.
 174 *ibid.* III, 8; V, 14; VI, 20; VI, 21; XI, 7; XII, 2; XII, 8.
 175 Var. Cas. I, 11; I, 19; I, 38; 1, 40; III, 13; III, 24; III, 30; III, 34;
 III, 35; III, 38; III, 41; IV, 16; IV, 17; IV, 20; IV, 23; V, 13; V, 14; V, 23;
 V, 29; V, 30; V, 32—33; V, 35; V, 39; VI, 22; VII, 1; 4; 25; 27; VIII, 28;
 IX, 8; 9; 11; 14; X, 5; 18; 29; XII, 18; 22; 23; 26.
 176 *ibid.* II, 13; IV, 47; V, 5; 19; 20, 23; IX, 10; XII, 3.
 177 *ibid.* IV, 14.
 178 *ibid.* I, 24; III, 48; V, 10.
 179 *ibid.* V, 23; IX, 10.
 180 *ibid.* IV, 32.
 181 *ibid.* VIII, 27.
 182 *ibid.* IX, 14.
 183 Var. Cas. II, 4; III, 20; IV, 27; 39; V, 27.
 184 *ibid.* III, 6; IV, 16; IX, 19.
 185 *ibid.* I, 10; 15; 39; II, 22; IV, 6; IX, 21.
 186 Anon. Vales., XII, 68—69.
 187 Прокопий. Война с готами, V, 1, 32—34.
 188 Var. Cas. X, 13.
 189 Var. Cas. VIII, 32; 33; XII, 5.
 190 *ibid.* XII, 5.
 191 *ibid.* VIII, 27.
 192 *ibid.* V, 39.
 193 *ibid.* I, 27; 30—32; 20; 44; III, 51.
 194 Var. Cas. I, 31.
 195 *ibid.* IV, 43.
 196 Anon. Vales. 13, 81—82.
 197 Chronica Cassiodori. MGH, auct. antiqu. T. XI, pars 1. Jord. Get. 300—
 302.
 198 Jord. Get. 302, 303.
 199 Paneg. Enn. XII, 62—63.
 200 Jord. Get. 309, 310.
 201 Прокопий. Война с готами, VII, 6, 4; VIII, 22, 2—5.
 202 Pauli Hist. Lang. IV, 22.
 203 Pauli Hist. Lang. I, 20.
 204 *ibid.* I, 23, 24.
 205 Pauli Hist. Lang. II, 28.
 206 *ibid.* II, 1.
 207 *ibid.* II, 6, 7, 26.
 208 *ibid.* II, 6.
 209 Pauli Hist. Lang. II, 8.
 210 *ibid.* II, 12.
 211 *ibid.* II, 27.
 212 Pauli Hist. Lang. II, 29, 30.
 213 *ibid.* II, 32; III, 16.
 214 Pauli Hist. Lang. III, 1—4, 8.
 215 Pauli Hist. Lang. III, 16.

- 216 *ibid.* IV, 3, 8, 13.
- 217 Pauli Hist. Lang. III, 16.
- 218 *ibid.* III, 32.
- 219 *ibid.* III, 30.
- 220 *ibid.* IV, 3, 8, 12, 13, 27.
- 221 Pauli Hist. Lang. IV, 21.
- 222 Pauli Hist. Lang. IV, 47.
- 223 *ibid.* IV, 9.
- 224 Pauli Hist. Lang. IV, 30—31.
- 225 *ibid.* IV, 37.
- 226 *ibid.* IV, 38.
- 227 *ibid.* IV, 40.
- 228 Pauli Hist. Lang. IV, 44.
- 229 Бородин О. Р. Славяне в Италии и Истории в VI—VIII вв. // ВВ, 1983. Т. 44. С. 57.
- 230 Pauli Hist. Lang. IV, 45.
- 231 *ibid.* IV, 51.
- 232 Pauli Hist. Lang. V, 1.
- 233 *ibid.* V, 2—4.
- 234 Pauli Hist. Lang. V, 5.
- 235 *ibid.* V, 11.
- 236 Pauli Hist. Lang. V, 19, 20.
- 237 *ibid.* V, 21.
- 238 Павел Диакон приводит топоним одного из многих славянских племен, населявших придунайские области — Carnuntum, указывая на неправильное название области — «Carantanum» — Pauli Hist. Lang. V, 22.
- 239 Pauli Hist. Lang. V, 29.
- 240 *ibid.* V, 32.
- 241 *ibid.* V, 33.
- 242 Pauli Hist. Lang. V, 33.
- 243 *ibid.* V, 40.
- 244 *ibid.* V, 38—40.
- 245 Pauli Hist. Lang. V, 40, 41; VI, 17.
- 246 *ibid.* VI, 3.
- 247 *ibid.* VI, 6.
- 248 Pauli Hist. Lang. VI, 1, 2, 27.
- 249 *ibid.* VI, 22.
- 250 *ibid.* VI, 24.
- 251 Pauli Hist. Lang. VI, 24.
- 252 *ibid.* VI, 25, 26.
- 253 *ibid.* VI, 35.
- 254 Pauli Hist. Lang. VI, 38.
- 255 *ibid.* VI, 51.
- 256 *ibid.* VI, 56, 57.
- 257 Pauli Hist. Lang. II, 2; III, 8, 9, 17.
- 258 *ibid.* I, 21.
- 259 *ibid.* I, 27.

- ²⁶⁰ *ibid.* II, 10.
²⁶¹ *ibid.* III, 21.
²⁶² *ibid.* II, 6.
²⁶³ *ibid.*
²⁶⁴ *ibid.* III, 6.
²⁶⁵ Pauli Hist. Lang. II, 2. Greg. Tur. III, 32.
²⁶⁶ Pauli Hist. Lang. IV, 4.
²⁶⁷ *ibid.* III, 21, 22.
²⁶⁸ *ibid.* III, 29, 31.
²⁶⁹ *ibid.* III, 35.
²⁷⁰ Pauli Hist. Lang. III, 35; IV, 1.
²⁷¹ *ibid.* IV, 30.
²⁷² *ibid.* V, 32.
²⁷³ Pauli Hist. Lang. VI, 16.
²⁷⁴ *ibid.* VI, 23.
²⁷⁵ *ibid.* VI, 37.
²⁷⁶ Pauli Hist. Lang. VI, 54.
²⁷⁷ Энгельс Ф.. Франкский период. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XIX. С. 499.
²⁷⁸ Великая Моравия. М., 1985.
²⁷⁹ Фредегар называл его франкским купцом, торговавшим среди славян.
²⁸⁰ Jord. Get. 295.
²⁸¹ Jord. Get. 78.
²⁸² Аммиан Марцеллин, XXXI, 3, 3. Jord. Get. 112, 113. Anon. Vales. 9, 42; 12, 58. Paneg. Enn. XX, 88; VII, 32.
²⁸³ Jord. Get. 134, 135, 234, 247, 277, 300, 304.
²⁸⁴ Var. Cas. X, 2, 1.
²⁸⁵ *ibid.* X, 1, 2.
²⁸⁶ *ibid.* VIII, 1, 5; X, 24, 2.
²⁸⁷ Тацит. Германия, XIII, XIV. Аммиан Марцеллин. XVI, 12, 60.
²⁸⁸ Var. Cas. VII, 3.
²⁸⁹ Var. Cas. II, 18; III, 36; 37; IV, 39; 44; 46; V, 12; 1, 22. Ed. Theod. 25.
²⁹⁰ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии. Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 311.
²⁹¹ Lex Alam. I, 2.
²⁹² Var. Cas. XII, 20.
²⁹³ *ibid.* III, 14; 37; IV, 44.
²⁹⁴ Var. Cas. II, 18. Ed. Theod. 71.
²⁹⁵ Pauli Hist. Lang. VI, 2.
²⁹⁶ *ibid.* VI, 17.
²⁹⁷ Var. Cas. I, 26; II, 30.
²⁹⁸ Lex Baiuw. I, 3. Lex Alam. Karolina, VII.
²⁹⁹ Lex Alam. IV, V, IX.
³⁰⁰ *ibid.* XXIII, 3—4.
³⁰¹ Lex Baiuw. I, 40.
³⁰² Var. Cas. I, 9, 3; II, 18; III, 14; 37; IV, 44. Ed. Theod. 114.
³⁰³ Var. Cas. VIII, 24.

- ³⁰⁴ Var. Cas. IV, 31; IX, 5; XII, 27.
³⁰⁵ Var. Cas. VIII, 8, 3; X, 34; XI, 2.
³⁰⁶ Lex Alam. XXI.
³⁰⁷ Jord. Get. 131—133.
³⁰⁸ Pauli Hist. Lang. III, 2.
³⁰⁹ Var. Cas. X, 26.
³¹⁰ Прокопий. Война с готами, VI, 6, 18—19.
³¹¹ Var. Cas. II, 29; IV, 17.
³¹² ibid. I, 26; II, 17; XII, 13.
³¹³ Pauli Hist. Lang. IV, 42.
³¹⁴ ibid. III, 28.
³¹⁵ ibid. III, 30; VI, 58.
³¹⁶ ibid. IV, 6, 8, 9.
³¹⁷ Pauli Hist. Lang. IV, 9, 10.
³¹⁸ ibid. IV, 37.
³¹⁹ ibid. V, 34.
³²⁰ Ro. 139—141.
³²¹ Ed. Theod. 54.
³²² Var. Cas. IV, 22.
³²³ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии. Соч. Т. 21. С. 315.
³²⁴ Аполлинарий Сидоний. Панегирик Авиту.
³²⁵ Var. Cas. I, 19; II, 25; IX, 2; 18.
³²⁶ Var. Cas. IX, 18. Ed. Theod. 155.
³²⁷ Pauli Hist. Lang. IV, 10; IV, 19.
³²⁸ О толковании LIX титула Салической правды и Эдикта Хильперика о передаче аллода статья А. И. Неусыхина «Новые данные по источниковедению Салической правды» // СВ. М., 1961. В. XXI, 1964. В. XXV.
³²⁹ Var. Cas. I, 36.
³³⁰ ibid. IV, 44.
³³¹ ibid. I, 12, 4; I, 15, 2; I, 4, 3; I, 43, 3; II, 28, 2; III, 19, 1; VIII, 17, 1; VI, 9.
³³² Jord. Get. 117.
³³³ ibid. 199.
³³⁴ ibid. 309.
³³⁵ ibid. 291.
³³⁶ Lex Sal. XLI, 1, 5—7.
³³⁷ ibid. XXXII, 2, add. 1, 2.
³³⁸ Lex Sal. LIV, 2.
³³⁹ Pactus Alam. II, 33, 34.
³⁴⁰ Lex Alam. XLVI, XLVII.
³⁴¹ Ed. Theod. 38, 61. Leges Burg. XXXV, 3.
³⁴² Lex Sal. X. Leges Burg. X. Pactus Alam. fr. III, 35—37. Lex Alam. LXXIII (Lantfridana).
³⁴³ Ed. Theod. 69, 70, 80, 84, 87, 148. Var. Cas. I, 11; III, 18; 43. Lex Sal. XXXIX, IV, 7, 15. Leges Burg. VI, XXXIX. Lex Alam. (Karolina). III, 2—3; LXXXV.

- ³⁴⁴ Lex Alam. XXII. Lex Baiuw. I, 13.
³⁴⁵ Lex Sal. XII, XL. Leges Burg. IV, 2, 4.
³⁴⁶ Lex Alam. LXXVII.
³⁴⁷ Leges Burg. XXI, 1.
³⁴⁸ Enn. epist. VII, 1. Ed. Theod. 150.
³⁴⁹ Greg. Papae Reg. epist. I, 42.
³⁵⁰ Var. Cas. I, 2, 5. Greg. Papae Reg. epist. I, 42.
³⁵¹ Прокопий. Война с готами, VII, 16, 15; VII, 16, 25; VII, 25, 16—17; VII, 30, 24; VII, 36, 25—26; VII, 37, 14.
³⁵² Var. Cas. V, 16, 5.
³⁵³ ibid. V, 29, 1.
³⁵⁴ Прокопий. Война с готами, V, 29, 8.
³⁵⁵ Lex Alam. (Hlotharii), XXXIX. Leges Burg. XXXVI.
³⁵⁶ Этому вопросу посвящена статья Ю. Л. Бессмертного: «Основные формы феодальной зависимости крестьянства в Европе раннего средневековья и их особенности в Западном и Средиземноморском регионах» // Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. Горький, 1975.
³⁵⁷ Lex Alam. XXXIII.
³⁵⁸ Ro. I. Lex Baiuw. II, 1, 2. .
³⁵⁹ Lex Alam. XI, XII.

Раздел III

- ¹ Var. Cas. IV, 51.
² ibid. I, 39; II, 22; IV, 6; IX, 21.
³ Var. Cas. IX, 25.
⁴ Pauli Hist. Lang. I, 25.
⁵ Pauli Hist. Lang. IV, 17; VI, 40.
⁶ Bertini F. Autori latini in Africa sotto la dominazione vandalica. Genova, 1974. P. 192.
⁷ Pauli Hist. Lang. I, 25.
⁸ ibid. V, 30.
⁹ ibid. V, 38.
¹⁰ Pauli Hist. Lang. VI, 4.
¹¹ ibid. VI, 7.
¹² ibid. VI, 40.
¹³ Прокопий. Война с готами, V, 6, 19.
¹⁴ Lowe E. A. Codices Latini Antiquiores. Oxford, 1933. I—III.
¹⁵ Greg. Epist. X, 19.
¹⁶ Pauli Hist. Lang. I, 26.
¹⁷ ibid. III, 24; VI, 16.
¹⁸ Энгельс Ф. Юридический социализм. Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 495.
¹⁹ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии. С. 311.

²⁰ Гуревич А. Я. Индивид и общество в варварских государствах // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. Кн. 1. С. 384—424.

²¹ Var. Cas. VIII, 2, 2.

²² Var. Cas. III, 20; IV, 32; 33; VIII, 20; XI, 9; XII, 3.

²³ Var. Cas. II, 24; III, 38; IV, 33; IX, 19; X, 14; XII, 8.

²⁴ Var. Cas. II, 9; 31; III, 42; IV, 24; 26; VI, 3, 6; VI, 6, 4; XI, 33; XII, 26; 28.

²⁵ Var. Cas. IX, 25.

²⁶ Pauli Hist. Lang. IV, 40.

²⁷ Troya C. Codice diplomatico longobardo. II. P. 453.

²⁸ Jord. Get. V, 38. Pauli Hist. Lang. I, 14, 15, 27; II, 8.

²⁹ Pauli Hist. Lang. I, 14, 27: "...sicut a maioribus traditur..."

³⁰ Рамон Менендес Пидаль. Избранные произведения. М., 1961. С. 111.

³¹ Pauli Hist. Lang. I, 15.

³² Jord. Get. 178.

³³ *ibid.* 38.

³⁴ Jord. Get. 72.

³⁵ Аммиан Марцеллин. XXXI, 7.

³⁶ Jord. Get. IV, 26—28. Pauli Hist. Lang. I, 27; II, 8.

³⁷ Беовульф, 330.

³⁸ Pauli Hist. Lang. IV, 37.

³⁹ Lex Sal. LX.

⁴⁰ Беовульф, 490.

⁴¹ Беовульф, 640.

⁴² Pauli Hist. Lang. I, 3.

⁴³ *ibid.* I, 14.

⁴⁴ Pauli Hist. Lang. IV, 37.

⁴⁵ *ibid.* I, 11.

⁴⁶ Pauli Hist. Lang. II, 8.

⁴⁷ *ibid.* V, 33.

⁴⁸ *ibid.* V, 34.

⁴⁹ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии. С. 315.

⁵⁰ Var. Cas. VII, 5.

⁵¹ Pauli Hist. Lang. V, 31.

⁵² *ibid.* V, 36.

⁵³ *ibid.* VI, 34.

⁵⁴ Wais G. J. Die Alemannen. Berlin, 1943. B. I. S. 137.

⁵⁵ Deanesly M. A history of early Medieval Europe 476—911. London, 1956. V, I. P. 525.

⁵⁶ Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 409.

⁵⁷ там же.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Раздел I. НАРОДЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В III—V ВЕКАХ	
Глава 1. Экономическое развитие и перемены в социально-политическом устройстве	15
Глава 2. Образование раннеклассовой государственности	49
Глава 3. Религиозные представления, обычаи и нравы в эпоху «великого переселения народов» . .	83
Раздел II. РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОСУДАРСТВА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ	
Глава 1. Варварские королевства и княжества VI—IX веков	102
Глава 2. Особенности раннефеодального государства .	199
Глава 3. Римская церковь и христианизация варварских народов	210
Глава 4. Формирование раннефеодальных отношений и обострение социально-политических противоречий	221
Раздел III. КУЛЬТУРА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	
Глава 1. Влияние античных традиций на культуру и образование	249
Глава 2. Раннефеодальное государство и развитие культуры	257
Глава 3. Эпическая поэзия и миропонимание германских народов	276
Заключение	293

И. А. ДВОРЕЦКАЯ
ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА V—IX ВЕКОВ.
РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Учебное пособие

Научный редактор д-р ист. наук
А. Г. Кузьмин

Сводный темплан
МПИ РСФСР 1990 г.

Зав. редакцией
Т. Ф. Лысенко

Редактор
Н. Б. Маркус

Технический редактор
Н. Д. Лаукус

Корректор
В. М. Фидлер

Сдано в набор 13.09.89. Подп. в печать 14.11.90. Формат 60×90/16. Бум. тип. Печать высокая. Гарнитура обыкновен. новая. Усл. печ. л. 20,25. Уч.-изд. л. 21,6. Тираж 1000 экз. Заказ 253. Цена 1 р. Заказное

Издательство «Прометей» МПГУ
им. В. И. Ленина
119048, Москва, Усачева, д. 64.
Типография МПГУ имени В. И. Ленина.
129243, Москва, ул. Кибальчича, д. 6

